

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

—•—
ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПОЛИМЕДИА»
2015

УДК 082.1
ББК 84-4
033

Составитель Г.И. Касабова

О времени, о Норильске, о себе... Книга 13 /
033 Ред.-сост. Г.И. Касабова. – М.: ПОЛИМЕДИА,
2015. – 576 с.: ил.

ISBN 978-5-89180-104-2

УДК 082.1
ББК 84-4

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-89180-104-2

9 785891 801042

© Составление. Касабова Г.И., 2015
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2015

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ЛЬВОВА посвящается этот том

Главная книга его жизни

Есть на Таймыре фамилии, известные норильчанам нескольких поколений. Одна из них – Львов Анатолий Львович. Сначала он, молодой журналист, появился на экранах Норильской студии телевидения. Потом норильчане обратили внимание на его статьи в многотиражных газетах строителей и горняков. Его фамилия все чаще стала появляться сначала на страницах городской газеты «Заполярная правда», много позже и издания РАО «Норильский никель» «Заполярный вестник».

Стаж его жизни на 69 параллели – 37 лет. Он простился с городом и Таймыром очень по-львовски: выпустил книгу, которая стала событием для норильчан. Это сборник рассказов о легендарных людях Заполярья «Норильские судьбы. 1815–1995 гг.». Необычна ее обложка. Ее оборотные стороны исписаны фамилиями тех, кто прочно связал свою судьбу с Крайним Севером, с Норильском. Книгу завершил своим послесловием Валерий Кравец, тогда директор пресс-центра РАО «Норильский никель». Вот что он написал:

301 и один.

Анатолий Львов познакомил вас, уважаемые читатели, с 301 мгновением из жизни человечества (определяю по перечню фамилий на обложке), которым суждено было состояться, вспыхнуть, сгореть, чудом продлиться на заполярной земле... Памятуя о том, что автор скрупулезно точен в использовании фактов и дат, следую его примеру. Выпускник Ташкентского университета прилетел в

Норильск 9 сентября 1959 года. Как и положено было, на три года. Отработал их добросовестно, задержался... еще на тридцать три.

Во всем этом – достаточно типичная норильская судьба, и данное обстоятельство дает А.Л. Львову право писать о своих земляках, побывавших на Таймыре даже в XIX веке, как о людях, близких автору, понимающему главное, если не всё, что с ними происходило. И тем самым, отражаясь в их судьбах как тесно сопричастный исследователь, в сущности, рассказать и о самом себе, объективно ставшем частью истории.

Журналист во все времена всегда летописец, потому что настоящее, о котором он пишет, неизбежно становится прошлым. А если он еще к тому же серьезно и увлеченно начинает изучать и время минувшее, пишет о нем, то становится историографом. Сам А.Л. Львов не считал себя таковым и публично отрицал это. Однажды Анатолий Львович на чердаке дудинской радиостанции нашел старые письма. С тех пор интерес к норильской истории у него не пропал. А главным героем на всю жизнь стал Авраамий Павлович Завенягин. Первая книга о нем «Я болельщик Норильска», к сожалению, не имела счастливой судьбы. Отрывки из нее опубликованы в нашем сборнике воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» во 2-м томе. Свой рассказ о Завенягине он подытожил очень красноречиво: «Через 45 лет мне кажется, что Завенягин долгие годы жил рядом, мало кого представляю так живо...»

Анатолий Львов впервые обратил внимание на его фамилию в 20 лет. Она прозвучала по радио: знаменитый диктор Левитан голосом, берущим за душу, передавал скорбную весть о кончине. Он сказал, что Завенягин будет похоронен на Красной площади. Тогда Львов подумал: «Такой заслуженный человек, а я его не знаю...» Он и предположить не мог, что будет жить в Норильске на улице его имени, а главное, как он сам писал: «...Не мог предположить, что предстоит жить с первого рабочего дня до пенсионного возраст-

та... рядом с ним*. Рядом – не преувеличение, если в трудовой книжке, в любой справке, в характеристике для поездки за границу, на пакете с кефиром, в застолье, на вечере в Центральном Доме литераторов (с председательствующим К. Симоновым ли, Р. Рождественским ли, с их постоянным замом Е. Рябчиковым, молившимся на Завенягина – тот спас его и благословил на первую книжку о Норильске) – везде пропечатано, видимо, слышимо это имя, давно переставшее звучать странно с фамилией, которая уже не кажется редкой...

Как Завенягин стал моей журналистской темой? Естественно – самый простой ответ, но неполный. Сначала надо было проникнуться интересом к таймырской земле, к ее истории, ее героям (чего стоит один Миддендорф!).

Свой труд «Завенягин. Личность и время» Анатолий Львов считал самым важным. Убедил Евгению, дочь Авраамия Павловича, написать первую главу «Семья». Он работал над книгой во Всеволожске, где поселился после Норильска, но время от времени по книжным делам Львов приезжал в Москву и жил в гостинице МИСИСа. Завенягин был первым ректором института, его ректорат и явился инициатором подготовки книги о нем.

В каждый приезд Анатолия Львовича в Москву мы встречались в гостинице. И каждый раз мы вспоминали удивительных норильчан первого поколения. Он что-то вспоминал, а я тут же набрасывала для памяти его рассказы в блокнот. Потом дома я переписывала их без сокращений понятным почерком. Не помню, в связи с чем он, например, рассказал о начальнике водолазной службы Дудинского порта Угланове: «Тот самый Суслов из ЦК партии предложил ему стать директором Норильского комбината.

* Вплоть до акционирования Норильский комбинат носил имя Завенягина, с названием комбината в Норильске было связано все: официальная документация на том, что было изготовлено на его предприятиях, на справочной информации...

Угланов не согласился: «Я не металлург, не горняк... А просьба у меня есть. Увеличьте, пожалуйста, скорость реабилитации тысяч людей...» Ответ Суслову не понравился и больше он Угланова ни на какую должность не приглашал».

Мне кажется, Анатолию Львовичу потому запомнился Угланов, что он нередко отмечал высокие нравственные качества людей норильской, таймырской породы, независимо от должности и судьбы. Он о таких людях писал с особо теплым чувством.

На презентации книги Львова об Авраамии Павловиче Завенягине в зале МИСИСа собралось много народа, среди них было немало норильчан с московской пропиской. Анатолий Львович приехать не смог, сказал мне по телефону:

– Обезножил, сдал билет... Тяжело мне далась эта книга (замечу в скобках: в ней без малого 900 страниц! – Г.К.). И все же, – продолжил Анатолий Львович, – это меньше половины материалов, которые я собрал. Но о продолжении темы «Завенягин» можно только мечтать, – вздохнул он.

– Приоткрылся вам Завенягин как человек? – поинтересовалась я.

– Конечно! Хотя... в значительной степени он остался для нас закрытым человеком. Нигде не врал, разве что домысливал, но при этом так и писал: предполагаю. Мне кажется, никого на свете я не знаю лучше Завенягина, так что могу себе позволить домыслы. Хотя... Могу и ошибаться. Он сделал столько, сколько никто на его месте (он голосом подчеркнул эти слова. – Г.К.) сделать бы не смог.

Выступающих было много на презентации его книги. Все отмечали, как точно описано время, в котором нелегко жил Авраамий Павлович, говорили, что много нового из его жизни почерпнули из книги, назвали ее серьезным вкладом в историю страны. Главное – книга А.Л. Львова как бы обрисовала суровую эпоху и самого Завенягина, сложного человека драматического времени.

В воспоминаниях норильчане часто вспоминали Авраамия Павловича не как начальника лагеря, а как человека, спасшего немало людей от репрессий, независимо от их ранга и сложности ситуации. С теплотой вспоминают его и те, кто работал с ним на атомном проекте, например, Н.В. Тимофеев-Ресовский. Но неизбежно было и другое: руководители карательного органа знали, что эта система не может не запачкать тех, кто ей служит. Например, Завенягин, как все начальники лагерей, подписывал расстрельные списки.

Анатолий Львович закончил книгу об Авраамии Павловиче «Личность и время» главой «После написанного». Назвав Завенягина заложником и жертвой тридцатых-сороковых годов, а также философом и гуманистом с погонами НКВД, он высказался о нем так: «...Даже в победительные для него пятидесятые чувствовал себя счастливым лишь в редкие дни осуществления целей... Чем выше по социальной лестнице – тем грязнее. Изучая жизнь и поступки Завенягина, которого обиженные им или недостаточно информированные готовы отнести к исчадиям бесчеловечной Системы, прихожу к мысли о поразительной честности этого человека.

Качество, все реже встречающееся, не характерное для XXI века.

Оно очень мешало АП и в двадцатом: не слишком заботился о сокрытии истинного отношения к окружающим, был честно строг (иногда сверхстрог), не заигрывал и не заискивал – как правило.

...Многого об Авраамии Павловиче и сегодня не знаю, не исключено, что какие-то новости меня могут и не обрадовать: он времена для себя не выбирал. Но если бы надо было охарактеризовать этого человека одним-единственным эпизодом из его жизни, я бы выбрал несколько минут из тысячедневной ссылки в Норильске».

И Анатолий Львович рассказал о разговоре Завенягина с прорабом через диспетчера: «Бригады заклю-

ченных надолго изолировала пурга. Когда наладилась связь, он спросил прораба, как дела. И услышал:

– Будем биться до конца!

– До какого конца?

– До победного!

– А люди накормлены?

– Нет. Здесь совсем нет дров, нечем разжечь костер.

– Но столбы электропередач есть?

– Есть.

– Вот и срубите несколько, только не подряд, а через один.

После молчания прораб сказал, что ему нужен письменный приказ.

– Скажи ему, – обратился Завенягин к диспетчеру, – что достаточно устного, если он не заметил, как сам превратился в бездушный столб».

Анатолий Львович тут заметил, что сам-то Авраамий Павлович и инструкции, и технику собственной безопасности нарушал. И не только в Норильске. И всегда оставался самим собой. А чуть позже в главе «После написанного» как бы невзначай Львов все-таки сознался: «Далеко не все понимаю в Завенягине и о нем». Но он всегда оставался для Анатолия Львовича «магнетически притягательным».

Самая первая...

Анатолий Львов приехал в Норильск в 1959 году. Это уже был город, но по сути своей он еще оставался вчерашним лагерем со всеми присущими ему порядками и населением. Официальное расформирование лагерей закончилось, но многие освобожденные еще не имели возможности для выезда, а те, кто наконец-то мог покинуть горькое место своей несвободы, тоже не спешили это сделать, ибо знали, что там, где они родились, или учились, или просто работали до ареста, их могут встретить так, как, например, Моисея Исаковича Евзерова. Не успел он приехать в Донбасс, как его тут же вызвали в КГБ и с порога встре-

тили резкими словами: «Сколько вам надо времени, чтоб собраться?».

Он попытался показать свои документы о реабилитации, но его грубо оборвали: «Откуда приехал, немедленно туда!» На нервной почве близорукий Евзеров почти ослеп и еще долго не мог успокоиться в Норильске, куда вернулся. Когда спустя какое-то время он все-таки покинул Заполярье (уехал не в Донбасс, а в Москву), стал тайно писать о норильской лагерной жизни, но не под своим именем, а под псевдонимом Михаила Ильича Левина. При этом все норильские фамилии он оставил подлинными. Его лагерную летопись после смерти отца принесла дочь Инесса Моисеевна Евзерова-Качурина. Она опубликована в первом томе воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...» с продолжением во второй книге.

Случалось ли Львову в первые норильские годы беседовать с репрессированными? Ответ может быть и «да», и «нет». Норильск – город сдержанных на язык. Но в 1968 году, когда вышла его первая книга «Плюс пятьдесят по Цельсию», он уже многое понял про «город в снегах» и о норильчанах – «обычные люди в необычных обстоятельствах» (это его выражения). Позже эта книга переиздавалась, и только тогда вместо псевдонима Л. Анатолийев он поставил свою фамилию. Из этой книги можно немало узнать и о самом Анатолии Львовиче. Он писал:

Я навсегда запомню первую свою норильскую весну. Девушки с красными флажками на тротуарах («Обходите стороной, опасно!») – специальные бригады сбрасывают с крыш снег). Уличное весеннее половодье (мостки, переброшенные с тротуаров через ручьи по осевой линии улиц). Белые ночи, до которых далеко ленинградским, они в самом деле белые, а не серые.

Но навсегда запомню и другое: рождение в эту весну 1960 года первых килограммов самого чистого в мире кобальта «К-нулевого». Я зашел в лабораторию в ту самую минуту, когда в телефонную трубку кричали: «Сера – ноль, три ноля пять! Углерод – ноль, два ноля шесть!..»

Я был совсем молодым северянином и впервые, может быть, задумался: почему этот «К-нулевой» родился здесь, у черта на куличках, а не в столице? В цехе, а не в институте Академии наук?

И до, и после этого в Норильске было много открытий. Не всегда, так сказать, в масштабе всей страны, но их было много и будет еще больше. Такая это земля. Она приглашает к открытиям, она заставляет открывать себя, сопротивляется изо всех сил, прогоняя слабых, вызывая на бой остальных.

...В ту самую весну, когда в городе, в цеховой лаборатории, получили самый чистый в мире кобальт, на правом берегу Норилки геологи Василий Нестеровский, Виктор Кравцов и Юрий Кузнецов нашли то, что искали, – высушенный из-под мощного пласта четвертичных отложений «уголок» рудоносного интрузива. Вокруг были грибы, ягоды, папоротники, густая трава, мох на камнях и некогда облизанные ледником каменные глыбы. «Камни» и прославили распадок под названием «Угольный ручей», долину речки Талнах и горы Хараелах. 24 августа 1960 года из первой скважины подняли рудный керн. Старший мастер Григорий Лимонов радировал начальнику партии: «Срочно выезжайте, есть важные сведения».

Первая книга, кроме того, что многое рассказала о самом Львове, выявила и чисто львовское отношение к жизни, его категорическое неприятие казенного стиля письма. Когда он рассказывает об открытиях рудника «Маяк», мостов (железнодорожного и автомобильного), о первом поезде с талнахской рудой, о первых жилых адресах норильчан, о буровой вышке, он не рассказывает о подробностях производства, не пишет громких слов о трудовых победах, без которых не обходилась ни одна советская газета в те годы. По его описаниям мы и через годы чувствуем настроение людей, с которыми его свела судьба, и настроение его самого. Если он не оставит о них память, все будут воспринимать совершенное ими как данность. Вот что он сам написал по этому поводу:

«И никто тогда не прочтет о людях, которые отдали этому кусочку земли год жизни, о том, как не-

легко давались им дни и ночи работы. О том, как они кипятили чай, нарубив озерный лед. О том, что у них был пес Уран и коняга Дианка. О том, что эстрадой для гостей-артистов, добравшихся сюда вездеходом или вертолетом, служили сани, похожие на кузов самосвала».

Анатолий Львов сидел на ящике из-под керна и все это записывал в блокнот. «Я смотрел на костер и вдруг вспомнил о другом, который отгорел за три года до этого на берегу другой реки. Не июньской, а декабрьской. Не под голубым, а под черным небом. Он был виден в полярной ночи издалека в автобусах, шедших по зимнику через реку Норилку. Пассажиры соскребывали ногтем с окон толстый слой изморози и вглядывались во тьму, туда взметнулось над снегом пламя. Каждый знал, что это ребята Гриши Устименко бетонируют фундамент береговой опоры ЛЭП и что им там очень трудно – вдали от жилья, на ветру и морозе. Для меня лично это видение – самое яркое, почти символическое представление о Талнахе тех лет, когда он только становился «полюсом доступности».

А.Л. Львов мог бы и дальше продолжать свой рассказ о тех, без кого не родился бы Норильск, а потом и им самим предоставить слово. Но вместо этого в книге он объявил об открытии комсомольского собрания, где председательствует само Время. Собрание это символическое, и потому логично, что выступают здесь комсомольцы и тридцатых годов, и те, кто только прибыл в 40-е годы, и откликнувшиеся на призыв Всесоюзной комсомольской стройки в 1956 году. Так автор рассказал о молодежи разных поколений, которая сумела, по большому счету, построить жизнь и свою, и своей страны. Вот что сказал И.Э. Бондаровский, комсомолец с 1931 года, норильчанин и коммунист с 1940-го, управляющий энергосистемой комбината на этом символическом сборе: «Август сорокового года. Напротив гаража строили деревянный дом. Один этаж построили в день нашего приезда – одес-

ситов (вместе с Бондаровским шестеро. – *Ред.*). При нас поставили рамы, застеклили, откуда-то принесли буржуйку, трубу – в окно. Вечером плюс 30, к утру в ведре – лед. Ну, об этом – ладно.

Приехали девушки, около 250 со всего Красноярского края. Это был первый комсомольский набор в Норильск. В учебном комбинате организовали курсы – дежурных по дымососам, мельнице, питательным насосам, цеху топливоподачи; готовился штат химводоочистки, дежурные по щиту в электроцехе».

Это еще одно свидетельство, разоблачающее официальную неправду о том, что Норильск построили комсомольцы призыва 1956 года. Первыми поселок на Таймыре, позже город Норильск, начали строить заключенные. Они первые 25 лет хлебали лихо в Заполярье. Позже к ним (еще в лагерное время!) подключились комсомольцы сороковых годов, а уж третьим «призывом» было объявление Норильска Всесоюзной комсомольской стройкой в 1956-м.

«В апреле 1957 года состоялась первая комсомольская конференция строителей, на которой все 20 молодежных организаций стройуправлений и предприятий местных стройматериалов – 2600 комсомольцев – были объединены под руководством комитета комсомола. Конференция прошла в обстановке деловой критики. Е. Французов поставил такую задачу комсомольской организации:

– Первая и основная: не допустить бегства молодежи из Норильска. Прожитая зима была трудной, многие очень тяжело привыкали к работе строителя. Р-р-ро-мантики (так бригадир выразил свое неодобрение им) в основном остыли, переполненные впечатлениями. Лето не обещало особых радостей. Появились молодые семьи, а с жильем плохо. Вдобавок ко всему пережившие молчком зиму уцелевшие нытики, люди, не нашедшие себе места на стройке, подняли головы и вели усиленную пропаганду, подбивая слабых на отъезд. Конференция дала решительный отпор таким настроениям. Решили провести упорную разъясни-

тельную работу среди молодежи о значении нашего труда здесь, в Заполярье. Надо решительно пресекать массовый отъезд новоселов». Эти страницы из книги А. Львова «Плюс пятьдесят по Цельсию» свидетельствуют, что не все было просто и гладко на Всесоюзной комсомольской стройке. Но те, кто остались, сдали на отлично экзамен на мужество. Об этом тоже говорили участники символической конференции.

Вот что сказал ленинградец Владимир Власов: «Нас, ленинградцев, приехало много. Младшему – 17, старшему – 22. Первый рабочий день в Норильске. Идем на стройплощадку. Нас ждут котлованы, бетон, стальные конструкции. Взялись мы за землю, за кирпич, за бетон. А вечером романтика чуть потускнела. Куда-то пропало настроение. Болели мышцы. Не мы, а стройматериалы нас начали испытывать на прочность. Уже казалось, что все в Норильске против нас. Кое-кто спасовал, пошел работать в теплые цехи. Другие вообще уехали. Мы тоже хандрили, спотыкались, сдавали. И не замечали, что привыкаем, закаляемся.

Вечером, в кругу своих, долго и до хрипоты говорили обо всем, что наболело. Бараки сырые, воды нет, на работе всегда чего-то не хватает, тяжело, порядка мало и вообще работа не по специальности! Те, кто был сильнее, вселяли надежду. Вот так рос город, а с ним и мы. Север выжигал из нас все слабое, неустойчивое. Норильск стал родным».

Нужно ли было так подробно рассказывать о первой книжке Анатолия Львова? Мне кажется, да, потому что мало кто найдет ее сегодня, даже если очень захочет. Ну разве в Научно-технической библиотеке Норильска – здесь хранятся все самые первые издания о городе на 69 параллели. Или можно найти первые книги о городе в семейных архивах норильчан. Старшие поколения в большинстве своем уже ушли в мир иной, а пожилое поколение их детей сегодня с горечью отмечает, что в XXI веке школьники, молодежь плохо знают историю Норильска.

Несколько лет назад им преподали практический «урок истории»: молодежь мобилизовали для уничтожения лагерных примет и следов в городе. Наверное, неудивительно, что сегодня никак не могут собрать деньги на народный памятник Н.Н. Урванцеву. При этом никто не вспоминает Александра Сотникова, расстрелянного в 1920 году и реабилитированного в 1990-м. А ведь это он в досоветские времена уже разрабатывал конкретные планы по развитию Таймыра и даже делал расчеты, чтобы навигация по Енисею стала экономически выгодной. Советская власть, когда решила строить железную дорогу на вечной мерзлоте, воспользовалась его проектом, другого-то не было. Прежде чем мобилизовать норильчан на создание народного памятника, неплохо бы разобраться в исторической правде тех суровых лет.

Как-то так вышло, что то ли власть, то ли сам Урванцев назначил себя первооткрывателем Норильска. Это привычный советский штамп. Это примерно то же, что Стаханов и стахановское движение. Стаханов – первый и один ударник социалистического труда, остальные – уже стахановцы безличные. А на местах всегда были и другие, свои герои – это бригады коммунистического труда, и чествовали, как правило, – их, а не всю бригаду. А то, что прославленным героям создавали льготные условия труда, снабжения, их премировали особо – об этом не принято было распространяться.

То же случилось и с Н.Н. Урванцевым, тем более, что он и сам всячески стремился себя закрепить в первооткрывателях. Но даже информация в книге А.Л. Львова «Норильск» (1985 г.) убеждает, что и Ф.Б. Шмидт**, впервые официально обнародовавший в печати свое утверждение о богатствах на Таймыре (жизнь подтвердила его правоту), может по праву на-

** Шмидт Ф.Б. Результат экспедиции за мамонтом. Записки АН 1872, т. 1, № 1; «Труды Сибирской экспедиции (1865–1874)»: среди отчетов на ботанические, исторические темы есть и геологическая часть.

зываются одним из первых открывателей норильских месторождений наряду с Сотниковым, с которым он общался. А еще рядом с этими фамилиями можно поставить и фамилию выпускника Санкт-Петербургского горного института Иннокентия Александровича Лопатина. По заданию Сибирского географического общества он еще в 1866 году возглавил Туруханскую экспедицию. Он, как и уже названные исследователи, предсказал перспективность Норильского медно-никелевого месторождения. Утверждать кого-то одного первооткрывателем будет исторически неверно. Каждый по праву может быть назван одним из первооткрывателей.

Мне кажется, Анатолий Львович все это понимал, но старался не заострять этот вопрос. По отношению к пожилой чете Урванцевых он был как-то по-сыновьи снисходительным. Я помню публикацию Львова, где он все-таки спросил Николая Николаевича, зачем он говорил неправду, что приехал на Таймыр якобы по декрету Ленина. Тот уклончиво ответил ему, что так надо было, так ему сказали. Елизавета Ивановна поддержала его. Анатолий Львович не стал дальше развивать эту версию, и осталось неясным, зачем это надо и кому. Кроме Урванцева вроде больше никому.

Думаю, до горбачевской перестройки А.Л. Львов о многом, как и большинство журналистов, писать не мог. Никто не писал. Ну разве что «в стол», для далекого будущего. Тогда оно казалось ну очень далеким.

Об истории, о городе, о комбинате...

Мне кажется, отрывки из книг Анатолия Львова (о чем бы он ни писал) многое рассказывали и о нем самом. Взгляд его очень личный, интерес к людям и их делу даже придирчивый. Вот уж о ком никогда не скажешь: пишет, как многие журналисты. У него своя манера письма, свое авторское наблюдение и суждение обо всем.

Есть еще две книги, которые являются серьезным вкладом А.Л. Львова в историю Таймыра. Это книги «Большой Норильск» и «Норильск. Города Красноярского края». В них тоже заметен «львовский почерк» письма. Обе рассказывают о городе, который родился и вырос одновременно с горно-металлургическим комбинатом. Казалось бы, одна тема, один автор, один текст. Но это было бы не по-львовски. И в той, и другой книге он «очеловечивает» исторический материал и каждый раз под разным углом зрения.

С Анатолием Львовичем мы не были друзьями, — просто коллегами, причем наши профессиональные интересы особо не пересекались в Норильске. Ближе мы познакомились в Москве, когда издавали «Снежный город-2», когда он начал работать над книгой о Завенягине и стал чаще приезжать из Всеволожска в Москву. Тогда-то он и подарил мне две книги о Норильске. Тираж их для Красноярского края был небольшой — 14 и 15 тысяч, и они очень быстро разошлись в Норильске. Обе книги содержат много полезной и ценной информации.

«Большой Норильск» своим предисловием открыл первый секретарь Красноярского крайкома КПСС П.С. Федирко. Назвав эту книгу «деловой и лиричной одновременно», Павел Стефанович написал: «Мне понятна гордость, с какой автор, проживший в Норильске многие годы, пишет о преобразении Южного Таймыра. О том, как взлетная площадка «Надежды» стала строительной и металлургическим комплексом. Как были открыты к северу от Валька Талнахское и Октябрьское месторождения. Как приобретала новый облик Дудинка — крупнейший речной и морской порт Сибири...» У него самого с Норильском связаны воспоминания молодости, П.С. Федирко написал, что несмотря на полярные ночи и вьюги, у него Норильск и норильчане остались в памяти удивительно солнечными.

И далее по-деловому П.С. Федирко рассказал о решениях партийных съездов, о серьезных задачах,

которые поставила перед норильчанами жизнь. «Край и страна верят: Норильск, как всегда, не подведет, справится, возглавит социалистическое соревнование, изыщет резервы – материальные и духовные».

Содержание книги А.Л. Львов уместил в 15 глав. В те годы издавалось много политической литературы. Прямо скажем, она была не очень читабельной. Таким могло бы стать и издание «Большой Норильск», но не стало благодаря Анатолию Львовичу Львову. В его текстах, деловых, но нескучных, можно было прочитать и экскурсы в историю, и интересные цифры («от цифр зависит настроение, от настроения – в немалой степени – цифры...»), и воспоминания специалистов, и записи из их дневников, и многие другие свидетельства событий. Здесь и отрывки из заключений к геологическому отчету, и абзацы из очерка Константина Симонова, и интервью с норильчанами. Тексты украшают черно-белые и цветные фотографии.

Еще одна книга, рассказывающая о заполярном городе, вышла в Красноярском издательстве через год. Ее, как и первую, назвали без затей «Норильск» и издавали ее дважды. В ней много содержательной информации, она читается легко и с интересом.

Со второй главы началось описание истории Таймыра с 1601 года. Мы узнали, что Александру Миддендорфу мы обязаны словом «Таймыр» и первыми фундаментальными сведениями о полуострове. Позже подробно описал Западный и Южный Таймыр П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В начале 1866 года енисейские золотопромышленники пожертвовали средства на изучение Севера. Фридрих Богданович Шмидт (геолог, палеонтолог, ботаник) впервые в научной литературе сказал о богатствах Норильска. Судя по его отчету, руда содержала до пяти процентов меди. К тому времени и в сотниковской коллекции уже были сланцы, пропитанные медной зеленью. Александр Сотников, сын и внук первых предпринимателей, установил заявочные столбы и готовился к разработке норильских гор, но...

«Дни Сотникова были сочтены, – пишет А.Л. Львов. – Трагедия последнего владельца норильских месторождений в том, что он не верил в революцию, не верил в свой народ и его будущее. Он считал, что Норильск можно «поднять» только капиталистами и техникой Запада. Это был человек способный, толковый, энергичный, но, увы, сын своего отца, делец, предприниматель. В новой России он не видел для себя места».

Это, конечно, типичные заблуждения советской идеологии, когда слова «делец и предприниматель» имели только негативное значение. Хотя в губЧК брат Александра К.А. Сотников, заведующий судебно-следственным подотделом отдела юстиции Енисейского губревкома, предоставил печатные труды брата, чтобы обратить внимание чекистов на то, какими он обладает знаниями работы в Заполярье. Как редкий специалист он мог бы помочь в освоении Севера. Но классовых предубеждений это сломить тогда не смогло – Сотников был расстрелян. И только через 78 лет прокуратура Красноярского края на основании закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитировала Александра Сотникова. Теперь, когда нам стало известно то, чего не мог знать Анатолий Львович Львов в год выпуска книги «Норильск», Александр Сотников должен занять свое достойное место в истории освоения и развития Таймыра. В следующих томах издания «О времени, о Норильске, о себе...» мы более подробно расскажем о первых годах советской власти, об открытии норильских месторождений.

Однажды, когда мы говорили со Львовым по телефону, неожиданно я услышала ошеломившие меня слова: «Вот умру, будешь писать обо мне...» После неловкой паузы я стала убеждать Анатолия Львовича вытащить заветные блокноты, дневники – сколько их было за более чем полвека журналистской работы? Я уже не первый раз просила его начать свои воспоминания, но ему все было некогда. Действительно, Анато-

лий Львович был загружен серьезной работой: после тяжелого труда над томом из серии «Личность и время» об Авраамии Павловиче Завенягине он приступил к еще одной работе из этой серии, посвященной А.А. Бочвару. Но я настояла, чтобы Анатолий Львович написал вступление и к нашей, точнее, его работе для сборника воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...». Он подготовил к печати четыре рассказа о норильчанах и назвал их так: «Судьбы Буре, Баева, Лебединского, Перфилова – это одна миллионная доля норильской истории». К счастью, эту просьбу Анатолий Львович выполнил – кто же знал, что она оказалась последней? Его письмо опубликовано как вступление к его рассказам о легендарных норильчанах в 11-м томе «О времени, о Норильске, о себе...», его продолжило наше скорбное извещение о его кончине.

Наталья Михайловна Дроздова прислала из Нижнего Новгорода фотографию, сделанную в ноябре 1978 года в Норильске. Они оба с Анатолием Львовичем в дубленках и такие серьезные – замерзли, наверное. Она привела его слова из книжки «Норильск. От А до Я», где Львов дал такую характеристику норильчанам:

Морозоустойчивое, ветронепродуваемое племя энтузиастов, в состав которого входят почетные металлурги, горняки и железнодорожники, заслуженные строители, изобретатели и рационализаторы, заслуженные врачи и учителя, заслуженные мастера спорта и тренеры, полный кавалер ордена Славы и народный артист, доктора технических и биологических наук, заслуженный работник культуры, член Союза художников и кинематографистов...

«В этом перечне, – написала Н.М. Дроздова, – люди, которых А. Львов не просто знал, он о них писал. И сам он тоже из этого племени энтузиастов. Анатолий Львов. Личность. Журналист. Норильчанин. Навсегда». А фотографию Львова и Дроздовой можно увидеть на с. 28 одиннадцатого тома нашего сборника воспоминаний.

Позже жена Львова Галина Степановна призналась мне, что долго не могла убрать со стола его бумаги, он все-таки готовился писать мемуары. Не успел. Но то, что он успел написать о Норильске и норильчанах (а успел он очень многое!), навсегда войдет в историю города, комбината, Таймыра. И если мне когда-нибудь доведется заглянуть в архивы Анатолия Львовича, я готова отложить все дела и вместе с его родными, друзьями подготовить их к печати.

Еще не все воспоминания норильчан опубликованы – я продолжу работу над ними. По-прежнему принимаю рассказы о норильской жизни разных поколений норильчан. Уже есть в моем архиве и рассказы – об отдыхе на природе, о наблюдениях за растениями и животными, о рыбалке и охоте – они тоже ждут своего часа. Северяне, обделенные солнцем и теплом, с особой нежностью относятся ко всему живому, будь это зеленый листок, или шустрая птаха, или зверек.

Напоминаю адрес, по которому можно присылать к публикации материалы или обращаться для приобретения томов «О времени, о Норильске, о себе...»:

129336, г. Москва, Анадырский пр., д. 67, кв. 18.
Касабовой Галине Ивановне.

Мои телефоны:

8 (495) 474-23-59 или 8 (916) 688-01-88.

Благодарю всех читателей наших книг! Покупая их, вы продлеваете издание воспоминаний норильчан о своей жизни в суровом Заполярье. Ведь мы издаемся на деньги, полученные от продажи наших книг. Давайте продолжим писать историю Норильска вместе.

Галина Касабова

**И это всё о нём —
коллеги,
друзья...**

Большинство фотографий в книге публикуется из архива Анатолия Львовича Львова. Как правило, снимки он не подписывал, и потому остается только догадываться: где, когда и с кем он запечатлен фотокорреспондентом.

Владислав Толстов:

«Неизвестный Львов»

История Норильска как эмоциональная реальность, данная в ощущениях человека и репортера.

Анатолий Львов

Если бы у Норильска не было Львова, Норильску следовало бы Львова придумать. Журналист, публицист, исследователь, историк, летописец, автор книг о Норильске. И вместе с тем – противоречивая фигура в общественном сознании. Если одни его считают настоящей находкой для Норильска, человеком, сумевшим в течение трех (без малого четырех уже) десятилетий собирать материал о его истории, у других иной счет – историю, мол, Львов писал неполную, не о том и не о тех. Неоднозначность оценок говорит о масштабности явления. Львов для Норильска, Норильск для Львова – в любом случае есть о чем говорить.

По приглашению комбината в 1998 году Анатолий Львов на три месяца приехал в Норильск. Повод – 60-летний юбилей приезда в Норильск нового начальника комбината Завенягина и 30-летие книги «Снежгород». Результат трехмесячной работы – рукопись книги о Завенягине и книга «Снежгород-2». Замыслов хватит еще на несколько томов: энциклопедия норильских персоналий, история двадцатого века в судьбах норильчан. Есть о чем говорить. Но говорили мы не об этом.

— **А**натолий Львович, как вам такая идея интервью – рассказать не анкетную, а эмоциональную свою норильскую биографию – так сказать, «история города как реальность, данная в ощущениях А.Л. Львова»?

– Я бы согласился это сделать, но с большой осторожностью – слишком много этапов, взлетов и падений, слишком много привкусов и интонаций, с которыми я произносил слово «Норильск». Это может получиться любопытный разговор. Но давай лучше не сразу о Норильске...

– Книжку через три года написали?

– Нет. И еще спустя три года не написал. А когда приехали московские спецкоры и стали корить: мол, что ты здесь сидишь, пора писать что-нибудь солидное, я уже мог им с чистой совестью сказать – край знаю плохо, историю знаю плохо, халтурить не хочу.

– А если бы ехали в Норильск в командировку, о чем написали бы заметку «Самое первое яркое впечатление»?

– Самое яркое – это... Ну да, фуражка. Два часа ночи 9 сентября 1959 года, аэропорт Надежда, сел самолет, на трясущемся автобусе типа «пазика» поехали в город. И тут я вижу... Билетов никто не брал – это меня тогда поразило, все бросали деньги в фуражку водителю. Простецкая такая фуражка, полная купюр. Водитель не следит, кто бросил, кто нет, вообще не смотрит, фуражка переполнена, люди бросают деньги, спокойно так... приехали. Норильск.

– Сейчас модно устраивать тесты. Вот вам один: попробуйте описать пятью словами свои ощущения от Норильска начала шестидесятых.

– Пятью, только не словами, а понятиями, хорошо? Значит, так: полярная ночь, интересная работа, не спился, интеллектуальный фон и устроенный быт.

По поводу быта можно говорить долго – после Ташкента Норильск казался просто раем! Через полгода после приезда мне выделили квартиру, точнее, отдельную комнату в коммунальной квартире на шестом этаже, вход из кухни.

Интеллектуальный фон Норильска – тема отдельного разговора. Мне повезло: я застал золотой век Норильска, начало шестидесятых, когда в городе

было еще много людей, столичных знаменитостей, пассионариев, отсидевших, но не уехавших. И когда сидевшие партийцы встречались за столом с несидевшими, вспыхивали такие разговоры, каких в Советском Союзе в принципе не могли вести благонамеренные граждане!

О каждом из этих людей можно рассказывать долго, уникальный материал, потрясающие сюжеты. Именно эти люди составляли в начале шестидесятых интеллектуальный фон Норильска, на который накладывалось все остальное: впечатления, ощущения, восприятие самого слова «Норильск» как подарка судьбы.

– Вы так увлеченно об этом рассказываете. Вы получали тогда удовлетворение от своей работы?

– Большею частью да.

– Как автор книг о Норильске, как официальный летописец...

– Стоп. С чего ты взял? Я НИКОГДА не был ОФИЦИАЛЬНЫМ летописцем, запомни, пожалуйста. Я никогда не брал на себя функции штатного историографа. Мое увлечение историей Норильска – совершенно спонтанное, вызванное знакомством с его людьми, но здесь не было никогда никакого социального заказа. Точнее, один раз, если быть абсолютно честным, социальный заказ все же был – на мою первую книжку «Плюс пятьдесят по Цельсию». Приближалось пятидесятилетие комсомола и комсомольские секретари попросили – сделай! Самое интересное, какой была реакция старых лагерных зубров, когда я им сказал, что вот пишу книжку по истории строительства Норильска, но без лагерей. Как они тогда вскинулись! Ты что, говорят, ты думаешь, нам нужно, чтобы кто-то знал про то, что мы здесь сидели? Нам важно, чтобы в норильской истории остались наши имена!

Я сам часто слышу: мол, Львов – официозный историк, писал ТОЛЬКО по заказу... Так говорят те, кто меня не знает. Никто никогда не решился бы дать мне такой заказ, зная мой характер.

– И никогда не смущало, что приходится применять двойной стандарт, писать НЕ ВСЮ историю, без лагерей?

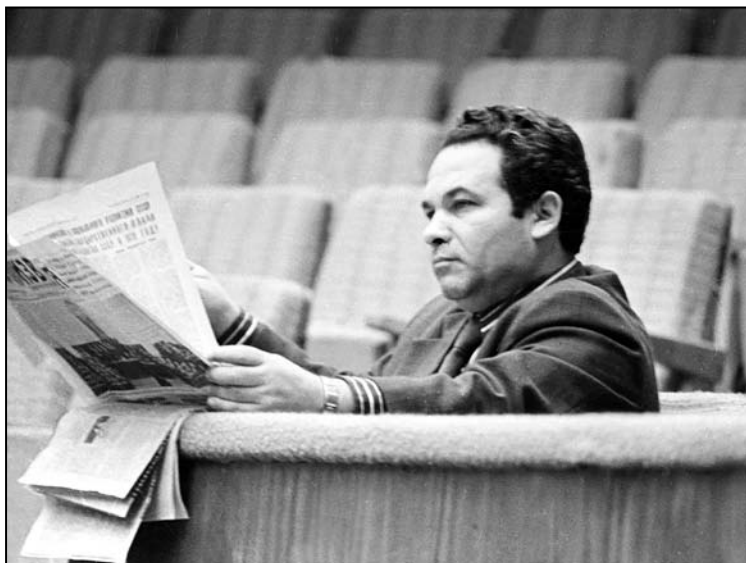
– Не-е-е! Вот он, типичный вопрос 1998 года. Какие лагеря? Это было настолько глухо, что даже пытаться не стоило. Лагеря в Норильске – государственная тайна. Не больше и не меньше. Шадхан и Левашов делали фильм и пьесу о прошлом Норильска. Это было уже в либеральные времена, на заре перестройки. И из моих уст услышали название «Норильлаг». Они даже НЕ ПОНЯЛИ, что я имел в виду – посчитали, что это я остроумно интерпретировал ГУЛАГ.

– Даже дату помните?

– Отчетный доклад Горбачева, посвященный 60-летию Октябрьской революции. И в отчетном докладе был целый абзац, посвященный лагерному прошлому нашей страны. Это была первая робкая ласточка, но команду на местах поняли сразу. Аристов готовит свой отчетный доклад и посылает референта ко мне: мол, надо в доклад вставить кусок о лагерях. Прямо там же, в горкоме, я сел и написал аж две страницы. Секретарь по идеологии когда прочел – подумал, что он уже умер. Потом Аристов прочел это с трибуны. «Я думаю».

– Неужели такая крошечная цензура?

– Сейчас это трудно понять. Мысли, которые тогда казались смелыми, даже крамольными, сегодня кажутся в лучшем случае наивными. А цензура... следили они зорко. В основном, конечно, горком – с первым отделом комбината я вообще не сталкивался до «Большого Норильска», когда они полгода не визировали рукопись и кричали, что там на каждой странице раскрыта гостайна. А что касается горкома... У меня сохранился отзыв одного инструктора, «проверявшего» рукопись будущей книги. Инструктор этот и сейчас здесь, большим человеком стал и забыл, наверно, про свой отзыв. Отзыв выглядел так: слева – номера строк, справа – мнение инструктора. «Строка 3 – ни в коем случае, строка 5 – вычеркнуть, строки

с 9 по 16 – вычеркнуть немедленно». И так далее. От рукописи остаются рожки да ножки.

Разумеется, я все понимал. Понимал, что таковы правила игры. Понимал, что в неравных условиях. Да и знали мы, кого посылают на работу в горком, – тех, кто абсолютно ничего не стоит на производстве. Кто мог – занимался делом, кто не мог – шел по партийной линии.

– А КГБ? Тоже интересовалось, о чем там пишет А. Львов?

– За все тридцать шесть лет норильской жизни с людьми из того ведомства я встречался три или четыре раза. И где-то со второго раза понял, что и там бездельников хватает – как и везде. Тогда, чтобы написать про человека в газету, следовало учитывать и его лагерное, и даже долагерное прошлое – а вдруг он был бургомистром при немцах? Вот я и собрал как-то фамилий пять или шесть таких «непроходимцев», пришел в КГБ – так и так, хочу написать об этих людях, нужно ваше согласие. Да знаете, отвечают,

мы таких решений не даем, это с центром надо согласовывать.

Начальник вообще сколько сидели с ним, такого туману нагонял – мол, вы не представляете, какие важные государственные дела приходится решать, как нелегко нам, бойцам невидимого фронта. При том, что весь город знал, что любимые дела у начальника КГБ – охота и рыбалка. О чем говорить... С литовцами то же самое было: они делали фильм о Норильлаге, хотели снять тундру с высоты птичьего полета. КГБ не разрешил – вдруг они повернут камеру на комбинат? Даже такой мелкой ответственности не хотели на себя брать.

– Неужели никогда, рассказывая об истории Норильска, не возникало вопроса: «А имею ли я право молчать об этом?»

– Возникал, и не «неужели» – что, хочешь услышать исповедь советского человека? Это же было другое время, когда жили как бы в двух измерениях – «советском» и бытовом. На бытовом можно было говорить о многом, но на «советском» были другие правила. Сейчас пришло поколение, которое не застало этого даже в школе, трудно объяснить, как жили люди.

Я любил и уважал диссидентов («голоса» в Норильске всегда можно было слушать без проблем), но отдавал себе отчет, что если на Красную площадь вышли семеро, протестуя против вторжения в Чехословакию, восьмым я бы не стал. И Саблиным (мой любимый герой) тоже не стал бы. А ведь он пытался в 75-м поднять восстание на корабле – и был замполитом, носил в кармане партбилет.

– Вы были убежденным коммунистом?

– Нет. То есть что считать настоящими убеждениями из сегодняшнего дня. До определенного момента я безусловно и искренне верил в коммунизм. В школе начал задавать себе вопросы – совершенно невинные для нынешних времен, но весьма двусмысленные тогда, в начале пятидесятых. Я спрашивал себя: «А

почему мы, советские, оказались самыми умными? Почему теорию разработали немецкие экономисты, пробовали английские утописты, а получилось только у нас? Почему же именно мы стали избранными, именно нам суждено идти впереди всего человечества единственно верной дорогой?» Зря улыбаешься – тогда такие вопросы дорогого могли стоить.

– А в партию вступали тоже по зову сердца или служба требовала?

– Когда на телевидении я вырос до старшего редактора и меня прочили на ответственного, вопрос вообще не стоял – вступать или отказаться: ответственный редактор общественно-политической редакции телевидения и беспартийный – такого не бывает, потому что не бывает никогда! Главный редактор и директор студии тут же написали мне рекомендации, но вступить в партию не вышло. Я, видишь ли, был обвинен в присвоении государственных денег.

– Вообще насколько сильна была степень свободы в зависимости от партийности?

– Да что, по-твоему, цвет нации был среди беспартийных? Среди беспартийных было много тех, кого в партию не брали. А партийные тоже были разные. Очень разные... А я, по большому счету, в образ коммуниста не вписывался. Я мог на планерке спросить: «Это творческая организация или полицейский участок?» Или когда меня утверждали редактором талнахской газеты, из крайкома спустили заранее заготовленное название – «Заря коммунизма». Я встал и сказал, что против такого названия. Какая такая, спрашиваю, заря – утренняя или вечерняя? У всех глаза на лоб вылезли – обсуждать название, предложенное самим крайкомом, да еще в такой форме... Долгих первым справился с собой, спрашивает – а что ты предлагаешь? Я сказал, что в названии газеты обязательно должен быть Талнах. «Огни Талнаха», например. Через несколько дней Долгих подходит и задумчиво так говорит: «А знаешь, «Огни Талнаха» мне нравятся даже больше...» Так и утвердили.

А что касается степеней свободы... это тоже трудно объяснить. Партийность здесь по большому счету роли не играла. Человек мог открыться только будучи абсолютно уверенным, что ты не побежишь куда надо и не подведешь. Сознательность сознательностью, но оставалась элементарная порядочность. Человек мог раскрыться и неожиданно, слишком тяжело таскать в себе некоторые воспоминания. Всеволод Дмитриевич Львов, бывший князь, отсидевший и отработавший в Дудинке четверть века, рассказывал про своего следователя. Как тот его «разыгрывал»: «Расстрелять тебя? Не-ет! На мясной крючок – за подбородок!» Надо было видеть, как Всеволод Дмитриевич рассказывал о нем – как о своем старом полузабытом знакомом. И это тоже было немалым откровением – рассказать о таком.

P.S. Анатолий Львов мог бы рассказать еще о многом. О том, как он единственным из журналистов мира умудрился отметить наступление последней трети века, как готовил выставки по истории комбината в Москве, а тут сняли Хрущева и впервые не вышли «Известия». Как он «пустил» «Надежду» за две недели до официального пуска. Как он...

Значение Львова для норильской историографии оценят потомки, а современники вполне могут предложить принадлежащий ему личный профессиональный рекорд в Книгу рекордов Гиннеса. Итак, заявка на рекорд: некий человек вел репортаж из точки, расположенной в 400 километрах к северу от Полярного круга. Вел его в течение тридцати шести лет. Этот человек – Анатолий Львов. Его норильский репортаж еще не окончен. <http://www.norcom.ru/>

Тамара Александрова:

«Гений места»

«Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна», — написал Петр Вайль в своей книге «Гений места». В этом очень часто убеждаешься. Ну, разве не пример Анатолий Львов? Его связь с Норильском и очевидна, и несомненна (стопка его книг не даст усомниться), и загадочна, хотя вроде бы что тут загадочного? На глазах у всех жил и работал...

На Норильскую телестудию мы прибыли в один день — 9 сентября 1959 года*.

Нас было трое, выпускников журфака МГУ: Нина Иванова, Виктор Москалев, мой муж, и я. Мы с Витей прилетели поздно вечером, проснувшись поутру — заночевали у родственников — и увидев с улицы Комсомольской телевышку на холме, направились к ней напрямик вдоль озера. Под ногами сразу запружинило, и я закричала: «Давай назад! Болото! Мы тут погибнем!..» (Вскоре услышу поговорку: «Ну и тундра же ты!»)

В кабинете директора встретили новобранца из Ташкентского университета, и вечером я рассказывала родственникам про узбека: вроде он ничего, не дурак во всяком случае. В этот момент сам Львов

* От редактора. Когда была готова к печати эта книга, я позвонила во Всеволожск Галине Степановне Львовой — обещала прочитать «Слово к читателю». Закончила чтение. Пауза. Потом она сказала: «Спасибо», — и опять молчание. Тут уж я догадалась: плачет. «Я слушала, а слезы льются и льются...» Успокоила ее, как могла. А потом Галина Степановна сказала: «Толя всегда отмечал этот день, 9 сентября, как праздник. Как? Хорошим обедом с друзьями. Это для нас всегда был особый день. Я для себя и сейчас его вспоминаю с благодарностью... Только без Толи...» — Г.К.

появился на телеэкране со спортивным обзорением, и меня недоуменно спросили: «Этот что ли – узбек?»

«Узбек» позвонил мне из своей деревни Романовки 9 сентября 2009 года, когда мы с ним еще не вполне отдышались после сдачи совместной книги про академика Бочвара: «Ты помнишь, какой сегодня день? А сколько лет я тебя терплю?» «Терпеть» оставалось меньше четырех месяцев...

Строки о человеке, с которым дружила пятьдесят лет, конечно же, обречены на субъективность. Воспоминания – не листки по учету кадров и по природе своей объективными быть не могут: не избавить их от такого пустячка, как разные личностные свойства «воспоминателя», характер, опыт.

Стратег

Едва ли не на второй день Львов изложил нам свой стратегический план: «Работаем три года. Уезжаем с тремя книжками». То есть каждый – с книгой очерков, партбилетом (его отсутствие могло закрыть вход туда, где тебе интересно) и сберкнижкой.

Не вышло по плану. Я уехала в декретный отпуск, а после рождения сына возвращение показалось (точнее, оказалось) невозможным. Много лет тосковала по Норильску. И до сих пор те два года кажутся (да не услышится в этом пафоса) важным этапом жизни.

Первой полярной ночи мы не заметили — дневали-ночевали на студии, питаюсь столовскими пирожками, которые грели на батареях. Осваивали «ощупью» азы телевидения — не готовили тогда тележурналистов на журфаках — и были полны энтузиазма и нахальства: с одной единственной камерой замахивались на сложнейшие передачи. Потом-то разбогатели — появилась еще одна камера. Приехали люди, уже знавшие ТВ. Из Москвы — режиссер Феликс Сакалис, из Ташкента — львовский однокашник и друг Сева Вильчек, будущий крупный теоретик ТВ, социолог (с его именем связано становление каналов ОРТ и НТВ в девяностых, позже — создание грузинского оппозиционного телеканала «Имеди»).

В Норильске вещала только наша студия (невозможно было даже вообразить, что когда-нибудь город будет принимать Москву или Красноярск), и мы вознеслись в своей миссии просвещать народ — передачи о литературе, музыке, истории кино... Пока прилетевший из Красноярска начальник, председатель краевого комитета радио и телевидения, не устроил нам разноса и не напомнил о приводном ремне от партии к народу как функции работников идеологического фронта. Мы, конечно, сочли это ретроградством и дикой несправедливостью: были же интересные выпуски последних известий, передачи о комбинате, о норильчанах, круглые столы... Ничего, пережили, окончательно освоились, в городе нас признали. Пошла обычная работа. Почему же те далекие будни до сих пор кажутся важными? Много сошлось: освоение нового дела, близкие по духу люди, обретение друзей на всю жизнь, городская интеллектуальная среда.

Уехав, не оторвались от студийных дел и норильских новостей. Приезжали свои ребята, которые продолжали работать на студии, и «новенькие», те, что пришли после нас, — познакомиться, поговорить. А главная связь — Львов.

Ему тоже не удалось осуществить свой «стратегический план». Книги за три года не написал, зато успел понять, что слишком мало знает о Норильске, истории места, людях, которые дали тут всему жизнь. Вместо сберкнижки — долги: свадьбу устроил с узбекским размахом. Женился на норильской девочке Гале Жуковой. Мы все тогда упорно искали диктора, и Львову кто-то сказал: у нас есть! Очень милая лаборантка. Посмотрите. Повезло ему — сразу нашел и диктора, и жену. Галину Степановну Львову норильские телезрители полюбили сразу и навсегда. (Сама в этом убедилась, когда лет через десять, приехав в Норильск в командировку, зашла с ней в магазин. Продавщицы заулыбались, из-под прилавка сразу появилась рыба чир, хотя Галя о ней даже и не заикалась по скромности своей.) И женой она оказалась такой, что лучше не придумать. Непростая роль — быть женой человека, далекого от быта, не умеющего красиво устраиваться и обулаиваться, вбивать хотя бы гвозди в стену. Я, случалось, иронизировала: будь у меня такая жена, я бы столько написала!

«А эта свадьба, свадьба пела и плясала» в ресторане «Таймыр», столы накрывал легендарный шеф-повар Мартос, из бывших сидельцев («Когда я работал в Греции...», «А вот в Париже...» — наверное, сел за «шпионаж»), и, думаю, все сто гостей ничего подобного ни до, ни после не видали и не едали. Кстати, это Мартос приблизил в то время Норильск к Европе, открыв элегантнейший кафетерий со стойкой и вертящимися стульями — Москва таких заведений еще не знала. Правда, плакаты на стенах не отличались изяществом стиля — «Бульон с пирожком — лучший завтрак, обед и ужин в условиях Крайнего Севера» и «Особенно хороши мясные биточки с булочкой, спе-

циально нами к ним выпекаемой», — зато правдивость текстов была полнейшей.

Львовская свадьба, как мне кажется, одно из подтверждений таинственности связей человека с местом обитания по Вайлю. И долги были запрограммированы свыше именно для крепости этой связи: порядочный и щепетильный человек не сбежит на материк, не рассчитавшись с кредиторами.

Все хочется!

В Норильске его жизнь складывалась непросто. Будь он другим, можно бы сказать — драматично. Со студии изгнали — за дерзкий характер. Тогда, правда, употреблялся другой глагол — «перевели». Перевели в многотиражку «Норильский строитель». Потом доверили новую газету — талнахскую. Оценив успехи, вернули на ТВ, уже главным редактором. Продержался недолго — убрали (опять же за дерзость: замахнулся на магазины и распределители для начальников) с занесением строгого выговора в учетную карточку члена КПСС, от чего нелегко было «отмыться». А Львову, насколько знаю, «шли навстречу», через какое-то время предлагали подать заявление о снятии взыскания, видно, в горькоме партии считали расточительным держать такого профи в отделе информации НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, а он не хотел каяться, не признавал вины...

О взлетах и падениях А.Л. как-то рассказывал в интервью корреспонденту «Заполярного вестника», а меня, признаться, они почему-то не интересовали. Потому, видимо, что его самого мало волновали. Карьера в обычном понимании — вверх по службе — не была его целью: рано обрел свою тему (не на год и не на два), а человеку творческому это всегда дает чувство внутренней свободы. Главное, блокнот (не доверял диктофонам), бумага и ручка (очень редко садился за машинку и не освоил — «Да Боже меня упаси!» — компьютер), а должность может быть любой.

Рассказывая об А.Ф. Миддендорфе в книге «Норильские судьбы», Львов утверждает, что у его героя абсолютно норильская судьба, хотя он никогда здесь не был, потому что А.Ф. «первым отправился «туда — не знаю куда», чтобы привезти «то — не знаю что». А мы уж проследовали его путем (как правило — с меньшим успехом, но чаще всего хоть с каким-то: нашли себя, свое место на земле, свое дело...)». Можно считать, что это он о себе написал.

В отпуск приедет — полон историей, историями, судьбами людскими: «Ты только послушай...» Всегда у него намечены встречи с кем-то из старых норильчан, осевших в Подмосковье, в Твери, в Обнинске — надо записать воспоминания. Без всяких прагматичных «зачем?», «кто это опубликует?». Мало сказать, что это было ему интересно, он это делал еще и по долгу, который почему-то на себя возложил.

Ездил в Ленинград к Н.Н. Урванцеву. Много раз писал о нем по случаю юбилеев в «Заполярной правде», ставя на место самозванцев, пытавших присвоить заслуги ученого, одного из первооткрывателей Норильского рудного района. С восхищением рассказывал о старике, да и Николай Николаевич, надо полагать, тепло к нему относился. (Однажды Толя с Галей привезли из Питера вкуснейшие пироги, которые Елизавета Ивановна испекла им на дорожку. Галя освоила рецепт и много лет спустя, уже в Романовке, кормила урванцевскими пирогами. А рецептик-то может стать музейной реликвией.)

В письмах тоже неизменно — о планах, о том, что «зудит», что хочется успеть. Как ни странно, историк, летописец по призванию, Львов никогда не ставил дат на своих письмах, поэтому сейчас приходится их верифицировать, как верифицируют возраст долгожителей, чтоб не возносились: «Сколько вам было лет во время большого снегопада?..» Вот и я, перечитывая листки разного формата с убористой скорописью, устанавливаю время по упоминаемым событиям.

Вот эти строки явно из начала 1964 года.

«Теперь о скучном, – несколько кокетничает друг. – Обилие творческих планов, может быть, кого-то и мобилизует, а у меня опускаются руки: все равно, мол, все не переделаешь. А ведь все хочется! И Васю из-под Гамбурга (парень там провел детство, в лагере, где детей держали как доноров), и цикл (! – каков пизжон!) статей для «Известий» – действительно очень нужных не только мне, и Талнах, и к столетию Норильских разработок, и к 300-летию Дудинки... А ведь есть еще два заказа «Сов. печати» и фильм к 30-летию Норильска...»

И дальше, дальше... Про то, что нашел связку писем, адресованных одному ссыльному, отбывавшему срок в Дудинке в 1907–1917 гг., тут же просьба: выяснить, где и как можно хоть что-то разузнать об этом человеке. Пока же сам разослал письма по обратным адресам от Барановичей до Сан-Франциско – вдруг дети, внуки на месте, или какое-то письмо ссыльного сохранилось.

Чуть позже по времени:

«Настроение отличное. Газета «Норильский строитель» процветает и приобретает авторитет. Никогда раньше на студии телевидения не выписывали 2 экз. этого издания, а в последних известиях никогда раньше не говорили «по сообщению газеты «Норильский строитель»... А «Зап. правде» ставится в пример верстка и отсутствие фактических ошибок. И все это – не вру. Добавим, что каждый квартал я получаю в горкоме 25 рублей премии (уже 3 кв. подряд)».

На 25 р. можно было купить килограммов 10 мяса или 8 – сыра. Но главное – отмечают! Признают, что, изгнанный с ТВ, он и в маленькой газетке остается большим журналистом! Честолюбец? Как сказать. Тут стоит по-львовски слово на зуб попробовать. Честолюбец – тот, кто любит почести. А если оторвать приставку в последнем слове и перенести ударение? Львов куда больше почестей любил, чтоб в профессии все было по чести. Не позволял себе халтуры, небрежности в цифрах, фактах, стиле.

Дочитываю весточку из 1964-го:

«Луцет (Владимир Луцет, собкор «Красноярского рабочего». – Т.А.) в отпуске, я за него. Это интересно, но слишком легко. Да и газета плохая. Но полоса по Талнаху была хорошая. Даже было приятно.

Талнах – это все. И для меня и для комбината. Остальное при встрече. Возможно, я на два года перестану быть газетчиком. Стану... писателем. Кто-то должен писать историю Норильска. К 30-летию комбината и 100-летию со дня начала разработки Норильского месторождения купцом Сотниковым. Объяснять вам, что я понимаю, насколько книжка будет плохая, – не надо. Ясно, что об интересном еще писать – увы! – нельзя. Но – работа! Поиск в архивах, командировки к старым норильчанам... Что вам объяснять!..»

Да все понятно. Только вольное писательство не состоялось.

Идите... к Львову!

На Талнахе учреждалась газета, Толе предложили должность главного. Сверху, из края, уже спустили название «Заря коммунизма», а Львов в горькоме – нарывался, как всегда, – спросил: заря – утренняя или вечерняя? Могли и одернуть, но прошли его «Огни Талнаха».

Бывая в СЖ России, всегда прохожу мимо стенда «Лауреаты премии Союза журналистов СССР». Год 1967 – двенадцать самых первых лауреатов. Портрет Анатолия Аграновского во весь рост. Известинец, легенда – как же мы ждали его очерков! На снимке он похож на «лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи» – широкий шаг, статья. А рядом Анатолий Львов в кроличьей ушанке, распахнутом пальто – то ли весна уже наступила, то ли осень еще не отступила. Сидит на фоне вездехода и, согнувшись, что-то записывает в блокноте. Премию он получил за очерк «Высший балл» и репортаж «Там, за озером Пясино», опубликованные в «Огнях Талнаха». Ра-

боты рассматривались в номинации многотиражек, и нет сомнений, что прежде всего жюри оценило Львовскую газету. К сожалению, у меня не сохранилось ни одного номера, но хорошо помню ощущение: «Огни» рушили все тогдашние стандарты. Все не по правилам. Никаких передовиц «Идя навстречу...» (очередной великой дате), цифири «о выполнении и перевыполнении», в которой обычный читатель не мог разобраться... На первую полосу выходила информация, больше всего интересующая жителей нового поселка, помогавшая им тут обжиться, обустроиться, укорениться. По-человечески рассказывалось, что происходит у горняков, у строителей – сколько дней им осталось до открытия детского сада, о появлении мастерской по ремонту обуви, о том, что в магазин завезли картошку... Доверительным, дружеским был сам тон газеты.

Когда в начале двухтысячного я неожиданно для себя оказалась заместителем главного редактора нового журнала «Профессия – журналист», и мы определились с целевой аудиторией – издатели и журналисты городских и районных газет, я в ближайший львовский приезд усадила его за статью о предпочтительных темах таких изданий. Играючи, выдал за три часа живой и остроумный текст на две журнальные полосы «Местная газета: чем больше мелкотемья, тем интересней».

Редактор «продвинутой» частной газеты «Саров» рассказывал мне, что эту статью они вырезали и повесили на доску рядом с важными документами. «Если на планерке чувствую кризис идей, говорю своим: идите к Львову!»

Нашла журнал, перечитываю – нетленка!

«Адреса, просто нужные всем или только гостям. И не только адреса культуры, но и обязательно – бескультурья. Скажем, адреса «помоечек», не попадающих на глаза спецслужбам, – почему бы не печатать, не называть (до результата)?»

Беды. Они всегда всех волнуют — от наводнений и пожаров до разводов и вынужденных переездов. Да, тебя вроде бы не касается, но ведь до поры. Знать причины полезно.

Гостиница. Неужели у вас до сих пор там нет своего человека? Ведь так можно упустить самого увлекательного собеседника из приезжих...

Дороги и дураки — можно и не заводить такую рубрику, коли есть «Беды». И тема скользкая — про глупость, которая, по известной шутке, — дар божий, коим нельзя злоупотреблять. Завтра же журналистов обвинят, мол, злоупотребляете... Так не заменить ли сразу разновидность бед на «Дар» — о таланте в человеке? Или еще подумать?

«Чужие» (И чем они не хороши?)

Юмор (смех один)...

А самая главная рубрика для меня лично «Интервью на тротуаре». Нет тротуара — на обочине. С детьми, стариками, мужиками, красавицами. С плохо одетыми, со щеголями, с постовыми, швейцарами, интуристами: ваше отношение к России, к этому пейзажу, к нынешней моде? Ручаюсь, прочтут, раскритикуют, подскажут другие вопросы. Которые высмеют следующие критики. Но это и есть жизнь, а не похороны рубрики».

Еще он предлагал рубрику «Земляки». Сам, кстати, с удовольствием писал в «Заполярной правде» о том, что происходит в жизни бывших норильчан на материке. Присылал нам вырезки с информацией об общих знакомых. Выход моих книжек отмечал, оправдывая это тем, что я — «мама» Северка, куклы, не один десяток лет прожившей на ТВ. (Я придумала сказочку о происхождении мальчика и его появлении в студии, а Вильчек сочинил веселую песенку.)

«Босяки» и «босячки»

Толя умел радоваться успехам, точнее, удачам коллег — удачному тексту, слову. Это важно для журналиста: только такая радость (не зависть же!) помогает чему-то учиться. Приезжая в Москву, пропадал

в «Известиях», потом рассказывал, чем живут масти-тые. У него было любимое слово «босяк». «Ну, такой босяк!» – высшая похвала. (Но если «А, босяк!» – то это уже полное пренебрежение.) Известинские «босяки» восхищали замыслами, книгами, да и просто разговорами. В редакции лучшей в ту пору газеты общественный корреспондент Львов сразу был принят как свой, со многими дружил. «Почему так?» – спросила недавно Станислава Сергеева, который ведет сейчас в «Известиях» «Исторический клуб». – «Странный вопрос задаешь. Мы Толю полюбили еще до знакомства. Писал заметки, с которыми не надо было работать – только сокращать, с сожалением. А когда сам появился... Это его остроумие!.. С ним приятно было общаться за письменным столом и не за письменным. Умел находить и замечать интересное. Высчитал день, когда двадцатый век перевалил на свою последнюю треть. Мы с ним придумали разные невероятные истории, которые якобы в этот день произошли, – поиграли с читателем, как 1-го апреля, и много веселого потом вышло. Французы это оценили, к Львову даже приезжал французский журналист.

Я просил его написать об этом в «Клуб», но так и не написал чертяка...»

Отмечал и норильских «босяков». Помню, говорил про Игоря Домникова («Не такой, как мы, другое поколение. Но яркий босяк, задиристый. Все время меня подначивает. С ним интересно пикироваться...») Позже советовал завлечь его в авторы, в «Профессию — журналист». Не успела. Об убийстве Домникова, об отделе его имени мне рассказывал главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов, когда брала у него интервью.

Однажды Толя спросил: «А ты помнишь норильских девочек-близняшек Кукановых? Обе так хорошо пишут! Такие босячки!» «Босячка» Наталья бывала у нас в Москве, ее коротенькие письма с Соловков, где поселилась, действительно отличало редкостное изящество стиля. Потом слышала, что она родила четверых детей, что ж, это лучше всякой литературы, но... все-таки жаль... И вдруг узнаю, что ее роман опубликован в «Даугаве» под псевдонимом Авдей Авдеев. С каким удовольствием Львов сообщил бы об этом землякам! (Может, кто-то вместо него это сделал?) Вторая «босячка» — Татьяна (нынче Рычкова) хорошо известна в Норильске. Позапрошлым летом была у Анатолия Львовича в Романовке, брала интервью для «Заполярного вестника», рассказала, как живет мэтр, заверила: похож на Чацкого (что думает, то и говорит), отметила умные глаза, сделала хороший снимок. Зайдешь сейчас в Интернет, кликнешь «Львов» — и он сразу появится в полурасстегнутой ковбойке и тельняшке.

Азорские острова

1981 год. *«Ребята, примите на всякий случай валокордину. Впрочем, вы у меня здоровенькие. Надеюсь, выдюжите. В одном вам определенно уже повезло: что не загнул я ни на коечке у окна в Мишиной комнате, ни за столом при Вильчеках... А то бы остались о моем уходе неприятные воспоминания.»*

Короче говоря, когда это случилось, точно никто не знает. Возможно в Л-де. Возможно, во Внукове. Или на Алыкели. Ничего особенного я не почувствовал, и в этом, говорят, и была главная опасность...

16-го я прилетел... На ЭКГ выбрался 21-го и с тех пор дома не был. Причем, до реанимации дошел сам, безо всяких каталок и носилок...

Обойдется, ребята. Все о'кей. Только, пожалуйста, никуда, нигде ни за что не ходите без валидола – время такое.

Извините за информацию. Приветы хорошим людям».

Ну вот, сокрушались мы, дождался! Сколько раз говорили: пора на материк!

Может, теперь, после инфаркта, поймет, что 22-х лет норильской жизни многовато и для железного здоровья. Гале, норильчанке, после отпуска все тяжелей и тяжелей возвращаться домой – в бесконечную зиму, в мороз, но подвигнуть Львова на переезд не удастся. Что ему мешает, если не пересмотреть планы, то хотя бы подумать о работе на них в другом климате?

1985 год. «... Я встретил вас и все былое – после 9 сентября 1959 года – жило.

В 27-й год норильской жизни я вступаю молодым, здоровым, квалифицированным дедом, который ежедневно вышагивает по 6–7 километров, пишет ерунду, редактирует страниц по 10, выторговывает виноград у бывших земляков по 1-50 (в магазине 2-20 и хуже) и начинает мечтать о переезде в Прибалтику.

Итак, я, кажется, готов, Галя тем более. Но, конечно, если вплотную всем этим не заняться, Прибалтика останется в нашей жизни Азорскими островами...»

«Азорских островов» в их жизни не счастье. «Я бы остановился на Калуге...» «В очередь на кв. (полчаса от Финляндского) я встал. (Речь о Романовке под Питером, недалеко от Ладоги, на 13 километре

Дороги жизни. — Т.А.) Но здесь такое требование: по готовности дома выметаться немедленно. А что там (на материке) можно жить, уверенности у меня никакой, тем более, в том климате...»

Не готов он «выметаться».

Начало девяностых (92-й, или 93-й):

«Пишу кровью (острит по поводу красной ручки. — Т.А.), так что если письмо лизнуть, на языке останется сахар. Это — первое, что мешает жить... Появился новый неприятный симптом: т.н. быстрая утомляемость. Да и клонит ко сну (днем!).

Тем не менее, пишу я — через силу — много больше любого в «ЗП». Плюс «Крас. Рабочий», плюс «Сов. Таймыр» (два собкорства), плюс спец. задания Шинкарева для New Bridge (ЮАР + Россия, газета деловых людей). У меня даже родилась светлая мысль: а не издать ли нечто вроде «Мой 37-й», «Мой 38-й»... Это порядковые номера годов в моей рабочей биографии, если считать с первых информации в «Правде Востока» — конец 1955-го. Идея бредовая, но привлекательная, ибо тут и далекая история (XIX век), и 30-е, и Урванцев, история борьбы за его место на норильском кладбище (мэр хотел захоронить прах на Ленинском пр., чтобы на него мочились псы и пьяные, а Пугачева — летом — перекрикивала бы Ротару... Это бы называлось вечным покоем...). А также — экономика, портреты, политика московская, идиотизм местной жизни... Достаточно.

Вообще же я жду, когда кто-то из новых миллиончиков купит настольную типографию. Мечтаю. (Мечта о собственном издательстве. — Т.А.). Трое уже соскочили. Готовлю 4-го и 5-го...

Совсем плохо: не могу (не с кем) отправить в Крым деньги старушкам и лекарства. М.б., от тебя кто-то туда соберется в ближайшем будущем?»

В Крыму, в Симферополе, мать, тетки (отца уже не было), отплывшие после распада Советского Союза вместе с родным полуостровом в другое государство, где еще труднее, чем в России, а денег уже не пош-

лешь... Он был хорошим сыном, и вообще человеком родственным, заботливым. Когда они с Галей отправлялись из Москвы в Симферополь, шел пересчет подарков. Мы, наблюдая это из года в год, выучили считалочку: Мане, Леве, Соне, Броне, Эмику...

В семье Толю боготворили. Казалось, он, в 17 лет уехавший из дому, тут главный, его слово самое весомое, хотя маме, Марии Эммануиловне, доктору Манулкиной, нельзя было отказать в крепости характера. Однажды по дороге в Феодосию мы свалились на голову Львовых-старших большой компанией, а в ответ на извинения нас убеждали: «Вы же нам как родственники: вы – друзья Толика!»

В легком жанре

Два года мы вместе работали, спорили, ссорились (однажды он долго не разговаривал со мной, почему – не помню), а потом больше трети века видели Львова только во время его отпусков.

Прилетал с кроличьей ушанкой под мышкой, бросал чемоданы, стягивал с себя пальто, несколько свитеров и сразу летел на рынок, благо, он рядом. Возвращаясь с пакетами, раскладывал на столе помидоры, зелень, редиску, высыпал черешню, призывал полюбоваться – в Норильске снег, а где-то уже выросла, созрела вся эта красота! Вечером после пробежки по Москве – снова пиршество: пирожные из Столешникова, восточные сладости из «Армении» (сахар еще не был для него ядом)... Наш сын Мишка в восторге: прилетел жизнелюб Карлсон! Подрастая, с интересом слушал Львова, видел, как тот, ненадолго присев за стол, мог выдать остроумную заметку для «Известий» и с удовольствием прочесть ее вслух. А что родители? Он видел наши согбенные спины, нередко просыпался по ночам от стрекота пишущей машинки и однажды изрек: «Жить надо, как дядя Толя!»

Создавалось впечатление, что Львов легко живет не только в отпуске. Большой профессионал, мог с равным успехом выступать в самых разных

ипостасях – репортер от Бога, прекрасный редактор: тут ему тоже все подвластно – от заметки до газеты, чьей-то большой рукописи, если автор, мечтающий об издании, просит помочь... Кажалось, и свои книги он пишет так же, играючи, между делом, делами. Прилетали бандероли: «Плюс пятьдесят по Цельсию», «Лонтокойский камень», «Снежгород», «Норильск», «Снежгород-2», «Норильские судьбы. 1815–1995»... Стоп, «Судьбы» сюда не подверстываются. Хотя все то же Львовское афористичное письмо, репортерская реакция – не пропустить интересного, многое выразить единственной деталью, но уже нет ощущения легкости, понимаешь, какая колоссальная работа за многими главами, и то, что написанное, – лишь малая часть айсберга, накопленного автором знания.

Дальше – «Завенягин. Личность и время». Две части – «Семья» и «Государственный человек». Основную, вторую часть написал Львов. Первую – Евгения Завенягина, дочь. Тут не могу не отметить львовскую щепетильность. Он никогда не пользовался полученной, услышанной от кого-то информацией как подарком, свалившимся с неба, без ссылки на источник, на рассказчика. Ему ничего не стоило записать Евгению Авраамиевну – они много общались. Но, почувствовав незаурядность этой женщины, почел долгом своим уговорить ее, прикованную к инвалидному креслу, взяться за перо.

«Завенягин» – огромный фолиант. Можно было бы сказать – два килограмма слов (вес точный), но это лишь вес бумаги. Главное – весомость строк. Автор проявляет здесь себя как рассказчик, историк, исследователь, препарирующий время, глубокий аналитик.

Книгу трудно одолеть с ходу, но потом возвращаешься и возвращаешься к отдельным ее страницам по выбору, скажем, к Норильску в его завенягинский период. Можно увидеть поселок 1939 года «как бы с высоты птичьего полета» и изнутри, из пекарни, которая выдает семь тонн выпечки в сутки. Приводя

тут же официальную статистику о числе жителей — служащих, рабочих, вохровцев, автор останавливает наше внимание вопросом: «Что же получается... каждый норильчанин съедает по три кило хлеба и булок за день?» — и уже не отпускает.

Львов работал над «Завенягиным» четыре с лишним года (если не считать всю предшествующую норильскую жизнь). Регулярно приезжал в Москву, подолгу жил в гостинице МИСиС, взявшего на себя издание книги и всяческую помощь авторам. Его номер был завален папками с различными материалами, копиями рассекреченных документов Атомного проекта... Небрежно кивая на очередную гору, говорил: «Это сегодня на вечер...», «Это завтра на утро...» Никогда не жаловался на вериги, не стонал. Одна Галя знала, как дается ему (и ей заодно) перенапряжение, как убывает его здоровье.

Самые последние слова книги, после длинного списка лиц, коим авторы признательны за помощь: «Особая благодарность — нашим с Евгенией Авраамиевной близким, которым приходилось терпеть, выдерживать, поддерживать, внушать веру и надежду...» И это не бонтоновский реверанс.

Эх, вы, Анатолий Львович!

Не берусь определять место Львова в норильской жизни и истории. Это дело самих норильчан и времени. Газеты с горечью откликнулись в январе на его уход. С интересом прочла Владислава Толстова (некогда норильского журналиста, нынче, насколько поняла, живущего в Иркутске), поведавшего о разном отношении к Львову в городе. Одни чтут: столько лет собирал материал об истории Норильска! Без него связной истории этого места вообще не было бы. Другие ругают, что писал не то: молчал про лагеря. А ведь знал! Лакировщик! Когда наконец-то открылась возможность говорить правду и стали появляться его очерки о судьбах людей, прошедших Норильлаг, те же судьи сказали: конъюнктурщик! Конъюнктурщики

тогда бросились к новым для них «жареным» темам, изображая из себя борцов за гласность, а Львов просто продолжал свое дело.

Коллега Толстов, признавая Львова классным журналистом, попадает на те же качели. Однажды спрашивал самого Анатолия Львовича (цитирую интервью):

«И никогда не смущало, что приходится применять двойной стандарт, писать не всю историю? Без лагерей?»

— Не-е-е! Вот он типичный вопрос 1998 года. Какие лагеря? Это было настолько глухо, что даже пытаться не стоило. Лагеря в Норильске — государственная тайна. Не больше и не меньше.

— Неужели никогда не возникало вопроса: «А имею ли я право молчать об этом?»

— Возникало и не «неужели» — что, хочешь услышать исповедь советского человека? Это же было другое время, когда жили как бы в двух измерениях — «советском» и бытовом. На бытовом можно было говорить о многом, но на «советском» были другие правила. Сейчас пришло поколение, которое не застало этого даже в школе, трудно объяснить, как жили люди».

Можно добавить: «Мы ленивы и не любопытны». Александр Сергеевич сказал эти слова два века назад, и наш менталитет за это время не изменился. Не хотим разобраться даже в своей недавней истории, а без этого не разобраться в настоящем. Норильчанам, которые хотят понять, где живут и чем жили тут люди до них, я бы советовала читать книги Львова, даже ранние, с неким романтическим флером. И флер этот вовсе не на потребу советской идеологии. Романтические песни искренне писали и пели в конце пятидесятых — начале шестидесятых, когда крымчанин из Ташкента начинал осваиваться в норильском климате.

Последняя книга

Казалось, после «Завенягина» Толя уже не замахнется на большую новую работу, его ждут собственные

архивы. И вдруг слышу: «Бочвар... Третий человек в Атомном проекте... Получение плутония... Реакторное материаловедение...» Все — увлечен! Наверное, снова хорошо поработал, уговорил Юрий Сергеевич Карабасов, ректор (сегодня президент) МИСиС, считающий, что институт обязан издать книги о выдающихся ученых и государственных деятелях, которые здесь учились, работали. Название задуманной серии пошло от Львова, от Завенягинской книжки, которая стала первой: «Личность и время».

О нашем с ним соавторстве заговорил как о деле решенном: «Ты возьмешься...» Я сопротивлялась: никогда не писала о науке, разве что очерки о женщинах-ученых, ничего не знаю об Атомном проекте... «Да тебе и не надо знать! Ты займешься тем, что тебе интересно. История рода, старой московской интеллигентной семьи — папа у академика профессор Бауманки... Бабушки, дедушки, дети, внуки... Там был еще выдающийся брат... Повседневная жизнь — это же твое! Образ жизни научной элиты сороковых-пятидесятых-шестидесятых... И жизнь под постоянной охраной — и днем и ночью...»

Мне уже было интересно, но я, честно говоря, боялась поссориться с Толей. Он мне был дорог как друг, всегда могла на него положиться. Его любит мой сын. Дядя Толя всегда был внимателен к нему, особенно, когда не стало отца (Виктор Москалев умер рано, в пятьдесят)... А вдруг все это сторит в топке споров и ссор? Львов максималист. Случалось, расходился с людьми из-за какой-то, как виделось окружающим, малости — случайного поступка, суждения. Уговорить его было нельзя. Правда, случалось, отходил сам, через несколько лет...

Но в соавторстве открылся неожиданный Львов — деликатный редактор. Поделили работу, и он уже не лез в мою часть. Не желал давить. Даже когда хотелось что-то обсудить, говорил: «Пиши...» Работали автономно, потом редактировали друг друга.

Разделить книгу на две части — его и мою — не получалось. Но ставить автора под каждой главой —

нелепо. Тогда Львов спросил: «Ты готова подписаться под моим текстом?» — «Конечно». — «И я готов — под твоим». Как ни странно, разностилья не ощущается: коллеги, читавшие книгу «Пик металловеда. Академик Бочвар», иногда хвалят меня за львовские строки или его критикуют за мои. Вот и рецензент «ЗП» Валентина Вачаева, выделив несколько глав, уверенно говорит, что они, конечно же, львовские, написаны чисто по-львовски — деликатно и философично. Львов, поборник точности, строго спросил бы: «Вы что — видели мою подпись?» А я не в претензии. Если про мои строки сказали «по-львовски», то это же — похвала.

Но в одном В.В., безусловно, права: книга львовская, хотя в авторах и присутствует некая дама. Без него она вообще не состоялась бы: это его замысел, его виртуозно выстроенная композиция. Здесь его эрудиция, способность войти в любое время.

Он не приехал на презентацию, состоявшуюся в октябре прошлого года. Уже не мог. Но, думаю, заранее представлял, что о нем скажут, — знал себе цену.

Ну а если вернуться к загадочности связей человека с местом его обитания, то разгадку надо искать в львовской слабости — в его неумном интересе к тому, что вокруг, — к жизни, к истории места, к людям, их судьбам. С этим интересом он не в силах был справиться, потому Норильск связал его и привязал к себе не на 36 лет, а до конца дней.

Татьяна Рычкова:

«Львов — это авторитет»

Анатолий Львович Львов приехал в Норильск в 1959 году после окончания Ташкентского университета. Работал редактором, главным редактором Норильской студии телевидения. Затем ответственным секретарем, заместителем редактора многотиражки «Норильский строитель», редактором газеты «Огни Талнаха», заместителем начальника отдела технической информации НГМК, собственным корреспондентом газеты «Красноярский рабочий». С 1959 по 1984 г. — внештатный корреспондент «Известий». Многие годы публиковался в «Заполярье». Лауреат премии Союза журналистов СССР, премий ЦК ВЛКСМ, «Госкомпечати» и других ведомств. Имеет медали «За творческие успехи» («Известия»), им. В. Гиляровского (лучшему репортеру). Автор десяти книг (пишет еще две): «Плюс пятьдесят по Цельсию» (1968, 1971), «Снежгород» (1971), «Норильск» (1984), «Лонтокойский камень» (1976), «Большой Норильск» (1984), «Спортивный климат Норильска» (1983), «Норильская биография» (1985), «Я болельщик Норильска» (1998), «Снежгород-2» (1999).

Еще 20 лет назад, когда Львов шел по Ленинскому проспекту, родители показывали на него своим детям и говорили: «Это Львов!» Те дети Львова запомнили, а другие, которые родились позже, уже не знают. А между тем не знать Львова нельзя. Для Норильска Львов классик. Раз в два года он приезжает в город и встречается с читателями. Однажды встреча произошла в норильском музее.

Ведущая (директор музея) представила собравшимся человека, «которого и так все знают, личность неординарную», человека, который «и сам стал огромным фолиантом». Здесь Львов не удержался и поправил «огромный» на «толстый». При словах «...не

переносит убожество мыслей, как в своих работах...» Львов поднял бровь (уж в чем-чем, а в этом его заподозрить невозможно), но тут же опустил. Понял, что это от волнения. Разговор пошел о женщинах.

Известно, что Львов женщин любит. Он этого никогда не скрывал. Любимых женщин было много. Совсем недавно считал идеалом Арину Шарапову. Теперь удивляется: такая искусственная, ни слова в простоте. Но все равно хорошо относится к Арине, потому что женила на себе молодого норильчанина. Предпочла его внуку Сталина.

Самая незабываемая норильская женщина – Лира Абдуллина. Оставила впечатление на всю жизнь как человек очень тонкий, очень талантливый. А совсем-совсем давно, когда Львову было 18, на перегоне Батуми-Сухуми он встретился с «царицей Тамарой». Это видение осталось на всю жизнь.

Директор музея процитировала строчки из Валерия Кравца: «... Что осталось, кроме слов, от истории великой?». Львов уточнил: если имеется в виду история Норильска, то все равно останется очень много. Душа и дух Норильска. Жаль, все меньше таких понятий, как дружба, взаимовыручка. После лагеря в Норильске осталось много замечательных людей. Их дети сохраняли творческий дух, интеллект, пустили здесь корни. Когда вымерло это поколение, настал черед пришельцев с Поволжья. Многое изменилось, но все же есть семьи, которые не мыслят себя без этого города. Жалко, что мало следят за выходцами из Норильска. Например, представитель государства в ЕЭС Шамраев – норильчанин. Когда-то Львов знал всех министров, заместителей министров, теперь это никому неинтересно. А такое знание украшает жизнь норильчан. Стоит за этим следить.

Львова спросили: «Как вы стали историком?» Он уточнил: «Писателем-документалистом. Потому что писатель – это Антон Павлович Чехов».

Однажды молодого Львова отправили в Дудинку на разгрузку парохода. В те времена комсомольцы

очень любили разгружать пароходы. От журналистов дудинского радио Львов случайно узнал, что на крыше областной санэпидстанции найдена связка писем, датированных 1908–1918 годами и принадлежавших начальнику дудинской метеостанции. Древнюю корреспонденцию обнаружил ветеринар Мирошничкин. Когда перед ним возникла крепкая фигура Львова, доктор заподозрил, что письма имеют цену, и не согласился их отдать. Поэтому, когда доктор вышел на кухню, Львов сам выкрал из пачки несколько. Возможно, он поступил нехорошо. Зато письма пробудили у Львова интерес к истории. Он отправил свои по обратным адресам. Ответов не пришло, но все равно Львов разыскал сына начальника дудинской метеостанции, потому что на ловца и зверь бежит. После этого случая Львов написал про Норильск целых девять книг, а вообще получается десять, потому что одна была издана дважды. А если бы комсомольцев не посылали разгружать пароходы?..

Одна известная журналистка попросила: «Расскажите про любовь». И Львов ответил:

– Через мои руки прошло двести девушек.

Когда это случилось, Львов работал редактором на норильской студии телевидения. Ему поручили провести конкурс дикторов. Желающих стать телезвездой оказалось ровно две сотни. Одни девушки были уверены в своей не-

отразимости, но плохо читали. Другие читали хорошо, но были непривлекательными. Львов не выбрал никого. Тогда знакомый преподаватель химии из вечерней школы (здесь Львов отвлекся и предсказал возрождение вечерних школ) предложил: «А ты бы посмотрел мою лаборантку...» Пришла здоровенькая лаборантка. Это было типичное не то, но единственный человек, который сказал: «Только я читать не умею». И Львов подумал, что она сможет работать над собой. Через три месяца он женился.

– Ну, скажите что-нибудь неординарное, заворожите, – попросила жизнерадостная женщина.

– Ну, наливай! – воскликнул Львов.

Но дама уточнила: «...что-нибудь теплое, об Урванцеве, чтобы всколыхнулось...» И Львов сказал:

– Я очень долго не хотел знакомиться с Урванцевым, потому что считал его вралем. Потом я спросил Николая Николаевича, зачем он пишет, что это Ленин послал в Норильск экспедицию 1919 года? Николай Николаевич ответил: «А я думал, так нужно». Вся советская история состояла из умолчаний, и Урванцев играл по тем правилам. Он все думал, так положено. Владимир Николаевич Лебединский, вроде бы умный человек, до самой смерти его преследовал: сын купца, друг врага. Николай Николаевич выносил это стойче. А так как Лебединский объединился с Воронцовым, который был облечен степенями и званиями, Урванцеву это приносило много неприятностей.

Известная журналистка вспомнила, что к Елизавете Ивановне Урванцевой многие питали не только теплые чувства. Например, коллеги Знаменский и Денцель.

– Это естественно, – ответил Львов, – Елизавета Ивановна была жесткой, требовательной, с определенными взглядами. Приехала с войны, увидела лагерный город, эти тысячи людей, которые были ей антипатичны. Почти все были ее врагами на сто процентов. К пленным она могла относиться только как к врагам. Ее так воспитывали. Знаменскому я бы

не рискнул сказать: «Ну, вы и ее поймите», а сейчас рискну. Так рассуждали 90 процентов. Я не знаю, какой устойчивостью надо было обладать, чтобы не поддаться силе пропаганды. В моем нынешнем возрасте у меня нет ни малейших оснований и желания их судить.

– Вы на сегодняшний день профессионал или политик? – привстал со стула жизнерадостная дама.

– Пенсионер, – быстро отозвался Львов. Дальше разговор пошел про Зверева.

– Сильно недоучившийся школьник (с двумя или тремя классами), получил высшее образование и стал директором Норильского комбината. Завенягин его не пригласил бы, если б не почувствовал крупную фигуру. Про него же рассказывают: мог и «свиной мордой» обзывать и матом покрыть. Культуре чувств его не учили. Говорят, кого-то посадил? А скольких спас? Сколько угодно: Драбкину, Косаревых. А это уже большой риск. Норильску везло на людей. Вместо Завенягина здесь мог оказаться магаданский начальник, который расстреливал не по приказу. Что касается расстрелов, то верить слухам нельзя. Нет точной информации. Беспредел-то был. Было кого расстреливать и по совести: бандитов, диких нарушителей лагерной дисциплины.

Из зала возразили: «Ведь есть документы...»

– Я перестал верить документам после того, как познакомился с делом Урванцева, — отозвался Львов, – там многое подтасовано.

...Народ потихоньку разошелся. Остался совсем узкий круг. Голубоглазый коммунист из Талнаха затеял дискуссию по поводу органов государственного управления, но подытожил всю встречу очень душевным тостом. Смысл его сводился к тому, что Львов — большой авторитет. И все с ним согласились.

«У каждого профи свое море»

Накануне юбилея города корреспондент «Заполярного вестника» получил задание навестить главного историографа Норильска, журналиста и писателя Анатолия Львова. Он живет в деревне под Петербургом, сразу за Всеволожском, 13-й километр Дороги жизни.

От центра Питера до Романовки на метро и маршрутке добираться часа полтора. Деревня урбанизированная: кроме коттеджей и дач есть несколько пятиэтажек, но воздух свежий, деревенский. Львов встречает вас на пороге квартиры. Он в тельняшке и бороде. Глаза – умные, на лице – ни морщинки. Как у матроса, который все время в море – на ветру и под солнцем. Чистый боцман. Морской, гм, точнее, газетный волк. И по-прежнему – в море. То есть в профессии.

Боцман встречает вас рассуждениями о слове, которое произнесла недавно ведущая «Эха Москвы»: «Отважили от кого не нужно». Фраза лишила его покоя. На некоторое время.

– Лежу и думаю: «Неужели отважили?» – рассказывает Львов. – Залез в словарь. Там очень тонкая грань: отвадили – совершенный вид, отваживали – несовершенный. Она не права, зато теперь я знаю, что есть несовершенная форма.

И всегда он такой: желает во всем дойти до сути. Несовершенную форму Львов немедленно замечает у любых авторов. Он достает с полки одну из книг Михаила Важнова. На каждой странице подчеркивания и замечания. Нуждается в редакторской правке. Львов обнаружил массу погрешностей практически во всех изданиях о Норильске, вышедших в последние годы. Находит их даже у классиков, например, у Льва Толстого.

Вообще-то, попадать в редакторские руки Анатолия Львовича – счастье. Правда, не всегда и не всем

это нравилось. Например, 40 лет назад не понравилось радиожурналисту Елене Поддубной.

– Читаю. Скучно. Она разрешила поправить. Так появилась первая фраза: «В руках у Леонида Новожилова вспыхнула пакля». У нее было так: «Учащиеся 2-го курса ремесленного училища находились на практике там-то...» Жвачка. А в конце: «... и поделились кожей». Так вот же главное! Со своим товарищем поделились кожей! Это можно было сообщать в любую газету. Она не поняла, что стало лучше.

Так появляются враги.

«Проходимец»

Елена Поддубная обиделась, а потом все забыла. Через 40 лет написала в редакцию «Красноярского рабочего» про публикации Львова: «Поздравляю редакцию с таким собкором! Ведь мы же никогда ничего подобного не читали». Если следовать классификации самого Львова, он принадлежит к «проходимцам». Так он называет журналистов, которые везде проходят и обо всем пишут.

Львов вспоминает некоторые случаи из своей практики. Например, встречи с самым талантливым футболистом СССР Эдуардом Стрельцовым. Первая была в Австрии. Как спортивный обозреватель, Львов знал по именам всех (а многих – в лицо) известных футболистов.

– Я был, видимо, самый разбитной из приехавших болеть на матч СССР – Австрия. Увидел наших спортсменов на улице городка Клагенфурта, подскочил: «Вы русские?» Не менее разбитной Эдик Стрельцов ответил: «Мы эмигранты». За меня вступился Хурцилава, капитан команды. Ответил на все вопросы. Через много лет в Норильске Эдуард был настроен по-другому. Столько переживший за эти годы, он даже всплакнул: «Жена не дает сыну играть мячом. Мне, говорит, достаточно одного футболиста».

В коллекции профессиональных наград Львова есть медаль имени Гиляровского. Он получил ее как

один из лучших репортеров страны. Хотя, вообще-то, такой знак учрежден для московских журналистов.

Репортеру нужно бегать, это работа для молодых. Раньше он и бегал, и писал книги. Теперь просто пишет книги. Недавно издал про Завенягина, сейчас пишет про ученого-атомщика Бочвара.

Настоящий профи всегда при деле. Нынешний заказчик – Московский институт стали и сплавов, с которым связаны биографии обоих выдающихся мужей. Причем львовское название «Личность и время» стало названием целой серии. Сейчас на МИСиС работают и другие авторы-норильчане, а Львова наградили университетским орденом «За успехи в науке о металлах». Про своего нового героя он поясняет словами академика Харитона:

– Металлургия плутония – это Андрей Анатольевич Бочвар.

И добавляет, что в недавно еще закрытом Указе о награждении званием Героя Соцтруда ученых – создателей атомной бомбы (их 36) фамилия Бочвара стоит третьей после Курчатова и Харитона.

Львов по обыкновению погружается в тему глубоко. Простудировал две сотни различных источников. В кабинете ему тесно, перебрался в гостиную. На стене здесь играют солнечные блики, стол завален книгами. За стеклянной дверцей шкафа – фотография внучки в платье в стиле ампир. Рядом – молодой человек в офицерской форме времен Отечественной войны 1812 года. Это на съемках телесериала «Война и мир». Маша – переводчица и человек искусства – снялась в сценах бала Наташи.

Глаза ее бабушки блестят, когда он рассказывает о каких-то новых своих открытиях или вспоминает что-то из прошлого. В романовской квартире постоянно слышишь: «Это такая интересная история!» (про неопубликованное) и «С удовольствием!» Так он всегда отвечал на предложения, от которых не смог отказаться. Над книгой о Бочваре тоже работает с удовольствием, но трудно.

Под крышей «Известий»

В собрании Львова две полки книг с автографами. «...С уважением, с любовью и, если хотите, со страшной боязнью», – так написал ему молодой Игорь Губерман. «...Какое все-таки счастье, что мы с тобой и близкие нам люди оказались тогда под крышей тех наших «Известий» в кругу друзей», – а это от Леонида Шинкарева.

Львов достает с полки книгу Шинкарева «Любовь. Власть. Трагедия. Цеденбал и Филатова», говорит: «Сделано потрясающе!» – и выкладывает массу интересных подробностей про автора. Такого же неутомимого, как он сам. Подробностей в голове у Львова столько, что их не вместит ни одна публикация. Не зря же он пишет книжки.

В 59-м в «Известиях» вышла первая корреспонденция норильского журналиста Анатолия Львова. В течение 25 лет он был автором газеты и ее представителем на Енисейском Севере. Львов рассказывает, как недавно Валерий Кравец спросил у него: «А ты знаешь, что ты сделал самое великое в жизни?» – «Я много великого совершил», – в своем стиле ответил Львов. Но Кравец уточнил: «Это твои известинские информации».

Львов считает, сколько их было:

– 25 лет... Даже если одна публикация в месяц: умножим на 12, потом на 25... Более солидных материалов было штук 30, остальные – информация. Военкор «Известий» Евгений Кригер и другой собкор Савва Морозов сравнивали меня с французским писателем, которого все знали не по книгам, а вот по этому жанру – изюминки из блокнота.

Львов объясняет, чем отличались эти тексты от общепринятых.

– Тогда писали так: «Трудящиеся взяли обязательства и перевыполнили план...» А что построили два самолета – про это не говорилось. Но экзотики-то не запрещали. Появилась, например, моя информа-

ция о том, что сидят диксонские полярники у телевизора и вдруг замечают: кто-то поглядывает через окно. А это – тревога! – белый медведь... Или про то, как работница метеостанции схватилась с бешеным песцом. Или: такой-то получил квартиру на пятом этаже – выше самого высокого дерева... Я передаю новость из этой квартиры по телефону, что происходит впервые. До сих пор оперативную информацию передавал с летчиками (так сообщалось о телефонизации Талнаха).

Благодаря «Известиям» Норильск всегда был на слуху и интересен не только норильчанам.

– Приехал я как-то в Москву, иду по коридору «Известий». Навстречу – ответственный секретарь Дмитрий Мамлеев (муж Клары Лучко). Он мне машет издали: «Лишнего билетика нет!» А это концовка моей информации. Обычно такие слова звучат о премьер-спектакле. Я же писал про детский балет в ДК. Имя юной солистки и последние три слова лишними не оказались.

В феврале 1963-го в «Известиях» появилось слово «Талнах».

– В 62-м летом там все началось. Меня перевели в «Норильский строитель», выгнав с телевидения. Я первый репортаж сделал из «Норильскпроекта», а в конце июля перебрался через Норилку на рыбацком катерке. От правого берега до будущей стройплощадки шел пешком, в болотных сапогах, по следу траков. Иначе не пройти. А в феврале уже можно было говорить о первых горняках. В яме примерно три на три метра копались двое: инженер по фамилии Нетсев и рабочий. Строк на 80 получился.

«Что, я такой дешевый?»

Львова не все любят. Потому что он говорит, что думает. Как Чацкий. И так было всегда. Поэтому его иногда выгоняли с работы. В первый раз это случилось на Норильской студии телевидения, где Львов был редактором. На планерке он выступил со словами:

«Это творческая организация или полицейский участок?» Сейчас жалеет.

– Я был идиот. Такого директора, которого я обвинял (Антонину Афанасьевну Каландарову), в моей жизни больше не было.

Мятежного редактора перевели в многотиражку «Норильский строитель». Потом ему поручили организо-

вать «Огни Талнаха» (там он стал лауреатом премии Союза журналистов СССР). Затем он вернулся на телестудию главным редактором. Шла избирательная кампания. Львову не понравились спецмагазины для начальства и «блатных».

– Я тебя понимаю, – ответил на претензии директор комбината, – но с этим ничего поделать нельзя. И разве у руководителей есть время стоять в очередях?

Начальнику торговли критика тоже не понравилась. «Что ему нужно: холодильник или мебельный гарнитур?» – спросил он. Львову эти слова передали, и он их не одобрил:

– Что, я такой дешевый?

Он так рассердился, что не внес нужную правку в один из предвыборных текстов, который принесли ему для редактирования. В тексте клеймились недостатки в снабжении, то есть начальник торговли. Автору за критику не попало, досталось Львову. Его обвинили в том, что он чуть не сорвал выборы. Освободили от занимаемой должности. Строгий выговор с занесением в личное дело в партийные времена – это серьезно.

– Домашний телефон перестал звонить. 37-й год. Я понял, как ничего не меняется. Все бояться: а вдруг телефон прослушивают?

Телефон все же зазвонил. Львову предложили другую должность – старшего научного сотрудника отдела информации НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера. Он вспоминает эти времена как замечательные. Но из института его тоже попросили. Львов объясняет почему:

– Я и замдиректора по науке, два коммуниста, сели и написали письмо (не показывая директору) нашим кураторам. Где сообщали о том, что в НИИ по-настоящему работает только отдел промысловой биологии, ну еще – оленеводства. А остальные?

Письмо попало в руки как раз директора. Седобородого зама он не тронул, а Львову сказал: «Вы не патриот нашего института. Мы с вами не сработаемся».

В это время шло строительство ЛЭП-220 к Хантайке. Львову предложили написать книгу о строителях. Он ответил: «С удовольствием!» Так на свет появилась единственная его «не совсем документальная» книга «Лонтокойский камень». Все остальные – практически без домысла.

На вопрос: «Почему у вас столько недругов? Слишком умный?» – Львов отвечает: «Никогда не скрывал, как отношусь к подонку. Сказать, что это умно, – нет».

Коньяк пьют наперстками

Интервью с Анатолием Львовичем пришлось как раз на день рождения его жены – известного норильского диктора Галины Львовой. По этому поводу на столе появился очень крутой коньяк и крохотные серебряные рюмочки, похожие на наперстки. Только здесь, на львовской кухне, становится ясно, что правило «Коньяк пьют наперстками» имеет вполне реальное наполнение. Рюмки – семейная реликвия.

Звезда норильского телевидения принимает поздравления по телефону и категорически возражает

против интервью. Недоступна для газетчиков, как звезда кино Грета Гарбо. Выглядит Галина Львова не хуже, чем когда-то на телеэкране. Деревенский воздух идет на пользу городским жителям, да и не надо вставать в шесть утра, как в Норильске, чтобы бежать на радио.

Какая кухня, такая женщина. Кухня выдержана в европейском стиле, светлая, стол сервирован изящно. Приятным дополнением к интерьеру является вид из окна четвертого этажа: 13-й километр Дороги жизни, деревенские сады-огороды – много зелени и света. Лето начинается, и на автобусной остановке в Романовке, как и повсюду в Питере, продают букетики лесных ландышей. Сама хозяйка – тоже вполне европейская женщина. Размеры – 90х60х90, укладка – как когда-то на экране.

Свадьба Львовых была в Норильске, в ресторане «Таймыр». Гостей позвали сто человек, съездили в свадебное путешествие. Долги отдавали пять лет.

– Анатолий Львович, у вас всегда такой размах?

– Я по-другому и не представлял женитьбы. Это же один раз в жизни.

«Ну, Львов, ты гусар», – сказала ему после свадьбы одна из приглашенных.

Львов неистощим. Он называет десятки имен и рассказывает множество интересных историй. Вспоминает, как звучало слово «Норильск» и как восторженно писали про него именитые и знаменитые. Раньше. Сейчас тоже пишут, но по-другому: «Черный город. Черный снег... Неужели здесь могут жить люди?..»

Львов высказывает свое мнение о норильском патриотизме:

– Это чистая гордыня. Да я и сам раньше считал, что норильчане – люди особые. Но когда говоришь с магаданцами, слышишь то же. Ухта, Воркута, якутские поселки точно так же собой довольны: «Мы лучшие люди». Я твердо стою на позиции Чаадаева: патрио-

тизм не в том, чтобы кричать, что мы лучше всех, а чтобы исправлять то, что у нас хуже, чем у других.

Но, между прочим, как раз он-то и входит в число главных людей, создавших легенду Норильска. Он – содействовал. Достаточно взять в руки любую из его книг: сколько ярких норильских судеб! Они оставили свой след в истории. А мы знаем их благодаря Львову.

...До свидания, деревня Романовка: душистые ландыши, серебряные «наперстки», пейзаж в окошке, металловед Бочвар и внучка Маша в платье ампир. Здесь живут две звезды норильской истории – Галина Степановна и Анатолий Львович. Если судить по ним, норильчане все же люди особые.

«Как мы выпускали книгу об Авраамии Завенягине»

Издать книгу в наше время не так уж сложно. Нужен компьютер и тысяч двадцать долларов. К власти поближе сидеть или друзей богатых иметь. Иначе могут возникнуть сложности. Незнанский или Маринина на гонорары живут припеваючи. Чтобы раскрутиться, не один год нужен, в жилу необходимо попасть. Многие авторы о гонорарах и не помышляют. Главное – имя свое на обложке увидеть. И, потом, в лучших норильских традициях – работать бескорыстно, на благо Родины. Таким образом и город наш строился.

Совершенно случайно мне тоже довелось соприкоснуться с издательским делом. Я работала в музее и однажды бежала по Ленинскому проспекту, горько плача. Потому что знала: сейчас Татьяна Ивановна, бухгалтер профкома госучреждений, в очередной раз завернет чеки и отчеты. Отмечать праздники на профсоюзные средства – крайне хлопотно. По профсоюзным правилам на взносы нельзя покупать

шампанское (и прочее вино), нельзя отовариваться в магазинах, не имеющих печати, – только в государственных, где все гораздо дороже. Причем описание в мягком чеке по подробности не должно уступать научному описанию музейных предметов. Вдруг сквозь пелену я увидела Анатолия Львова, известного журналиста и историка. Этого быть не могло. Львов сидел в Романовке, под Питером.

Я вытерла глаза: Львов. Приближается, в зеленой куртке и кроличьей шапке. Оказалось, приехал по приглашению, выпускать книгу «Снежгород-2» – продолжение «Снежгорода», изданного в 60-е годы. Тогда все норильские школьники писали сочинения про Норильск, его будущее. Придумывали, каким город станет: под колпаком прозрачным, в магазинах роботы, предсказали появление компьютеров. А один загнул: утверждал, что в 2004 году из Норильска на Венеру, кажется, будут рейсовые полеты. В общем, передали мироощущение своей эпохи. Анатолий Львович творения толстых и Достоевских просеял через редакторское сито и составил сборник из особо выдающихся.

Анатолия Львовича я люблю, но боюсь. Сейчас боюсь меньше. Зато в детстве, когда он к тетушке моей вместе с Галей (женой) приходил, пряталась в дальней комнате и дрожала, как осиновый лист. Подумать только: живой писатель, классик, с которого норильские школьники в библиотеках «передирали» сочинения.

Слава А.Л. сияла ровным, немеркнущим светом. Но все же до славы Гали ему было далеко. Галю на экране ТВ норильчане каждый день видели и очень любили. Львова любили не все – за вредность и требовательность. Корректоры в «Заполярной правде» тоже дрожали, когда он заходил в корректорскую с обнаруженной ошибкой. Дружить с классиками – хороший тон. Они мудрые и умные. Я обрадовалась встрече и пригласила Львова в музей, потому что моя начальница, главный хранитель музея Валентина Вацаева любит его еще больше.

Дело закрутилось. Школьники писали, Анатолий Львович просматривал. Две трети сочинений были посвящены кошкам и собакам. В 60-е больше любили космонавтов и дедушку Ленина. По вечерам мы втроем сидели в музее: Львов, Вацаева и я. Застолья происходили исключительно после 18 часов, во вне рабочее время. И никоим образом не влияли на производственные музейные показатели. Мы сидели и говорили. Причем больше говорил А.Л. Ему было что рассказать. Историю Норильска он знает вдоль и поперек, всех ее персонажей, и очень любит. Особенно ему нравится Завенягин – человек и пароход. Однажды мы так вот сидели и ели гречневую кашу. Теперь я могу утверждать, что есть кашу с Анатолием Львовичем – к большим хлопотам. Речь зашла о Завенягине. Выдающийся, действительно, мужчина, организатор крупного масштаба, редкий талант. Сотня таких, и с Россией все будет в порядке (примерно так написал Анатолий Львович в одной из своих публикаций). Я, правда, сомневаюсь. Работать пришлось бы без выходных и с утра до самой ночи. Наши от этого отвыкли. Магнитку Завенягин поднимал на энтузиазме. Заставить людей работать на альтруизме – талант. Норильск построили заключенные. Заставить людей за проволокой выполнять каторжную работу с чувством счастья на лице – это уже гениально.

У каждого времени свои герои. Старые забываются. Это несправедливо. Десятки, сотни первых

норильчан оставили восхищенные воспоминания о Завенягине. Другие, отдельные персоны, утверждают, что сотрудник НКВД не может быть приличным человеком. Сотня положительных свидетельств, собранных в одну обложку, – очень доказательно. Мы решили: почему бы не издать документальные свидетельства современников отдельной книгой? Точнее, идея и название («Я болельщик Норильска», слова Завенягина) принадлежали А.Л. Нужны были дополнительные людские ресурсы. Мы согласились взять на себя роль ресурсов. Как раз издатель свой персональный у Норильска есть. Далеко ездить не придется. Мы рьяно взялись за работу: рылись в газетах, книгах и рукописных воспоминаниях. Выбирали нужные фрагменты и забрасывали их в компьютер. Эта техническая часть работы оказалась обширной и долгой. Творческую и редакторскую осуществлял лично Анатолий Львович. Четвертой в компанию мы взяли музейного оператора Маринку Никифорову. Процесс происходил в завенягинских традициях: после обычного рабочего дня до самой ночи и в выходные дни. Летели дни и недели. Закончилась зима, пролетела весна. Наступало лето. В гостинице А.Л. отсеивал из сочинений тысячи кошек и собак. Здесь же мы сверяли вычитанные экземпляры «Болельщика».

Оказывается, путь к славе начинается с булки бородинского хлеба и с комнатки типа «чуланчик» размером в четыре квадрата. Здесь сидел Издатель со своей помощницей. Издатель издавал, а также покупал акции и продавал хлеб. Хлеб был вкусный. Помощницу звали Тамарой. Тамара была женщиной-хакером. В том смысле, что взломала все традиции издательского дела. Все стахановцы советской эпохи умерли бы от зависти, глядя на ее работу, а Завенягин собственноручно подарил бы именные часы за усердие. «Типография» размещалась на квартире с подмоченными, отпавшими обоями, кое-где торчали полосы газет. Что их каждый раз клеить? – разумно рассудили хозяева квартиры. Все равно весной с кры-

ши побежит. Тамара сидела за компьютером 24 часа в сутки, верстая сразу несколько книг. Быт, муж, дети и прочее хозяйство не выдерживали конкуренции с автоматизированным монстром. Тамара стучала по клавишам. Время от времени А.Л. ругался с ней очень сильно. Тамара влезала в текст и начинала его редактировать. Например, сына Завенягина Юлия она исправила на Юлию. Так как, по ее мнению, мужчины с таким именем быть не могло. А.Л. с негодованием вылавливал из текста оригинальные интерпретации. Издавать книги ему приходилось часто. Современная постановка издательского процесса его сильно обескуражила. Тамарина неузкая спина стояла преградой на пути к русской грамматике, когда, повиснув ночью за этой уютной спиной, мы вносили поправки в текст. Иногда Тамара спрашивала: «А что, книга интересная?»

Гм. Честно сказать, я тяжело воспринимаю документальную прозу. Но дамскими воспоминаниями просто зачиталась. Лишь женское перо способно написать нескучно про извлечение меди и кобальта. Женщины непременно вспомнят безупречный маникюр на пальчиках у секретарши Завенягина или его неотразимые глаза. За эти красивые глаза вместе с Вачаевой мы и сгорали синим пламенем два месяца подряд. Тамара переплела первый экземпляр в целлофановую обложку. Остальной тираж повезли печатать «на материк». Львов уехал с сигнальным экземпляром «Болельщика», набирать в Норильске «Снежгород» он не стал. Тиражик книги о Завенягине оказался маленький – 100 штучек. Нам не досталось ни штуки. Но все равно на наших помятых от сверхурочной работы лицах пробивались улыбки счастья. В чуланчике Издатель угостил шампанским, сказал красивые тосты, показал «Болельщика» издавека и спрятал в сейф. Вот где мы приобщились к мировой богеме. И ездить никуда не пришлось. В компании оказалась писательница с мировым именем. Она покачивала ногой в черной лаковой туфле, надетой на

белый носочек, и рассказывала про Евтушенко (или Вознесенского). Поэт вынужден был громко выкрикивать свои стихи, чтобы хоть кто-то купил залежавшийся сборник. У писательницы, оказывается, не было таких проблем. Мир давно знал ее по Интернету. Отхлебнув немного богемы, мы с радостью выбрались на улицу. На улице плавился асфальт, лето выдалось чересчур жаркое. Но мы облегченно вздохнули: свобода! Что может быть дороже.

Прошло время, я забыла «Болельщика». И вдруг зимой в магазине «Лига-норд» с дешевой целлофановой обложки сверкнули неотразимые глаза. Увидев в числе составителей знакомую фамилию, мои дети были польщены, но тут же застенчиво спросили: «Наверное, ее никто не покупает?» Странно, но когда мы вскоре собрались купить экземпляр, то не обнаружили в магазинах ни одного. У главного болельщика Норильска в нашем городе все же осталось около сотни болельщиков.

«Чуланчика» больше нет, и булки стали намного хуже. Частные издательства в нашем городе, должно быть, не выгодны. Створениями норильских школьников тоже интересно получилось. Они вдруг оказались никому не нужны. Госпожа Лосева не сочла нужным ответить на письмо из Романовки. И, если бы не дружеская рука господина Николайчука, бывшего депутата... Господин Николайчук протянул спонсорскую руку, и теперь Анатолий Львович вычитывает гранки «Снежгорода-2», сидя в Романовке. Возможно, мы даже увидим ее на книжных прилавках. Если все обойдется. Издательское дело такое непредсказуемое.

Сергей Щеглов, Иосиф Шамис:

«Яркий летописец Норильска»

Много лет подряд читали норильчане репортажи, корреспонденции, очерки о своем труде и своей жизни, регулярно печатавшиеся в газете «Известия». Под ними стояла подпись: А. Львов. Читали их и люди по всей стране, и во всем мире. Да, и во всем мире. Ибо уже несколько десятилетий на всю планету славился город в просторах вечной мерзлоты сибирского Заполярья. И с каждой новой публикацией А. Львова со страниц второй по значению газеты Советского Союза слава Норильска еще и еще раз облетала земной шар.

Два фактора способствовали этому. Первый – содержание. Так весомы, так грандиозны были дела, свершаемые в сердце Таймыра, что не могли быть не замечены читателями в разных уголках страны и во многих частях света. И второе: написано об этом было так талантливо, так ярко, в таком первоклассном журналистском стиле, что пропустить эти публикации было просто невозможно. Вот лишь несколько заголовков тех известинских материалов Львова: «Здравствуй, солнце!» (7 февраля 1963 г.); «Талнах» (10 февраля того же года, не впервые ли это слово прозвучало на весь мир?); «Электрички в долине жизни» (22 октября); «Человек спасен» (7 ноября – о 20001-й операции доктора В.А. Кузнецова); «Город осажден пургой» (2 апреля 1964 г.); «Белорусский звучит на Таймыре» (25 июля)...

В каждом львовском заголовке неповторимый колорит Норильска, города удивительной судьбы и

героической истории. Очерки, репортажи, корреспонденции Львова – летопись расцвета и величественного подъема крупнейшего индустриального центра за 69 параллелью. А сколько было публикаций А. Львова в других центральных и местных газетах, сколько напечатано его материалов в журналах и сборниках страны!..

Потом к читателю пришли книги Анатолия Львова. Книги на ту же тему – о подвиге советских людей, создавших в пустынном Заполярье оазисы цивилизации XX века. Перечень книг Львова занимает тоже немало места. «Плюс пятьдесят по Цельсию» (Красноярск, 1971 г.); «Снежгород» (Красноярск, 1971 г.); «Лонтокойский камень» (Красноярск, 1976 г.); «Норильск» (Красноярск, 1977 г.); «Большой Норильск» (Москва, 1984 г.); «Спортивный климат Норильска» (Красноярск, 1984 г.); «Норильск» (второе издание, Красноярск, 1985 г.); «Норильск – город у мира на окраине» (Москва, 1985 г.) – в книге 88 красочных страниц с иллюстрациями; «Норильск» (Москва, 1985 г.) – комплект из 15 цветных открыток.

Книги Анатолия Львова о Норильске и его городах-спутниках – это вполне самостоятельные исследования, документально-публицистические монографии. Произведения Львова выполнены в жанре эссе. Герой их – покоритель Крайнего Сибирского Севера, отважный и эрудированный, оснащенный могучей техникой и обширными познаниями, Норильчанин с большой буквы, советский человек. Можно с полным основанием присоединиться к оценке, данной рецензентом одной из книг Львова: «При всей живости изложения повествование опирается на строгие документальные свидетельства. (...) Источником информации служили для публициста как архивы, так и многочисленные личные беседы. Встречался Анатолий Львович с известными норильчанами тридцатых, сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов. Даже хорошо знающий историю и предысторию «Норильскстроя» человек найдет в новой книге впер-

вые приведенные документальные свидетельства, рассказы о новом поселке Светлогорске и будущем спутнике Оганере» (А. Левенко. Летопись подвига. «Заполярная правда», 2 августа 1985 г.).

Важно заметить, что в новых работах Анатолий Львов все более и более отходил от простого репортажа, углубляясь в истоки Норильска, своеобразие его исторической судьбы, наложившей отпечаток на весь его облик. Особенно отчетливо сказывалось это в оригинальной работе, своеобразной антологии «Норильская биография». Пристальное изучение архивных материалов, беседы с представителями разных поколений ветеранов Норильска обогатили содержание монографий Львова и точность фактографического материала. А это, да еще при журналистском таланте автора, сделало его работы не просто читабельными, но и историческими.

Хотелось бы остановиться на повествовательной манере Анатолия Львова, стиле его работ. Почти химическое соединение яркости словесного орнамента с обилием и точностью фактического материала – цифр, событий, имен, дат, – характерно для работ А. Львова, делает их своеобразным и заметным явлением в советской журналистике. И вполне достойными Норильска, индустриального центра, с первых дней становления несущего знамя высокой культуры в областях человеческой деятельности, ему присущих, – будь то строительство или архитектура, промышленная технология или научные изыскания, театр или журналистика.

Мы помним, как приехал в Норильск Анатолий Львов, – скромным начинающим журналистом, выпускником университета. Помним, как некоторое время он «искал себя», присматривался, обогащался знаниями – уже «северного университета», наблюдениями. Работал рядовым газетчиком, затем редактором местных изданий. Это был не просто период его личного журналистского роста, это был и первый вклад его в развитие, обогащение культуры

Норильска. Подшивки здешних газет сохраняют немало золотых самородков его блестящего, год от года крепнущего таланта.

ПОСТСКРИПТУМ. Высоко оценили мы с Иосифом Адольфовичем Шамисом работу Анатолия Львова. Добавим к этому, что у Анатолия Львовича, как летописца Норильска, были достойные предшественники. Евгений Иванович Рябчиков, Анатолий Иванович Шевелев с Владимиром Алексеевичем Фроловым заложили первые камни в фундамент норильской историографии. Вслед за ними Алексей Иванович Бондарев, Владимир Николаевич Лебединский немало сделали для того, чтобы запечатлеть героический труд и подвиги первых норильчан и их предков – первопроходцев Таймыра.

Остановлюсь подробнее на деятельности Евгения Рябчикова. К очередному юбилею этого видного российского журналиста и писателя, в молодости хлебнувшего норильлаговской похлебки, послал я в «Заполярную правду» статью о его творчестве. Все краеведческие материалы в газете проходили через руки Львова, именно он готовил их к публикации. И вот какое письмо, датированное 4 марта 1989 года, получил я от него.

«Дорогой Сергей Львович, я прочитал про Рябчикова, и меня оторопь взяла. Вот что значит писать одним духом и махом – может повести не в ту сторону. А как же историчность? А как же индивидуальные особенности личности, темперамент, условия жизни, воспитание и т.д. и т.д. Все люди разные! Одни и не подумают отправиться в Антарктиду, другие и не подумают отказаться. Одни прежде всего видят смешное, другие – грустное, третьи – ростки, как говорят, нового, четвертые – психологи, пятые еще что-то.

Человеку 80 лет, и в день рождения Вы хотите ему заявить, что он развивался не так, как Вы бы этого хотели? Начинаете размышлять, полный ли он подонок или его можно простить и даже, если быть снисходительным, найти кое-что, Вас удовлетворяющее в его творчестве?!

Да, одни бы застрелились, а Рябчиков и не подумал. Да, он был уверен, что делает самое нужное, славя Карацупу, а потом коллективные подвиги норильчан, атомщиков и т.д. Кстати, мы с Вами не знаем, сколько и чего у него не ПРОШЛО и вряд ли ПРОЙДЕТ (Завенягин, Королев, Курчатова, Глушко). Я, наоборот, удивляюсь, насколько он целомудрен (!), когда не торопится перевернуться через голову, имея материал, даже фантастически интересный сейчас всем (к примеру, Рокоссовский, не помню, в Ухте или Инте).

И, наконец, главное: как бы Вам понравились рассуждения подобного рода в день Вашего 80-летия из уст не близкого Вам человека (или еще хуже – близкого): аллилуйщик наш юбиляр или враль, простим его или не имеем права... Бог нам судья».

Анатолий Львович отличался прямоотой и резкостью, они были его частью как журналиста. В данном же случае резкость послания объяснялась еще и тем, что затронул я в статье о Рябчикове струну, свойственную не только ему, но и самому Львову. Я всегда очень болезненно переживал умолчания и недомолвки о трагической истории Норильска и его собратьев по ГУЛАГУ. В моей оценке «летописца» Рябчикова Анатолий Львович почувствовал невысказанный упрек и в свой адрес. Как и Рябчиков, он всегда был «здравомыслящим». Он всегда писал о Норильске так, как требовало время, точнее сказать, как требовали власти во времени. Писал прежде всего о таких же здравомыслящих: руководителях комбината, партийных и государственных лидерах норильской жизни. О бывших заключенных стал рассказывать, лишь когда их место установилось в перечне достойных героев и не было риска ошибиться в их оценке и в самом факте их упоминания. Федоровский, Урванцев, Гарри и им подобные появились в его трудах, лишь когда стало ясно, что они допущены в плеяду знаменитых норильчан, несмотря на их «сомнительное прошлое».

Я ответил так:

«Дорогой Анатолий Львович! Отчитали Вы меня, по-видимому, поделом. Конечно же, к юбилею жи-

вого человека выносить на страницы печати не все можно. Я и не рассчитывал, что в том виде, в каком послал ВАМ свои заметки, они будут опубликованы. Подсознательно мне хотелось поделиться с Вами кое-какими мыслями. И попутно настоять еще раз на том, чтобы «Заполярка» не забыла отметить дату Рябчикова. У меня с ним всю жизнь сложные отношения, но это не избавляет меня от желания напомнить людям о его трудах.

В принципе же – насчет «бог нам всем судья», как Вы выражаетесь, я убежден, что тут есть над чем подумать, и думать мы обязаны. Уж слишком разительны поведение и судьбы разных людей в одних и тех же условиях!

От души желаю Вам всего доброго, новых творческих достижений и удач. Ваш С. Щеглов».

Слава богу, прямота не испортила наших отношений. Вскоре наступил и мой юбилей, и получил я такую телеграмму от Анатолия: «Да здравствует Сергей Норильский в далекой Туле очень близкий. Пусть век живет Сергей Щеглов, об этом молит бога Львов. А завтра в номере «Рабочий» поздравить юбиляра хочет». Имелась в виду газета «Красноярский рабочий», собкором которой Анатолий Львович попутно трудился. Поздравление было напечатано.

Мои добрые отношения со Львовым зародились еще в норильском литобъединении в конце пятидесятых и продолжались всегда, ничем не омрачаясь. Анатолий Львович приезжал к нам с Ниной Ивановной Балугоевой в Тулу, был желанным гостем в норильской квартире нашего сына Владимира, возглавлявшего тогда здравоохранение Большого Норильска. Приведу еще одно письмо, посланное 18 декабря 2001 года.

«Дорогой Сергей Львович, не могу не поздравить Вас с Годом под удивительно красивым №: 2002. Ибо до 2003-го могу и не дожить.

К сожалению, сочиняя панегирик – памфлет – фельетон в честь Вашего 80-летия, на самом интересном месте попал под... нет-нет, – под лазер, чтобы отдалить еще более не-

приятные последствия для очей моих. Теперь вот думаю, как сделать так, чтобы произведение не пропало, а соединено было с теплыми строками в первый весенний месяц. Впрочем, планы могут и не осуществиться – мало мы ТАМ нужны в новом тысячелетии. Да и события набегают, отодвигая несделанное вовремя (50 – никелевому, 50 – Первому цеху, потом 50 – городскому статусу; а тут таймырский губернатор нашел еще кое-что). Между тем, у меня собралось десятка два Ваших писем, да и предшественник Вы мой по освоению края. Не знаю, как Вы, а я рановато родился. Вот племянница улетает в Рождество на восемь месяцев в Нью-Йорк, делать докторскую по американской музыке (ей 35: можно и со всей семьей. Горизонты!). Плакаться, однако, нечего.

Жаль, что не поздравил Валю М. (*Валя М. – это Валентина Дмитриевна Мартынова, бывший редактор «Заполярки». – С.Щ.*), – не знал! Из газет (мне присылают обе редакции) понял, что Вам было хорошо в Норильске, но не использовали Вас и на 50%. Поздравляю себя с тем, что на 1% выполнил свой долг перед Вами. Не люблю переносить их в Новый Год. Ваш А.Л.»

Мое сотрудничество с Анатолием Львовым на ниве норильской историографии, обильной интересными и важными моментами, составляет полвека. Через его руки прошла масса моих материалов, опубликованных в «Заполярной правде» с тех пор, как он стал редактором-составителем исторических и литературных публикаций в городской норильской газете. Он многое сокращал в них, вычеркивал все, что казалось ему «олитературиванием» журналистского повествования. Он сурово оценивал труды своих коллег – имел на то право и по своему профессиональному уровню, и по знанию всего, что относится к Норильску и сибирскому Крайнему Северу. Так что многим приходилось проглатывать его целительные пилюли.

В 2006 году в Москве вышла книга Львова и дочери Завенягина Евгении под заголовком «Завенягин. Личность и время». Анатолий Львович прислал ее мне с таким автографом: «Наместнику земли Заве-

нягинской, наследнику и пропагандисту деяний его (лучших), человеку с идеальным характером (завидую почти полвека), одарившему многих и многим (меня – дружеством с Ясной Поляной), скромного и яркого, глубокого и многостороннего, – уважаю и люблю Сергея Львовича Щеглова как брата, хотите верьте, хотите – нет. Светлой памяти Нины Ивановны и Володи. Ваш А. Львов (1937–...). СПб – Москва майская, 06. Александре – привет».

Элементарная скромность, казалось бы, не позволяла выносить панегирическую торопливую надпись на всеобщее обозрение. Однако и весь предыдущий опыт общения, и последовавшая затем вскоре судьба ее автора, к тому же как бы предсказавшего свой уход, позволяют пренебречь скромностью в целях обстоятельного рассказа о нем.

Последняя наша встреча (очень недолгая) была в Москве в Доме журналиста на Зубовском бульваре 9 февраля 2004 года. Вот что записал я тогда в дорожном блокноте.

«В 11 ч. – встреча с Львовым у лифта в Союзе журналистов. А.Л. сделал мне внушение за добрые слова в адрес Важнова и за плохое редактирование Логинова, а я передал ему то, что он просил по телефону перед встречей: стихи моей внучки Жени Беспаловой, некоторые из моих норильских стихов и мою книжку о Федоровском 1967 года. И еще я подарил ему «Сталинскую премию», «Не вечно зло, если добро множить» (второе издание) и два тома Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области, составленных мною (первый и второй). Он оставил мне свой адрес: 188670, Ленинградская область, Всеволожск (пояснив, что это в честь друга Пушкина ВСЕВОЛОЖСКОГО), Романовка...».

Вот такая беглая запись. В ней не упомянуто о том, что сохранила память. Анатолий Львович рассказал мне о своей работе в московском институте над книгой о Завенягине и упомянул о плохом здоровье, что меня удивило: такой крепыш, и не старый еще.

А жаловался он на сердце. С той встречи промелькнуло почти шесть лет. Книга о Завенягине вышла и была мне подарена. А 14 января 2010 года позвонил мне в Тулу из Норильска старый знакомый по литобъединению Вячеслав Николаевич Ханжин и сообщил потрясшую меня весть: 6 января умер Львов. Место для второй даты в тех скобках заполнено. Не хотелось верить.

Не надо торопить собственную смерть. Она придет, когда ей назначено. Однако случается, что человек чувствует ее приближение.

После сообщения Ханжина узнал я от бывших норильчан (Михаила Яковлевича Важнова и других) некоторые подробности. Оказывается, у Анатолия Львовича кроме больного сердца был еще диабет.

Я пережил такое со своей второй супругой. Елене Александровне на пятьдесят четвертом году жизни врачи предложили продлить ее тем, что надо отнять ноги. Она не согласилась и через год мучений умерла. Когда испытываешь такое, особенно близки становятся подобные трагедии других. Смерть Анатолия Львова глубоко тронула меня, это большая потеря для Норильска.

Станислав Сергеев:

«Меня вызвал Таймыр»

Так применительно к своей биографии мог бы переименовать название знаменитой пьесы Александра Галича Анатолий Львов. Неслучайно вспомнилось тут имя знаменитого драматурга и барда именно в связи с Толей. Не помню Анатолия поющим, но слушающим, внимающим, впитывающим свободную бардовскую песню представляю отлично. И вспоминаю, забегая вперед, один эпизод...

Летом 1976 года, в один из приездов Львова в Москву (когда 15-летнее знакомство уже переросло в дружбу), мы с ним в каком-то едином порыве решили съездить в Михайловское к Пушкину. Небыстрый поезд привез нас на псковскую землю, а там – Пушкинские Горы, святая могила в здешнем монастыре. И вот она – поэтическая обитель, «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Первый визит – к Семену Степановичу Гейченко, директору музея-заповедника, чьими трудами был воссоздан, сохранен и оберегаем окрест высокий и одновременно живой мир опального поэта. В дом хозяина входили с опаской, понимая, в какую тягость могут быть ему очередные «туристы» из сонма паломников. Но день был будний – народа поменьше. Так что мы осмелились нарушить запрет таблички на заборе «Служебное помещение. Посторонним вход запрещен». Когда представились, сославшись на общих знакомых из «Известий», – почувствовали расположение, радушие и поразившую нас доверительность. После недолгого разговора Семен Степанович извинился: «Нам с женой надо на часок отъехать. Вы тут оставайтесь. Вот вам, чтобы не скучали, – проигрыватель, пластинки. Вернемся, тог-

да поговорим основательней». И уехали. Толя начал машинально перебирать пластинки, читая названия из классики, и вдруг поставил на диск одну из них. И замер, слушая. Это были «Кони привередливые» Высоцкого. Я их тогда услышал впервые. «Как? Ты не знаешь этой песни?» – изумился он. Грешен: не знал. Но с тех пор всякий раз, когда слышу эти звуки и слова:

*Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел...*

– вспоминаю Пушкина, Высоцкого и... Львова.

Хозяева вскоре вернулись, пригласили за стол. И завершилась встреча посвящением в традицию, о которой мы не знали. Семен Степанович развернул перед нами рулоны ватманских листов, испещренных разноцветными надписями посетителей: «Пожалуйста, оставьте свои!» Не помню, что написал я, но уверен: свою Толя наверняка повторил в дневнике (ах, эти знаменитые львовские дневники!).

Чтобы уж не возвращаться к этому «внеочередному» сюжету, вспомню дорогу из Михайловского в Тригорское. Мы прошли ее с Толей пешком, вдыхая полевые и лесные ароматы, мимо молодых елок, грибов и цветов, и представляя, как мчался по этому проселку юный 25-летний гений на свидание к Осиповым-Вульф. Толя щедро цитировал Пушкина (у меня с этим видом памяти худо). И, право, казалось нам тогда, что это и к нам относится его приветствие из близкого далёка: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

* * *

Из пушкинского летнего Михайловского вернусь на львовский зимний (преимущественно зимний) Таймыр.

В январе 2010 года, когда Толи не стало (за две недели до его очередного дня рождения), я не смог откликнуться на его кончину в Историческом клу-

бе «Известий», который вел тогда на страницах газеты и где старался поминать ушедших от нас товарищей. Не смог – слишком тяжела для меня была утрата. Но сказал себе: «Вот в августе обязательно напишу». Почему в августе – об этом речь впереди. А пока что повторю то, что было опубликовано в «Неделе» (туда временно

переселился Исторический клуб «Известий») в августе 2010 года. Публикация открывалась снимком, который перед вами, а дальше шел текст:

«Этот снимок Анатолия Львова – со стенда в Союзе журналистов России, открывшего в 1967 году галерею лауреатов Союза (тогда еще СССР). Под снимком – подпись: «Редактор многотиражной газеты «Огни Талнаха» (г. Норильск), премирован за очерк «Высший балл» и репортаж «Там, за озером Пясино». Толя, мой коллега и близкий друг, гордился не столько премией, сколько тем, что в списке первых (первых!) лауреатов СЖ СССР была упомянута созданная им газета, а еще тем, что его скромный портрет соседствовал с величественной фотографией (во весь рост) знаменитого журналиста-известинца Анатолия Аграновского.

– Через это я лишний раз ощущаю свою причастность к «Известиям», – с характерной смешинкой в голосе замечал Толя. У него были основания так говорить...

Львова открыл для «Известий» Олег Строганов, редактор отдела информации газеты. В 1961 году он прилетел в командировку в Норильск. Попасть в Норильск и не наткнуться там на Львова было невозможно: тот безошибочным чутьем репортера отыскивал интересных людей – здешних и приезжих.

В 1962 году в «Известиях» появилась первая заметка за подписью «А. Львов». Я заглянул в картотеку известинских публикаций на букву «Л»: меньше, чем за десять лет его фамилия появилась на страницах газеты около 90 раз – репортажи, зарисовки, интервью, информации. Нет смысла перечислять профессии, о представителях которых писал Львов. Он писал обо всех, открывая для себя и читателей все разнообразие человеческой деятельности на земле. Писал тепло, глубоко, ярко, умудряясь в несколько строк втиснуть максимум информации и мыслей. Теперь понятно, что это были заготовки к будущим книгам, черновики, однако тщательно выверенные, в которых редакторской руке нечего было править, а сокращать было жалко. Хотя приходилось...

Уже в первом известинском репортаже «Здравствуй, солнце!», посвященном окончанию полярной ночи в Норильске, Анатолий продемонстрировал неповторимость стиля и журналистскую выдумку, которым остался привержен навсегда. Казалось бы, простой ход: что увидит солнце в Норильске после двух с лишним месяцев отсутствия? Его лучи, например, впервые заглянут в окна комнат, где этой «ночью» справили 400 новоселий. И вдруг неожиданный поворот: «Солнце увидит многое. И ему будут рады все. Особенно те пятьсот маленьких таймырцев, которые пока еще не видели его ни разу в жизни. Многие из них уже научились улыбаться мамам, но не знают, что кварцевые лампы – это еще не настоящее солнце».

...Уроженец Симферополя, выпускник ташкентского университета, «южный человек», Анатолий в 1959 году вдруг рванул на далекий Таймыр, там работал на телевидении и в местных газетах, там нашел личное счастье – красавицу Галину, с его подачи ставшую популярным диктором Норильского телевидения. Родными для Толи на тридцать с лишним лет стали Норильск, Дудинка, Игарка, Красноярск, новые Талнах и Снежногорск. Написал несколько книг о суровом и красивом крае, о людях, которых забросила сюда судьба в тяжелые 30-е годы, и современниках, освоивших здешние богатства наперекор природе.

Лет пятнадцать назад семейство Львовых перебралось во Всеволожск под Питером. Здесь Анатолий засел за книги своей жизни – о знаменитом директоре Норильского комбината Авраамии Завенягине и академике-металловедом Андрее Бочваре (к работе над первой он пригласил дочь Завенягина Евгению, а над второй – журналистку Т. Александрову). На презентацию книги о Бочваре в Москве Толя приехать не смог: болезнь победила долго сопротивлявшийся организм...»

* * *

Книги о Завенягине и Бочваре Анатолий Львов писал по заказу Московского института стали и сплавов. Нужно было работать с документами, подчас некогда секретными, встречаться с людьми. Ректор, а впоследствии президент института Юрий Карabasов, курировавший книжную серию «Личность и время» – о выдающихся выпускниках их вуза и сотрудничавших с ним ученых, – всячески опекал талантливого и сверхточного и обязательного автора, создавал ему, что называется, климат наибольшего благоприятствования. В непосредственные «опекунские» назначил своего помощника Алексея Истеева, уникального по обязательности человека. У Львова в его московские наезды был постоянный персональный номер в гостинице института, расположенной рядом, близ парка Горького. Он поселялся в нем на несколько недель. В каждый его приезд мы там встречались, он стелил газетку, раскладывал подвернувшуюся под руку снедь, и, запивая ее тут же вскипяченным чаем, мы начинали долгие разговоры обо всем. Как-то, вспомнив одного из норильских друзей, он вдруг раскрыл толстую тетрадь и стал читать странички из дневника, чуть приоткрыв дверцу в свою исповедальню. Вот тогда я понял, какая же это кладезь наблюдений и ума – его дневники.

Истеев из МИСИСа исправно опекал Львова. Но однажды оплошал. Это «однажды» произошло в один из последних приездов Толи в Москву летом 2004 года

Он тогда неважно себя чувствовал, старался скрывать это. Но ему элементарно нужно было помочь доехать до Ленинградского вокзала, перевезти баулы с вещами (в основном книгами и рукописями). Истеев обещал прислать машину. Я приехал к Толе за два часа до отъезда. Он сидел перед телевизором, смотрел трансляцию какого-то футбольного матча из Португалии (тогда там проходил чемпионат Европы). Этой приблизительности («какого-то») Толя мне сейчас не простил бы, назвал бы точно. Его знание популярной игры, любовь к ней – отдельная песня.

Мы вместе досматривали футбол, но Толя начал нервничать: время поджимало, а машины все не было. Может быть, оплошал не Истеев, а шофер. До отхода поезда оставался час, решили добираться самостоятельно. Пока спустили вещи на лифте, пока на Крымском валу я ловил такси, время катастрофически сжималось. На вокзал примчались за 10 минут до отхода «Красной стрелы». Толе было трудно идти через длинный зал вокзала, а впереди – еще перрон и вагон, по закону подлости, в самом начале, за электровозом. Пришлось взять носильщика с большой транспортной тележкой. Погрузили вещи, водрузился и Толя. Носильщик включил «четвертую скорость». И на всю жизнь у меня перед глазами картина. Львов стоит на тележке, словно на капитанском мостике, – прощается с Москвой. Через три минуты «Красная стрела» умчалась в Питер. Как пел Высоцкий в той же песне: «Мы успели... В гости к Богу не бывает опозданий». У Толи были свои боги – семья и работа...

* * *

Оказывается, мы с ним много путешествовали (насколько позволяла жизнь в разных городах). Как-то выбрались к нам на дачу. Она – за Серпуховом, за Окой, уже на тульской земле. В Москве Толя загрузил в нашу машину неподъемный арбуз – килограммов на 12. Проезжали через Чехов (бывшую Лопасню). Я

показал ему из окна машины достопримечательность города – церковь Зачатия Святой Анны, упомянул, что есть при ней могилы Пушкиных. «Каких? – заинтересовался Толя. – Давай заедем». Заехали. Он старательно заносил в блокнот: сын поэта Александр Пушкин, генерал от кавалерии, герой русско-турецкой войны 1877–78 годов, внуки Григорий и Сергей, правнуки Сергей и Софья... Могилы были в неухоженном состоянии. Беспомощно посокрушавшись, мы поторопились покинуть печальное место...

Не знаю,годились ли Львову эти записи, но такова была его натура: впитать побольше знаний, «про запас».

* * *

И вот еще одна поездка, в другие края и по другому поводу – на границу Московской и Рязанской областей. Правда, Толя съездил туда один, но по моей наводке. Как-то я рассказал ему об известинском пионерском лагере «Синева», где мне довелось побывать старшим пионервожатым, расписал красоту здешних мест и предмещерскую жемчужину – озеро Белое с его лечебной (как утверждали врачи) серебряной водой. Через некоторое время Львов признался, что съездил на то озеро, восхитился «жемчужиной» и, вернувшись в Норильск, бросил идею руководству металлургического комбината – построить там санаторий для его рабочих: никакой Крым не нужен! В 1985 году на благословенном берегу вырос многоэтажный санаторий «Озеро Белое»...

* * *

И вот, наконец, обещанный август.

Летом 1967 года Толя прислал мне в «Известия» (я тогда временно руководил отделом информации) письмо с деловым предложением. Он подсчитал, что грядущим 31-м августа закончатся две трети XX века (66 лет 8 месяцев) и останется ровно треть до третьего тысячелетия. «Мир проживет, – писал он, – две трети

столетия, которое останется в памяти человечества. XX век достоин этого. Воспользовавшись необычной датой, стоит заглянуть в наше ближайшее будущее. Можно дать прогнозы в разных сферах человеческой деятельности. Даже короткое путешествие в последнюю треть века будет интересно читателям». Идея показалась привлекательной не только мне, но и руководству газеты (что было гораздо существеннее для ее реализации). Нам дали добро. Я поставил Толе условие: для нашей традиционной колонки «Только факты» придумать разнообразную «футуристическую» информацию.

Он быстро откликнулся и прислал большую подборку. Мы в отделе выбрали факты наиболее интересные и правдоподобные, опирающиеся на вполне реальную научную основу. Во врезке к полосе под общей шапкой «Сквозь годы мчит Земля» объяснили читателям наш замысел. Колонка новостей стала «шампуром» полосы (она и версталась вертикально). Начиналась она заметкой, которая сегодня выглядит архаичной. Тогда это была бы сенсация: «Вслед за автопилотом и автомашинистом появился, наконец, автошофер. Специальный прибор ведет машину, не допуская отклонения от заданного направления ни на километр». Заканчивалась колонка подписью: «Подборка подготовлена по разработке нашего ответственного корреспондента А. Львова».

К «шампуру» горизонтально были подверстаны более подробные заметки и интервью – с архитектором, с ученым-биологом, с инженером-связистом (он предсказывал появление телефонов дальней связи, еще не зная термина «мобильный»), с представителем Дома моделей, со спортивным специалистом (он резонно заметил, что последние рекордсмены нынешнего века еще не родились, ибо их возраст в 2000 году будет 20–25 лет, но рекорд по прыжкам в высоту, например, предсказал довольно точно – 2 метра 40 сантиметров).

Московский выпуск «Известий» с нашей полосой вышел 31 августа. В Норильск газета пришла

наутро 1 сентября. В этот день с утра у нас в отделе затрезвонили телефоны, а вскоре начали приходить письма с вопросами типа: «Где можно приобрести прибор «автошофер»?». Пришлось опять по телефону и в письмах объяснять наш замысел, чертыхаясь про себя на невнимательность читателей.

История имела продолжение. Через несколько дней в редакцию позвонил московский корреспондент французского журнала «Пари матч», похвалил нас за интересную журналистскую находку, сказал, что его журнал рассказал о ней на своих страницах, и попросил связать его с А. Львовым. Когда я сообщил об этой просьбе Анатолию в Норильск, тот (я почувствовал) отшатнулся от телефонной трубки, представив, что будет, если вдруг корреспондент буржуазного журнала прорвется в закрытый город Норильск. Такие опасения в ту пору были отнюдь не беспочвенны.

Через 40 лет я попросил Толю рассказать эту историю в моем Историческом клубе. Он из скромности отказался. Вот я и приурочил воспоминание о нем в «Неделе» к августу, которого он не дождался.

* * *

Как удержаться от последнего воспоминания! В марте того же года Толя подарил нам с моей Татьяной на свадьбу шикарный кофейный сервиз из тонкого фарфора на шесть персон. С явным намеком на прирост населения в отдельно взятой семье. В прогнозе ошибся ровно на треть, что могут подтвердить наши сын и дочь. Правда, с годами и сам сервиз уменьшился на треть. Но посуда бьется к счастью. А Толя впоследствии в этот мартовский день желал нам счастья каждый год. Не пропустил ни разу. И это тоже Анатолий Львов.

* * *

В Норильске я так ни разу и не побывал, хотя Толя все время звал. Лишь однажды, в одну из командировок, пролетая над городом ночью (еще не

полярной), увидел множество веселых огней и передал с высоты привет другу. Зато спустя годы дважды побывал у него в городской квартире деревни Романовка (пригороде Всеволожска). Познакомился с его замечательной женой Галей, которую он когда-то «выловил» на норильском телевидении. Услышал рассказы (не без гордости) о сыне-враче Игоре и любимой внучке Маше. Увидел рабочий стол в кабинете, заваленный рукописями, газетными и журнальными вырезками и черновиками, покрытыми аккуратной округлой вязью письма. Обратил внимание на лист бумаги, заправленный в машинку, словно патрон в карабин – вот-вот выстрелит (за компьютер так и не сел – доверял мысли только собственному перу). И пробежал взглядом по рядам его многочисленных друзей – книги, книги, книги от пола до потолка. Все это, вместе взятое, и есть Анатолий Львов.

НОРИЛЬСК первых десятилетий

«Заполярная правда», 27 января 1987 г.:

«По-здрав-ля-ем!»

Анатолий Львов – в тройке самых популярных авторов «Заполярной правды». Так считает каждый пятый читатель газеты. Остальным – просто не посылали анкет. Его публикации в газете мы пересчитать не смогли: надо воро-

шить подшивки за четверть века, а вот сколько раз рассказывали о нем, знаем точно – один. Более двух лет назад – в связи с 25-летием его работы в Норильске он был «субботним гостем» и мы задали ему 25 вопросов.

Сегодня снова есть повод: ему исполнилось 50. И потому очередную публикацию Анатолия Львова мы предвараем «Словом о коллеге».

Когда верстался номер, юбиляр получил телеграмму:

«Всесоюзная секция репортеров Союза журналистов СССР поздравляет Вас – одного из лидеров современного репортажа – со славным юбилеем и желает новых творческих успехов в неустанном рассказе о замечательном Норильске, о его героях, о том, как советские люди преобразуют Заполярье тчк Рады, что Вы как выдающийся репортер награждены памятной медалью Гиляровского – высшей профессиональной наградой тчк Поздравляем вск Желаем новых репортажей тчк

Рябчиков Колодный Барыкин Опарин».

Валерий Ронин:

«Связной нашей памяти»

- Зачем вы пришли на землю?
- Чтобы жить.
- Что для вас бесценно?
- Дети.
- Что вы любите?
- Людей.
- Что вы боитесь потерять?
- Память.

Э то не диалог с субботним гостем. Так, если верить литературе, в индейском племени посвящали в воины. Но, думается, для разговора с Анатолием Львовичем Львовым этот зачин более чем уместен. Ибо нет сегодня в большом Норильске другого человека, который бы столь вдумчиво изучал нашу историю и столь щедро делился этим знанием. Делился не по должности, а по долгу, привязанности души (к Норильску, о котором Роберт Рождественский недавно сказал: «...Пространство сердца он мне заполнил. Пространство памяти заполнил»). Той привязанности, которая сделала Анатолия Львова настолько известным среди пишущих о Норильске и норильчанах, что в этом качестве его можно уже не представлять. Разве только уточнить: завтра – ровно 25 лет, как наш субботний гость переступил 69-ю параллель, еще не зная, что станет надежным связным между прошлым и будущим этой земли.

Это обстоятельство и определило форму нашей беседы: 25 вопросов и ответов о времени и о себе.

– Анатолий Львович! В библиотеке имени Ленинского комсомола развернулась единственная в

своем роде выставка «25 лет о Норильске». Любознательный человек найдет там ответы на многие вопросы, связанные с вашим творчеством. Но одно белое пятно бросается в глаза: ваша первая публикация о нашем городе – о чем, где и когда?

– «В руках у Леонида Новожилова вспыхнула пакля...» – последние известия норильского телевидения в сентябре 1959 года... Парень сильно обгорел, но его товарищи по практике на механическом заводе поделились кожей (собственной), и все обошлось...

Первая информация в газете «Красноярский рабочий»: сообщил об открытии Дворца водного спорта за Полярным кругом.

– С того дня из-под вашего пера вышло шесть книг (двадцать пять – с вашим участием), десятки очерков, статей, интервью в центральных и местных газетах. Вы стали лауреатом премии Союза журналистов СССР, премии комсомола Красноярского края. К 50-летию комбината появляется еще несколько изданий... Что из написанного вам дороже всего и почему?

– Не знаю. Из книжек? Самая нужная, видимо, «Норильск», потому что справочник. Самая «писательская» – «Лонтокойский камень». Самая интересная для истории – «Снежгород», которую я не писал, а организовал, продолжил замысел игарчанина 30-х годов Анатолия Климова.

– И чтобы совсем уж завершить «издательскую» тему, ответьте, Анатолий Львович, на коварный вопрос, подсказанный особенностью вашего творчества – на редкость впечатляющей подачей цифр. Итак: во что бы такое зримое перевести – с учетом тиража – все печатные листы вашей писательской и публицистической деятельности?

– Это слишком сложно. Хотите – наоборот – 20 строк (вместе с заголовком и подписью), которые 20 лет назад были отмечены премией? «Проходчик Зотов говорил с Москвой из своей квартиры в первом пятиэтажном кирпичном доме поселка... Эту инфор-

мацию я, тоже впервые, передаю по телефону. Раньше посылал почтой. Приятно: Талнах – небольшой северный поселок, а говорить может со всей страной».

– Отлично! Но до Талнаха в вашей жизни возник Норильск. Как это произошло? Школу вы закончили в Симферополе, университет – в Ташкенте...

– Я жару не люблю! И хотелось побыстрее стать самостоятельным... Прочел в «Труде», что в Норильске открывается телестудия, предложил свои услуги, попросили прислать газетные вырезки...

– Как вы сейчас относитесь к Норильску, можно не спрашивать. А первые впечатления?

– Полный восторг: площади, улицы, люди, климат (тот сентябрь обошелся без снега)! И еще приплачивают тысячу восемьсот рублей ежемесячно – «старыми», понятно... Город был маленький, уютный и чистый.

– Остаетесь ли вы романтиком сейчас – в городе достаточно комфортном? Не потеряла ли романтика Севера, как ее понимают молодые, свой ореол?

– Мало ли что я о себе наговорю! А потеряла ли... В традиционном значении – конечно. Какая к черту (извините) ... если очередь за помидорами, три с половиной часа от Москвы и т.д. Но ведь это – внешние приметы. Дело в сути, а не в ореоле. Для чего ты здесь живешь? Какие цели преследуешь?

И, наконец, чтобы долго не умствовать: в каждом из нас легко уживаются реалист и романтик. Так и должно быть.

– Двадцать пять лет назад в Норильске появился молодой журналист. Приезжали журналисты и после него. Летописцем Норильска – в самом глубоком понимании этих слов – из всего нашего журналистского корпуса стал только Львов. Что подвинуло его к этому?

– Это самое... Кому-то ж надо...

– Кого вы считаете своими учителями?

– Многих, но не из тех, кто говорил: «Делай, как я», или «Так – и только так». Назову своих старших друзей, общий стаж работы которых в публицистике – больше века: Георгий Иванович Кублицкий и Евгений Иванович Рябчиков. Давний и постоянный учитель – газета «Известия», с недавних пор – «Советская Россия». Добавлю к этому списку все лучшие перья СССР, а также все худшие...

– Норильский комбинат накануне своего пятидесятилетия. Половина его жизни прошла на ваших глазах. И было в ней, наверное, что-то самое-самое памятное для вас?

– Детство Талнаха.

– Каждый рассказ о Норильске и норильчанах Анатолия Львова насыщен витамином новизны. Что касается прошлого – все понятно: каждая его грань, очищенная от забвения, играет на интерес. Но и в дне сегодняшнем вы вдруг открываете такое неожиданно узнаваемое, что диву даешься: как, мол, этого не замечал! Откройте секрет такого «стереоскопического зрения», как написал кто-то из рецензентов.

– Про зрение – это не ко мне. Из клана репортеров я, надеюсь, не выбыл, но за четверть века многое, к сожалению, примелькалось; настоящих открытий я жду от молодых, таких, как Юра Могилевский, – с острым взглядом и одесской талантливостью. Впрочем, если прислонить меня к теплой стенке...

– Что же лучше: знать все о немногом или по-немногу обо всем?

– И то и другое порознь – ущербно. Все о немногом плюс кое-что, о чем не знает никто.

– Какое качество вы больше всего цените в людях?

– Два: порядочность и чувство собственного достоинства.

– А кто из норильчан – первых, нынешних – больше всего отвечает вашим представлениям о

северянине? Кому подражать вы бы посоветовали юным читателям?

– Только не подражать! Изучать, делать выводы... Фигура № 1 – Урванцев, чем больше узнаешь человека и о человеке, тем больше шансов, что облик его побледнеет. В данном случае – ничего подобного. Это – герой. Своего, конечно, времени. Следующий этап выдвинул Завенягина и Зверева... Из нынешних я чувствую себя в долгу, прежде всего, перед двумя Леонидами Ивановичами – Анисимовым и Даниловым (они об этом не подозревают).

– Бывают люди удачливые и неудачливые. Что это значит на ваш взгляд – удача?

– Удача, как и похвала, – это допинг. Очень помогает. Но удачливый человек – это просто баловень судьбы, а неудачник – человек, не угадавший своего дела.

– Современный норильчанин. Каков он?

– Гордый, уверенный в себе человек с обостренным чувством нового, стремлением к приоритету. Мобилен, динамичен, стиль жизни – деловой. Солнцепоклонник. Тундровые (по выходным). Рост и вес – чуть выше среднего. Средний возраст – 27. Патриот города – в отпуске, критикан – перед отпуском (когда «все надоело», накопилась моральная и физическая усталость). После отпуска – в зависимости от того, как и где отдыхал. Выписывает два журнала, читает один. Выписывает три газеты, читает местную, начиная со сводки выполнения плана. Недоволен экологической обстановкой, выступлениями советских футболистов и политикой Рейгана. Не пропускает хоккейных телетрансляций, с трудом поднимается по утрам в спортзал и мечтает об Олимпийских играх – 2000 в Норильске.

– Относите ли вы материальное благополучие к числу жизненных успехов?

– Безусловно. Без него нет ощущения, что ты свободный человек... Правда, есть люди, которых

материальное благополучие приводит к зависимости от него.

– *Ваше отношение к моде?*

– Следую ей, значительно отставая.

– *Чему посвящаете свое свободное время?*

– Телесериалам (в первый показ), наведению порядка в личном архиве и на книжных стеллажах; ежедневно – два часа ходьбы.

– *А чтение?*

– Какое же это свободное время, если голова занята!

– *Ваш любимый писатель, поэт?*

– Вы меня спрашиваете о Пушкине или о ком-то из красноярцев?

– *Ваше мнение о телевидении? Не отнимает ли оно людей у литературы, театра, музыки, кино?*

– Смотря какое телевидение и что за зритель.

– *Как относится автор книги «Спортивный климат Норильска», издающейся в Красноярске, к физкультуре и спорту в натуральном виде?*

– Трофим Яковлевич Гармаш у академика Ананьева нашел выводы исследований в Кембридже о тамошних выпускниках: спортсмены живут дольше спортсменов. Правда, при постоянной тренировке ума и ... физической работе.

– *Значит, самое радикальное средство сохранить молодость...*

– Не пиццать, не раскисать. А если серьезнее, то – «режимить», особенно в питании: во всяком случае – после сорока.

– *О чем вы писали за последние четверть века, кроме главной темы?*

– О Енисее и Днепре, криворожских ГОКах и крымской степи, красноярском Затоне и Шушенском, о том, как возделывают футбольные поля, и московском «Гипромезе», о кругосветном путешест-

вии питерских детей, гонимых гражданской войной, и Пушкинских горах... Остальное, увы, в блокнотах и планах.

– Год 25-летия вашей норильской биографии, Анатолий Львович, отмечен рядом приятных событий. Они из личной жизни, но разрешите их обнародовать. Событие номер один: на свет появился доктор Львов – сын Игорь, стал врачом-психиатром. Событие номер два: в двадцать пять норильских лет Анатолий Львов стал дедом – внучка Машутка с нетерпением ждет вас в Ленинграде. Событие номер три: получена верстка очередной книги о Норильске. Словом, вместо последнего вопроса – восклицание: поздравляем!

– Номер события второго, пожалуй, первый...
Благодарю от души.

*«Заполярная правда»,
8 сентября 1984 г.*

НОРИЛЬСК первых десятилетий

Тамара Орлова:

«Слово о коллеге»

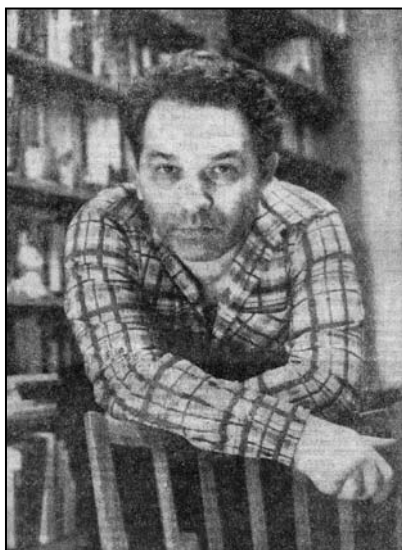
– Привет.

Если «привет» без восклицательного – это он, Львов. С его любовью к краткости, с его, я бы сказала, таинственной сдержанностью. С его постоянной готовностью переходить к делу и только к нему. Но даже в приветстве Львова – бездна информации. В этом единственном слове можно прочесть: «Вы знаете, конечно же, как я к вам, то есть к газете и ко всем газетчикам, отношусь. Поэтому я не могу не принести в редакцию самое важное, самое интересное. Как вам, к примеру, такое предложение...»

Так когда-то появились газетные рубрики «Остаются норильчанами» и «Мы и про нас». Так когда-то родилась идея «Норильской биографии» (а теперь и ее «Почты»). Норильский День мира на газетной полосе – это тоже его, Львова, предложение.

Писатель. Автор книг о Норильске и не только о нем.

Журналист. Очерки и фотоочерки о Норильске, заказываемые Львову агентством печати Новости, прошли (и не по разу) в восьмидесяти зарубежных изданиях.

Историк, библиограф, спортивный комментатор, редактор, экскурсовод – это тоже о нем, норильчанине с 1959 года, «связном нашей памяти».

Что еще... Да, он блестяще рассказал о гастролях Норильского Заполярного театра драмы в столице и в Прибалтике, а также о всех маленьких и больших достижениях спортклуба «Заполярик». Он сделал лучшую рекламу нашему сочинскому санаторию. Наконец, Львов организовал вечера-встречи в Центральном Доме литераторов.

Одним словом, Львов всегда был и есть там, где надо представить – и достойно! – Норильск.

Разносторонность интересов, профессиональная щедрость – с одной стороны, огромная работоспособность и сверхорганизованность – с другой.

Причем работает он не только на себя, на свои будущие публикации. Со всех концов Союза ежедневно приходит на его имя столько писем, сколько за год – в небольшое учреждение. На каждое надо не просто ответить – отрецензировать или отредактировать присланную рукопись о Норильске и норильчанах.

Зная особенность стиля Анатолия Львова (предельная лаконичность, обилие цифр, которые непременно «говорят», а зачастую и ошеломляют), многие ее эксплуатируют. Просят, к примеру, сочинить надпись на памятных досках или придумать что-нибудь в этом роде. Анатолий Львович никогда не отказывается, слава богу. Вот почему нам кажется, что на памятнике первой палатке, который стоит при въезде в Талнах, просто не может быть других слов.

За несколько дней до своего 50-летия (какие полвека, товарищи дорогие?! Да вы посмотрите на этого человека!) Львов в очередной раз сказал: «Привет». Это значит, что сегодня и в ближайших номерах «Заполярки» вы прочтете материалы необычные, заставляющие поработать и ум, и сердце.

– Знаешь, – сокрушается Анатолий Львович, – мне пришлось сегодня отказать в просьбе некой Татьяне Викторовне из Дома пионеров. Не могу в фев-

рале им помочь, потому – записался на март. Неделя детской книги...

Я знаю, чем у Львова занят февраль: в Доме техники начинается цикл устных очерков (именно очерков, потому что Анатолий Львович их заодно и пишет). Первым, о ком расскажет (и как расскажет!) Львов, будет Александр Федорович Миддендорф – русский путешественник и естествоиспытатель. Следующие – Шмидт, Лопатин. Ими будут заняты и март, и апрель.

Но на Неделе детской книги Львов все-таки выступит. Он сделает это не потому, что в Норильске нет больше «настоящих» писателей. С детьми Анатолия Львовича связывает «Снежгород», который, как и многие его книги, очерки, комментарии, – продолжается.

*«Заполярная правда»,
27 января 1987 г.*

НОРИЛЬСК первых десятилетий

Валерий Кравец:

«Местный писатель»

Мы были знакомы более тридцати лет. Жили в одном городе. Занимались вроде бы одним делом. Даже какое-то короткое время служили в одной организации – на Норильской телестудии, где Анатолий Львович в то время был главным редактором. Иногда общались по телефону, особенно в последние десятилетия, когда он уже переехал из Норильска во Всеволожск под Санкт-Петербургом.

И когда пришло время печальной мемориальной необходимости написать об этом непростом и удивительном человеке, сыгравшем свою роль не только в моей судьбе – а его приход в мою жизнь совпал с ее становлением в профессии, личностном формировании, закладке принципиальных моральных «кирпичей» поведения в обществе, – я не сразу нашелся, о чем я могу рассказать.

Но потом в памяти всплыло...

КОНЕЦ ДВОЙНОЙ ТЯГИ. Свою трудовую деятельность после окончания факультета журналистики в Киевском госуниверситете им. Т.Г. Шевченко я начал в 1961 году. Уже через год я оказался в довольно продолжительной командировке в Норильске, где в то время начинало наполняться информационным и сюжетным смыслом слово Талнах. Раскручивалось освоение перспективнейшего горнорудного промышленного района, который, как оказалось, на много десятилетий (из них более 30 лет впоследствии вошли и в мою судьбу) определил перспективу деятельности Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина, а затем и РАО «Норильский никель».

Я не помню, познакомился ли я тогда со Львовым. Наверняка слышал его фамилию. Но я так был поглощен тем, что происходило на заполярной земле, впервые ставшей полигоном моих журналистских изысканий, что для меня важнее всего были многочисленные встречи с молодыми строителями Талнаха (а других тогда не было), передвижения по его территории в полярную ночь, ночевки в самом поселке (частично еще палаточном), когда я не успевал добраться до своей «базы» в Норильске.

Все это дало мне богатый материал. Впрочем, как я понял довольно скоро, он оказался поверхностным и неглубоким, потому как я был захлестнут его экзотическим фоном, ничего не знал из самого ближнего прошлого Норильска, не шибко разбирался в технологических процессах и довольно приблизительно представлял себе, какая громада вырастет на Талнахе, который я даже не рассмотрел из-за полярной ночи.

Но со свойственной характеру начинающего журналиста жадностью, дерзостью, восторженностью, на поверку оказавшимися весьма поверхностным восприятием событий, которые по сути были историческими, я написал несколько крупных очерков и даже рискнул составить из них книжечку, которую предложил Красноярскому краевому книжному издательству. Она называлась «Конец двойной тяги» и заголовком стало техническое мероприятие вызволения трактора из снежного месива с помощью двух других тракторов. К моему удивлению, со мной довольно быстро заключили издательский договор.

Но тут на мои глаза стали попадаться публикации о Норильске Анатолия Львова. И вот этот незнакомый мне лично журналист, а годы спустя мой хороший товарищ, оказал мне первую (и не единственную!) услугу: своим примером и своим пером он дал мне понять, что о Норильске писать так, как это сделал я, нельзя. Он даже не знал о моей издательской затее,

о договоре. Он просто уже существовал в атмосфере морального воздействия на меня, на творческую самооценку, на способность принимать решения.

Я попросил издательство расторгнуть договор со мной. Дело, в общем, и нынче нечастое.

Зато сегодня мне не стыдно за почти три десятка книг, которые вышли из-под моего пера за почти полвека работы и в журналистике, и в литературе. Нужды в «двойной тяге» не было.

Спасибо, Толя!

ОСТРОВ ДИККЕНС. Сразу хочу уточнить, что речь идет об острове Диксон, а почему возникла фамилия английского писателя – ниже.

Я, конечно, переживал, что отказался от издания пусть небольшой, но первой книжки. Но в судьбе так устроено, что ничего не бывает случайным или лишним.

Следующим подарком на моих журналистских дорогах после Норильска стал Диксон – в 60-е годы столица советских полярников, край истинной романтики, которой жаждала моя открытая всему новому душа. Если к этому добавить, что я в те годы был уже публикующимся поэтом, мое восприятие действительности отличалось уже особой лексикой, желанием и способностью найти интересные детали, словом, сделать газетный материал нескучным.

Итогом моей командировки на Диксон стал цикл зарисовок «Открытки с Диксона». Это были, по сути, короткие новеллы, из которых складывалась мозаика арктического поселка, характер необычной профессии полярника, свойственный молодости дух первооткрывательства.

Мое «творение», опубликованное в городской газете «Заполярная правда», попало на глаза Анатолию Львову. Доброжелательно оценив его (как сегодня думаю, за географическую «свежесть» и тематическую новизну), он предложил мне показать «Открытки» своему коллеге по телестудии, который с недавних

пор уже работал в Москве в журнале «Молодой коммунист» Виктору Москалеву. Так состоялась моя первая публикация в столичном журнале, в те годы весьма популярном у молодежи, чему я немедленно получил подтверждение в виде нескольких писем-откликов. Одно письмо, правда, начиналось забавно: «Я прочитала ваши заметки об острове Диккенс...»

Я, разумеется, весьма гордился этой публикацией. А сегодня, по прошествии более сорока лет со времени своего столичного журнального дебюта думаю о том, что между отказом от издания очерковой книжки и «Открытками с Диксона» есть невидимая, почти мистическая связь с личностью Анатолия Львова.

301 и ОДИН. Так называлось послесловие к книге Анатолия Львова «Норильские судьбы» (1815–1995), выпущенной в свет издательством «Престо» тиражом в 5 тысяч экземпляров. Я тогда только вступил в должность директора пресс-центра РАО «Норильский никель», и эта книга была одним из первых моих издательских проектов.

В предисловии «От автора» Анатолий Львович, упоминая десятки фамилий людей, помогавших ему в написании книги, так отметил мое участие: «...Признателен Валерию Кравцу (за советы, инициативу и целеустремленность)...» Мне сегодня эти слова особенно дороги, но сам факт упоминания дает мне повод сказать, что в каждой своей книге А. Львов считал необходимым и обязательным поблагодарить людей, которые были не только героями его произведений, но и консультантами, советчиками, добровольными помощниками. А это ведь тоже уроки писательской культуры, творческой души, благодарной памяти.

Он успел написать немало книг. И в каждой из них, уже помимо своей воли, он был одним из действующих лиц, без которого она была бы невозможна.

О «КОРОЧКАХ». Те, кто пишет, печатается, кому удается издать книги, в большинстве своем в годы

нашей молодости мечтали стать членами Союза писателей СССР. Я, во всяком случае, мечтал. А вот Толя смотрел на это мероприятие с грустной иронией.

Будучи по природе своей настоящим писателем, он понимал суетливую природу «корочек», целомудренно оберегал себя от искуса заполучить их, используя свои высокие и достойные знакомства.

Много лет спустя, когда большинство творческих союзов утратило свою карьерную привлекательность, стало местом прибежища графоманов, позиция Анатолия Львова стала очевидной: дело не в членской книжечке, а в книгах, которые выходят из-под твоего пера и являются на суд читателя или на праздник встречи с ним, или становятся документом времени и места (вот тут-то и подходит понятие «гений места», придуманное не нами, но точно отражающее главное в творчестве нашего героя).

Впрочем, было два творческих объединения, к которым Львов относился, я бы сказал, спокойно и одобрительно. Это Союз журналистов СССР, который он воспринимал спокойно, — все-таки сам был одним из первых лауреатов всесоюзной премии этого Союза. А вот свое членство в Русском Географическом обществе он осуществлял даже активно, в 80-х годах представляя его Ленинградское отделение в Норильске. Он и меня в свое время вовлек в его работу: я по сей день посещаю заседания отделения географии полярных стран в московском городском отделении общества.

Помню, как-то просматривая подготовленный мной к печати и подписанный какими-то титулами, которые у меня к тому времени накопились, материал, Львов посоветовал мне: «Подпиши просто как действительный член Географического общества...»

ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ. Так называлось предисловие к подборке моих стихотворений, написанных в Америке и опубликованных в «Заполярной правде» 9 августа 1996 года. Его автор — Анатолий Львов.

Это получилось случайно, что в данной публикации мы сошлись последовательно как своеобразные комментаторы написанного друг другом. Хотя и в этой случайности есть своя внутренняя логика, а для меня еще и счастливый повод показать Толю как человека чувствующего и сочувствующего в крайне деликатной ситуации, в которой оказался и я, и он.

«Кажется, в начале апреля раздался междугородний — долгий — телефонный звонок. Валерий Кравец...

Через несколько минут я понял, что он прощается. Нет, никакой паники в голосе, обычная, ровная, не без оттенков интонация, но... Не уловил, а именно понял (он как раз, возможно, и не до конца это осознал, но позвонить, однако, захотелось — так, на всякий случай).

А вы бы не позвонили? Человек предполагает — располагает чаще не он. Когда же знаешь, что тебя усыпят, располосуют, развалят грудную клетку, вынут, пусть ненадолго, сердце, вытянут из тебя все жилы...

Не вынут. И не все жилы, а только одну, метровую, и пустят на запчасти, чтобы отремонтировать коронарные сосуды — мало ли что там с ними! Где прохудились, где — набиты бог знает чем!

Хватит анатомии, хирургии и натурализма. Сердце, конечно, не более чем насос, но лучше его не разбирать (вдруг при сборке останется что-то лишнее!)... Обошлось. Здравоохранение в США плохое — хотят улучшить, кое в чем копируя наше, достраховое, — зато медицина замечательная. Шунтирование — это для оперирующих кардиологов. Ну, не раз плюнуть, но дело привычное. А сердце поэта, известно, мягкое, податливое, открытое людям (хирурги тоже люди).

Короче, жизнь прожить — не поле перейти. Почетному полярнику Кравцу, оказалось, не хватит тайги, тундры, ледовых полей. Понадобилось пересечь не наш океан. Грубо говоря — туда с одним сердцем, назад — с другим.

Эти чертовы американцы, эти классные парни — заместники Бога — душу у поэта не вынули. Можете сами убедиться».

И далее идут стихи, не только подтверждающие слова Львова, но и возвращающие нас к его прозе, которая искренней и возвышенной многих поэтических образцов.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. Формально главным редактором моим на телестудии Анатолий Львович был всего несколько месяцев. А по сути — всю жизнь.

Наша совместная работа на телевидении выпала на эпоху прямого эфира, когда все передачи шли «живьем», а вместе с ними — и все ошибки (от идеологических, как, на мой взгляд, несправедливо внушали нам старшие товарищи, до банально неправильно поставленных ударений). При этом он не ругал, не стыдил, не внушал, а в результате было мучительно неловко за собственную серость и возникало желание учиться впредь избегать подобных ситуаций.

Кажется, он знал все. Его передачи на спортивные темы поражали объемом знаний («голы, очки, секунды»), дат, событий, курьезов, прогнозов.

Однажды он позвонил мне ночью и с радостью сообщил (узнал по ночному «вражескому» радио!), что поэт Иосиф Бродский стал лауреатом Нобелевской премии. А я, автор стихотворных публикаций, о таком поэте даже не слышал.

В течение многих лет он был, по сути, пресс-секретарем директора комбината Бориса Ивановича Колесникова, хотя такой должности тогда не существовало. Ему, как самому опытному журналисту, доверяли работу с материалами, которые составляли основу докладов руководителя на партийно-хозяйственных активах, отчетов «наверх». Впрочем, это мои догадки, но я думаю, что оно так и было, и Анатолий Львович никогда не отказывался от выполнения таких заданий. Не потому, что тем самым ему оказывались уважение, доверие и честь, но он получал доступ к первоисточникам информации, которая в

его творческой лаборатории трансформировалась в причудливую игру цифр, сравнений, сопоставлений, оригинальных образов, в конце концов.

Его творчество всегда было востребовано крупными деятелями культуры, науки и техники. Мне неоднократно доводилось быть свидетелем того, как доброжелательно и уважительно отзывался о его уникальных работах о А.П. Завенягине и А.А. Бочваре Президент Московского института стали и сплавов, депутат Государственной Думы Юрий Сергеевич Карabasов, проявлявший поистине отеческую заботу о Львове, когда у него резко ухудшилось здоровье, и весьма ощутимо поддержал его, что позволило довести до издания эти поистине великие труды.

Он замечательно умел общаться с будущими героями своих статей и книг. Где-то в 80-х годах в свой последний приезд в Норильск Елизавета Ивановна и Николай Николаевич Урванцевы были гостями в доме Львовых. Гостеприимная супруга Львова Галя накрыла соответствующий моменту стол, на котором, между прочим, была и какая-то наливка – от рюмочки не отказались даже знаменитые супруги, далеко перешагнувшие к тому времени 80-летний рубеж.

Толя так «раскрутил» разговор, что мне ничего не оставалось делать, как только контролировать работу репортерского магнитофона, записавшего уникальную беседу. Эта запись, сохраненная в наши дни на лазерном диске, имеется в различных фондах.

И нет ничего странного в том, что, выполняя работу, в которой мы с ним не пересекались, он оставался для меня Главным редактором по самой сути журналистской и писательской деятельности, образцом мастерovitости и ответственности, трудолюбивого умения довести до победы, пусть даже через «не могу», задуманное.

Анатолий Львов – местный писатель. Благодаря своему профессиональному таланту, душевной зоркости, человеческому чутью он сумел разглядеть там, где ему выпало жить и творить, не только предприятие-чудо, но и город-явление. Это ему удалось,

в первую очередь, потому, что он понял людей, способных все это создать.

А потому он сумел рассказать о них, как о простых и великих. Он и сам был таким...

Помню сюжет одной фотографии Анатолия Львова, сделанной в ту пору, когда он стал лауреатом премии Союза журналистов СССР как редактор лучшей многотиражки страны. Фотограф снял его под широким пролетом железнодорожного и автодорожного моста, только что построенного над рекой Норильской и соединившего берега Норильска и Талнаха. В руках блокнот.

И мне вспомнилось, что по традиции под мост становились его авторы, когда по нему впервые проходил груженный состав. Академик А.П. Александров в первый рейс атомохода «Ленин» взял с собой на борт сына.

Под «мостом» написанных им книг Анатолий Львович Львов может всегда стоять спокойно и уверенно уже в нашей памяти. Построенный таким мастером, он никогда не обрушится.

Владислав Толстов:

«Умер Анатолий Львов»

В поезде ехал, позвонила Лариса, сказала – умер Анатолий Львович Львов. В Норильске старшее поколение знает, кто это такой, молодые скорее всего и не помнят – таковы особенности северной жизни, где все время все куда-то уезжают. Львов тоже уехал, еще в середине 90-х. Мы с ним поссорились, был один неприятный разговор в один из его кратких приездов в Норильск. Он пожаловался, что теперь живет в деревне, в Ленинградской области, и там никто его не знает, никто не в курсе, кто он такой. Мол, подарил местной библиотеке гору книг, об этом написали короткую заметку в районке – и все, единственное упоминание фамилии Львов в прессе за год. А в Норильске его имя было когда-то «всеэкранным огазечено». Из моего поколения в Норильске не нашлось бы, наверно, человека, который бы не знал, кто такой Анатолий Львов – писатель, историк, исследователь, журналист, и прочая, и прочая.

Я тогда и спросил его – ну раз вы так страдаете от того, что никому там не нужны, зачем было уезжать? Ведь вы и книжки по истории писали, и были фактически официальным летописцем «Норильского никеля», и мэтром норильской журналистики – чего уехали-то? Львов тогда обиделся за эти слова. Он вообще был обидчивый, неприятный в характере. А обижаться ему приходилось тогда часто. В советские времена он написал подробную историю Норильского комбината, умудрившись ни разу – ни разу! – не упомянуть о лагерях и о заключенных, которые его строили. Потом, когда писать про лагеря стало можно, ему это многократно припомнили. Про то, что в его многочисленных книгах слово «лагерь» если и встречалось, то исключительно с прилагательным «пионерский».

Понимаю, что ему тогда несладко приходилось. Ведь он был по-своему честным человеком. Прожил тридцать три года в Норильске, хотел написать его историю, первый городской летописец, чего там. Только в истории моего города в шкафу громыхали такие скелеты, что тут либо писать в стол, либо с такими околичностями, таким туманом, чтобы понимали только посвященные. И писал. А куда деваться. Хорошие у него книги были о Норильске, я их и в детстве читал, и потом еще перечитывал. Не будь Львова – не было бы у Норильска своей, хоть и приукрашенной, но какой-то связной истории. Потому что такая практика норильской жизни – все уезжают, унося историю на подошвах. Львов застал первостроителей, ветеранов, общался и дружил с легендарными людьми, чьи фамилии я потом только в его книгах и встречал. Они ему, кстати, никогда не пеняли за эту «безлагерность» его текстов – главное, говорили, чтобы помнили, что мы здесь сделали и как начиналось.

Наверно, я бы не хотел прожить его жизнь. Когда ты пишешь, а потом тебе говорят, что писания твои, труды твои, книги – это так, на потребу кровожадной советской идеологии, а «в действительности все было не так, как на самом деле». Я понимал, что Львову пришлось пережить. Потому что знал ведь он и про лагеря. И больше, чем кто бы то ни было. И когда стало можно, публиковал воспоминания лагерников и писал книги про судьбы норильчан, исковерканные лагерем, – уже без цензуры – но и это ему тоже тогда поставили в вину: конъюнктурщик, типа, лакировщик.

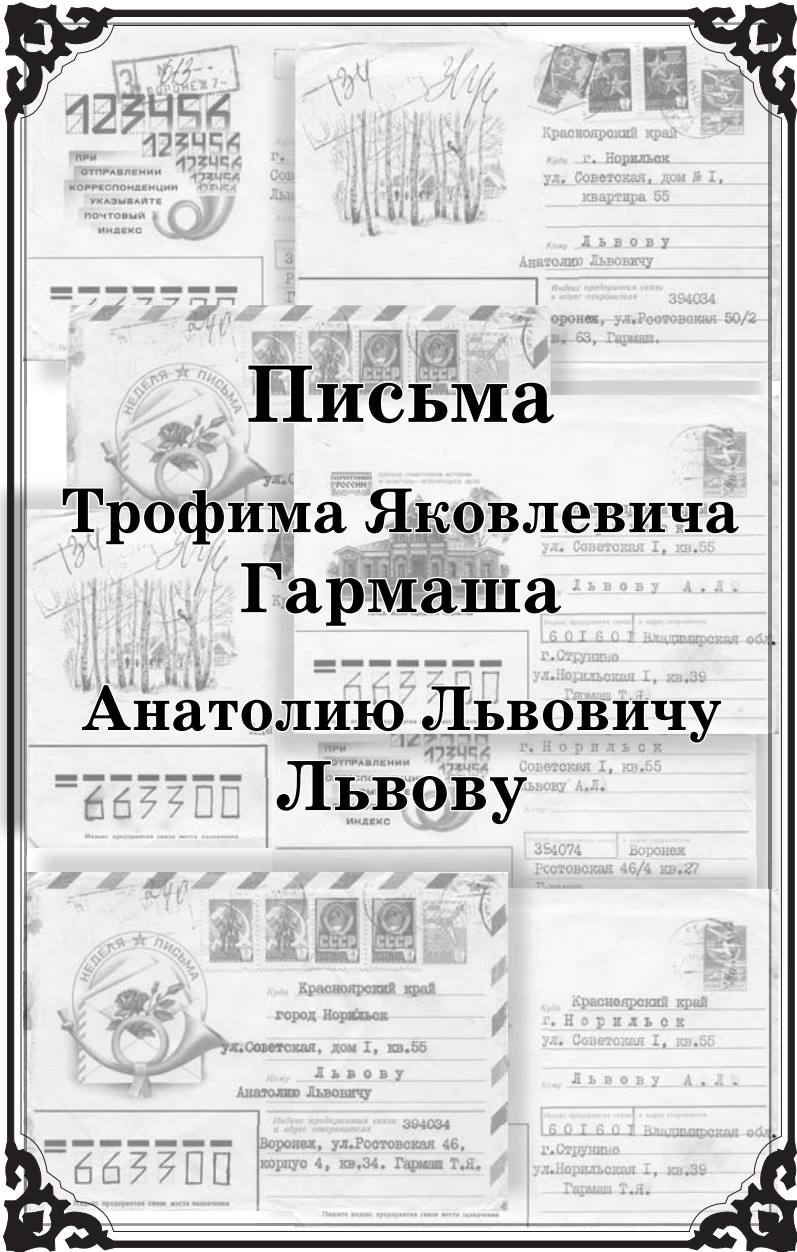
А он был классным журналистом. Может быть, одним из лучших, что работали в Норильске за всю его историю. Репортером от бога. Многолетним собкором «Известий». Мощным профессионалом, у которого еще и я успел поучиться. Хотя учитель из него был какой – «смотри, как делаю я, и делай лучше». Для меня он скорее «антиучитель» – я читал его книги и хотел написать такую, которая оказалась бы лучше. Про историю Норильска, но без барабанной трескотни и без идеологии. У меня, думаю, получилось. Хотя живи я во времена, когда Львов писал свои книги, не уверен, что не писал бы точно так же, где слово «лагерь» употребляется только с прилагательным «пионерский».

И мне грустно от того, что теперь этого человека нет. Ему можно было многое предъявить при жизни, но смерть обнуляет все моральные счета. Анатолий Львов был автором первых книг по истории Норильска, и точка. Он был отличным журналистом, и его тексты в старых подшивках «Заполярной правды» не потеряли ни капли своей яркости – я читал и знаю это. Он был креативным профессионалом – еще когда работал в «Известиях», придумал праздновать «треть века», и благодаря ему была отмечена дата «до конца тысячелетия осталась треть века» – 1 сентября 1966 года, именно так, 33 года и четыре месяца. Он вообще любил всякие игры с числами, я вот до сих пор помню, что в один день с ним, 27 января, родились Салтыков-Щедрин, по чьим книгам он учился читать, и Илья Эренбург, написавший первую рецензию на первую львовскую книгу о Норильске. И умер он, не дожив трех недель до своего 73-летия. Семьдесят три, семь и три, и не дожил три недели, три раза по семь. Львову бы понравилось такое совпадение.

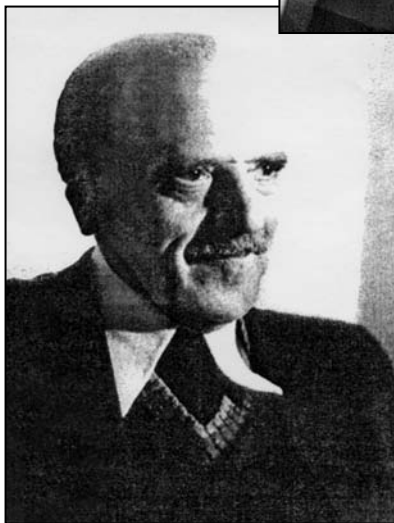
Спасибо вам, Анатолий Львович. Мне будет вас не хватать.

НОРИЛЬСК первых десятилетий

*Анатолий Львович
Львов*

*Трофим Яковлевич
Гармаш*

А.Л. Львов: «Я его правил первым и был последним его редактором... Знаешь, от кого я о нем услышал? От Саши Колосова, это он обратил внимание на интересного человека Трофима Яковлевича Гармаша, художника-оформителя обогатительной фабрики. И вот он пришел ко мне в редакцию газеты «Огни Талнаха». Было это в 1967 году. Трофим Яковлевич оказался маленьким сухощавым человеком, пальцы его были желтыми от курева. Он сказал, что собирает все, что касается Норильска. И тогда я дал ему первое задание: написать о шести юнях XX века – 1908, 1918 и так далее до 1958 года. Гармаш сразу согласился и отнесся к нему неожиданно очень серьезно. Это я понял, когда читал его материалы. Он столько перечитал, пока выбрал события года... Справился с заданием блестяще».

*А.Л. Львова по телефону
записала Галина Касабова*

(Текст «Шесть юней XX века» можно прочитать в 12 томе воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...», стр. 76–88. Другие материалы Трофима Яковлевича и воспоминания о нем Вы найдете в том же томе, стр. 21–127.)

Трофим Гармаш и Анатолий Львов

Оба внесли бесценный вклад в историю Норильска и горно-металлургического комбината. Журналист А. Львов написал: «Гармаш должен был явиться миру, и он явился: с его талантами обязательной системности в любой работе, фантастического упорства, жажды знаний». Художник-плакатист обогатительной фабрики Гармаш о Львове не писал, по выражению Львова, он долгие годы «коллекционировал факты норильской жизни». Так они оба стали историографами. Оба – по велению души и пылкости ума. Когда жизнь развела их по разным городам, они стали переписываться. Сегодня мы почитаем письма Трофима Яковлевича Гармаша, они сохранились в архиве А.Л. Львова.

Даже эта, казалось бы, односторонняя переписка рисует яркие образы двух неординарных норильчан Трофима Гармаша и Анатолия Львова. Трофим Яковлевич начал с рассказа о том, как у него получилось три дня рождения...

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милый Вы мой Анатолий Львович! Здравствуйте!

Не обижайтесь, что пишу на машинке. Рукописно и разборчиво пишу долго и трудно, а скоропись мою нелегко понять.

Очень рад, получив Ваше письмо! Говорю так не для красного слова: Ваше письмо – праздник для меня. Почему?

Во-первых, потому что Вы – Анатолий Львович, единственный человек, которому яверял всё сокровенное, все свои сомнения и поиски.

С кем еще я общался в Нор-ске? С Позднеевым? Но он никогда не был моим единомышленником. Он «технар» и прагматик в самом приземленном смысле. Мы часто с ним спорили и не приходили к согласию. Не знаю, зачем эти долгие споры были нужны ему, но мне настырный спорщик был нужен, чтобы испытывать и совершенствовать логику своих рассуждений.

Сагалаева? Умна и талантлива, но «не от мира сего». Она мучительно ищет оправдание своему бытию и сущность своего Эго. Отсюда её эгоцентризм. Убегая от приговора экзистенциалистов («Бытие абсурдно и трагично»), эмоционально протестуя («Не хочу!!»), но не признавая и наивного оптимизма ортодоксального диамата, и, естественно, не признавая религиозного утешения, она металась в философском лабиринте в поиске выхода. Вопрос – существует ли этот выход или не существует – звучал для нее буквально вопросом «Быть или не быть?». Случилось так, что в самое трудное, кризисное для нее время я взялся быть её проводником и стал в то время ей нужен как якорь спасения, как прозрение.

Позднеев – мой неизменный оппонент, Сагалаева – мой ученик и моя подопечная, а Вы – собрат и единомышленник, с которым я был на равных. Мои философские поиски Вас не увлекли, но Вы отнеслись к ним со вниманием, с пониманием и уважением.

Во-вторых, я рад Вашему письму потому, что если Вы, несмотря на моё молчание, написали мне, то я для вас действительно кое-что значу и, следовательно, мое уважение к вам опирается на взаимность. К тому же, кроме детей моих, Вы — первый, кто написал мне из Норильска.

В-третьих, я рад тому, что Ваше письмо обещает мне продолжение контактов с Вами.

В-четвертых: в Воронеже я испытываю очень для меня непривычное и тягостное одиночество. Живу один в двухкомнатной квартире. Соседей и вообще никого в городе не знаю. Сутки за сутками, вот уж более месяца — совсем один, слова сказать некому. Тишина оглушающая — в ушах звенит. И предполагается, что такое испытание одиночеством и тишиной будет продолжаться до июня следующего года. В таких условиях разве не радость и не праздник получить от Вас письмо! Все сказанное выше было вступлением. За книги спасибо. «Этнография питания...» любопытна. Кое-что из азиатских кулинарных рецептов и приемов испытаю сам.

«Модели мира...» — книга нужная и интересная, как и все, что касается Римского клуба и его концепций.

«Слово о науке» читается с наслаждением.

И «Красноярский эксперимент». Одного из авторов — Михаила Моисеевича Гуртового — я знаю. Он у меня бывал, и я был у него в Красноярске лет десять назад. Тем приятнее, что он еще не забыл меня.

Теперь о событиях «за истекший период». Напомню «кто есть кто» в моем семействе: дочь Оля и внучка Таня, дочь Таня и внучка Оля, дочь Саша (Шура) и внук Саша, сын Володя и внук Максим.

Внучка Таня (первоклассница) болеет. Врачи настаивают: если не увезете на материк — болезнь разовьется в астму. У Оли есть квартира в Воронеже, переселение год за годом обсуждалось и откладывалось.

И вот весной Оля сказала: «Папа, мы уезжаем в Воронеж, ты поедешь с нами (она за меня решила!); не возражай, буду обижаться».

В мае, на «семейном пленуме» решили: после отдыха на юге я уеду в Воронеж к Оле. Мои вещи Оля отправит вместе с вещами своими и вещами свекрови в Струнино (вблизи от Москвы) на квартиру к свекрови; затем Олины и мои вещи переотправят в Воронеж. Там я найду обменщика на свою норильскую квартиру, и Таня (дочка) с Олей (внучкой) и мужем Валерием приедут ко мне в Воронеж.

15.VI. закончил упаковку вещей: 29 мест (26 с книгами и бумагами). 18.VI. вылетел в Ялту с путевкой в Сочи («Голубая горка» с 9.IX.). Путевку не просил, мне её предложили, да еще и бесплатную. Хорошие люди, спасибо им. В Ялте жилье подорожало: где в прошлом году платили 2 рубля, нынче 3 руб. Но хозяйева, у которых я отдыхаю каждое лето, взяли с меня прежнюю цену — 2 руб. Жил один на маленькой застекленной веранде. Как всегда в Ялте у меня начисто пропал кашель и ни разу не потребовался корвалол.

2.IX. получил письмо: контейнер в Струнино еще не пришел, а в Воронеж придет, вероятно, в декабре. Оля купила новую мебель, занимала деньги и задержится в Норильске, пока не рассчитается с долгом и не отправит в Воронеж контейнер с мебелью в навигацию 1983. Оля просила прощения, что так неудачно все получилось. Зимовать ей придется в Норильске.

Что оставалось делать мне? Теплые зимние вещи, бумаги, книги и пиш. машинка отправлены из Норильска. Возвращаться в Норильск и сидеть дома, и еще 9 месяцев быть в отрыве от дела, ради которого я оставил работу и ушел на пенсию? Или ехать в Воронеж и зимовать там, где у меня будет всё, но не будет никого? С душевной болью я выбрал второй вариант.

3.X. я выехал в Курск и по 16.X. гостил у сестры.

С 11 октября живу в Воронеже. Из Норильска не выписывался, чтобы не потерять право на обмен норильской квартиры.

В воронежской квартире ничего не было, кроме раскладушки и стола. Да в кухне газовая плита. Пришлось сразу же кое-что приобретать: кастрюлю, сковородку, миски, настольную лампу, подушку.

А дальше события развивались так. Против всякого ожидания, контейнер прибыл в Воронеж не в ноябре-декабре, а 22 октября. 3-го ноября прилетел из Норильска Саша Корнеев (Олин муж), получил контейнер, доставил его на квартиру и разгрузил. И 4-го ноября вечером улетел в Норильск.

С 5-го по 13 ноября я один занимался распределением по квартире вещей, наведением порядка, благоустройством и, главное, библиотекой, картотекой, рукописями и прочими бумагами. Стеллажей, конечно же, не было, но я все же ухитрился найти место книгам так, чтобы ими можно было пользоваться; более того, и книги и бумаги я опять разделил по тематическим отделам.

И еще самое свежее событие. Десять минут назад почтальон принесла телеграмму из Норильска: «Папа у нас все в порядке наверно приедем после нового года = Оля Саша».

Не знаю, как там они все решили, но, вероятно, мое одиночество закончится не через 9 месяцев, как предполагалось, а через 1,5–2 месяца. Это уже много легче.

Теперь о Воронеже. Город мне нравится. Правда, живу на окраине (до центра автобусом 30 минут, трамваем — 40 минут), но это современная окраина с многоэтажными домами и фирменными магазинами. Много зелени, застроенные кварталы перемежаются с парковыми массивами. Жилые дома не примыкают один к одному, а расступились, давая место множеству деревьев; вероятно, здесь когда-то был лес. В центре города зелени меньше, но тоже достаточно.

Я живу на четвертом этаже, и сейчас, когда я это пишу, двери на балкон открыты, и мне не холодно. На улице температура плюсовая даже ночью. Два дерева, старые и высокие, выше пятиэтажного дома, касаются ветвями моего бал-

кона. Галки садятся на ветки в десяти метрах от меня. Воробьи расположились и шумят ниже, на уровне первого и второго этажей. На земле, между деревьями прогуливаются голуби.

В городе, в Петровском сквере, памятник Петру I (скульптор Н.П. Гаврилов, 1956; но пьедестал 1860 года!), памятник И.С. Никитину на пл. Никитина (скульпт. И.А. Шуклин, 1911), памятников А.В.Кольцову два: один на Советской пл. (скульпт. П.И. Бондаренко, 1976) и другой в Кольцовском сквере (скульпт. А. Триекорни, 1868). На ул. Моисеева находится Литературный акрополь с могилами А.В. Кольцова, И.С. Никитина и Е.М. Милицыной.

В городе 5 музеев: Дом-музей А.Л. Дурова, Музей изобразительных искусств, Дом-музей И.С. Никитина, Краеведческий музей и Музей зоологический и геологический.

4 театра: Академический театр драмы им. А.В. Кольцова, Театр оперы и балета, Театр юного зрителя и Театр кукол; кроме того есть филармония и цирк. II больших кинотеатров (не считая малых, клубного типа).

9 Дворцов и Домов культуры, в т.ч. такие, например, как Дом актера и Дворец культуры и техники.

12 крупных спортивных сооружений, в т.ч. 5 спорт. комплексов (один из которых принадлежит Школе бывшего спортивного мастерства), 4 плавательных бассейна, Дворец спорта, Шахматный клуб.

10 высших учебных заведений: Университет, Политехнический ин-т, Технологический ин-т, Инженерно-строительный ин-т, Медицинский ин-т, Педагогический ин-т, Институт искусств, Сельскохозяйственный ин-т, Лесотехнический ин-т и филиал Московского ин-та физкультуры.

5 общегородских библиотек (не считая районных), в т.ч. Центральная Научно-техническая библиотека.

10 Универмагов (один — Центральный). Много книжных магазинов, в т.ч. наиболее крупные — Дом книги и Магазин-клуб им. И.С. Никитина.

3 крупных рынка (один – Центральный) и несколько небольших рынков на окраинах.

2 железнодорожных вокзала, два автовокзала и один речной вокзал. Да, и речной! На реке Вороне, где Петр I строил флот, теперь построено водохранилище, разделяющее город на две части: Правобережье и Левобережье. В октябре я еще видел здесь рыбаков-любителей, серьезных мужиков на берегу с удочками. Рассказывают, что зимой по всему водохранилищу сидят на льду над прорубями рыбаки. Я уже купил удочки и крючки, но ловить еще не пробовал.

Продовольственное положение удовлетворительное, жить можно. Правда, мясо только на колхозном рынке по 3.90 за кг. Почему 3.90, а не ровно четыре? Частникам дороже продавать запрещено, это «потолок». Но зато мясо свежее-пресвежее; я брал, так оно ни в какое сравнение не идет с той говядиной, что можно купить в Норильске. Положил я его в морозильное отделение холодильника (у меня же теперь и холодильник есть!) и на другой день строганину устроил с луком, перцем, уксусом – прелесть!

Масло сливочное видел в магазинах, но бывает оно не всегда и, конечно, с очередями.

Свободно, без очередей продаются в магазинах яйца (по 1.20 и даже по 90 коп.), молоко, кефир, творог, сыры, колбаса (но почему-то только эстонская, а др. сорта бывают, но не всегда), окорока, сало-шпиг соленое, яблоки (по 60 и по 40 коп. за кг.).

Капуста свежая сейчас 8 коп. за кг., картофель – 10 коп. (а на рынке – отборный по 25 и по 30 коп.).

Помидоры свежие продавались весь октябрь и даже в начале ноября в овощных магазинах по 80 коп. за кг.; правда, недозрелые и даже зеленые, но цельные, не помятые, крупные. Я в октябре брал два раза по пять килограммов, они у меня дозревали на полу в комнате, и я почти весь октябрь вволю ел салаты из свежих помидоров с постным маслом и луком. Чудо!

Две недели назад пришел на рынок, смотрю — небольшая очередь, оказывается, за хамсой! Заметьте, не за килькой или тюлькой, а за ХАМСОЙ! Я же её сто лет не видел! Это же благородный анчоус, жирный и нежный, малосоленный! Взял три килограмма по 50 копеек за кг. Затем дома не поленился и из каждой рыбки сделал маленькое филе, освободив ее от головы и хребтинки. Затем накрошил много лука и укладывал в большую стеклянную банку — слой лука — слой хамсы, и опять слой лука и слой хамсы и так уложил всю. И залил сверху постным маслом. Через два дня попробовал с отварной картошкой — объедение!

Возле моего дома — киоск, в котором ежедневно и свободно (очередь 5-6 человек) продают пирожки мясные, жареные в масле по 4 коп. штука (на 40 коп. десять штук!); и в начинке никакой добавки вроде риса или картофеля, только мясо; правда, мясо ливерное: легкие, почки, трюха, селезенка и проч., но ведь вкусно и мясное!

Я ведь теперь пенсионер, и мне очень хотелось узнать, как я буду укладываться в свои 120 р.?! Дочки мне написали: «Папа! Мы тебе будем присылать кроме твоей пенсии еще сто рублей от всех нас ежемесячно». Я им ответил: «Ни в коем случае! Не вздумайте! Буду отправлять обратно!» И завел я себе учет с записью всех расходов на питание за каждый день, со дня приезда в Воронеж, с 11 октября. Прошло 36 дней (сегодня 15.XI). Сегодня подсчитал: за 36 дней я израсходовал на питание 80 р. и 28 к., т.е. в среднем по 2.23 в день. И ведь я себе ни в чем пока не отказываю (конечно, в разумных пределах), например, за эти дни рыночной говядины купил себе 4 килограмма, покупал колбасу, яблоки, помидоры. Но средняя цифра 2.23 в день — это значит в средний месяц 68 рублей. Это значит, что от пенсионных 120 рублей должно оставаться на культурно-бытовые расходы 52 рубля. Так что дела мои не так уж плохи, не хлебом единым будет жить Гармаш и в прямом и в переносном смысле!

Вот и все мои основные новости. Впрочем, конечно, — не все! Но ведь всего ни в сказке сказать, ни пером описать!

.

Вчера я не закончил письма, продолжаю утром 16.XI.

Сегодня встал в 5.30 (как обычно), принял ванну (тоже, как обычно), смотрю.. что-то есть хочется. Чего бы такое перекусить, думаю. Открыл холодильник. Борщ со свежей капустой на мясном (косточки) бульоне, вчера варил, вкусный, но.. не то! Яйца? Яичницу сообразить? не хочу. Колбаса в морозилке эстонская; может быть, яичницу с колбасой? Нет, не хочу. Бабка яблочная на сухарях, на пару томленая; вкуснятина! Но нет! Мне бы чего-нибудь такого!.. Ага, догадался! Беру из холодильника кусочек мороженой говяжьей мякоти (я её заранее на порции разрезал), делаю строганину. Позавтракал. Горячим крепким индийским чаем запил.

Теперь можно и пописать.

Рассказав о себе, отвечаю по существу Вашего письма. Вновь перечитываю его и отвечаю на каждый абзац.

1. То, что я пишу Вам только теперь, а не написал раньше, это, конечно, нехорошо с моей стороны. Но ведь сперва я не знал, где Вы (отдыхали где-то в Подмоскowie, а потом? Куда писать? Когда приехали?). Затем у меня началась карусель с переездами, когда у меня не было продолжительно-устойчивого адреса: Сочи, Курск, Воронеж. В Воронеже неудобство всякое, хлопоты о хотя бы примитивном временном благоустройстве. Так же и перспектива длительного одиночества выбила меня из колеи, опустились руки, ничего не хотелось делать. Затем, когда прибыл контейнер, — спешка с наведением порядка в хаосе вещей, книг и бумаг.

Впрочем, все это не в оправдание, а в объяснение.

2. Надеюсь на продолжение наших контактов и письменных, и личных.

Письменные контакты осуществлять легко, а что касается личных, то...

а) ненадолго я еще должен приехать в Норильск оформлять обмен квартиры;

б) при любом, удобном для Вас, случае буду рад видеть Вас у себя в Воронеже;

в) к будущему лету можем списаться и встретиться на юге, на отдыхе.

Я, например, если буду жив и здоров, то, имея уже достаточный опыт отдыха на юге, надеюсь и впредь летом отдыхать там;

г) если будете в длительной командировке в Москве или где-нибудь в относительной близости от Воронежа, то дайте весточку, и я с удовольствием приеду, чтобы побеседовать с Вами. Мне ведь теперь и до Москвы рукой подать! Не то что из Норильска! Есть у меня и адреса в Москве, где можно остановиться.

3. То, что Аристов в ГК, — знаю. Это хорошо. Он человек умный, деловой, видит перспективы. Мне он симпатичен, хотя и знаю его мало. Встречался с ним, например, в Клубе деловых встреч в Доме техники. Кстати, ведь это он, без всякой просьбы с моей стороны, перевел меня с должности художника-оформителя на должность слесаря-макетчика, чтобы я больше получал зарплаты.

4. О своей работе вы пишете, что «две рукописи будут отправлены в Красноярское изд-во, а «Большой Норильск» в изд-во «Металлургия»». Не понял. Это что, будет три Ваших новых книжки? Во всяком случае желаю Вам полного успеха в этих делах и надеюсь получить от Вас по авторскому экземпляру с Вашей дарственной надписью. Знаю, что авторских экземпляров дают немного, но много будет тех, кому Вам придется их презентовать. Но, может быть, выкроите? Для меня.

5. Насчет Лебединского «Профиздат» прав. И, конечно же, не стоит Вам тратить на его писанину время, да еще 3-4 месяца!

6. Вы собираетесь на Магнитку в январе. А когда вернетесь? Ориентировочно. Сколько времени Вас не будет в Норильске?

7. Луцета я знаю немного, но мне думается, что он был бы толковым редактором.

8. Относительно моего участия в «Книге ветеранов». Дорогой Анатолий Львович! Мне крайне не хватает времени для моих сегодняшних дел, и я бы хотел не принимать участия в делах, которые не совпадают с моей сегодняшней работой. Подумайте, так ли уж нужно мое участие в этой книге? Если можно обойтись без меня, то давайте обойдемся.

Но если Вам это действительно нужно и если мое неучастие затруднит вашу работу, то я, конечно, готов помочь Вам и что-нибудь написать в этом плане. То, из моего, что было опубликовано и что еще сохранилось в Норильске, можете использовать по своему усмотрению, как хотите.

Более того, если это действительно нужно, то могу прислать вам по своему выбору что-нибудь из того, что не было опубликовано в печати, но что было мной сказано на телевидении или в лекциях. Это нетрудно.

В любом случае, повторяю, в той мере и в той части, в какой это будет Вам действительно нужно, я помогу Вам.

Ну, вот я и переступил через священное число «7», ответив на Ваше письмо по восьми пунктам. И в то же время сохранил священное «семь», написав письмо на семи страницах.

И Вам, и Гале желаю всего доброго и, прежде всего, успехов и здоровья.

Крепко жму руку. Ваш Гармаш.

Не взъежите, написал длинно. «Коротко писать времени не было» (не помню, кто так сказал?). Да и одиночество замучило, выговориться хотелось.

Ну, пока! Жду ответа.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

ЯВЛЯЮСЬ С ПОВИННОЙ.

Милый мой Анатолий Львович!

Простите мне мое долгое молчание!

Нет, я не забыл Вас и по-прежнему буду рад общению с Вами.

ПОЧЕМУ Я ДОЛГО НЕ ПИСАЛ? В двух словах об этом не скажешь. Ведь очень просто отписаться без промедления по известному трафарету: «Жив, здоров, чего и вам желаю». Но неизвестно, что хуже: промедление с письмом или отписка вместо письма?

Между тем в повседневной суете всегда есть дело, которое, занимая все время и помыслы, будто бы близится к завершению. В силу инерции его нелегко приостановить, как нелегко оборвать на полуслове недопетую песню. А рассудок подло подсказывает: ничего не случится, если ты напишешь письмо днем позже!

И вот письмо отложено на завтра. И еще на завтра. И еще!

Чем дальше, тем труднее его начать: нужно объяснять причину задержки, а затем и причину причины. Чем длительнее промедление, тем обстоятельнее должно быть письмо. День ото дня все более чувствуешь себя очень дурным человеком, которому нет извинения. Дальнейшее промедление становится невыносимым, а его причина теперь только одна – трудность предстоящего объяснения.

КАК Я ПИШУ ПИСЬМА.

Вдруг, все отбросив, начинаю писать. И это уже не просто письмо, а Послание с Преамбулой. Но, боже мой, к а к о е?! Из него так и выпирают витиеватости, банальности, штампы, общие места и слова неуклюжие, неубедительные и просто сорные! Слова, которые казались правильными, приобрели в контексте неуместный оттенок. Ведь не э т о и не т а к я хотел сказать!

Вычеркиваю, правлю, ищу слова, переписываю и опять правлю.

Вы сомневаетесь? Удивляетесь? Улыбаетесь? Но это так. Письма я переписываю по два и три раза. И не только к Вам! Т а к я пишу в с е м, кто мне близок; и своим дочерям тоже: Таня может подтвердить.

ПОЧЕМУ ТАК?

Известны деятели, которые легко писали и оставили большое эпистолярное наследство. Но есть и другие примеры. Вспомните Константина Симонова: «...Увидеться — это б здорово! А писем он не любил». Это о майоре Дееве, но и о себе так же. Но отсюда вовсе не следует, что Симонов н е л ю б и л писем как формы общения. В письме к любимой женщине, оправдываясь в том, что редко пишет, он сетует: «...В письмах всё не скажется и не всё услышится; в письмах всё нам кажется, что не так напишется». А ведь непременно надо, чтобы услышалось в с ё, и чтобы написалось т а к, как надо. И не получается!

МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ.

За много лет до Симонова о том же предельно кратко и почти с отчаянием сказал Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь!». Невольная ложь! Но если уж Тютчеву было трудно высказать свою мысль, то что же говорить обо мне, которому просто не хватает знания родного лексикона и умения им пользоваться. Поэтому из-под моего пера и выходят письма многословные, хотя и знаю, что «не в многоглаголании своем услышан буду». И вот перед Вами наглядный образец моего трудного многоречия — Преамбула к Письму, в конце которой торжественно обещаю без промедления отвечать на Ваши письма!

А теперь начинается п и с ь м о.

И, конечно, о с е б е.

ЗДОРОВЬЕ удовлетворительное. Понимайте буквально: оно меня удовлетворяет (тьфу-тьфу! не сглазить!). Судите сами: в Норильске ежедневно я пил корвалол (113 капель на прием три раза в день), иногда клал под язык нитроглице-

рин и вызывал скорую помощь. Лежал в больнице в 1976, 1977, 1979, 1980, 1981 годах. Диагнозы: ишемическая болезнь, холецистит, пиелонефрит, камни в почках, хронический бронхит. Букет!

Но вот уже больше года после отъезда из Норильска я почти забыл о корвалоле, вовсе забыл о нитроглицерине; бронхит пропал на-чисто, почки и печень не беспокоят; жедудок, аппетит, сон в норме. Что же еще нужно! Это меня действительно удовлетворяет!

НАСТРОЕНИЕ бодрое и оптимистичное. Оптимизм и личный, и мировоззренческий, и глобальный.

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ удовлетворительная (в том смысле, что меня удовлетворяет).

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА удовлетворительная, но в другом смысле, а именно так, как это понимают в школе: такая оценка радует только двоечника.

ИНТЕРЕС К БЫТИЮ во всех его проявлениях остается высоким без скидки на возраст.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ оценить трудно, если речь идет о самом себе. Удовлетворительная в школьном смысле производительность объясняется не слабостью творческих потенций, а сложностью и многогранностью предмета труда.

КОММУНИКАбельность не установлена ввиду отсутствия субъектов общения — единомышленников и оппонентов.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ.

Уже не один — живу с Олиным семейством.

Распорядок дня: сон 7 часов, туалет I час (принимаю ванну), работа 13 часов; завтрак, обед, ужин полтора часа; прогулка полтора часа (в газетный киоск и гастроном).

Есть удочки, есть почти рядом водохранилище, но на рыбалку не хожу — времени жалко.

В Ялту, очевидно, поеду в конце августа на один месяц.

Через Бюро информации дал 10 объявлений по обмену норильской квартиры; ожидаю.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮ?

Во-первых, над известной Вам темой «Человек и Универсум» (в смысле Бытия в целом).

Во-вторых... Говорят ведь – не гонись за двумя зайцами! А я погнался! Пишу автобиографию. Вспомнил Ваш совет, да и сам решил оставить внукам сведения о себе и моих предках.

Что успел сделать? Немного (зайцев-то два!), но кое-что успел. Если буду жив и здоров, то лет за пять успею достаточно.

Разреши́т ли возраст? Думаю, что разреши́т.

НА ЧЕМ ОСНОВАН МОЙ ОПТИМИЗМ?

Лев Толстой написал в 70 лет «Отца Сергия», в 71 год «Воскресение», в 72 года «Живой труп», в 75 лет «После бала», в 76 лет «Хаджи Мурат», в 82 года работал над романом «Декабристы».

Бертран Рассел: в 71 год «История западной философии», в 74 года «Человеческое познание, его сфера и границы», в 75 лет «Власть и личность», в 78 лет «Пружины человеческой деятельности», в 79 лет «Словарь по вопросам теории познания», в 83 года «Надежда в изменяющемся мире», в 87 лет «Есть ли у человека будущее?», в 90 лет трактат «Через тернии к звездам» и 3-й том «Автобиографии».

Нет, нет! Я не равняюсь с Толстым и Расселом и не надеюсь создавать шедевры! Мне бы вразумительно и просто рассказать о Человеке, о Мире и о себе. Могу ли я на это рассчитывать?

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОПТИМИЗМА.

Известно, что без тренировки органы и члены человека слабеют, а в бездействии атрофируются. Тем более мозг! Постоянно тренируемый мозг сохраняет интеллектуальную силу даже тогда, когда дряхлеет тело. Более того, жизнеспособность тела в большой мере зависит от интеллектуальной силы мозга. Академик Б.Г. Ананьев пишет:

«Приобретают значение выводы геронтологии о факторах долголетия. ОБРАЗОВАНИЕ И УМСТВЕННЫЙ ТРУД, ПОСТОЯННАЯ ТРЕНИРУЕМОСТЬ УМСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ СОСТАВЛЯЮТ ГЛАВНЕЙШИЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, если этот фактор подкрепляется режимом жизни, питания и физической работы. Однако среди этих факторов УМСТВЕННЫЙ ТРУД, обеспеченный ОБРАЗОВАНИЕМ И КУЛЬТУРОЙ, является ВЕДУЩЕЙ СИЛОЙ, ПРОТИВОСТОЯЩЕЙ ИНВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ. Исследования С. Пако, О. Майлса, К.И. Пархона, Т. Бульера и других убеждают в том, что долголетие есть интегральный результат многих обстоятельств, но в этом интегральном эффекте ВОСПИТАННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА И СПОСОБНОСТЬ САМООБРАЗОВАНИЯ ЗАНИМАЮТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО...

Статистика, собранная в Кембридже, где изучалась продолжительность жизни СПОРТСМЕНОВ и НЕСПОРТСМЕНОВ, выпускников университета, занятых умственным трудом, показала:

в возрасте 80 лет было:

спортсменов 186,
неспортсменов 231.

В 90 лет разница сгладилась, но все же было:

спортсменов 23,
неспортсменов 26».

(Акад. Б.Г. Ананьев, «О проблемах человекознания», Ин-т Психологии АН СССР, изд. «Наука», М., 1977, с. 215-216. Слова, выделенные заглавным шрифтом, у автора выделены курсивом.)

Не странно ли – НЕспортсмены жили дольше спортсменов! Но всё правильно. Спортсмены, стремясь к личному и командному первенству, часто отвлекались от умственной работы и расходовали немало времени, эмоциональной

и духовной энергии на спортивные игры и соревнования. В то же время НЕСпортсмены не отвлекались от умственного труда, отдавали ему больше времени и духовной энергии, чем спортсмены, и поэтому жили дольше. Ведь «ГЛАВНЕЙШИМ ФАКТОРОМ СОХРАНЕНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ УМСТВЕННЫЙ ТРУД», направленный (что о ч е н ь в а ж н о) на достижение целей несравненно более высокого ранга, чем успех в боксе или футболе.

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ»

Р е з ю м е: Сохранение в старости высокой творческой активности интеллекта о б у с л о в л е н о неустанной работой мысли, направленной на достижение цели высокого ранга, что, в свою очередь, с п о с о б с т в у е т физическому здоровью и долголетию.

В э т о м н а у ч н о м ф а к т е один из источников моего оптимизма.

Надеюсь, что эти сведения могут быть полезны и Вам. И не только в будущем. Вот почему я пишу об этом так подробно.

ГЛАВНОЕ О СЕБЕ. Это значит о своей работе к о н к р е т н о. О том, что я успел сделать, гонясь за двумя зайцами (ведь все же успел кое-что!), о том, какие новые подтверждения своим идеям нашел и какие горизонты мне открыты сегодня..

Об этом я готов написать Вам в следующем письме; и без промедления, как я уже торжественно пообещал Вам в конце Преамбулы к этому письму. И, конечно же, при условии, если Вас интересуют проблемы, которыми я занят.

ЧТО БЫ Я ХОТЕЛ УСЛЫШАТЬ ОТ ВАС.

В с ё о в а с. И прежде всего:

а) о здоровье (пишите обстоятельно; имею давний опыт борьбы с недугами и могу быть полезен советом);

б) о работе – той, что для текущего момента, о той, что для большой печати;

в) о Ваших планах на близкое и дальнейшее будущее;

г) о семье, о Гале (передавайте ей от меня большой привет), о сыне (далеко ли еще до диплома? какой области медицины он отдает предпочтение?);

д) о прочих делах и обстоятельствах, о которых не спросил, потому что не знаю о них.

Кроме того: О Норильске и сегодняшних норильчанах (в Доме Техники, в ОНТИИ, в Управлении комбината, на телевидении и в «Заполярной правде»), так же и о бывших норильчанах.

Еще раз прошу не обижаться за долгое молчание.

Еще раз обещаю впредь отвечать Вам без промедления.

Еще раз передаю Гале привет и добрые пожелания.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

Ваш Гармаш.

30 июля 1983 года.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый Анатолий Львович! Здравствуйтесь!

Не в смысле расхожего «Здрасте!», а в глубинном, изначальном смысле древнего слова «Здравствуй!».

Мы редко употребляем слова в их глубинном значении, которое во многих случаях вышло из употребления или даже напрочь утрачено. Например, в словаре Ожегова сказано: «ЗДРАВСТВУЙ (ТЕ). Употр. как приветствие при встрече». Значит, в смысле «Привет!». Вот и всё.

В прошлом веке В. Даль указывал и на естественное значение этого слова в смысле пожелания здоровья. Однако и такое пожелание не отражает глубинного смысла слова «здравствуй».

Общеславянское «здоровый» происходит от слова «дорвь», что означало «подобный дереву».

От того же корня происходит и слово «древний». Так вот, в древности, в «гостомыслы времена», слово «здравствуй» (повелительное наклонение!) являлось императивным повелением «Будь здоров!» или, точнее, «Будь подобным древу!» по крепости, твердости, стойкости духа. И далеко не все осмеливались пользоваться этим словом-заклинанием, но только волхвы и «вдохновенные кудесники», «наделенные магической силой», «покорные» только «одному Перуну».

«Здравствуй, князь!» — заклинал (не приветствовал, не с пожеланием здоровья обращался, а заклинал) седовласый, суровый кудесник; и не обманывал, сам верил, что его заклинение сбудется. И тем более князь верил и кудеснику, и в заклинение.

«Здравствуйте!» — заклинал кудесник княжескую дружину; и дружина верила, что возвратится из похода невредимой. И заклинение помогало! Не всегда и не всем, но все же помогало, потому что верили в его магическую силу; вера, уверенность делали людей более сильными.

В изначальном смысле слово «здравствуй!» было таинственным и могущественным заклинением. В этом его древнее, глубинное значение.

Когда я написал это — подумал: напрасно мы — современные люди, просвещенные и самонадеянные — всё еще относимся с полным пренебрежением к «магическим» тайнам «тёмных» и «суеверных» наших предков!

Впрочем, этот скептицизм идет на убыль. Мы признали народную медицину, хотя и получили ее из рук знахарей и «колдунов». Конечно, признали не «магию», а искусство пользоваться целебными травами.

А заклипания? Заговоры? Да ведь это же терапевтическое воздействие словом, психотерапия, которую мы тоже сегодня признали! Психотерапевт, гипнотизер отличаются от древнего кудесника только другим пониманием механизма воздействия, другим медицинским и словесным

инструментарием, а сам механизм воздействия, принцип воздействия всё тот же! Внушенная словом нематериальная, идеальная по сути мысли и тогда, и теперь являлась и является реальной силой, направляющей и изменяющей в организме вполне материальные физиологические реакции.

И как тут не вспомнить слова В.И. Вернадского:

«Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен. Но эмпирические результаты такого непонятого процесса мы видим вокруг нас на каждом шагу» (В.И. Вернадский, «Несколько слов о ноосфере»).

И еще я подумал о том, что глубинный смысл древнего слова «здравствуй» не забыт окончательно и еще живет в нём. Ведь совсем не безразлично, как люди обмениваются этим «приветствием» (по определению Ожегова): бросают ли походя «здрaсте!» («Наше вам с кисточкой!») или со всей силой доброжелательства говорят «Здравствуй!».

Так вот, Анатолий Львович и Галя, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Не буду оправдываться, объяснять, почему долго не писал. Виноват, конечно. И, конечно, надеюсь, что Вы не посчитали моё молчание за знак нежелания общаться с Вами!

Какие у меня новости?

Да вот, с некоторого времени я регулярно получаю гонорары, которые не заработал; деньги, на которые, по совести и чести, я не имею никакого права и которые в действительности принадлежат Вам, Ваши деньги! И хотя формально эти деньги высылает мне редакция, но фактически я получаю их от Вас.

В то же время, в том, что Вы сейчас пишете, я ни малейшей помощи Вам не оказывал и не оказываю. И не мог бы оказать, потому что все, что я знаю о Норильске, всё (и больше того)

известно и Вам, так же, как в разной мере, но известно и другим.

Что касается фактов, которые я в свое время извлек из архива, то их не так уж и много и они общедоступны; в архиве работали и Лебединский, и Алкацев, и другие. Значительная часть этих фактов была опубликована в печати.

Когда-то я пользовался и фактами, о которых впервые в печати сказали Лебединский, Воронцов и другие. Но эти факты я и они видели и понимали каждый по-своему. И если я нашел у них ф а к т ы, значит ли это, что я должен был делиться с ними и гонораром? Нет, конечно. Достаточно было ссылок на первоисточники, что я во многих случаях и делал; но не всегда; потому что если ссылаться во всех — даже и не существенных — случаях, то очерк в значительной мере будет состоять из ссылок. Такая скрупулезность нужна только в научном труде.

Да и что такое факт? То, о чем говорит документ, извлеченный из архива, — это еще не констатация факта, а лишь указание на ситуацию, которую нужно объяснить. Те, кто составлял и подписывал документы, хранящиеся в архивах, не только не стремились «отражать истину», но часто маскировали, прятали её.

Воспоминания современников и очевидцев также субъективны (вольно или невольно); их мнения и утверждения иногда очень далеко отстоят от истины.

И естественно (и обязательно) субъективен историк, даже самый добросовестный. Вполне справедливо кем-то высказанное утверждение, что «каждое поколение пишет историю заново».

Я недавно перелистал некоторые мои прежние «сочинения» (именно «сочинения»!) и подумал, как это всё мелко и наивно! Слава богу, хоть искренне!

После разоблачения так называемого культа личности и его последствий, началось переосмысливание и переоценка многих, так называемых

мых, исторических фактов. И что же? Истина восторжествовала? Да нет же! Стали тогда говорить о жертвах культа личности, как о мучениках и почти как о праведниках. Жертв было много. Но из многих мучеников мало было праведников.

В свое время я расписывал Матвеева праведником и опирался при этом на документы (некоторые приказы Матвеева)! Наивно, конечно! Начальник лагеря — праведник! Потом уже я узнал о судьбе геолога Самойло.

В то же время и писателя Гарри я видел в ореоле святого мученика. «Ах, ах! Герой гражданской войны! ЛИЧНЫЙ адъютант прославленного Котовского! Талантливый литератор! Невинно пострадал! Организовывал в Норильске первую библиотеку!» Я уже и тогда знал, что жена Гарри неодобрительно о нем отзывалась, но не придал этому серьезного значения.

Сегодня я знаю, что Гарри был участником гражданской войны, но уже не уверен, был ли он героем. Знаю, что стал он членом Союза писателей, но знаю и то, что писателем он был очень посредственным, ниже среднего уровня! А по своим моральным качествам был, вероятно, демагогом и конъюнктурщиком.

В 1984 году он выступил в «Литературной газете» с «грозыным» фельетоном, написанным в духе и стиле того времени. Назывался фельетон — «Жертвы хаоса». Он обрушился на романы В. Катаева и И. Эренбурга (моська лаяла на слонов!). Эта статья положила начало так называемому «обсуждению» (в духе того времени) творческой деятельности Катаева и Эренбурга. Роман Эренбурга «День второй» Гарри называет «апологией б р е х н и!» Бог с ним, со стилем! Но можно ли представить себе Эренбурга в роли «апологета брехни»? Эренбург тогда с горечью заметил, что Гарри писал о его романе в таком тоне, «который был бы уместен, если бы речь шла о произведении, написанном нашим врагом». (Журн. «Новый мир», 1984, № 8, с. 244.)

Вот и еще один мыльный пузырь лопнул! А ведь давно было сказано: «Не сотвори себе кумира!».

Трудно сегодня отличить «из нашего сегодняшнего далека» «чистую личность от грязной и вольнодумца от раба». «Карающим мечом» кто только тогда не размахивал! Карателей было множество и больших, и маленьких. Карательство было в почете и приравнялось к «выполнению гражданского долга». Карали направо и налево! Кто на кого изловчился, тот того и покарал!

Так что же, неужели среди бесчисленных жертв того времени не было праведников?

Б ы л и! Настоящие мученики и праведники б ы л и! И было их достаточно много, тоже и больших (известных) и маленьких (безвестных). Праведность считалась тогда явлением социально опасным. Из тех, кто известен, назову первые пришедшие на память имена: Павел Александрович Флоренский – русский ученый и философ, Георгий Иванович Челпанов – психолог и философ, поэт Мандельштам Осип Эмильевич, поэтесса Цветаева Марина Ивановна...

К чему я всё это? А к тому, что я, в свое время, даже и в малой степени не раскрыл, не сумел, не мог, не успел раскрыть действительной норильской истории, и то, что я пытался показать, показывал зачастую в неверном освещении. В лучшем случае, мне иногда удавалось указывать на некоторые исторические ситуации: (исторические в норильском масштабе, конечно), которые каждый волен объяснять по-своему. Так что нет моих «заслуг» перед историей Норильска. Льшу себя надеждой, что в тогдашних моих сочинениях я все же поднялся чуть выше Лебединского. Невелика заслуга!

Вот, пользуясь подходящим случаем, я и подвел итог моей норильской «деятельности». Куцая деятельность и, естественно, огорчительный итог.

Вот почему я и должен с полной искренностью сказать Вам, что даже при самом щепетиль-

ном отношении к этому вопросу, Вы ни в какой мере ничем не обязаны мне, так как я ничего не сделал для Вас, для Вашей работы. Это же яснее ясного! И очень мне нехорошо (ни в какие ворота не лезет!) получать гонорары, которые я не заработал, а заработали Вы. Как же мне чувствовать себя честным человеком, присваивая себе часть Вашего заработка?! Право не знаю! Ну и ситуация!

Я глубоко уважаю Вас и очень ценю Ваше доброе отношение ко мне, но убедительно прошу поставить заключительную точку в «наших совместных» публикациях! Это Ваши публикации, и только Ваши!

На этом и я ставлю точку в этом деле.

Теперь о себе. Как живу? А всё так же. И прежде всего (тьфу-тьфу! не сглазить!), здоров. И настроение оптимистичное. О хандре, скуке, которые, как говорят, посещают иных пенсионеров, и речи нет! Да и не чувствую я себя пенсионером, а чувствую работником, который, по собственному желанию, переведен на другую работу с ненормированным рабочим днем. Надеюсь, что о результатах этой работы не только скоро скажу, но и предъявлю эти результаты. Работа большая и нелегкая, но есть уверенность в своих силах и возможностях. И хватает усидчивости. Укладываясь на ночь спать, тороплю время: скорей бы утро, да за письменный стол!

Чего не хватает? О б щ е н и я. Из моих детей никто (за одним исключением) не интересуется моей работой и не принимает её всерьёз. Рассуждают так: нашел отец себе занятие, ну и хорошо, пусть себе занимается! А Оля однажды сказала: «Обхохочешься, на тебя глядя». По её мнению, я взвалил на себя тяжелую и ненужную ношу. Отдыхал бы лучше, гулял бы, телевизор бы смотрел. Чего же ещё!

Не сомневаюсь, что и большинство «здорово-мыслящих» людей так бы сказало о моем деле. Ну не смешно ли в самом деле? Старик-пенсионер

занят разрешением глубочайших онтологических проблем и «вечных» вопросов! Одни, несомненно, скажут, что эти вопросы «и мудрецы не разрешили», так уж куда там старику, рядовому пенсионеру! Так, забава!

Другие, «просвещенные», считают, что и разрешать нечего, что «наука уже ответила на эти вопросы». Они, эти люди, «хорошо знают», что Вселенная – огромное пустое пространство, в котором на больших расстояниях друг от друга разбегаются галактики (Вселенная расширяется); знают, что галактики – скопления звезд; знают, что звезды – сгустки горячей материи, вроде нашего Солнца. «Знают», что «жизнь есть форма существования белковых тел». Знают, что естественный отбор на путях эволюции создал всё разнообразие живого. «Знают», что труд очеловечил обезьяну и научил человека мыслить. И, в конце концов, всё это физика и химия.

Всё они знают, эти современные, «просвещенные» люди. Многие из них уверены, что по существу познано всё, а если что еще и неизвестно, так это несущественные детали, которые не могут уже изменить картины в целом!

Они, эти люди, нимало не сомневаются в истинности парадигмы, очерченной классическими науками; они и представления не имеют о том, что эта парадигма уже недействительна, что «власть переменялась» (уже переменялась!) и лидерами естествознания стали неклассические науки. И на переднем крае науки уже распахнулись двери в пределы нового миропонимания, открылись широчайшие горизонты «странного и неизбежного» (по определению Д. Данина) мира, в котором торжествуют (с легкой руки Н. Бора) «безумные идеи». И всё это не только очень серьезно и очень интересно, но и гораздо более того, очень нужно (необходимо!) знать и понимать каждому человеку.

То, что открылось сегодня мысленному взору, и то, что испытываешь при этом, – поразительно

точно и задолго до сегодняшних дней пророчески предвосхитил и выразил в предельно сжатой форме английский поэт Уильям Блейк:

«...Вся Жизнь есть Энергия,
И происходит из Тела,
А Разум – лишь внешняя
Граница её.
Энергия – вечный восторг...»

Ведь это же поэтическая интерпретация формулы Эйнштейна

$$E=mc^2.$$

Энергия есть масса, умноженная на квадрат скорости света! Скоро все люди начнут понимать это!

А что касается детей, то исключением является Шура. Она и прежде интересовалась моей работой в этом направлении, брала книги и рукописи, читала, приходила за разъяснениями. И вот этим летом, выехав отдыхать на Юг, захватила вначале ко мне и три недели, ежедневно до полуночи, переписывала из моей картотеки то, что считала самым значительным и интересным. Исписала несколько ученических тетрадей и только тогда уехала отдыхать в Пицунду, дикарем, без путевки. Оля спрашивала: «Зачем ты это переписываешь?» Шура, ничего не объясняя, отвечала: «Это мне нужно!»

Но Шура, конечно, не собеседник, а ученица. Она еще не может критически относиться к прочитанному и верит каждому моему слову. А хотелось бы иметь собеседника такого, с которым можно было бы и поспорить; хотя бы даже такого заматерелого технаря и механициста, как Позднеев. Идеиные противники нужны. В спорах с ними выявляются слабые, неразработанные стороны собственного мировоззрения и появляются возможности его совершенствования.

А пока – что делать! – варюсь в собственном соку!

За периодикой слежу, журналов выписываю много. А с книгами трудно, как и везде. В

книготорге книг много, а читать нечего. Редко когда удается что-либо найти. И все же иногда удается!

Какие еще новости?

Оля ждет прибавления семейства (в конце августа). Семья у Оли возрастет до четырех человек, а я пятый. Квартира двухкомнатная, и я один занимаю комнату (кровать, книги, письменный стол). Оля говорит, что тесно не будет, разместимся! Но я-то знаю, что будет тесно! И живу до сих пор без прописки: прописаться нельзя, потеряю квартиру в Норильске. Пять раз давал объявления в Воронеже и Курске, предлагая квартирный обмен, но никто и не поинтересовался. Здесь много висит объявлений норильчан!

Возвращаться в Норильск? Рискованно. Ведь я там и лекарства ежедневно глотал, и скорую вызывал, и ежегодно по весне в больницу ложился. А здесь за два года ни разу не было нужды к врачу обратиться.

И вдруг... нашлись обменщики! Муж 29 лет, жена 34 года, ребенок пять лет. Квартира двухкомнатная в пятиэтажном доме, в трех минутах ходьбы от олинной квартиры.

Сторговались на двух тысячах рублей. И это отлично! Здесь в таких случаях берут 3000 и больше! По их просьбе 1000 я им отдал сразу, авансом (под расписку!). Деньги им нужны на предварительные расходы, связанные с отъездом. Вторую тысячу отдам при получении ордера. Их квартирные документы мы отправили в Норильск Шуре, на которую я отправил доверенность вести мои дела по обмену.

Тем временем мои обменщики, люди не очень опытные и не очень расчетливые, посчитали, что по существу вопрос уже решен, остались только бумажные формальности, пустяки! И заторопились, чтобы до завершения навигации доставить в Норильск контейнер с вещами и чтобы самим до наступления норильских холодов уехать.

Со мной не посоветовались, с работы оба уволились по собственному желанию «в связи с выездом на Крайний Север», купили (за счет моей первой тысячи) кое-что из теплой одежды (для Севера!), заказали контейнер и стали упаковывать вещи! Когда я узнал об этом, то было уже поздно советовать им не так уж спешить, пока вопрос не решен в самом Норильске.

Тем временем Шура прислала телеграмму: нужны копии трудовых книжек моих обменников. А так как они уже уволились, то отдали мне свои трудовые книжки и я отправил их ценным письмом Шуре.

И вот теперь ожидаем решения комиссии Норильского горисполкома.

Они ожидают с нетерпением, но с уверенностью, что скоро будут в знаменитом Норильске. (Я им рассказал о Норильске много хорошего.)

Я ожидаю с тревогой: а вдруг комиссия откажет?

Что они за люди? Кто знает! Но мне они кажутся даже симпатичными: бесхитростны, откровенны, прямодушны, нерасчетливы. (Иначе содрали бы с меня 3000, а без денег здесь н и к т о не меняется!) И молоды! Для Норильска выгодны. Рабочие. Высшего образования нет.

Однако комиссия в Норильске может обратить внимание на два отрицательных факта.

Факт первый: он был однажды осужден за драку. Не «сидел», но принудительно отработывал в Кемеровской области на строительстве «Химпрома». Освобожден через восемь месяцев. Эти восемь месяцев «выпали» у него из трудовой книжки, но приложена справка, где и почему он это время работал и освобожден в соответствии со сроком и законом.

Факт второй: он закончил действительную службу в Сов. Армии в 1975. А затем за 9 лет переменял несколько специальностей и несколько мест работы. Был пчеловодом, бойцом пожарной охраны, проводником дальнего следования, наладчиком электронной аппаратуры, а в последнее

время, после освобождения, работал грузчиком в магазине, откуда теперь и уволился. Ко всему тому имеет «корочки» тракториста. Магазин дал ему хорошую характеристику (я её тоже выслал).

И я вспомнил своё давнее прошлое, когда и я долго не мог «нагреть места». Когда я впервые приехал в Норильск, то начальник отдела кадров ЖКУ, решая вопрос о моем приеме на работу, долго рассматривал мою трудовую книжку и, наконец, спросил: «Почему вы переменяли столько мест работы, что в книжке и места не осталось для записей, и потребовался вкладыш?»

На работу он меня все же принял, но я видел, что он сомневался. А ведь мне уже тогда было 44 года! Начальник ОК мог сомневаться!

Моему обменщику всего 29! Я думаю, что он «найдет себя» в Норильске. А, судя по всему, энергии ему не занимать!

Но это я так думаю. А что скажет комиссия? Могут решить и так: обменщик этот отбывал срок (хотя и 8 месяцев, но отбывал!), переменял много мест работы, следовательно «летун». Вообще человек несерьезный! Отказать!

Вот тогда и наступит для меня катастрофа! Прежде всего я теряю 1000 р. Ведь он её уже в значительной мере истратил в уверенности, что скоро получит вторую.

Да, у меня его расписка! Но у него уже нет денег. Когда отдаст? И отдаст ли? Судиться? Но дача денег при квартирном обмене сделка незаконная и, вероятно, наказуемая.

И, главное, я теряю обменщика, которого два года искал. Найду ли другого? Когда? Опять года через два или три? А этот, другой обменщик, запросит уже не 2000, а все три, если не больше! Тогда обмен вообще станет нереальным!

Не знаю, кто председатель этой комиссии. Но на всякий случай я написал на его имя и на имя членов комиссии письмо с просьбой не отказывать в обмене. Конечно же, в этом письме я не сказал о деньгах и об отрицательных моментах

в жизни обменщика. Письмо на имя председателя комиссии я отправил Шуре и сказал, чтобы предъявила его в крайнем случае.

А теперь жду и боюсь надеяться. Ведь есть примета: если слишком сильно на что-то надеешься, то не сбудется.

Глупо, конечно, верить в приметы, но был такой случай:

Нильс Бор прибил подкову на счастье на крыльце своего дома. Гейзенберг был у него в гостях, увидел подкову и спросил: «Слушай, Нильс! Неужели ты веришь в приметы?» И Бор ответил: «Конечно не верю! Но ты знаешь, говорят, что это действительно помогает!»

Вот пока и всё. Пишите о Ваших и Галиных новостях, о здоровье, о работе, о планах, о норильских новостях. Как Ваш сын? Закончил ли учебу? Жду Вашего письма. Крепко жму руку. С уважением к Вам, Гармаш.

Передайте привет и добрые пожелания Гале.

24 августа 1984.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Здравствуйте, Анатолий Львович!

Ну что же Вы не ответили мне? Хотя бы коротко!

Вам что-либо не понравилось? Чем-то я обидел Вас? Но чем?

Конечно, я помню слова К. Симонова:

«...В письмах всё не скажется,
И не всё услышится;
В письмах всё нам кажется,
Что не так напишется...»

Но ведь писал я с добрым сердцем и не мог написать что-либо «не так».

Моя главная новость: обменял свою норильскую квартиру на двухкомнатную квартиру в Во-

ронеже, почти рядом с домом, где живет Оля. И вот живу в своей новой квартире. Мой новый адрес...

Надеюсь по этому адресу получить от Вас весточку.

В этот раз пишу всего несколько строк. Когда и если получу ответ, напишу обстоятельнее.

Крепко жму руку. Желаю Вам и Вашей семье всего доброго.

Привет Гале!

Ваш Гармаш.

4 ноября 1984.

На днях прочитал Виктора Конецкого «Вчерашние заботы» и «Соленый лед» – в одной книге (изд. «Известия», М. 1980, библиотека «Дружбы народов»). Хорошая книга и хороший автор. Книга хороша и по литературным достоинствам, и, прежде всего, потому, что в ней честная правда. Советую прочитать (если не читали).

В. Конецкого я читал впервые и тем самым открыл его для себя.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Здравствуйтесь, Анатолий Львович!

Давно я не писал Вам и давно не получал от Вас писем!

На днях я осуществил второй квартирный обмен и переселился в другую квартиру – более удобную для меня – в том же Воронеже, на той же Ростовской улице, но в другом доме, – в том доме, в котором живет моя старшая дочь Оля со своим семейством, и даже в том же подъезде; только Оля живет на четвертом этаже, а я – на втором.

Квартира хорошая, двухкомнатная, с отдельными комнатами, с окнами на солнечную сторону, с балконом, с паркетными полами.

Так что если у Вас будет желание написать мне, то пишите по новому адресу.

Буду рад получить от Вас письмо. И по-прежнему хотел бы видеть Вас у себя в Воронеже. Есть у меня что рассказать Вам, есть чем угощать, есть где и есть что постелить; живу я в квартире один.

Жду Вашего письма.

Всего доброго Вам и Вашей семье.

Привет Гале.

Ваш Гармаш.

16 марта 1986 года.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогой Анатолий Львович!

Спасибо за поздравительную открытку. Извините, что по своему обыкновению отвечаю не сразу.

Насчет юбилейного года — правильно: для меня юбилейный.

И насчет «какие наши годы» тоже правильно. Возраст — понятие относительное. Всемирный съезд геронтологов установил считать возраст до 45 лет молодым, от 45 до 59 — средним, от 60 до 75 — пожилым и свыше 75 — старым. Но это средние цифры, отклонения от них могут быть значительными. Можно и в 60 лет быть уже стариком, а можно и в 90 лет не допускать до себя старость. Бертран Рассел после 70 лет написал еще 14 философских трудов, в том числе один фундаментальный в трех томах, и умер в 98 лет за письменным столом.

Причина старости в значительной мере заключается в утрате поисковой активности, в результате чего защитные системы организма самовыключаются и наступает старость. Нужно следовать совету Альфреда Теннисона: «Держать, искать, найти и не сдаваться!». Бертран Рассел говорил: «Покориться — значит умереть».

Что сказать о себе? Живу один. Оля с семьей живет в Струнино. Ищу квартирный обмен Воронеж—Струнино; пока безуспешно.

Все дни занят своим делом, пишу, печатаю на машинке. Вечерами регулярно читаю. Выписываю «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москву», «Дружбу народов», «Огонёк», «Юность», «Роман-газету», «Литературную газету» и, конечно, журналы по философии и естествознанию, да еще шесть газет. И это — прошу заметить! — со своей пенсии, без дотации.

Сегодня не читать невозможно. Такого на моей памяти не было никогда. Синим пламенем горят потемкинские деревни. Обрушились громы и молнии на «чудище обло, озорно, огромно и стозевно».

С «оттепелью» начала 60-х годов несравнимо. То было всего лишь кратковременное потепление, за которым последовала мерзость запустения. А теперь — настоящая весна и пробуждение жизни. Весна только началась, «идет, гудет зеленый шум», и наступит лето, когда будем собирать плоды. Ведь мы еще должны научиться быть настоящими гражданами, в высоком смысле этого слова.

А помните, как однажды мы с Вами шли домой (нам было по пути) и беседовали? Я тогда сказал: уже невозможно, чтобы все это продолжалось дальше; пройдет не более пяти лет и все решительно изменится. Вы тогда не поверили мне и сказали, что это беспочвенный оптимизм. А ведь я уже слышал подземный гул!

Можно и сегодня возразить мне и сказать, что если бы не Горбачев, то всё было бы по-старому. Но нет! Если бы тогда генсеком избрали кого-либо другого, подобного Брежневу или Черненко, то всё равно по-прежнему уже быть не могло и очень скоро произошла бы государственная катастрофа, последствия которой трудно было бы предвидеть. К тому шло. Состояние дел было предкризисным.

Жаль, что я сегодня оторван от коллектива, от общества и не могу уже принять личное участие в «этой буче кипучей».

Я было вначале увлекся, даже оставил свою работу и начал снова собирать материалы по советской истории, благо, в печати фактов появляется предостаточно. И потратил на это порядочно времени. И хотел было, пользуясь свободой слова, высказать в печати свое мнение по некоторым вопросам прошлого и настоящего. Но потом спохватился: ведь этак я свою работу не успею довести до конца. А что касается обнаружения исторической правды и поисков правильного пути, то теперь уже и без меня скажут и найдут и правду, и путь. Наверное, люди более сведущие, чем я, уже пишут нашу историю заново. А может быть уже и написали, и лежит она у кого-либо в столе.

Ведь было при Сталине, когда в угоду ему возвеличивали Ивана Грозного, изображая «революционера на троне», оправдывая массовые казни. Но именно тогда С.Б. Веселовский написал правду об Иване IV («Исследования по истории опричнины») и спрятал книгу в стол. Книга эта была опубликована после смерти Веселовского в 1963 году, во времена «оттепели».

Вот почему я опять оставил свой исторический архив и вернулся к своему главному делу.

Вот так и живу, тем и занят.

Теперь о Вашем визите ко мне. Буду рад видеть Вас у себя в Воронеже. Адрес у меня не изменился. А вот почтовый индекс изменился. 34-е почтовое отделение закрыли, и теперь, когда будете мне писать, указывайте индекс 394074, а в остальном всё то же.

И еще вот что: когда надумаете приехать ко мне, то сообщите хотя бы ориентировочную дату, чтобы нам не разминуться. Я ведь могу ненароком и отлучиться из Воронежа либо в Струнино, либо в Курск к сестре. Если же Вы сообщите дату, то я буду ждать Вас у себя дома.

Жду от Вас письма о Ваших новостях, делах и планах и, конечно же, о Норильске и норильчанах.

Желаю Вам всего доброго. Передайте мой привет Гале.

19 февраля 1988. Гармаш.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Дорогой Анатолий Львович!

Получив Ваше письмо, я был обрадован, но оказался в недоумении. Вы пишете, что не получили ответа на Ваше письмо и добавляете: «...Попробую еще раз отвлечь Вас от Ваших дел». Но я отвечал на ВСЕ Ваши письма! О том, что я с готовностью «отвлекался от своих дел», чтобы общаться с Вами, свидетельствуют мои «толстые» письма к Вам, которые, как я потом думал, отвлекали Вас от дел Ваших.

Долго не получая от Вас письма, я все же послал Вам 16 марта сообщение о себе, в котором писал, что «если у Вас будет желание написать мне, то пишете по новому адресу...». Вы не ответили, и я решил, что у Вас такого желания нет. И вдруг, наконец, письмо!

Конечно, если Вы пишете, что не получили ответа, значит так оно и есть, значит было письмо, которое не дошло до меня. Возможно, что оно потеряно почтой; или почтальон опустил письмо не в мой почтовый ящик (однажды так было с моим журналом); или почтовый ящик открывал кто-либо посторонний (это очень просто), хотя бы и мальчишки, которые, случается, шарят из озорства по почтовым ящикам. Как бы там ни было, но произошла нелепая случайность, которой не следует придавать значение, т.к. ни Вашей (не сомневаюсь), ни моей вины (поверьте!) тут нет. Я могу задержаться с ответом, но отвечаю обязательно; и знаю, что Вы получили все мои письма, т.к. я отправляю их с уведомлением о вручении.

Теперь «о времени и о себе».

Время непрестанно напоминает о своем течении. На днях мне исполнилось 68. Я бы сам и не вспомнил об этом, но сестра прислала из Курска поздравление.

Здоровье – тьфу-тьфу, не сглазить! – пока хорошее. Я до сих пор не знаю своего участко-

вого врача, он мне пока не нужен. Уверен, что в восстановлении здоровья главную роль сыграли два фактора: 1. Выезд на материк. 2. Ежедневная, целенаправленная работа интеллекта.

Я не могу поручиться в том, что успею разработать новую онтологию (учение о бытии), но могу надеяться. Уверен, что исполнение этого дерзкого замысла мне по силам. И пусть со стороны моя работа выглядит дилетантским прожектерством, в истории познания известны примеры, когда «дилетанты» прокладывали новые пути; и известны случаи, когда они достигали своих целей в весьма преклонном возрасте.

Вам, наверное, известно имя выдающегося ученого биолога А.А. Дюбищева (Д.А. Гранин написал о нем известную книгу «Эта странная жизнь»). В 1961 году, на семьдесят первом году жизни, он писал биологу П.Г. Светлову: «...Я составил себе план опус магнум (великий, главный труд. — Т.Г.) моей жизни лет на восемь под названием «Линии Демокрита и Платона в истории культуры». Около шести печатных листов уже написано (105 страниц убористого большого формата), касающихся постановки задачи... Сейчас я потратил много времени на знакомство с Галилеем и Коперником, с Ньютоном я и раньше был несколько знаком. Остались еще Кеплер и Бруно. В первой половине 1962 года надеюсь кончить и астрономию, может быть, теоретическую механику, потом будут физические проблемы (а ведь Любичев был биологом. — Т.Г.), и в 1963 году надеюсь приступить к биологии, что займет, конечно, 2-3 года, а затем 2-3 года должно занять значение философии в этике, эстетике, религии, социологии и политике... В общем, план довольно напряженный... Этот год у меня оказался продуктивным, по количеству продуктивно проведенного времени он рекордный в моей жизни, и так как я живу в хороших условиях, а мой папаша умер к 87 годам, то я полагаю, что планировать до 80 лет я имею все основания...»

Повторяю, когда Любищев писал это письмо, ему исполнился 71 год. Он умер одиннадцать лет спустя в возрасте 82 лет. Свой опус магнум он выполнил; этот его труд хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Он пока не опубликован в печати только потому, что противоречит философским догмам нашего времени. Переписка А.А. Любищева с П.Г. Светловым опубликована в журнале «Природа», 1986, № 6.

Извините за длинную цитату. Но, обратите внимание, Любищев, по существующим меркам, будучи известным биологом, был «дилетантом» в области астрономии, теоретической механики, физики, эстетики, социологии и политики. Но эти науки он связал в один тугой узел, создав по существу новую картину мира. Жаль, что мне недоступна эта его работа, хотя я знаю о ней и из некоторых других публикаций, появлявшихся в печати в последние 5-6 лет!

Но возвращаюсь к себе.

На моем горизонте появились признаки новых перемен в моей жизни. Не хотелось бы перемен, но что делать! Обстоятельства бывают сильнее нас и диктуют своё.

Все началось с того, что внезапно умер Олин свекор А.А. Корнеев. Он более тридцати лет работал в Норильске, имел кооперативную четырехкомнатную квартиру в Струнино (от Москвы два часа электричкой), сам отлично её отделал, построил капитальный гараж с огромным погребом. Был физически здоров. За несколько дней до его смерти Оля мне как-то сказала, что он всех нас переживет. В 55 лет он ушел на пенсию, рассчитывая пожить в свое удовольствие. Выехал в Струнино. И на 57-м году жизни внезапно умер от инфаркта.

Его жена, Августа Игнатьевна (в Норильске работала председателем профкома Горбыткомбината) осталась одна в большущей квартире. Она хочет теперь жить рядом с сыном (Олиным мужем). Естественно, что струнинскую квартиру бросить жалко — вложены большие деньги и труд.

Оля очень не хотела уезжать из Воронежа. Свою квартиру в Воронеже они хорошо обжили, привыкли к Воронежу. А Струнино — городишко очень небольшой, в нем только пенсионерам хорошо. Были и споры, и слезы, но куда деваться! И вот Оля и ее муж уволились с работы в Воронеже и 22 сентября будут отправлять вещи контейнером в Струнино. Делается тройной обмен. Оля со своим семейством вселяется в струнинскую квартиру Августы Игнатьевны, Августа вселяется в том же доме в кооперативную квартиру одной бывшей норильчанки, а эта норильчанка приедет в Воронеж и вселится в Олину двухкомнатную квартиру.

А как быть мне? Я в Воронеж приехал, чтобы жить рядом с Олей. Теперь я остаюсь один в чужом городе. Моя Татьяна работает в Норильске, за ней забронирована жилплощадь в моей воронежской квартире; она бы и рада приехать в Воронеж, но её муж не хочет пока уезжать из Норильска. И сколько они там еще пробудут, неизвестно, может быть, еще три года, а может быть, и больше.

И вот придется и мне переезжать в Струнино или в г. Александров (8 минут езды от Струнино электричкой). Похоже, что найти обменщика будет нетрудно. Даны объявления и дважды ко мне приходили потенциальные обменщики, но предлагали не совсем то, что нужно.

Теперь отвечаю по пунктам Вашего письма.

1. О попытках вырваться из Норильска. В интересах здоровья это просто необходимо. Конечно, обмен «Норильск–материк» труден, но «ищите и обрящете». Попробуйте обратиться в норильское Бюро обмена, они могут помочь.

2. Вы пишете, что Ваша машинистка работает в Доме Техники. Что там нового? Кто остался из прежних работников? Работают ли Таня Барклянская и Галя Файзова? А Сорокина, Кротова, Аппаранович, Вебер Анна Кондратьевна, Колмакова Галина Фоминична, Люда-уборщица? Кого теперь охмуряет Башкиров? Где технарь-неудачник

и великий спорщик Авенир Иванович? Где нашла применение своим «порывам» Неклюдова?

И вообще, как они все там?

3. Вы пишете: «...В свете новых решений задумался: может быть, самое время писать о Норильске? Но где уверенность, что всё это не пропадет — силы, время, рукопись?»

Конечно, полной уверенности не существует ни в чем и нигде; мы живем в вероятностном мире. Но, как говорил Воланд, «рукописи не горят». А много раньше Гёте сказал: «Если это розы, то цвести они будут». Я давно Вам советовал «писать в стол», но Вы и до сих пор не вняли моему совету.

4. Вы пишете: «...Страшно подумать, как обеднела моя жизнь за последние полтора года» и называете имена ушедших из жизни. Это, конечно, очень печальный список. Каждый ушедший унес с собой частицу прежнего содержания жизни. Но жизнь постоянно наполняется новым содержанием и никогда не беднеет. Нельзя допустить, чтобы естественная печаль об ушедших опустошала, обедняла нашу жизнь и тем самым лишала нас воли к жизни и деятельности. Более того, сожаление об ушедших служит нам суровым напоминанием: жизнь коротка и быстротечна, не трать же времени понапрасну и неустанно делай то, к чему ты призван, что можешь и должен сделать. Иначе жизнь действительно опустеет и потеряет смысл.

5. Вы пишете, что «приобщили к мемуарному жанру» Непокойчицкого и других. Что же, дело доброе. Да только апологией Норильска в духе Лебединского и Воронцова занимались уже многие. Будет и Непокойчицкий писать о героическом преодолении трудностей и о своей роли в строительстве города. Но он не скажет о том, что проекты строительства города составляли заключенные архитекторы, а он, Непокойчицкий, эти проекты подписывал и выдавал за свои.

Когда-то и я написал о нем статью «Человек построил город». Что я могу сказать сегодня в свое оправдание? И те, кто строил город, ничего

уже не скажут в свою защиту. И никто из этих стариков, пишущих мемуары, не скажет в полный голос (разве только вскользь и намеком) о мрачной норильской трагедии 1935–1955 годов, о безмерном отчаянии «тружеников Норильскстроя». Все делается для того, чтобы не осталось и памяти о тех, чьи безвестные могилы растворились в вечной мерзлоте у подножия горы Шмидта. Все делается для того, чтобы каторжный труд за колючей проволокой под присмотром ВОХРа представить сегодня как вдохновенный героический подвиг строителей города и комбината.

6. Вы пишете о книжке Гальперина. О чем она? Как она называется? Может быть, я сумею её достать.

Статью о Высоцком в «Вопросах философии» я читал. Очень справедливая статья. Читал в «Новом мире» (№№ 6, 8) Ч. Айтматова «Плаха», жду продолжения.

Вам советую прочитать в журнале «Природа» № 8 переписку А.А. Любищева и П.Г. Светлова.

Милый мой Анатолий Львович! «Рецензии на рукописи и спектакли ...вступительные статьи и послесловия...», все это хорошо и необходимо ради хлеба насущного. А по существу, все это суета. Но найдите же время и для серьезной работы, не той, которая нужна для «Заполярной правды» на «актуальные темы», а той, которая нужна людям по большому счету. Ведь талант у Вас есть! И еще не поздно.

Вы пишете, что в январе у Вас юбилей. Какой? Ведь я не знаю. Сообщите, чтобы я мог хотя бы поздравить.

Если будете в Воронеже – буду рад Вас видеть и поговорить с Вами. Когда это случится? Ведь очень может быть, что Вы еще застанете меня в Воронеже. Если же я уеду из Воронежа в Струнино, то немедленно сообщу Вам свой новый адрес. Тогда Вы будете моим частым гостем. Ведь это в двух часах езды электричкой от Москвы, а в Москве Вы бываете часто.

А пока буду ждать Вашего письма.
Всего Вам доброго. Передавайте добрые пожелания Гале.

Ваш Гармаш.
16 сентября 1986.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Дорогой мой Анатолий Львович! Здравствуйте!
Получил ленты для пиш. машинки, а еще ранее – телеграмму с пожеланием «еще тридцати лет на размышления и творчество». Спасибо.

«Еще тридцать лет» – доброе пожелание; возможно, оно и сбудется. Но равнодушная статистика указывает на вероятность более коротких сроков. И хорошо, что мы «не знаем ни дня, ни часа...».

Существует два близких по содержанию, но не равнозначных психологических фактора: желание жить и воля к жизни. Продолжительность жизни зависит от многих причин, но, в том числе (и не в последнюю очередь!) от воли к жизни. Человек, который ни к чему у ж е не стремится – не видит смысла дальнейшего существования и утрачивает волю к жизни. Напротив, стремление к цели, стимулируя нейрофизиологическую систему, повышает жизнеспособность человека.

Но для достижения цели нужно время, а чем старше человек, тем всё меньше времени у него в запасе. Поэтому обычно старики лишены надежд на достижение значительных целей: осознание этого действует губительно. Время, необходимое для достижения значительной цели, должно быть соизмеримо с временем, на которое, с некоторой вероятностью, человек может рассчитывать.

В 1965 я всерьез занялся историей комбината, но уже в 1975 я отодвинул это дело на второй план и более всего занялся философией. Отлично понимаю, что за те десять лет я сделал немного, хотя и надеюсь, что внес и свой небольшой вклад в норильскую фактографию. Мог

бы я стать настоящим историком Норильска? Мог бы, если бы не остановился. Такая цель была достижима, но это не было моей целью. Мне (бывшему сталинисту) нужно было понять, что же со всеми нами случилось. Я это понял, и этого для меня было достаточно. Но потребовалось 10 лет, чтобы, начав «с нуля» (в 1965), я достиг этой цели.

Заниматься онтологией (учением о бытии мира и человека) я начал не сегодня и не с «нуля». И уже прошел значительный путь: приобретены знания, накоплены естественнонаучные факты и аргументы. Более того, на смену догадкам и интуитивным представлениям пришло научно обоснованное миропонимание. Теперь нужно изложить его в убедительной и доступной для всех форме. Этим и занят. Думаю, что время, необходимое для этого, соизмеримо с тем временем, которым я, с некоторой вероятностью, располагаю.

Когда я начал излагать свою концепцию, то думал, что мне хватит для этого одного года. Но всё оказалось сложнее. Приходится заботиться и о том, чтобы изложение было логически безупречным, тем более, что уже предвижу оппонентов и заранее парирую их выпады. Думаю, что еще два-три года — срок достаточный. Надеюсь опубликовать свой труд за свой счет (теперь это разрешено), а там видно будет. «Если это розы, то цвести они будут». А в запасе есть и еще одна работа: советская хроника в виде хрестоматии общественно-политической и научной мысли. Материалов и для этой работы накопилось достаточно.

Кстати, наконец-то, повеяло свежим ветром из философских и партийных журналов. Вот несколько цитат из дискуссии в журнале «Вопросы философии» (октябрь 1988): А.Я. Гуревич призвал философов руководствоваться принципом К. Маркса — «Всё подвергай сомнению!». М.Я. Ковальзон: «Чем больше наша философия превращалась в служанку и апологета политики, тем больше

она проявляла свое воинствующее невежество». П.В. Волобуев утверждает, что «классические представления о базисе и надстройке уже недостаточны». Г.С. Афанасьева отметила, что «крылатым стало выражение: «Маркс писал при керосиновой лампе, а мы живем в век электричества и атомной энергии». В редакционном послесловии отмечено, что «основные узды дискуссии завязались вокруг категорий исторического материализма» и «в выступлениях некоторых историков и филологов была поставлена под сомнение методологическая роль этих категорий».

В журнале «Коммунист» (1988, август, № 12) В. Ильин и А. Разумов пишут, что «догматизм — верный знак исчезновения теоретической философии, замещения её идеологическим клише». От философии были «отторгнуты основные классические, поставленные еще автором «Критики чистого разума» вопросы знания, нравственности, веры: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?». Идеология давала ответы. Готовые, окончательные: знать я могу всё, материя от субкварков до человека без особых философских хлопот познаваема; подлинная нравственность исчерпывается классовым сознанием, как оно представлено в работах главных идеологов; верить во что-либо нет необходимости, поскольку существует достоверное знание, которое, правда, следует дополнить убежденностью. Философии предлагалось лишь подтвердить правильность этих установок».

«Знаменитый шестой тезис Маркса о Фейербахе (о сущности человека) истолковывается самым невыгодным для человека образом. Но из этого тезиса никак не вытекает, что не существует никакой иной, кроме социальной, природы человека»... «Пришло время говорить и писать не только то, что можно высечь на идеологических скрижалях. Пусть наконец заговорят все, кому есть что сказать, и помолчат те, у кого нет никаких уважительных поводов для выступления»...

«Мы, жители этого века, просто обязаны узнать и сказать о человеке и обществе больше того, что было известно нашим великим учителям. Узнать о себе всю правду. Кто же такие мы есть в этой Вселенной? Куда пойдем дальше?»

Вот так. И это из большой статьи, опубликованной в самом партийном из всех журналов, в журнале «Коммунист»!

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» Но ледоход — дело серьезное и не вполне предсказуемое. Возможны и заторы, и другие сюрпризы. И все же — лед тронулся, и это — главное!

В свое время многие норильчане (и я в том числе) высказывали недовольство тем, что на Гвардейской площади вместо памятного камня не поставлен в конце концов памятник первостроителям. А сегодня думаю, — хорошо, что тогда не поставили. Тогда не могли поставить такой памятник, который действительно нужен. Но теперь-то что-нибудь предполагается? И площадь должна называться не Гвардейской, а как-то иначе. Может быть, площадью Надежды?

Володя прислал мне «Заполярную правду» с Вашей статьей обо мне. Спасибо. Я не тщеславен, но это — приятный подарок мне и моим детям. Беда только в том, что газета, которую прислал Володя, плохо отпечатана: текст бледен, размazan и плохо читается — очевиден типографский брак. Если у Вас есть возможность, то вышлите мне эту газету для моего семейного архива.

Жду от Вас письма. Надеюсь, что Вы напишете мне о себе, о своих делах и планах. Что слышно от Вашего сына? Что нового в Норильске?

Передавайте привет Гале.

Всего Вам всем доброго.

Крепко жму руку.

Ваш Гармаш.

15 ноября 1988.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Здравствуйте, милый Анатолий Львович!

Моя главная новость: с 9 февраля я живу не в Воронеже, а в городе Струнино, в четырехкомнатной квартире дочери Оли. Здесь у меня отдельная комната с полками для моих книг и бумаг, с письменным столом и с диваном. Книги и бумаги я переправил в Струнино еще в декабре со случайной попутной автомашиной. Так что пишите мне теперь по моему новому адресу: 601601, г. Струнино Владимирский области, улица Норильская, дом 1, кв. 39 на моё имя. Улица называется Норильской потому, что на ней два пятиэтажных дома построены на средства норильчан (кооперативные) и заселены норильчанами, а в других двух домах на этой улице живут северяне из города Мирный.

Буду очень рад видеть Вас у меня в Струнино. Электричка из Москвы в Александров через Струнино отправляется почти через каждый час и едет два часа. От струнинского вокзала до улицы Норильской ходит автобус, но здесь расстояние небольшое и многие ходят пешком. Ориентир: рядом с Норильской улицей находится городская больница.

Оля мне сама первая сказала: «Напиши Львову, когда он будет в Москве, пусть приезжает к нам». Так что это не только мое желание, чтобы Вы приезжали, но и Олино приглашение.

Близко от дома есть лес, и Оля с мужем и детьми летом собирали там грибы и ягоды. Воздух в Струнино очень чистый, промышленных предприятий здесь нет, кроме небольшой швейной фабрики.

Вы часто бываете в Москве, и я надеюсь Вас скоро увидеть.

Воронежскую квартиру я запер на ключ и запасной ключ отдал соседке, чтобы присматривала за квартирой. Подписку на 22 журнала и газеты я переадресовал на Струнино. Моя пенсия будет

поступать в воронежскую сберкасса, откуда я всегда могу затребовать ее в Струнино опять же через сберкасса.

Воронежская моя квартира будет пустовать до тех пор, пока я не обменяю ее на равноценную квартиру в Струнино или пока моя Татьяна вместе с семейством не решится оставить Норильск и переедет жить в Воронеж. (Квартира за ней забронирована.)

Вот и все мои новости.

В Воронеже и в Струнино в текущем сезоне зимы настоящей не было. Почти всю зиму днем тает (до пяти градусов тепла!), а ночью подмораживает. И вообще, февраль кончается, и скоро весна!

Если Вас не затруднит, то вышлите мне, пожалуйста, мою «семейную родословную», которую я писал для моего двоюродного внука. Копии у меня не осталось.

Ну, вот пока и все. Жду от Вас весточки и жду Вас к себе.

Передавайте привет Гале.

Всего вам всем доброго.

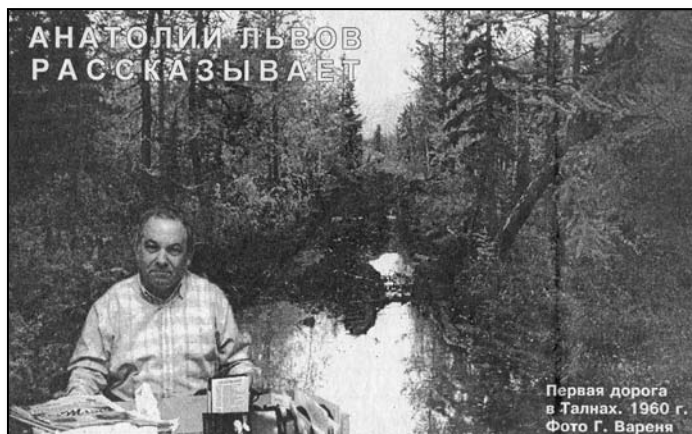
Ваш Гармаш.

14 февраля 1989.

**Рассказывает
Анатолий Львов**

*Фотоколлаж из еженедельника
«Огни Талнаха»*

Еженедельник
ОГНИ Талнаха
Очень
добрая
газета

Индекс 52281 Цена на полгода 54 рубля
Подписка в любом почтовом отделении

*Это реклама газеты,
где первым редактором был А.Л. Львов*

Невероятные истории о Талнахе, Хрущеве и роли КТБ в судьбе «Огней Талнаха»

Талнах как абсолютная государственная тайна

В марте 62-го года, перед тем, как меня в первый раз выгнали с телевидения, новый директор студии Антонина Афанасьевна Каландарова, бывший секретарь горкома партии, которую ни за что выгнали из горкома (она сейчас почти умирает в Красном Селе), отправила меня брать интервью у главного инженера комбината Владимира Алексеевича Дарьяльского. Тогда мне показалось, что это был старый человек (недавно я подсчитал, ему не было и пятидесяти), красивый, седой; его пригласили ректором в Красноярский институт цветных металлов и золота. Он был из мончегорцев, значит с 41-го в Норильске – двадцать с половиной лет. И вдруг он заплакал: «Вы что, ничего не знаете про Талнах?..»

Вам не удивительно, что в марте 62-го старший редактор новостей телевидения первый раз слышал это слово? Абсолютная государственная тайна, т.е. единственный вариант, при котором я мог услышать, – это с очень близкими друзьями-геологами напиться, и чтобы они потеряли контроль над собой... Ясно, что между ними все время были разговоры об этом, и я мог слышать то слово... Если бы я смотрел на карту, Талнах – то же самое, что еще триста речек. От Дарьяльского, Долгих, он тогда был и.о. директора комбината (Дроздов уже уехал), секретов не было давно. Они-то понимали, ЧТО начинается. Но, думаю, что зайти тогда в какой-нибудь отдел комбината, там

больше меня тоже не знали бы. А точно было известно, что будущее обеспечено, уже в январе 61-го. Год прошел, и не просочилось ни-че-го.

А когда просочилось, то Володя Кудряшов в «Норильском строителе» (и не только он) элементарно путал, где левый берег, где – правый (не было просто этого понятия). На том берегу абсолютно ничего не было – тот же самый лес, который без топора пройти было невозможно. Горы-то мы видели, отдыхая на Вальке, а между горами и речкой – точно ни одной избы, ни одного человека, ни одной тропки...

Прошло несколько месяцев, после отпуска меня как-то очень вовремя перевели в газету «Норильский строитель». Иду в «Норильскпродукт» – посмотреть, чем они занимаются. Это все были проекты еще не горные, хотя три человека занимались как бы горой – в «Талнахрудшахтстрое». Я видел их в деле чуть ближе к «Маяку», у них была яма примерно два на два метра и глубиной два метра, и они смотрели, что там за грунт, как примерно пойдет проходка. Вот это были три первых горняка: инженер Валентин Нетсев и два техника.

Другие проекты шли по линии строительной, начиная, конечно, с дороги. Я смотрел по чертежам, как она пройдет, сам пока не ездил, а охотники ездили, перебираясь по речке Валеку. И где-то числа 11–13 июля впервые отправляюсь на Талнах. Первые строители появились 1–5 мая, а я, получается, на 2,5 месяца позднее, после бригады Сергея Ивановича

Алексеева. К этому времени уже проделали дорогу те самые геологи, они шли от Хараелаха к Норилке, пробивая топорами просеку. А туда они попали, пройдя вокруг леса, т.е. катером до озера Пясино, затем выгружали буровые, домики (в основном собирали их там из ближнего леса). Им там надо было километров двенадцать пробить до берега, за две зимы... Были еще две бригады, которые одновременно повели ЛЭП-30 с Валька, чтобы хоть какую-то энергию забросить. По зимнику же ходили любые машины.

Мы шли по первой распутице, и через каждые 50–70 метров попадалась утонувшая машина, и можно было спокойно пройти три метра по гусеницам, а там, где не было их, – через каждые шаг-два с трудом вытаскивали ноги из грязи. Это было что-то страшное... Непроходимое...

Мы шли где-то с восьми утра до трех-четыре вечера эти двенадцать километров. А дальше – пришли и увидели... Жизнь-то была уже настоящая. Я до сих пор помню совершенно шикарный обед, с которого мы начали...

Кстати, Надежда Наговицына еще здесь? Значит, здесь... Вот если бы она начала рассказывать – это было бы очень интересно. Что касается ее прозвища – «Надя-бульдозер» – я не могу простить Валерию Аграновскому: не он, конечно, назвал ее так, а парни, и то исключительно любя, а он это

Надежда Наговицына
Фото из газеты
В. Пономаренко

опубликовал в «Комсомолке». «Надька-бульдозер» — ну что это такое... Кстати, моя первая журналистская премия связана с ней. Это был совершенно ученический очерк, но, тем не менее, третью премию на конкурсе очеркистов «Красноярского рабочего» разделили Олесь Грек (Дивногорск, Красноярская ГРЭС) и я. Но я запомнил на всю жизнь, как легко угробить даже плохой очерк. Они сделали заголовок: «Доброго пути тебе, Надя»... Я боялся ей показать: куда ее отправляют, чего, какого пути — она бы не поняла этого никогда. Я помню, там рассказывалось, что она из ремесленного училища, из очень бедной деревни, а здесь на строительстве Талнаха она расцвела... Сначала ее поместили в кухню-столовую, потом ей это надоело, и она вкалывала физически так здорово, что пацаны сказали, что она «как бульдозер», потому как она действительно могла своей энергией сдвинуть горы. Сказали бы ей перебросить гору угля, она бы точно перебросила... Надя Наговицына тогда была одна из самых популярных личностей. Героиня.

Было три таких женщины, и обо всех писали...

Еще было неизвестно — как их правильно называть: талнашка, талнашенка или талнахчанка. А как вы сейчас называете? Конечно, талнашенка. Потому что если «чаны» везде совать, это же как «тачанка». А ребенок? Талнашенок. А мужчина, спрашиваете? Талнашец.

Первое время все писали, и я страшно боролся с этим делом: «талнаховец». И не слышали эту «овцу» — и «Труд», и «Норильский строитель», и «Горняк», и «Заполярная правда». Но все же талнахцы, хотя сказать талнашцы — тоже ничего, но тут незачем устраивать чередование, если произносится вполне и «талнахцы». Спрашиваете, правила какие? Я смотрел все аналоги — и с казахом, и с Карабахом — это как раз нерусские примеры, но есть такого типа и русские города, и есть словари наименований жителей, и там на Норильск писалось: «одинаково возможно — норильцы и норильчане»... Короче, изучал я это дело.

Зима на Красивой улице

Сейчас геологического поселка уже нет. Если отсюда идти напрямик на геологический поселок и не дойти до него метров сто, дорогу бы закрыло одноэтажное, первое на Талнахе кирпичное здание. Вот это была контора «Талнахрудшахтстроая», потом ставшего «Талнахрудстроем». В этой конторе выделили кабинетик – два с половиной метра с одним окном, камера типичная, – для редакции «Огней Талнаха». По-моему, это кирпичное здание появилось даже раньше, чем улица Красивая. Здесь действительно все было красиво, незамутнено. Воздух потрясающий. С двух сторон от дороги – двухэтажные деревянные дома. Они стояли елочкой, висела табличка – «улица Красивая». Помню, как на одном здании еще афиша висела: «Мы вместе», так назывался спектакль то ли самодеятельной студии, то ли городского театра.

По улице Красивой и шли к этому зданию. Две симпатичные ассоциации в связи с этим редакционным кабинетиком. Первое: январь, здесь раньше светлеет, чем в городе, 11–12 дня, число 20-е января,

Рудник «Маяк» начинался с первого балка бригады Григория Устименко. Весна 1963 года

я зашел и открываю форточку... Я запомнил этот миг: такая красота была в форточке – горы, уже какие-то лучи, и я увидел невероятную живописную картину... Только думал: все же что это – Рерих или Кент? Это была фантастика – фиолетовые, сиреневые и другие тона – в рамке форточки...

И второе – заходит секретарь парторганизации Владимир Лесик, он учил детей во время оккупации, его потом долго не принимали в партию, хотя, вроде, ни в чем таком не был замешан... А когда приняли в партию, стал секретарем, понятно, принялся учить меня сразу: «Чем занимаешься?» – «Передовицу пишу». – «На какую тему?» – «Здравствуй, солнце!» – «Это что, теперь тема для передовицы?» Я говорю: «Не знаю, как раньше, но сейчас, сегодня, завтра на Талнахе самое главное событие – это выход солнца: Вы что, не соскучились?» – «Я?.. Нет». – «А я – да!» – «Если ты соскучился, ты этой теме посвящаешь передовицу?..» Он отстал, правда. Вскоре вышла газета с заголовком сверху: «Здравствуй, солнце!».

Проходит время, тот же самый Лесик приносит партийный документ – «О работе над письмами в газете «Огни Талнаха». Говорю: мол, какая работа,

нам пока пришло два письма... А он: «Надо думать, чтобы приходило больше, и как над ними работать». Выговор я получил – раз есть приказ, почему бы выговорочек не дать.

Года два прошло, заходит Лесик: «Ты что, хочешь быть самым умным?.. Вы когда начнете соревнование за звание «Ударник коммунистического труда»?» Это он о каждом из работников редакции. Опасно с ним, конечно, говорить. Я спрашиваю: «А какое звание выше – ударник коммунистического труда или коммунист?» Отвечает, что коммунист выше. «Так я уже коммунист, чего мне бороться?..» – «Ты же знаешь, что все должны бороться...» Не помню уж, как ушел от всего этого... Вас сегодня это интересует или нет?

Большая деревня Москва

Очень много интересных вещей связано с рождением газеты. Не удивляйтесь, если начну вот с чего.

В 64-м к нам должен был приехать Хрущев. Он уже вылетал из Целинограда, но его завернули, и он полетел в Прагу. Норильск остался без этого визита...

Меня вызывают в управление комбината, и я лечу в Москву – с совершенно конкретным делом. Как произнес будущий лауреат Ленинской премии Борис Федорович Ермилов, если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету. Нужно быстро устроить в Москве три выставки, которые могли бы посмотреть москвичи, и в том числе, конечно, Никита Сергеевич. И, может быть, вы уже соотнесли даты: скоро должны убрать Хрущева. В Москву еду в начале сентября, в Музее Революции меня знакомят с очень интересными первыми большевиками. Заместитель директора по науке, когда узнает, что я из Норильска, бросается мне на шею и кричит: «Дорогой мой, это же я строил дорогу Дудинка–Норильск, узкоколейную!» С какими мужиками я там встречался – это совершенно отдельный рассказ, в том числе – с первым врачом-

психиатром Сталина. Он выжил в лагере, вернулся. Эти люди – фантастика!

Главный художник норильских выставок – естественно, сын секретаря ЦК по идеологии Ильичева. Комбинат знает, кому поручить эти дела...

У меня пять лет уже роман с «Известиями», захожу туда в отдел информации, говорят: «Вот кто будет вместо Гольцева» (Валентин Гольцев, полковник, военный редактор «Известий»). А только-только начали летать космонавты группами и ожидалась посадка первой тройки. И вот они собрались, чтобы написать репортаж о первой встрече, и у каждого из группы, которая будет освещать поездку космонавтов от Внуково до Красной площади, – свой этап. Но так как они уже встречали там Гагарина и других, то они знают, что Гольцев скажет, что у него этап предпоследний – от Октябрьской площади до Боровицких ворот, – и не явится, даже зная, что его все равно подпишут... Я, очень гордый, сразу иду и знакомлюсь с этим этапом, думаю, что можно обыграть... Во-первых, французское посольство. У меня сложилась фраза: «Сегодня нет особняков». Ну, потому, что все на встрече, никто не отгорожен. Идем дальше – знаменитый Дом на Набережной, дом старых большевиков, – надо узнать, вдруг стукнет кому-нибудь из них юбилей или хотя бы день рождения. Точно – узнал. Если не ошибаюсь, это была Стасова. Она была уже в таком маразме, но секретарь ее по-прежнему обслуживал. Сказал, чтобы я написал, а он завизирует... Я подошел, видел ее на одре. Все, пошел писать. Жил в подвале у тетки в 300-х метрах от «Известий», очень выгодно, а в подвалах тогда еще многие жили.

Написал репортаж, приношу его, никого нет в отделе, сидит заплаканная секретарша. Вижу, идут трое рослых в одинаковых макинтошах, мимо меня проходят, я их не знаю... Выходит и мой друг, до сих пор, Стасик Сергеев, говорит: «Можно тебя поздравить – ты новый главный редактор «Известий», и со мной можешь познакомиться, я – новый председатель

Совета Министров...» – «А Никита Сергеевич куда ушел?» – «Сняли». И тут я помню прекрасно свою интонацию, вам уже не понять... Хрущев настолько вошел во власть, уже настолько был культ, что я произношу даже без вопросительного знака: «Кто может его снять, о чем разговор...» А мне абсолютно серьезно отвечают: «Президиум ЦК КПСС», – как раз было не Политбюро еще. Короче говоря, что все это серьезно, я осознал часа через два, когда стало ясно, что газета сегодня не выйдет. Почему? Ну, подумайте... Газета «Известия» выходит вечером. Как можно сообщить раньше «Правды»? Тут я понял, что нечего больше ловить здесь, беру такси, еду к родственникам в другой конец Москвы, зная, что сегодня они меня ругать не будут, что я месяц в столице, а их еще не посетил, – потому, как я везу такие сведения... Но я еще мало знал. Это на послезавтра узнал, как ужасно себя вели трое, которые «спускались»: это новый главный редактор (восемь месяцев он потом просидел) и два бывших зама Аджубея (главный редактор «Известий», зять Н.С. Хрущева. – *Ред.*). Накануне Аджубей приехал в свой кабинет, открывает сейф и достает бутылку коньяку... Но как можно, не дай бог, если кто-то узнает, что они еще вчера пили с Аджубеем, с уже снятым... А тут смешное другое, еду в такси, а таксист мне говорит: «Ну что, Никиту сняли? Я тут вез двух участников пленума, они между собой говорили...» Вот что такое большая деревня Москва. Ну я, правда, когда в Бабушкино приехал, они еще не знали...

Как «Огни Талнаха» не стали «Зарей коммунизма»

Вы думаете, почему я все это рассказываю – все это связано с «Огнями Талнаха»... Да, я возвращаюсь в Норильск, мой репортаж в «Известиях» отменяется. Космонавты-то сели, но их перелет в Москву отложен: надо было отработать официальный прием по-новому, конечно, уже с Брежневым. Приезжаю, сажу у

Луцета, собкора «Красноярского рабочего», рядом его друг – он заканчивал Киевский университет – Витя Жуков. Втроем сидим, ужинаем, выпиваем, и я делюсь московскими новостями, среди которых новые стихи:

Удивили всю Европу,
Доказали простоту,
Десять лет лизали ...,
Оказалось, что не ту.
Но народ не унывает,
Смело он идет вперед,
Наша партия родная
Нам другую подберет!

Все смеются... Утром Витя сбегал в КГБ, потому что на должность редактора новой газеты в Талнахе было две кандидатуры – я и он... Он, правда, по дороге забежал к нашему общему знакомому (тут я его не назову): «Ну как ты считаешь, я должен идти?» Тот сказал: «Конечно». Когда прошло время, и я по очень интересным каналам узнал об этом, то спросил того неназванного знакомого, и он мне объяснил свою позицию: «А ты хотел, чтобы я сказал, чтобы он не пошел, а он бы пришел туда и сказал бы, что он заходил ко мне и я ему сказал, чтобы он не шел?..» Чистый 37-й год, причем коллектив-то из трех человек. Но это не 37-й, а уже 64-й. Из КГБ звонят Савчуку, в норильский горком, и говорят: «Мы этим заниматься не будем, все трое – коммунисты, вот вы с ними и говорите...» Я жду вызова, меня не вызывают, хотя я узнаю, что его уже вызвали... И, топя на него раненой ногой, Савчук кричал: «Это что тебе, 37-й год?» А ведь другой мог быть у нас первый секретарь горкома... На этом визите в КГБ Жуков себе окончательно испортил карьеру. Он и в Киеве потом не восстановился особенно, хотя и работал на киностудии Довженко.

Так вот, приходит день бюро горкома, на который меня вызывают, тут же, меня не спрашивая, принимают кандидатом в члены партии и утверждают редакто-

ром. Но, как неслучайно говорил товарищ Лесик: «Ты что, хочешь быть умнее всех?» – язык у меня был всегда впереди. «А можно мне что-то сказать?» – (сидит человек пятнадцать, в том числе – Долгих) – «Мне не нравится название...» А название в начале заседания уже объявил Савчук: «Нам спустили. Из Красноярска (в таком-то районе закрыли газету...). И спустили нам это название – «Заря коммунизма». Вам смешно? Сейчас я открою рот, и вам будет не до смеха. Дальше произношу фразу, что при другом составе участников этого стола я уже был бы через две минуты не редактор.

Говорю: «Не понятно, утренняя заря или вечерняя?» Что было с Савчуком, участником, инвалидом войны... Он кричал: «Как вечерняя, вы о чем говорите?» Пожалуй, меня спас Долгих, хотя тоже участник войны, но помоложе и, вообще, демократичный очень, хотя Савчук тоже ничего, только хмурость на себя навлекал... И Долгих говорит: «Если ему так не нравится, пусть подумает над названием, это же не так срочно». Ну раз директор комбината говорит, так можно и прислушаться...

Через несколько дней Долгих встречает меня на углу «Норильскпроекта»: «Ну, придумал что-нибудь интересное?» Говорю: «Это оказалось довольно сложно... Я придумал... «Огни Талнаха». – «Неплохо». – «Но «Огни» везде, где строятся ГЭС...» Тогда он говорит: «Но у нас зато другие «Огни» – в полярной ночи... «Огни Талнаха»... Я не против». Все, нечего ис-

кать. Заседание бюро было в середине декабря 64-го, первый номер «Огней Талнаха» вышел через месяц.

Вот такая у нас родословная: от вечерней «Зари коммунизма», через снятие Хрущева, посещение КГБ Витей...

*Записала Ирина Даниленко,
«Огни Талнаха»,
28 июля 1998 года*

Мысли вслух:
«Я – Ваш болельщик»

**Символ Норильлага –
полуженщина на подшипниках...**

Я появился в Норильске в сентябре 59-го. Уже три года, как Норильлага нет. Тогда казалось, что это много. Теперь я понимаю, что это было совсем недавно. В чем можно было видеть следы Норильлага? Первое приходит на ум: вот, я прихожу делать материал в «Горстрой», разговариваю с начальником участка и думаю, ну какой милый человек, с ним разговаривать – одно удовольствие: какая улыбка и какой хороший у него участок...

Прошло время, и я мог сказать уже по улыбке, что человек из лагеря, потому что улыбка... заискивающая. Я не мог найти это определение, пока кто-то не сказал, что он был при немцах бургомистром Полтавы, или другого украинского города... Ярый враг воды сырой, этот Анатолий, начальник участка... Понимаете, что это для него значило, если я его где-то в газете или с экрана упомяну... Вот такие улыбки были перед пацаном-корреспондентом...

Второе, уже никогда после этих лет – 59-го, 60-го, 61-го – такого интеллектуального Норильска уже не будет, так много людей оставалось работать после лагеря, тех, о ком можно было сказать, что это действительно – цвет города, высочайший интеллект... Высочайшие, изумительнейшие моральные качества. Душа... Я называю, конечно, прежде всего друзей – Магомет Муртуз-Алиевич Куриев, получеченец-полуингуш, Абрам Генрихович Вайшенкер, заместитель Всесвятского – Ерусалимский. Здесь долго работал Григорий Иванович Харченко, геолог, расчеты запа-

сов делал. Это не столько интеллект, сколько дикий жизненный опыт...

Третье – материальные следы. Проволока, вышки... Не так много, но еще прилично. Во-первых, вся Медвежка, во-вторых, вышка у старого городского рынка, где сейчас выросла церковь. На месте бывшего строительного поселка, это нынешний район Лауратов, еще много было проволоки.

Разговоры о лагерях никогда не велись вслух. Даже во времена Норильлага, когда рядом в одном кабинете работали лагерные и вольные, этого не было... Вообще – ни слова. Они рядом работают и практически друг о друге ничего не знают. И уже вышедшие из лагеря все равно заполняли документ о неразглашении...

Для меня лагерный символ (это было очень долго, пока ее не убил сын) – женщина, полженщины, передвигающейся по всему городу на платформе с подшипниками. Она – из бывших заключенных, а убил ее сын, в надежде, что сможет пожить от

ее счета в банке. А там оказалось... Вычислили его элементарно.

Лет двадцать назад я бы с ней обязательно засел поговорить на вечер, на ночь. А тогда боялся... Вот боялся... Чего? Убогости ее. Ну, половина сидит женщины. Я из-за этого никогда не был у дочери Завенягина – Жени, чтобы как-то не показать, что я обращаю внимание на это... Она сидит в кресле, получает пенсию от Воронежского завода, чей грузовик сбил ее. Она не одинока, у нее прекрасный муж, и вообще, по телефону я ей говорю, что мы из одной стаи: голос ничто не выдает – ни возраст, ни физическое состояние, она с 36-го. Сын ее Юлий, доктор технических наук, физик-атомщик, и тоже как дед – облученный, и тоже сердце...

Тайна норильской «макаронки»

О смерти Завенягина... Конечно, там не все ясно. Но ведь он присутствовал при всех испытаниях в обязательном порядке, и у них не было практически техники безопасности. Вспышки они вообще не считали за тяжелое явление... Сахаров пишет в мемуарах, что их как-то долбануло взрывной волной, а Завенягин – такой счастливый, с огромной шишкой на лбу (т.е. такая сила удара), что его еще очень прилично обо что-то стукнуло... Они как следует ничего не знали. Да, знали о радиационном воздействии... Кажется, от академика Хлопина, это довоенные еще работы. Эти вещи хорошо знал и Тимофеев-Ресовский. Но только какая-то часть опасности им была известна.

Да, Завенягин занимался и добычей «тяжелой воды», об этом есть в новой книжке. Вот для меня новость недавняя, что самый главный немецкий специалист у нас работал на «макаронке», примерно полгода, как раз по получению «тяжелой воды».

«Макаронку» не знаете? Это где сейчас машиносчетная станция, ее здание – одно из зданий той «макаронки». Отовсюду была видна в городе... Я точно не знаю, в честь этой ли части пейзажа назы-

вали ее «макаронкой» – там была ректификационная колонна, издали можно подумать, что это труба, но узкая очень, метров 150, очень длинная. Вот там они и очищали, на этой установке... Или макаронную фабрику придумали просто для отвода глаз?.. Когда я познакомился с Галиной (Галина Львова, известный диктор НСТ, жена А. Львова. – *Ред.*) семьей, то ее папа и мама работали на «макаронке», она – техничкой, он – шофером, т.е. несколько сот, как минимум, но рильчан работало не на комбинате, а на «макаронке», это не комбинатовская была структура. Закрыли ее довольно быстро, где-то в 61-м, так как по технологии надо было сюда везти колоссальное количество аммиака «с материка». Но «это» пришлось Завенягину здесь поставить, потому что там его допекали не только Берия, но и Первухин – министр химической промышленности, который хотел у себя иметь и по своему методу... Завенягин вынужден был обратиться к Норильску, где «эти» уже не будут вмешиваться.

«Если бы Дзержинским был ты...»

Вы спрашиваете, что давало людям силы выжить, сохраниться в ГУЛАГе?

Конечно, по-разному. Кто настоящий был специалист, попадавший в такие условия, где мог доказывать, что он профессионал, уже был счастлив. И это ему помогало выжить. Они ведь были довольно свободны по отношению к работягам... Второе – это просто сильные личности по характеру: «Выдержу!» Или, как они говорили: «Я умру после НЕГО». Вот цель в жизни – дождаться смерти Сталина. И так – очень многие.

Третье – это же, безусловно, – вера (то, что сейчас уже исчезло) в то, что это все временное. «Если бы жил Ленин...» – звучало очень часто. Это еще когда стали приходиться к тому, что дело не в конкретной даже личности. Конечно, и в личности тоже дело. Но... кого ни ставь... Это, конечно, была система, разработанная бесчеловечно. Концентрационные лагеря – это все

же Ленин... А очень долго мы это слово употребляли лишь в отношении лагерей у немцев.

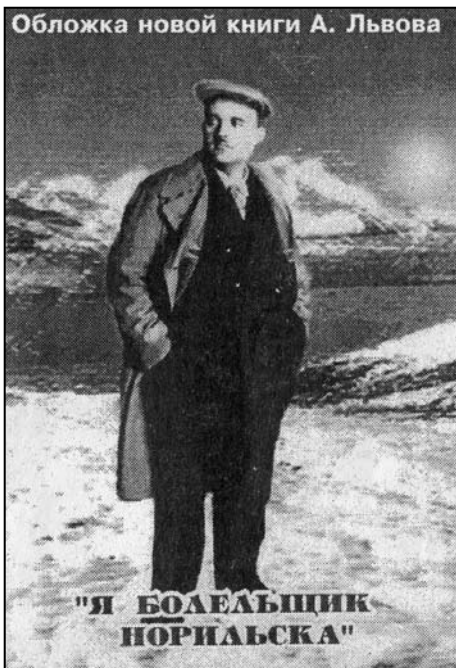
Среди 11-ти первых норильских лауреатов Ленинской премии 6 или 7 сидели, это больше, чем вольных...

Много Солженицын, конечно, написал. Но хуже всего он был осведомлен по Норильску. Он заявил, что Завенягин – типичная биография, как на костях можно стать замом Берии.

Слышал звон... то же самое написал Разгон: «...вот откроются архивы, как эков отправляли на урановые рудники...» Но, а кого же было отправлять? Если бы Разгон был на месте Завенягина, то кого бы отправлял на урановые рудники?.. Это несерьезно. И вообще, почти все критики не дают себе труд поставить себя на место тех же начальников комбината – Зверева, Панюкова, Завенягина... Это невозможно? Но тогда как же ты их критикуешь? Вот поставь себя на их место: меньше было бы жертв или больше?.. Вот ты служишь в органах, партия тебя призвала... И ты будешь делать так, чтобы там все выжили? Да тебя хлопнули б сразу... А болтовня все идет...

Как-то один из наших журналистов предложил убрать имя Дзержинского – с улицы... Я ему говорю: «Скажи, если б тебя посадили вместо Дзержинского, на его место, крови было бы меньше?» Он ответил,

Обложка новой книги А. Львова

что, конечно, меньше... Думаю, что при его-то мягкотелости это бы все друг друга перерезали, если б это, действительно, не был «железный Феликс». Его при этом хватало на всю борьбу с беспризорниками, на руководство промышленностью. Уникальный мозг, уникальный характер! Ему удалось прервать эту сечу: всех бандитов, хулиганов, как можно быстрее... То, что сейчас не удастся. Это, конечно, разные вещи, и возможности разные. Это сейчас заслать в каждую банду по одному человеку – раз плюнуть. Но ведь ничего не делают...

«Осознание талнахской мощи еще придет»

Как Завенягин, могу сказать, что я ваш болельщик. Вряд ли кто-нибудь более неравнодушен к «Огням Талнаха», чем я... Что ни говорите, а первый огонек после геологов и строителей – газетный – зажгли именно «Огни Талнаха»: Александра Демидова – первый спецкор и машинистка, и Анатолий Львов – редактор и секретарь.

*Талнах.
Первый кирпичный дом, 1964 г.*

Теперь не хватает слов – издание возобновлено – через четверть века с лишним, после редкостно глупого решения властей. Уже ясно было, что город будет, когда газету прихлопнули, а ведь закрыть куда как проще, чем снова открывать. Что и доказывает лишний раз история «Огней Талнаха».

А прихлопнули из-за дурости покойного Славы Гайдая, заведующего отделом пропаганды и агитации, он подписывал последние номера, ему это надоело.

Вот я читал первые номера. Вы пишете, что Талнах – рудная столица России. Смело. Пожалуй, и я мог так написать... в молодости. Если спросите где-нибудь на Дальнем Востоке, тем более на Ближнем, про рудную столицу России, скорее всего – не поймут. Конечно, такой нет в природе. Фундамент, основа НТР – это да, тоже немало. Но спокойное осознание талнахской мощи еще придет, найдутся и более точные слова...

Помнится, мы тоже, как и вы, начинали в ЗАГСе, сообщали о первых свадьбах в Талнахе, о местных уроженцах, мам тогда еще возили в норильский роддом... Кажется, у первого папы фамилия была похожа на Мелконянц...

*Записала Ирина Даниленко,
«Огни Талнаха»,
4 августа 1998 года*

Разговор у разрушенного барака

МОЙ СОБЕСЕДНИК – Авет Александрович Тавризов, художник-профессионал из творческо-производственного объединения «Музеум». Коренной москвич с острым взглядом на мир и склонный к философствованию, смотрит на Норильск и видит его, естественно, по-своему. Для гостя это место – как и Воркута, Магадан, – концентрированное выражение противоборствующих явлений и понятий, которые кажутся вовсе взаимоисключающими: свобода – несвобода, добро – зло, рай – ад...

О каком счастье можно говорить в запертом с улицы на ночь бараке! Дай бог сегодняшнему и завтрашнему поколениям остаться в неведении на этот счет. Но опыт, сын ошибок трудных, свидетельствует: своя койка – счастье по сравнению с досками нар, нары – счастье, если кто-то ночует просто на полу, деревянный пол обещает блаженство для того, кто провел ночь на земле; а чего стоит сравнение места близ печки и в дальнем от нее холодном углу?

Гость (он моложе меня) вспоминает из детства (однако, еще сталинских времен): несколько раз встречался в газете снимок из Нью-Йорка – американские крысы нападают на американских детей, грызут заокеанских ровесников... Такая картина не могла не поразить ребенка, для которого борьба с грызунами не была частью его существования. Крысиный город желтого дьявола являлся во сне. Советский мальчик, пионер, просыпался в поту... от солнечного луча, проникшего в окно. От нашего советского солнца. И чувствовал, как повезло ему в жизни.

Он вряд ли думал в это время о сверстниках, живших в полуподвалах и даже подвалах. Луч солнца их

не будил. Этажом ниже его благополучной квартиры дверь была заколочена и никто не жил вообще – хозяев увели. Как и соседей сверху.

...У каждого свой опыт. Обычно – достаточный, чтобы возненавидеть ложь, ханжество, рабство, страх.

На днях услышал по ТВ: «Наш народ избавился от страха». Что это? Может, автор заявления хотел подбодрить самого себя? Или так привык врать?

НЕ ИЗБАВИЛСЯ. Недавно позвонил мне давний знакомец, родившийся после войны, Сталина практически не заставший, борьбу с генетиками и кибернетиками тоже. Но уже запрограммированный на дрожь в коленях... Он назвался моим другом и дал совет: «Не засвечивайся, не будь таким откровенным, у тебя семья, внучка».

Я верю в его искренность, в его благожелательность. Но как ему объяснить, что жизнь, при которой могут лишиться даже сегодняшней, зачаточной свободы слова, мне вообще не нужна? Что это за жизнь?

...Вот о чем, и о многом другом, подумалось над макетом старого, разрушенного барака – частью будущей экспозиции норильского музея, предназначенной быть сценой и памятью, приговором и... местом постоянного референдума. Входящих, проходящих, исходящих. Кто – за? Кто – за совесть?

Я не хочу описывать замысел художника, взаимосвязанность символов и пространств, художественных образов и реалий. Человек и Комбинат, человек и Природа, природа и Комбинат... Эти и другие связи пронизывают будущую экспозицию, они суть, стержни ее, а не тающие сугробы в углах барака, наше короткое, как счастье, лето в оконце, рудные осыпи и произведения ума человеческого, его характера и воли – мозаика истории и дня насущного, иллюстрации пройденного и ожидающего нас.

КТО-ТО УВИДИТ макет по-другому, и эта неоднозначность вдохновляет. Зачем нам набившие

оскомину примитивы? Правда, случалось, гениальные замыслы не находили точного воплощения, а воплощение оставалось неодоухотворенным... Увы, пока нам не до столь высоких материй. Как следует из информации директора музея Л.Г. Печерской, администрация города в лице управления по культуре жалуется на отсутствие денег.

Не будем искать логику. Прямо скажу, смешного мало, когда мэр произносит с телеэкрана: мы-де создали эпохальный сериал («Снег – судьба моя»), заграница интересуется, только не знаю, право, где теперь найти деньги на... вспомоществование героям фильма.

Надеюсь, найдет. Иначе – скандал. То же в отношении музея, который при нашей «культурной бедности» мог бы стать оазисом, магнитом, святилищем, местом паломничества. Государственным музеем и Стеной плача.

Да, 50 миллионов рублей. Но – сегодняшних. То есть четверть миллиона «старыми», когда элементарное здание обходилось в миллион. Причем в эту сумму входит оплата труда бригады плотников. Уверен, что строительные тресты смогут выделить по одному человеку, сохранив ему средний заработок. Норильские строители справятся, сами прогонят любые сомнения на их счет.

Значит, уже не 50. Но кто сказал, что не помогут денежные люди – патриоты Норильска? Сколько остается для головной боли администрации? 25–30?.. Пять квартир «на материке»?

Вместе бы искать деньги, а не повод их не искать.

*«Красноярский рабочий»,
29 мая 1993 года*

**Анатолий Львов
и норильское
телевидение**

*Август 1964 года.
В студии телевидения писатель Евгений Рябчиков.
Ведущий передачи Анатолий Львов*

Анатолий Львов и норильское телевидение

Когда норильскому телевидению исполнилось 20 лет, «Заполярная правда», городская газета, отметила эту дату материалами на первой и третьей страницах. Редакционная колонка напомнила, как помогали приближению долгожданного телевидения в популярном городе сами норильчане.

*Анатолий Львов
по телефону собирает инфор-
мацию для программы телеви-
зионных новостей*

«Время летит. Норильчане 50-х помнят субботники на холме за Щучьим озером. Каждому не терпелось увидеть чудо в собственной квартире или в красном уголке общезжития – светящийся телеэкран. Телецентр был любимой стройкой города.

В предновогодний вечер 1958 года чудо свершилось. На Таймыр пришло телевидение.

Потом были другие чудеса, но к ним норильчане отнеслись уже спокойнее. И к первой передаче по «Орбите» в 1967-м, и к первой передаче в цветном изображении – в 1971-м. Теперь терпеливо ждут третью программу и уверены, что дождутся. Привыкли к чудесам...

Двадцать, да и пятнадцать лет назад многие еще ходили в гости «на телевизор». Сейчас уже трудно найти квартиру без телеприемника. Вечер у телевизора – самое обычное проведение досуга (увы, в ущерб многому). Дикторов уже давно не останавливают на улицах: а какой он в

«жизни»? И даже на себя по телевизору – в записи – норильчане уже смотрят без лишних восторгов.

Телевидение из чудес перешло в ряд привычного, будничного, жизненной нормы... И все же оно всегда праздник.

Оно всегда в курсе всех новостей. Можно сидеть дома и присутствовать на каждом интересующем тебя событии – и в Норильске, и в Гаване.

Оно светит в лютую пургу и делает светлее полярную ночь.

Оно за месяц знакомит нас с таким количеством интересных людей, с каким мы без его участия не познакомились бы за всю жизнь.

Телевидение – это «Время» и «Север», Художественный Академический и Заполярный драматический, живопись и хоккей, Саянская ГЭС и египетские пирамиды, Надежда и КамАЗ, Красная площадь и Невский проспект, Андронников и Рихтер, информация и культура...

А начиналось это все для Норильска двадцать лет назад, когда режиссер Владимир Горюнов сказал в аппаратной телецентра: «Внимание! Пошли в эфир!» И загорелся красный огонек на телевизионной камере в студии. И первый диктор произнес, глядя в объектив: «Добрый вечер, товарищи!»

По случаю юбилея телевидения норильские журналисты поинтересовались у продавцов магазина «Космос»: «Как часто у вас покупают телевизоры?» Сегодня этот вопрос кажется смешным: в наше время во многих семьях даже не два, а более телевизоров, причем современных. В те годы наши люди часто ходили в гости или к добрым соседям «на телевизор».

*Анатолий Львов
на экране норильского телевидения
появлялся и как ведущий программы,
и как репортер*

Надпись на обороте этого снимка сохранила название передачи, которую готовил Анатолий Львов: «За культуру нашего быта!». Она вышла в эфир 19 марта 1961 года. За окном снег, участники передачи одеты надежно, по-зимнему

А в таких небольших городах, да еще столь отдаленных от технической цивилизации, как заполярный Норильск, вообще долго не было местного телевидения.

Здесь оно появилось благодаря директору НГМК Владимиру Васильевичу Дроздову. А в северном городе даже на двадцатом году существования Норильской студии телевидения еще не был полностью удовлетворен спрос на телевизоры. Вот что местным журналистам ответили продавцы магазина «Космос»: «Продаем в среднем 20 штук в день». Несложный подсчет убедил, что самый крупный магазин (а были и другие) реализует в год пять–шесть тысяч телевизоров. Не обошли журналисты вниманием и один из нескольких пунктов проката, там ответили, что все телевизоры «на руках».

Без телевидения норильчане уже просто не представляли своей жизни. Конечно, там были рубрики «Партийная жизнь», «Это наша советская власть», но кроме неизбежно традиционных были и телеспектакли, концерты, встречи с людьми творческих профессий, критическая программа «БАЦ!», рейды, репортажи с заводов, фабрик, рудников, городских мероприятий... Журналисты, выпускники вузов Москвы, Ленинграда, Красноярска стремились по распределению попасть на работу в Норильск. Смелые творческие выходы в эфир молодых специалистов сразу задали высокую планку публицистических

Может быть, этот снимок сделан перед традиционной летучкой, еще не все собрались в зале телестудии...

Режиссер Инна Павловна Назарова, редактор Виктор Михайлович Москалев и Анатолий Львович Львов уже на месте. Жена В.М. Москалева Тамара Алексеевна Александрова, тоже редактор Норильской студии телевидения, еще не присоединилась к ним. Они оба, В.М. Москалев и Т.А. Александрова, стали на долгие годы закадычными друзьями семьи Львовых

передач, за что бывали и биты (смотри воспоминания Натальи Дроздовой в 11-м томе сборника «О времени, о Норильске, о себе»).

Коллектив норильской студии телевидения жил буквально проблемами и интересами города и комбината и потому сразу стал неотъемлемой частью жизни всех норильчан: и взрослых, и детей.

Мальши, например, всегда в заветный час ждали своего любимого героя: Северка. В этом томе в главе «Снежгород – 3» можно прочитать о нем поэму в стихах, ее написал Самуил Яковлевич Маршак.

В 1959 году на Норильскую студию телевидения пришел работать и Анатолий Львов. Он был главным редактором информационной программы, затем возглавил редакцию общественно-политических программ.

Но Львов не был бы Львовым, если бы он ограничивался только служебными интересами. Его собственные никогда не имели границ – его внимание всегда распространялось на всю окружающую

*Чтобы сделать репортажи из шахты,
Анатолий Львов спускался в забой*

действительность. И не только! И потому к 20-летию Норильской студии телевидения в «Заполярной правде» появился материал, который он извлек из своих архивов. Это была переписка с полярником с мыса Святой Нос. К тому времени она пролежала 10 лет, но и спустя 35 лет со времени ее публикации она читается с огромным интересом.

Норильск, вас вижу!

Этой истории ровно десять лет. Я нашел в своем рабочем архиве несколько писем той поры. Перечитал их и решил, что они интересны не только для меня.

НОРИЛЬСКИЕ телезрители – кто они? Вопрос может показаться странным, но с ответом не торопитесь. Обратный адрес был таким: ЯАССР, мыс Святой Нос, полярная станция.

«Я занимаюсь дальним приемом телепередач и в начале декабря принимал сигналы, видимо, вашей станции. Чтобы быть в этом уверенным, прошу ответить, Норильская ли студия передавала 1 декабря до 16–50 цирковое представление, а до 17–50 (Москвы), похоже, обозрение для молодежи. За журнальным столиком сидели трое, в центре – мужчина средних лет в спортивной куртке. На стене – стенд, на нем римская десятка (X) и буквы: НСТ. Скорее всего вы отмечали 10-летие студии. Я заключил, что принимаю Норильск потому, что Новосибирск работает на другом канале. Потом показывали киноочерк о строительстве ГЭС. Фильм «И никто другой» посмотреть не удалось, так как в 18.30 прохождение прекратилось... Убедительно прошу Вас не оставить мое письмо без ответа. Мне необходимо быть уверенным, что принимаю Норильск – для конструирования и ориентировки антенны. Звук пока нет. На всякий случай, поздравляю норильчан с 10-летием телевидения. Если вас заинтересует вопрос приема Норильской студии за 1500 км, на востоке моря Лаптевых, с удовольствием напишу».

Во втором письме перечислялись передачи, принятые в январе, феврале и марте, и не было ни слова о моем ответном письме. Причем корреспондент по фамилии

Кузьмин по-прежнему гадал, что скрывается за буквами НСТ. В апреле пришло третье письмо.

«Ваше письмо от 10 января получил только 22 марта... Вы просите написать о себе. Мне 33 года, родился, вырос и учился в Ленинграде, окончил Арктическое училище, по распределению был направлен в Гидрографическое предприятие, участвовал во многих экспедициях, в основном – в Баренцевом и Карском морях. Был неоднократно в порту Диксон, Енисейском заливе (ваших краях), в различных пунктах побережья и почти на всех островах в Карском море. В 1965 году заочно окончил радиофакультет ЛФИМУ им. С.О. Макарова и поехал на Святой Нос осваивать новую радионавигационную систему для обеспечения безопасного плавания крупнотоннажных судов в море Лаптевых и Восточно-Сибирском, где, кажется, осел надолго. Радиолюбительским спортом начал заниматься еще в Ленинграде».

Так начиналось знакомство с Юрием Кузьминым, самым дальним норильским телезрителем.

«Коллектив у нас хороший, дружный – ленинградцы, выпускники ЛАУ и ЛВИМУ. В межнавигационный период (ноябрь – май) нас на зимовке остается 4–5 человек для ремонта аппаратуры и подготовки к следующей навигации. Живем в небольшом домике, но, как говорится, со всеми удобствами. У нас три комнаты, кухня, душ, туалет, паровое

Такой Галина Львова начинала карьеру диктора на студии телевидения Норильска. Комиссия, отбиравшая дикторов из многих претендентов, единодушно и сразу остановила свой выбор на такой красавице: она читала новости, объявления и потом вела передачи

отопление от автоматического котла на дизтопливе (сам включается и выключается в зависимости от температуры воздуха в помещении). Круглые сутки электроэнергия, теплая и холодная вода, есть киноустановка, сотня старых кинокартин, магнитофон, музыкальные инструменты, хорошая библиотека... Ну и наша гордость – телевизор «Темп – 7м», виновник нашей с вами переписки...»

Старые норильчане, обладатели первых четырехсот телеприемников, поймут полярника Кузьмина, вспомнят последний вечер 1958 года, артистку заполярного драмтеатра Р. Ларину в роли диктора, восторг, переполнивший душу... Нет, не до конца поймут. Чтобы понять, мало заново представить себе собственные ощущения. Конечно, здесь тоже была полярная ночь, телевидение казалось далекой мечтой, но вокруг шумел – голосами, моторами, сваебойными станками, взрывами на Медвежке – город! А мыс Святой Нос светился окнами одного-единственного домика, с трех сторон окруженного застывшими льдами, вертолет из Тикси или Чекурдаха прилетал на станцию раз в два месяца... «Ящик» телевизора мог показаться полярникам вещью столь же «необходимой», как мячики для игры на теннисном корте или курортный зонтик от солнца...

*Дикторы Норильского телевидения
Галина Львова и Александр Григорук*

«Когда привезли телевизор, многие очень скептически отнеслись к возможности приема телепередач в такой дали от Якутска, Магадана и Норильска. Но – удалось! Накопив небольшой опыт в сверхдальнем приеме, приступили к усовершенствованию телевизора и антенны. Думаю, к маю закончу антенну с высоким коэффициентом направленного действия и более надежную к ветровым нагрузкам. Ветра у нас сильные, до 40 метров в секунду, гололед антенну, сделанную из тонких медных трубок, ломает (как это случилось в январе)».

Хотелось побольше узнать об этом крае, о том, как выглядит Святой Нос, о жизни на мысу в море Лаптевых.

«Место очень красивое. Домик и другие постройки расположены на песчаной косе, на самом берегу моря. Рядом озеро с пресной водой, в трех километрах гряда сопков до 400 метров высотой. Совсем близко к станции проходят дикие олени, следом за ними идут полярные волки. Белых медведей давно не видели, только следы. Самое хорошее время, естественно, гуси, утки, причем в огромных количествах. В начале июля мы, как правило, загораем. Однажды температура поднялась до 22 градусов – купались в озере. Море вскрывается в конце июля – начале августа. В этот период часты туманы. Затем несколько хороших дней в конце августа, и уже в сентябре заморозки. К 20 сентября открываем конькобежный сезон на льду озера, в начале октября замерзает море, с 12 ноября до конца января не видим солнца. Зимы не холодные, обычно 36 – 42 градуса, бывает и 46, но редко. А в марте уже оттаивают стекла окон. Много хлопот доставляют пурги, а в общем погоды, видимо, как у вас в Норильске... Да, совсем забыл написать о рыбалке. Правда, на удочку не ловим, а сеткой, но удовольствие огромное, да и подспорье на долгую зиму – омуль, чир, попадает и нельма... Вот, кажется, и все о нашем житье-бытье, если прибавить, что просиживаем вечера у телевизора и иногда с большим удовольствием смотрим передачи НСТ. По величайшему секрету сообщая, что нам всем очень симпатична диктор НСТ, к сожалению, еще не знаем имени...»

Секрет полярников решаюсь выдать только потому, что десять лет все-таки прошло. Зато и сегодня свежо звучат слова из старого письма:

«Желаем всему коллективу Норильского телевидения успехов в работе, а радиоволнам – лучше отражаться, чаще доходить до нас, а не уходить к другим планетам, где их никто не принимает (а если принимает?! – подтверждение придет через несколько световых лет)».

Было интересно, не вдохновил ли успех радиолюбителей Святого Носа кого-нибудь еще, может быть, еще дальше от Норильска?

«Насколько я знаю, больше ни на одной полярной станции телевизоров нет. После наших небольших достижений, узнав о них, запросили телеприемники островитяне Столбового и Котельного. Радиолюбители там есть, так что телеаудитория НСТ будет увеличиваться. На мой взгляд, порядка десяти вечеров в месяц принимать можно, конечно, при хорошей антенне, чувствительном телевизоре (добавление одного-двух каскадов УЧП), антенном усилителе, желании, терпении, ну и даже выдержке. Представляете, сегодня, например, сейчас уже 20-00 Москвы, есть признаки сигнала, но картинки добиться не удастся. Значит надо еще и еще работать, дорабатывать. Знаю, что в Норильске есть «Орбита», очевидно, НСТ передает хоккейные матчи, но – период «невезения» – прохождения нет и нет...»

Десять полярных ночей спустилось за это время и на Святой Нос, и на Норильск. Несколько раз сменился на полярной станции состав зимовки. Я не знаю, тот ли домик стоит на мысу или новый. Знаю, что появились поближе к нему телевизионные станции. Скорее всего молодым полярникам уже не приходится настраиваться на Норильск. Но для их предшественников наш город и его телевидение навсегда остались источниками такого света, который не забывается всю оставшуюся жизнь.

И почему-то верится, что и сегодня какой-то неизвестный нам парень в свитере и унтах за тысячи километров от Норильска наладит телеконтакт с нами и разглядит на мерцающем экране теперь уже две латинские десятки: XX.

Анатолий Львов

*«Заполярная правда»,
29 декабря 1978 г.*

Он в телестудии живет, программу детскую ведет

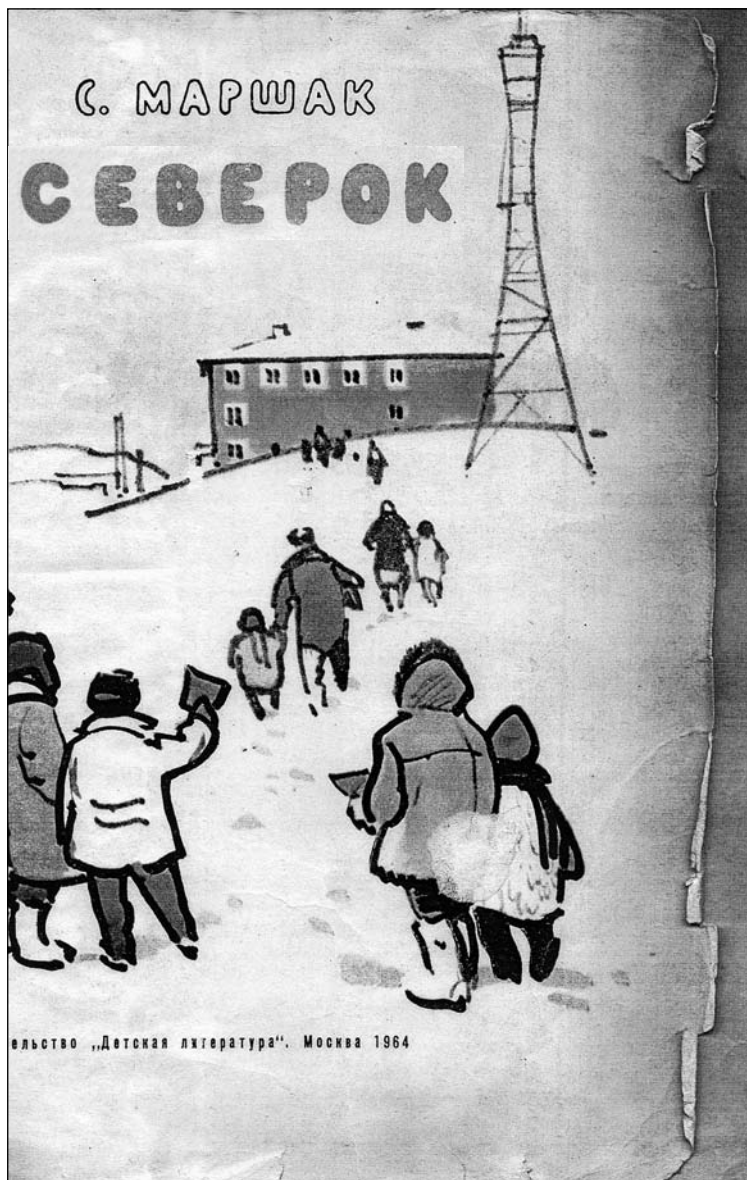
Северок – любимый герой норильской детворы. В заветный час дошкольники и ребята начальных классов усаживались у телевизоров, чтобы встретиться с Северком. А те, кто ходил в детский сад № 39, частенько общались с ним и в телестудии. Их воспитатель Надежда Федоровна Михневич была автором многих детских передач, она стала постоянным нештатным корреспондентом Норильского телевидения. А как смелее общаться с Северком, ребят учил телеоператор Владимир Раств.

Школьники младших классов не только с удовольствием смотрели детские передачи, они Северку посылали письма – за год их набиралось больше 1500. Северок отвечал с экрана всем ребятам. Слава героя телепередач Норильского телевидения докатилась и до Самуила Яковлевича Маршака – он написал о норильском Северке поэму в стихах.

С. МАРШАК

СЕВЕРОК

Издательство „Детская литература“. Москва 1964

Северок,
Северок.
Кто же это Северок?
Может, это ветерок?
Или, может быть, зверок
Северного края
Вроде горностая?

Северок,
Северок...
Погодите, дайте срок—
Вам понятно станет,
Кто же это Северок
Да и чем он занят.

Увидеть можно Северка
В Норильске на экране.
И очень любят земляка
Ребята-северяне.

Он в телестудии живёт,
Программу детскую ведёт.

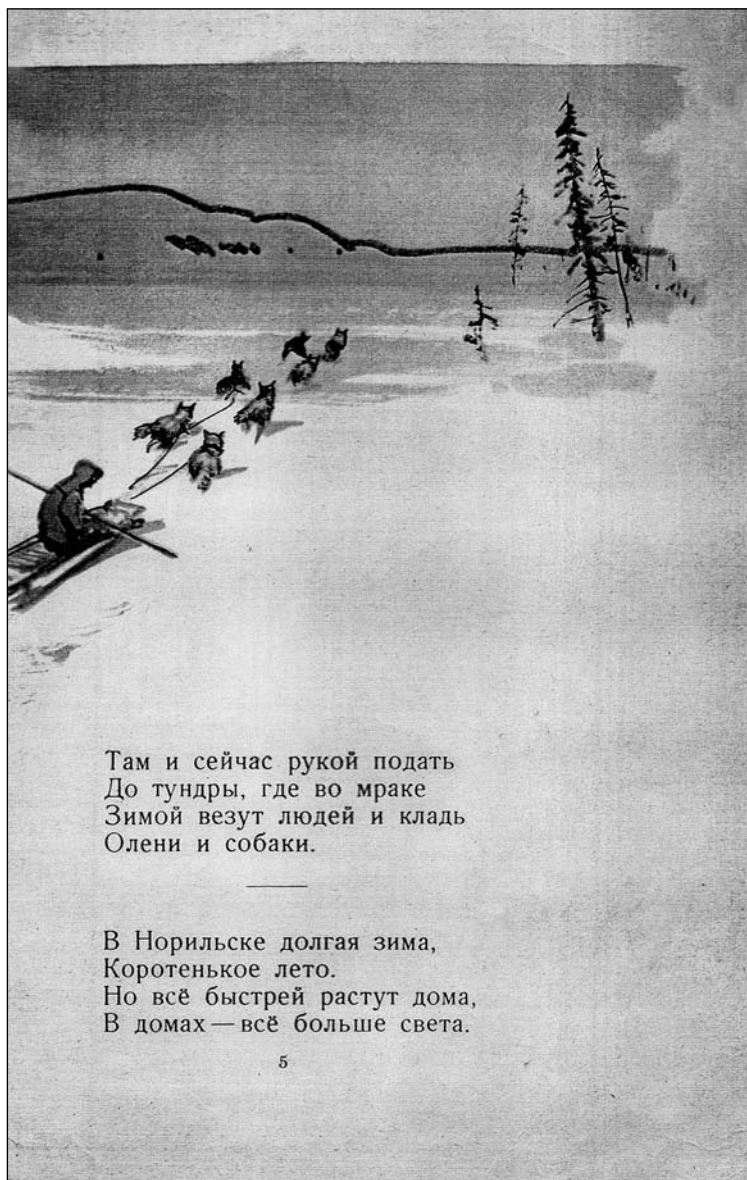
И если быстрый говорок
Услышишь утром рано,
То это значит — Северок
Зовёт тебя с экрана.

Игру затеет он подчас,
То петь он будет песни.
А то придумает для вас
Рассказ поинтересней.

Он вам расскажет, где и как
Построен город сильный,
Сменивший ездовых собак
На парк автомобильный.

Там и сейчас рукой подать
До тундры, где во мраке
Зимой везут людей и кладь
Олени и собаки.

В Норильске долгая зима,
Коротенькое лето.
Но всё быстрее растут дома,
В домах — всё больше света.

Под сенью флагов и знамён
Зовёт на праздник стадион
В краю снегов и вьюги.
А есть и дом, где круглый год
В бассейне плавает народ,
Как где-нибудь на юге.

Занёс бы долгий снегопад
Норильск многоэтажный,
Но спорит день и ночь подряд
С зимой народ отважный.

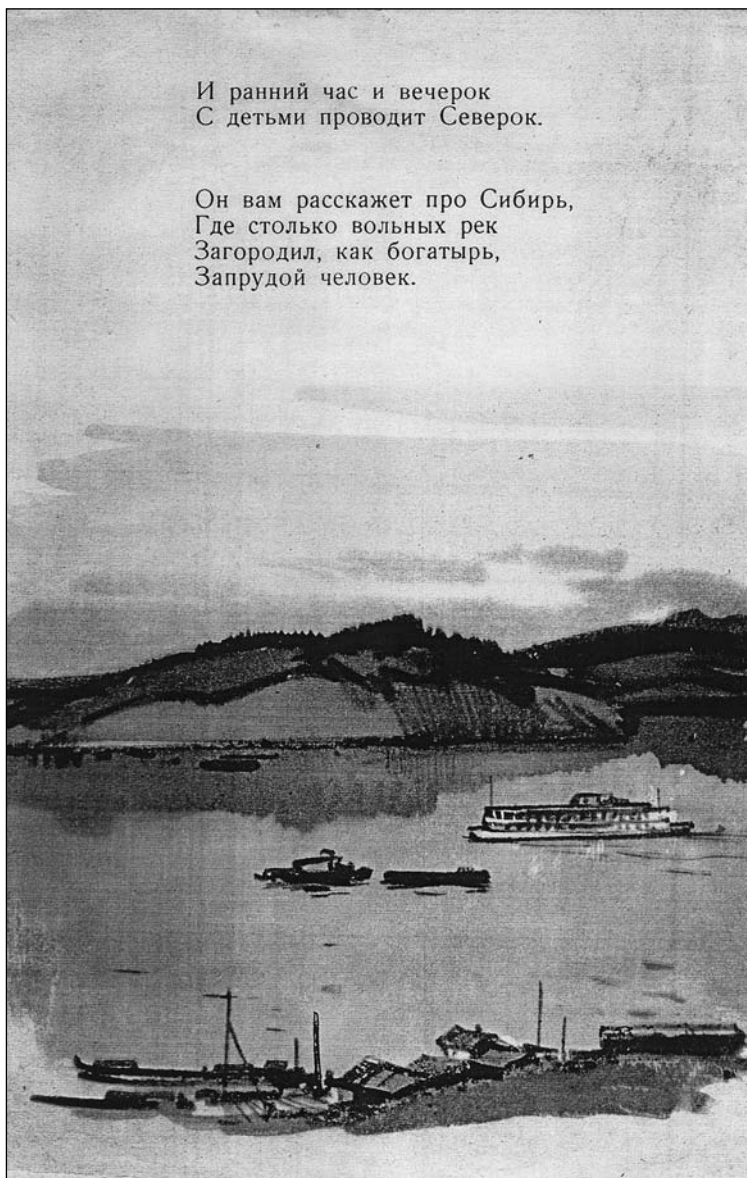
Дома, фонарные столбы —
Всё снегом замело бы,
Когда б отряд снегоборьбы
Не расчищал сугробы.

Там, где века царила тишь,
Безмолвье и безлюдие,
Сейчас торчат антенны с крыш
Норильской телестудии.

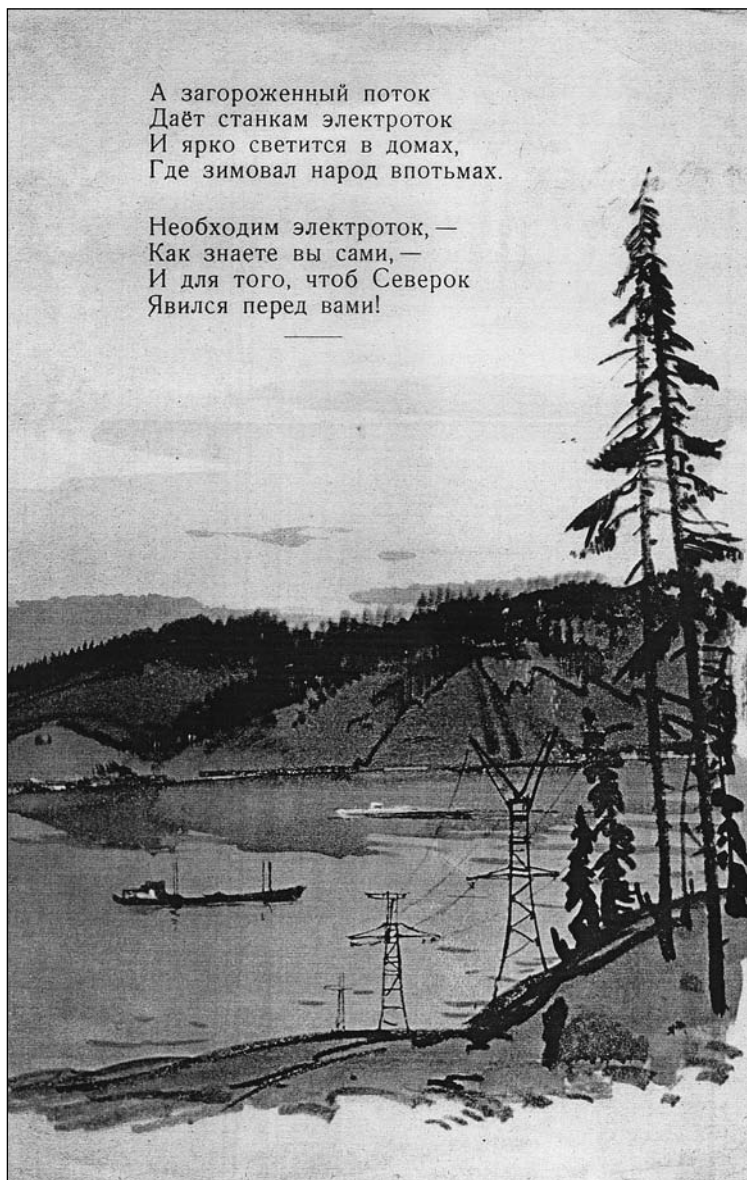
И ранний час и вечерок
С детьми проводит Северок.

Он вам расскажет про Сибирь,
Где столько вольных рек
Загородил, как богатырь,
Запрудой человек.

А загороженный поток
Даёт станкам электроток
И ярко светится в домах,
Где зимовал народ впотьмах.

Необходим электроток, —
Как знаете вы сами, —
И для того, чтоб Северок
Явился перед вами!

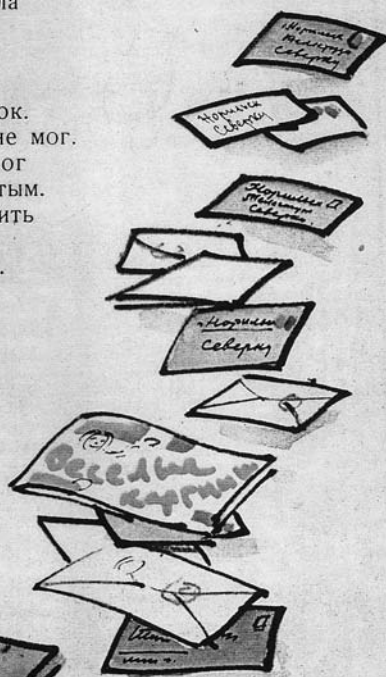
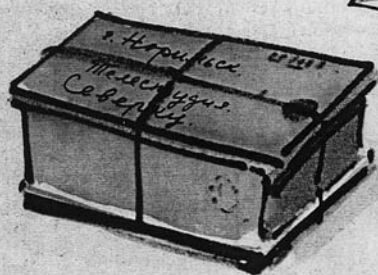
С тяжёлой сумкой на боку
Приходит почтальон,
И сотни писем Северку
Протягивает он.

Вот из Москвы пришёл журнал
„Весёлые картинки“.
Вот целый класс письмо прислал
Из города Дудинки.

Немало добрых, тёплых строк
В день получает Северок.

А из какого-то села
(А может, городка)
Посылка ценная пришла
На имя Северка.

Но очень занят Северок.
На почту сбегать он не мог.
Он не выходит за порог
Ни сам, ни с провожатым.
И, значит, надо поручить
Посылку эту получить
Друзьям его — ребятам.

На почту вместо Северка
Явились Женя с Колей,
Два расторопных паренька,
Товарищи по школе.

Нашли на почте в тесноте
Окошко для посылок
И стали рядышком в хвосте —
Последнему в затылок.

Болтая, двигались вперёд
Ребята понемножку,
Пока пробились в свой черёд
К открытому окошку.

Им, головой кивнув слегка,
Сотрудница сказала:
— Вам надо паспорт Северка
Мне предъявить сначала.

— Но паспортов у кукол нет! —
Сказали мальчики в ответ.

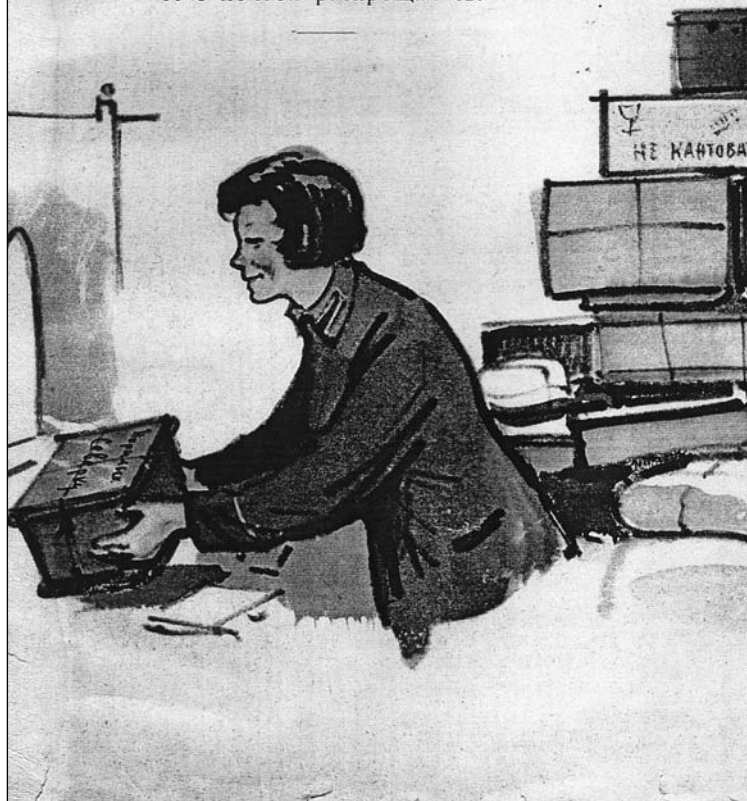
— Да разве кукла — адресат?.. —
Спросила тётя у ребят. —
Так что же вы вначале
Об этом умолчали?..
На имя куклы в первый раз
Посылку требуют у нас!..

И тут раздался громкий смех.
Смеялся Женя громче всех,
Смеялись он и Коля
До коликов, до боли.
Смеялся тихо в кулачок
Письмо писавший старичок.

Смеялись те, кто в зале
Посылки получали,
И тот, кто рядом ждал письма.
Да и сотрудница сама
Смеялась чуть ли не до слёз,
Потом, слегка припудрив нос,
Взяла посылку со стола
И пионерам отдала.

Ребята расписались
И с почтой распрощались.

Прочтёт вам сказку Северок
О дедке и о репке,
Потом с экрана даст урок
Художественной лепки.

Растут в руках у Северка
Фигурка за фигуркой.
Слепил старуху, старика
И Жучку с кошкой Муркой.

Слепил он внучку, мышь с хвостом
А репку вылепил потом —
Упрямую такую,
Большую-пребольшую!

Отлично знает Северок,
Кто спал за партой, как сурок,
А кто работал честно, —
Всё Северку известно.

Идёт молва, что Северок
К себе скликает всех сорок,
И все сороки вместе
Ему приносят вести,
Приносят вести на хвостах
Про всё, что слышат на местах.

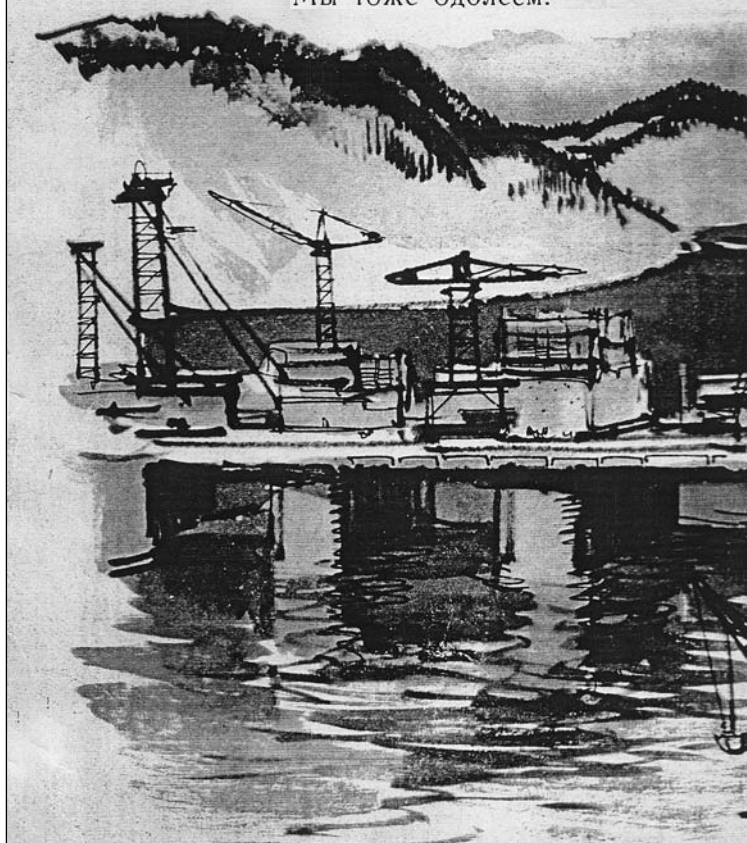
Так на хвосте он прочитал,
Что Мишка на диктовке
Страницу целую скатал
У двоечника Вовки.

И значит, Вовка виноват,
Что в Мишкиной диктовке
Ошибок ровно пятьдесят.
(И столько же у Вовки!)

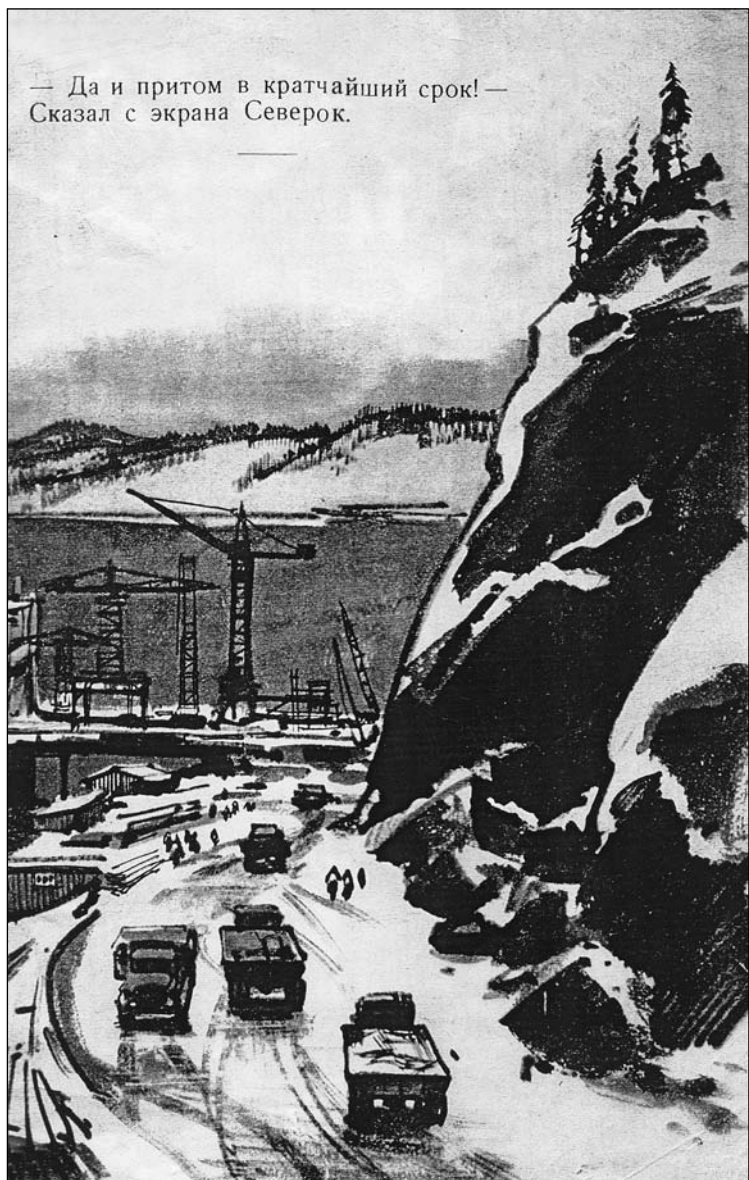

Таких в Норильске меньшинство
Там двоечники редки.
Не будет их ни одного
К исходу семилетки.

И если справился народ
С упрямым Енисеем,
Наверно, лень за этот год
Мы тоже одолеем.

— Да и притом в кратчайший срок! —
Сказал с экрана Северок.

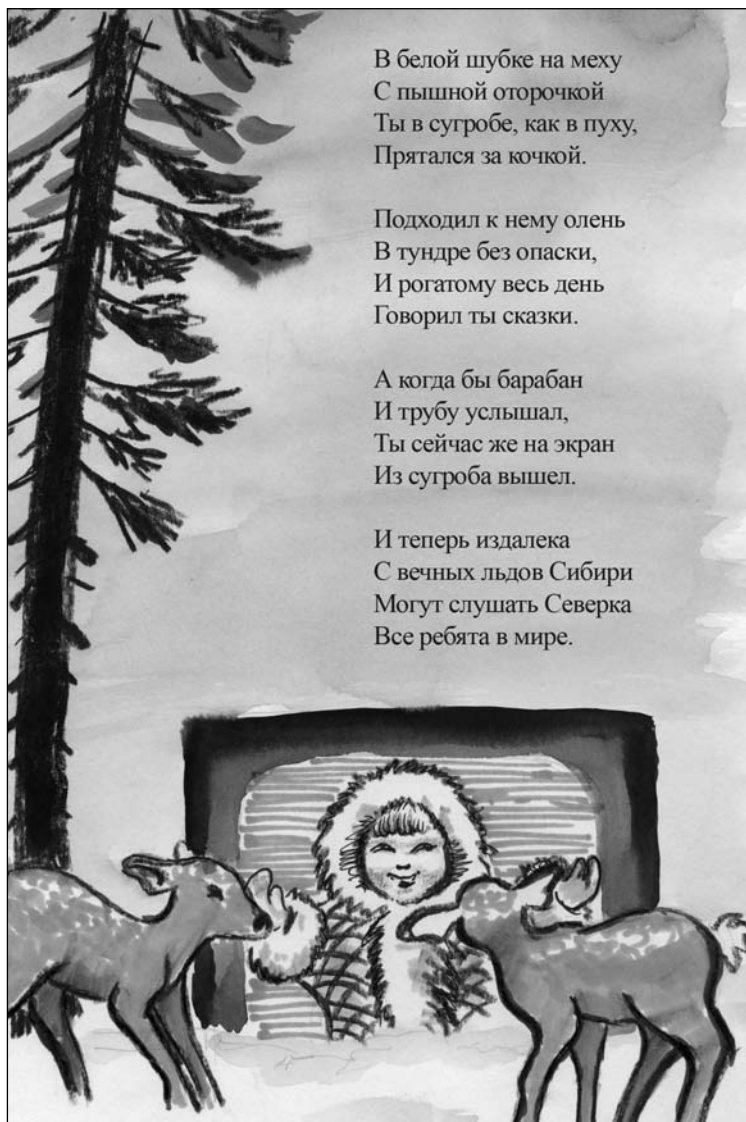
Северок,
Северок,
Вьюги северной сынок,
Внук зимы-старушки,
Ты родился, Северок,
В ледяной избушке.

Чуть немного ты подрос,
Только встал на ножки,
Дед-Мороз тебе принес
Шубку и сапожки.

А метелицы-сестрицы
Подарили рукавицы.

В белой шубке на меху
С пышной оторочкой
Ты в сугробе, как в пуху,
Прятался за кочкой.

*Подходил к малы снежок
В шапке был белый,
Горничальку, все дуло
Ты в шапке и шапке
А когда ты барабанил
Труду уезжайши,
Мне сейчас же на хвост
Из сугроба вылез
И шубку подошил,
С веревкой и шапкой
Может, сейчас тебе
Все ребята в шапке*

В белой шубке на меху
С пышной оторочкой
Ты в сугробе, как в пуху,
Прятался за кочкой.

Подходил к нему олень
В тундре без опаски,
И рогатому весь день
Говорил ты сказки.

А когда бы барабан
И трубу услышал,
Ты сейчас же на экран
Из сугроба вышел.

И теперь издалека
С вечных льдов Сибири
Могут слушать Северка
Все ребята в мире.

*Из архива Натальи Михайловны Дроздовой – норильчанки,
ныне живущей в Нижнем Новгороде.
Последняя страница, пострадавшая от времени, реконструиро-
вана московской студенткой Александрой Морозовой*

От редактора

Анатолий Львович Львов недолго работал на телевидении, но с теми, с кем свела его судьба в первые норильские годы, он дружил до конца своих дней. Недаром в своем архиве он хранил материалы Людмилы Лемешевой-Бачулене. Один из них, «Нганасаны... Олени... Северина...», мы не случайно печатаем в главе «Анатолий Львов и норильское телевидение»: хотим напомнить разным поколениям норильчан удивительно творческое оформление телепередач, и не только. Заставки к ним, погоду и даже объявления предваряли когда забавные, когда лирические рисунки Людмилы Бачулене. Ее заметки о Заполярье, безусловно, говорят о наблюдательности и талантах художницы. Подробнее о ней можно прочитать в 11-м томе нашего издания в воспоминаниях Натальи Дроздовой: она с восхищением рассказала о способности Людмилы как бы из ничего (ведь тогда не помогал телевизионщикам компьютер!) сотворить настоящее чудо...

Эта глава рассказывает не только об умении Анатолия Львовича Львова выделять, отмечать для себя таланты, с которыми он сталкивался по работе. Но в этой его черте проявился и его собственный талант – дружить. Его не останавливали расстояния, когда, объединенные дружбой и Заполярьем, они разъезжались, как это случилось с семьей Натальи Дроздовой. Как много могут рассказать его письма из Норильска Борису Платоновичу Козлову, заметьте, не коллеге, а ее мужу. Львов, конечно, рассказывает в письмах и о себе, но (обязательно!) и о норильских новостях, он знает, что им они очень интересны до сих пор. Спасибо семье Дроздовых, что они бережно хранят письма своего друга и что они позволили их прочитать нам. Они были получены от А.Л. Львова в 1972 и 1973 годах.

И сохраненная Львовым рукопись талантливой художницы Норильской студии телевидения Людмилы Бачулене, и его письма друзьям еще раз убеждают, какая занятая и интересная жизнь была у них всех в Норильске.

Людмила Бачулене:

«Нганасаны... Олени... Северина...»

Это смешно, что я – на Севере. Разве может кожа моя, коричневая и гладкая, жить без постоянного солнца, без теплых и мягких дождей? Разве могут ноздри не пить запаха белых акаций, жасмина? Без цветов просто воздух – пустая бессмыслица!

А судьба любит крутые виражи. Отняла тепло и запахи, оторвала от кукурузно-индустриальных квадратов Украины и забросила далеко-далеко; посадила в снег, сухой и пушистый. Царство тишины и вечности. Холод – это покой... вечный покой, мерзлота, которая всегда была и всегда будет... Здесь и горизонт сам себе хозяин: проследишь за его линией – и голова закружится – замыкается линия, и ничто ее не пересекает. На горы посмотришь скалистые – суровое молчание. И сама Земля здесь – уже видно, что круглая.

Облака, диким ветром разлохмаченные, висят низко-низко над головой, потрогать можно – рука в туман окунается.

Здесь чувствуешь себя гостем незванным из антимира, горячей капелькой, которая обязательно должна стать кристаллом, таким же холодным и мертвым, как и все вокруг.

Однако и в этом мире живут люди, аборигены. И живут они здесь тысячи лет, и тысячи лет мех оленя сохраняет тепло их телам.

То, что город в тундре стоит, – это уже не чудо. Человек руками науки и техники может и должен строить себе жизнь где угодно и какую угодно. А вот без техники жизнь здесь – это еще непрочитанная сказка.

Так что же это за люди?

Это нганасаны. Самые северные люди. Нганасанин рождается на шкуре оленя. Пуховой периной служит ему седой мех с шеи старого оленя. Вместо розовых шелковых бантов – латунные кольца обхватывают в берестовой колыбельке. Медные пластинки и колокольчики вместо пластмассовых погремушек висят над его щекастым личиком. Стальная цепочка держит на весу его люльку, и пурга поет ему суровую колыбельную песню. Нганасанская женщина носит на груди семь латунных пластин, насеченных орнаментом, а в косы вплетает металлические подвески. Охотник хранит свой нож в металлических ножнах и делает трубку из металла и рога оленя.

Металл добывает нганасанину пищу и защищает в минуту опасности. Союз холодного металла, матового, как снежный туман, меха и коричневые пальцы оленьих рогов – вот образ первобытного Севера. Это те три материала, которые я осторожно объединю вместе, покрою четкими ритмами нганасанских орнаментов и расскажу им легенды и были, услышанные от горбоносых стариков-охотников.

И пусть сначала мои композиции будут наивными и далекими от подлинно нганасанского. Но я почему-то верю, что любовь к работе и желание раскрыть тайну приведут меня когда-нибудь к той точке, с которой я смогу узким глазом нганасанина посмотреть на жизнь в снежном царстве и рассказать в линиях и формах о тайнах шайтанов, о двухголовых идолах, которые «могут что-то знать и в чем-то помогать», о запахе снега и черной мороженой ночи, о вкусе сырой оленьей печени и о радости принадлежать тундре – белой бесконечности...

А ведь скоро жизнь на 69-й параллели станет такой же, как и на 54 и на 48-й. И нигде и ничего необычного невозможно будет найти ни в Усть-Аваме, ни в Хатанге, ни в Попиге. Молодой национал уже предпочитает отцовскому чуму дом, предложенный ему европейцем, за толстыми стенами которого не

слышны тонкие, неуловимые песни ветров: их заглушают более конкретные мелодии «Спидолы». Красивая, надежная меховая одежда часто заменяется холодной синтетикой. Молодой нганасанин уже не чеканит и не шьет кожаных орнаментов, ест консервированную говядину из магазина и болгарский перец, а за легендами посылает к восьмидесятилетним старикам. Ну, хорошо, что такие еще есть.

Что же будет с северным фольклором дальше, если мы не начнем сейчас делать ему искусственное дыхание, а затем – регулярную утреннюю зарядку?

А еще меня волнует северный олень.

Красивое и мужественное животное. Жизнь-то у него какая нелегкая! Попробуй найди этот засохший ягель где-то под толстым слоем слежавшегося снега! Да врагов столько: морозы, ветер, волки, да еще этот человек, самый опасный враг!

Об этом нельзя говорить в охотобществе – засмеют, а в искусстве можно. В искусстве все можно, даже говорить оленьим языком.

«Это разве равный поединок?»

Глаза у меня большие, минорные, со слезинкой. Рога у меня – посмотри – дерево могучее, шея сильная, ноздри чуткие, ноги быстрые – ветер обгоняют северный. Подходи, человек, померяемся силами или с луком догони меня, попробуй, и пронзи сердце мое стрелой (если удастся), как ты это делал раньше.

Так нет же! Ты – ни шага с места – спокойно посылаешь меткую пулю. Для нее и полкилометра – не расстояние. Какая она горячая! Но я должен бежать от смерти, хотя уже все внутренности у меня – одно сплошное кровавое месиво. И все равно следующая пуля лишит меня последнего дыхания...

«Это разве честный поединок?»

...И вот, лежит оленья голова на полу, словно дерево, вырванное с корнем. Один только ветер, товарищ по играм, будет оплакивать оленя.

Да и человеку радости меньше, чем раньше: легко победа досталась.

Сюжеты возникают сами собой, и все новые и новые, окружают меня и водят хоромы, и я теряюсь, с которого начать. Не успею один воплотить в материале, как уже трое других толпятся на очереди.

Вот, например, Северина.

Мне кажется, что она существует, жестокая и безумная хозяйка Севера.

Она не терпит неповиновения, сбивает с ног ветром, уносит куда-то неосторожных пришельцев и где-то делает из них ледяные скульптуры.

Увидеть бы ее!.. Какая она?

По глазам можно определить, о чем думает человек и как он поступит в следующую минуту. А у нее, я уверена, нет глаз, у нее пустые глазницы, потому что синоптикам редко удается предсказать, какую температуру вздумается установить ей на завтра, какой силы ветром будет она безумствовать утром или вечером.

А то, бывает, захочется ей вдруг оцепенеть в каком-то морозном пятидесятиградусном сне... Длинные, туманные волосы ее повиснут космами от самого неба до мерзлой земли. Какая же она все-таки, эта Северина?

Один вариант у меня уже есть – первая встреча Северины с человеком.

Но она бывает разной, как и любая женщина.

Я ищу ее в хмурых тучах и в высоких облаках, в очертаниях гор, в порывах пурги, в рисунках мороза на стеклах.

14 июля 1971 года

Анатолий Львов – в Нижний Новгород: Борису Платоновичу Козлову

Письмо первое

Привет, ребята! Я вам сейчас напишу письмо, а завтра, если будет летная погода, брошу его уже в Москве, куда лечу на две недели. Переадресовки своей корреспонденции в этом конверте не найдете: Галя обещала это сделать завтра, т.е. после моего отлета.

Итак, вы просите новостей, их есть у меня.

1-я – самая последняя: облетел 3 декабря весь газопровод; надеюсь, что-нибудь появится, кроме 15 строк в номере от 5-го. Наибольшие впечатления – пьянка на Мессояхе в честь пуска Соленинского месторождения (мой тост «За тех, кто в тундре!» заставил всех подняться со стульев – это между прочим) и пожар на Пелятке (факел с вертолета был виден за 70 км).

2-я – предпоследняя: 30 ноября вернулся из Красноярска, где получил и пропивал – опять! – премию Красноярского комсомола (увы – 250). Вручал ее Кузьмин (1-й секретарь горкома), и Касьян шепнул: «Скоро придет еще одна». Пришла бумага за подписями Тяжельникова – вторая премия ЦК ВЛКСМ за лучшую книгу года по комсомолу.

3-я – предпоследняя: вариант с историей комбината мне зарубили; из того, что предлагают (устраиваться надо с 1 января), два. Одно предложение исходит от Шайкевича: газета с условным названием «Надеждинец» + параллельно «История одной стройки» (от нуля до первого металла). Второе –

идентичная – от газовиков (Мессояха – Соленинское, далее везде) – чуть ли не с личным вертолетом раз в неделю. Тоже неплохо, но Надежда – лучше. Посмотрим, «доброжелателей» слишком много.

4-я – Важнов стал секретарем парткома шахтопроходческого треста (у Марченко).

5-я – на Талнахе (по ТВ показывали, может, видели?) открылось детское кафе «Чунга-Чанга», на площади будущего театра магазин «Культура жилища». А еще – «Товары для женщины», «Товары для ремонта», «Все для быта». На очереди: кафе «Полевой стан», «Демьянова уха» (!?) и «Яранга», «Универсам» и ресторан «Кавказ».

6-я – строителям в 73-м году предстоит освоить... 500 млн рублей (в том числе по третьему блоку вашей любимой ТЭЦ-2 (Борис Платонович Козлов, муж Н. Дроздовой, был замом главного инженера строительства ТЭЦ-2, позже рудника «Октябрьский». – Ред.).

7-я – пуск последнего агрегата на Хантайке 22 дек.

8-я – на Талнахе открывается своя медсанчасть, но ей пока негде находиться – больница опаздывает.

9-я – Костя Аптекман получил второе здание на Металлургов – для юношеской библиотеки, встроена в 9-этажный дом.

10-я – а в другом, таком же, получил квартиру Юра Подопри из телецентра, этаж, кажется, третий, комнаты две, планировка улучшенная (Ольга, его жена, собирается рожать).

11-я – Ледин сдал по первой категории 10-минутную «Краснозобую казарку» (2500), до весны будет готовиться к «Волкам».

12-я – самая большая новость: я вам пишу, чего же боле. Особенно не задумывался, поэтому кое-что главное мог пропустить. Например, что Игорь (сын, увлекается шахматами. – Ред.) с 11,5 из 15 очков подтвердил с нуля во Дворце пионеров 4-й разряд и начал с нуля турнир на третий, – но на первый разряд. Дюжины с вас хватит. Задавайте вопросы.

Ваш А.Л.

Р.С. Юрий Янович Ледин, оператор Норильского телевидения, своими фильмами о животных известен всему миру. 10 октября 2013 года мне позвонила из Петербурга Людмила Петровна Ледина и сказала, что в 4 часа утра Юрий Янович скончался. Ему было 85 лет, а в июне этого же года Ледины отметили семейный юбилей. «50 лет мы вместе, – сказала Людмила Петровна. – Последний раз делали фильм о нем и показывали его документальные картины о животных, когда ему было шестьдесят. Тогда ему позвонил Василий Песков: «Давай сделаем ретроспективу твоих фильмов». И показ всех документальных фильмов Ю.Я. Ледина состоялся на Первом государственном телеканале. Это было перед самой перестройкой...»

Его фильмам посвятил стихотворение поэт Михаил Дудин. Он назвал его просто – «Ледин».

Он в диком северном пространстве
Пустынь, по зову естества,
В рedeющем животном царстве
Задался поиском родства.

И мир смотрел открытым взглядом
На отснятый материал,
Где он своей семьею рядом
С семьей медведицы стоял.

Это стихотворный ответ поэта на фильм Ю.Я. Ледина о поездке семьи норильчан на Землю Франца Иосифа. Ледины отправились туда вчетвером. С ними была дочь Вероника и медвежонок Айка, с которым она очень подружилась. Айка и была главным героем интересного эксперимента. Фильм озвучил Зиновий Гердт. С философской мудростью и неподражаемым юмором он комментировал знакомство и развитие отношений Вероники, «домашней» Айки и «дикой» медведицы с ее медвежатами.

О таком талантливом человеке и неповторимом кинооператоре Юрии Яновиче Ледине надо писать книгу... И продолжать почаще смотреть его удивительно интересные, захватывающие с первых кадров документальные фильмы...

Г. Касабова

Письмо второе

Боря, письмо к Наташе я не читал. Полагаю, что сведения, в нем сообщенные, интереса не лишены, но общественной значимости – начисто. А коли так, угроза повториться для меня – практически не существует.

Итак.

13.IV.73 принято очередное постановление, каких, однако, еще не было: утверждалось по настоянию А.Н. Косыгина на самом верху. Главное: к 80-му году по сравнению с 73-м увеличить производство в 3,5 раза. Под это дается все, домостроительный комбинат – быстро обеспечить новые тысячи людей (в основном строителей) жильем; новый цементный завод (отв. Ксинтарис – в эту навигацию пришлют мельницы, загодя). 10 открытых виз в Финляндию (комбинатовские будут ездить туда, как в Москву, – это связано с поставками спецоборудования для Надежды); 300 млн инвалютных рублей (КАМАЗы – для сравнения – 480 машин) и т.д.

За год на Надежде надо освоить 80 млн, за 2 года – 160 млн, и т.д. Боюсь, под это дело сменится руководство – это мне ни к чему. А Коля Мельников сторит еще при нынешнем, тем более, что он не сработался со своим замом по производству.

На «Октябрьском» полный провал с проходкой (май – 60 %). Директор предприятия Вебер, гл. инженер Кривобородов. Пучнин – в горном отделе комбината. Елисаветский в шахтопроходческом тресте. Что А. Баркунов уехал – тебе, наверное, сообщили (во Псков). А вообще, я на Талнахе уже год не был, а конкретная связь с ним выражается переводом от Борисенка на 120 рэ – премия мне (!) за очередной ввод на «Комсомольском» (память об «Огнях Талнаха» жива).

Жаль, ушел от нас Г.Гоуга (знаешь ли?). Последние 2 месяца уже молчал. Осталась молодая вдова и сирота.

Из других событий, меня интересовавших в последнее время, отмечу выход в местной типографии «Историко-географической и социологической справки о Таймыре, Норильске и комбинате» (под моей редакцией, составитель Т. Гармаш, тираж 500 экз. – для служебного пользования) и еще одного подобного издания (авторы К. Перлов [фамилия очень неразборчивая. – *Ред.*], И. Файзуллин, Ю. Бурменский, К. Чижиков – пловцы Заполярья). А также приезд ветеранов-хоккеистов (4:1, 3:1, 6:6), среди которых были и Ремишевский, Н. Карпов, Никитин, Морозов, Брежнев, Е. Майоров, Фоменков и др. (на многие я не ходил, а в клубе болельщиков принимал). А также гастроли действующих фигуристов во главе с Улановым, Смирновой и Овчинниковым. (Ходил, но не принимал. Принял зато А. Чайковского; сделал по его заказу полномер – читайте в августе.)

Да, прибыл вместо Шинкаря (Шинкаренко, журналист «Заполярки», позже корреспондент ТАСС) Ю. Сидоров из Магадана. Москалев стал отв. секретарем журнала МК («Молодой коммунист». – *Ред.*), Вильчек – зав. отделом пропаганды журнала «Журналист».

Вот примерно так. Пишите. Целуй Наталью.

Ваш А.Л.

Галина Осинская (Георге):

«Солнечная сторона улицы»

Конец июня в тот год – подарок местным жителям от таймырской природы. Щедрота солнца покрыла тундру яркой травой и цветами. Загорелая и счастливая, в летнем легком платьишке бегу я от шоссе к телестудии. Тропка-ниточка упирается в лесенку, взбегающую на зеленый холм. Я полна радости и важности: три дня назад был выпускной вечер в школе, а сегодня я – полноправный сотрудник Норильского ТВ. Помощник режиссера!

У лесенки стоит корреспондент Борис Рябков.

– Вот здесь, – говорит он, – зимой пурга долгодолго катала Толю Львова. Никак не мог подняться вверх.

Кто такой Анатолий Львов, знаю. Все в Норильске знают. Для нас, семнадцатилетних, он – настоящая звезда. Мы видим его ведущим телепередач, он печатается в «Заполярной правде». Его красавица жена Галина – диктор городского телевидения.

Сейчас я могу дать определение нашему чувству: мы гордились таким земляком. А вот в происшествие у лестницы не поверила, хотя и выросла в Норильске.

Ближайшая зима убедила в подлинности рассказа Рябкова. Шла вечером на трактовую репетицию «Новостей», и пурга завертела меня, как теннисный мячик. Темнота, снежная муть, никто тебя не видит, кричать – не услышит. Лишь один человек вышел из студии – и бегом к зданию фильмотеки. Выяснилось позже: хотел помочь, но пурга решила по-своему, потешалась надо мною еще час. А потом с Толей вместе мы посмеялись над этими схожими случаями.

Мне не написать об Анатолии Львове нечто повествовательное и законченное. Два года от окон-

чания школы до момента, когда я стала студенткой Ленгосуниверситета, – время постоянного общения. А затем – многолетнего, но эпизодического. Портрет маслом не получится. Отдельные кусочки смальты, мозаика – оттенки разные, рисунок условный.

Хочется передать оттенки.

Львов возглавляет публицистическое, как тогда было принято называть, общественно-политическое вещание. Все главные новости города да и всего полуострова стекаются в его редакцию. Заметки или информацию о таймырских событиях Антолий начинает отправлять в «Известия». Поначалу публикации маленькие, с подписью «А. Львов, внештатный корреспондент». Но они стоили многого: «Известия» были самой популярной, самой авторитетной газетой у интеллигенции страны. Со временем «внештатный» ушло, Львов стал для известинцев своим человеком, редакционным полпредом на Севере. А для норильчан его публикации были предметом гордости: в такой газете пишут о нашем городе!

Уходит в декретный отпуск диктор Галина Львова, Толина жена, и меня назначают диктором. Окунаюсь в работу самозабвенно. Поступаю на московские заочные чтецкие курсы, выписываю книги. Только «Новости» веду вместе с Евгением Дудником, все остальное – сама: передачи, объявления, концерты по заявкам, открытия-закрытия вещания... «А ты любишь работать», – однажды раздумчиво замечает Львов. Я в восторге от его оценки. «Но», – продолжает он и выдает сходу пунктов восемь замечаний к моим эфирам. Холодный душ. Это лишь теперь дано понять, насколько для меня же полезна была тогда профессиональная строгая критика.

У таймырских детишек – свои постоянные телегерои. Куклы Знайка и Незнайка, совсем такие, как в мультиках, только здешние, закадычные друзья. Главный редактор детского вещания Нина Иванова сочинила с их участием настоящие телепьесы. Но нужен ведущий. И Нина посадила меня в кадр вместе

с куклами. Я стала называться тетей Галей. В эфир пошли циклы «Путешествие по комнате» и «Мы читаем». (С благодарностью всегда вспоминаю Нину. Это она дала мне первые журналистские задания, ее добрая и опытная рука правила мои неумелые репортажи.)

Довелось мне работать и с Северком, куклой-мальчишкой в одежде, стилизованной под ту, что носят коренные жители Таймыра, старожилом Норильского ТВ. Вместе воскресными утрами мы вели с ним передачу «А сегодня вот что: Северок и почта».

Сегодня дети не испытывают доверия к СМИ. Нет доверия – нет и писем. На Норильское телевидение в те годы почтальоны приносили полные сумки корреспонденции от детей. Кому писали – конечно же, любимому Северку. Я до сих пор храню некоторые из этих трогательных посланий.

А Толя Львов однажды организовал программу, посвященную детской моде. Это была новация! В стужу, в полярную ночь на залитом и согретом ярким солнцем «юпитеров» студийном пространстве – малыши-детсадовцы в превосходных нарядах. Вот-вот начнется передача, учтите, прямого эфира! Моделям предстоит пройти немаленькое расстояние по павильону. Сейчас прозвучит третий звонок и команда «В эфире!», а дети – словно окаменели. И тогда Львова осенило! Он позвал меня, попросил встать в противоположном от ребятни конце студии. Взял микрофон: «Дети, вы все идете к тете Гале – маме Северка». И дети, юные наши зрители, спокойно зашагали ко мне.

Передача получила всеобщую восторженную оценку. А я стала называться мамой Северка.

Конечно, Анатолий был *старшим* другом. Я смотрела на него и его друзей-ровесников снизу вверх. Они уже чего-то добились в профессии, женатые-замужние, некоторые – отцы-матери малых детей... Я же, моя ровесница и подружка помреж Валя Мураховская только вчера расстались со школьной формой. И Толя относился к нам снисходительно-отечески.

По норильскому снегу проложили дорожки первые весенние ручьи. Большой группой нас отправляют в Красноярск: впервые ТВ Таймыра покажет свои программы столице края. Творческий отчет. Это как гастроли театра – сами везем передачи, ведь видеозаписи еще нет. Анатолий Львов – руководитель.

Никак не можем улететь – Норильск закрыт по метеоусловиям. Четыре дня ожидания. И наконец-то красноярский аэропорт! В темноту вечера распахивается дверь самолета, и жарким теплом, напоенным пряными, волшебными, неисчислимыми ароматами, нас обнимает тайга. Начинается сказка.

Передачи познавательные, социального характера, общественно-политические и детские, музыкальные... Наши телегастроли идут с огромным успехом. Город, утопающий в зелени (что для норильчанина уже чудо), простор Енисея. И – молодость! Прогуляли мы с Валея однажды до утра... В гостиничном ресторане чета Львовых уже завтракает. Галя понимающе улыбается. От руководителя ожидаем серьезной проработки.

– Ой, мама, мама! – восклицает Львов патетически. – Не бей меня, мама, мокрым полотенцем!

Вот в такой форме произошло наказание, а более руководитель делегации нам ничего не сказал.

Но не хочу впадать в благостный тон: не со всеми складывались у Львова хорошие отношения. Он был строг в оценках людей...

Я поступила учиться в Ленинградский университет на факультет журналистики. Львов нередко прилетал из Норильска по делам, а когда сын Игорь стал студентом, еще и с ним повидаться. С жадностью слушала его рассказы, тем более, что первое время, несмотря на захватывающе интересную студенческую жизнь, на роман, скучала по Северу.

Однажды прилетел не с Таймыра, а из Сочи. Там у Норильского комбината свой санаторий «Заполярник».

– Нет, не отдыхал. Плохи дела стали в «Заполярнике». Директор комбината посылал туда не раз по-

мощника. Тот вернется: «Все в порядке. Все хорошо!» А жалоб больше и больше. Ну, директор попросил меня на месте разобраться.

Там, скажу тебе, полный кошмар. Я директору представил подробный отчет. И предупредил: «Я привез плохие вести, но они – правда. Ваш помощник докладывал только о хорошем. Лгал. Но этим он представлял не себя. Вас. Потому что ваши дальнейшие действия исходили из его ложной информации».

В один из приездов:

– Готовилась недавно Красноярская краевая партконференция. От Норильска должен выступать рабочий. Мне говорят в горкоме партии: «Анатолий Львович, помогите нашему делегату речь подготовить!» Я с человеком несколько раз встретился. Послушал, понаблюдал за лексикой, интонацию запомнил... Написал речь. Вместе мы исключили из нее непривычные слова, трудные. Классное вышло выступление!

Потом мой герой прилетел в Красноярск. Там речь посмотрели. Перечеркнули все! Написали по трафарету: «Руководствуясь решениями... я, как и весь советский народ...» Ну что тут скажешь?!

Большой драматический театр – культовое место не только для ленинградцев. Здесь идут огушительного успеха спектакли: «Горе от ума», «Еще раз про любовь», «Мещане», «Варвары», «Три сестры», «Карьера Артуро Уи»... И в каждом ведущие роли играет Владимир Рецептер.

Львов и Рецептер – друзья со студенческой поры. Владимир закончил не только Ташкентский театрально-художественный институт, но и филологический факультет Среднеазиатского университета – там они и познакомились.

Владимир еще и в кино снимается. Прекрасные стихи пишет. Анатолий очень гордится успехами друга.

И вот совпадение: Львов в Ленинграде, а у Рецептера – концерт в зале рядом с Финляндским вокзалом.

Наши места внутри переполненного партера. О приезде Толя не сообщал. Рецептер читает несколько произведений Пушкина. И вдруг обращается прямо к Толе: «Румяный критик мой, насмешник толстопузый, готовый век трунить над нашей томной музой...» Увидел!

В антракте сидим у артиста в гримерной. Слушаю, смотрю во все глаза. Этаким дуэт: обмениваются новостями, пикируются – но виртуозно, изящно и дружелюбно. Вспоминают общие истории. Цитируют Арцибашева.

– Кто такой Арцибашев? – спрашиваю, когда идем из зала.

– Это писатель был, драматург. Угрюм, мрачен. И прочее... Строго-настрога запрещаю тебе его читать!

Наказ я выполнила. Далее справки в энциклопедии об этом писателе не продвинулась.

– Толя, зовут меня в журнал «Костер», но учетчиком писем. Москва дала такую ставку, других нет... (Я без пяти минут выпускница ЛГУ – одного из лучших в мире университетов, молодая журналистка. В «Костре» уже два года печатаюсь, только что прошла преддипломную практику и – учетчик писем!)

– Да о чем ты говоришь! В «Костре» – хоть карандаши точить!

Реплика всего-то, а дорогого стоила. Я поступила так, как сказал Львов, и на десять лет вошла в круг высокопрофессиональных публицистов, писателей, художников. Редакция славилась своей творческой атмосферой, особым, заложенным еще Маршаком, основателем журнала, чутким отношением к юному своему читателю. Справедливости ради, замечу: точно так же относился к читательской аудитории и ЦК комсомола, финансировавший издание. «Костер» не испытывал никаких финансовых трудностей, отправлял корреспондентов, если требовалось, в отдаленные уголки огромной страны, вел спортивную заочную школу «Спринт», рассылал книги, пластинки, игрушки, устраивал детей на лечение...

Когда Львов прилетает, чаще всего первая наша встреча – в начале Невского, в агентстве Аэрофлота. Хорош этот дом, бывший банк, эхо готики и Возрождения. Величественный и просторный зал, черное резное дерево с янтарно-желтыми колоннами, и ритмы авиации, которые здесь в каждом человеке, пусть и далеко агентство от аэродромов. А на втором этаже в маленькой кофейне чашечку черного варят лучше, чем где-либо, – про то знают все кофеманы.

Но в эту встречу кофе не пьем и поболтали недолго.

– Мы идем с тобой покупать подарок Томе Александровой. Ей послезавтра сорок. Я еду в Москву на юбилей.

В ювелирном магазине «Яхонт»:

– Девушка, мне нужна ложечка из серебра, но чтоб в ней было ровно сорок граммов. Нет, тридцать семь не годится. Пожалуйста, найдите сорок.

Девушка находит.

Это очень «львовская» история. Он любил делать подарки. Особые – не просто дорогие, не для того, чтобы тему закрыть, а в радость человеку, которому они предназначены.

Случалось, Анатолий прилетал в Ленинград, не только соскучившись по сыну Игорю, тогда студенту медицинского института. Собирал, например, материал для книги о петроградских детях, отправленных в голодном 1919-м подкормиться в Сибирь, а ставших колонистами в Америке. Объем работы солидный. Экономя время, попросил меня побеседовать с одним из колонистов – ни больше и ни меньше, как с хореографом Леонидом Якобсоном. Поручение выполнила, но, увы, не проявила никакой любознательности к этому человеку, а он сам был еще только на пороге своей мировой славы. Вот и вспомнить мне нечего...

Львов придумал книгу из монологов юных норильчан – о своих увлечениях, о школе и друзьях, о полярном сиянии, о морозе и красоте летней тундры. О себе, о Родине, о мечте...

Я показала рукопись коллегам в журнале «Костер». Мнение было единым, дружным и восторженным: «Печатаем!»

Материал вышел под тем же названием, как и сама книга, – «Мы из Снежгорода».

И в Норильске и за его пределами Львов жил в счастливом окружении людей с насыщенной, содержательной жизнью.

Не могу не вспомнить, как однажды по дороге в Артек жила в Симферополе у милых обаятельных старушек – Толиных теток. Психиатр и автор рассказов, знаток истории Крыма Толин двоюродный брат водил меня по старым улочкам города, и хотелось, чтобы экскурсия не кончалась.

В Ленинграде Толя жил всегда у другого брата, на улице Комиссара Смирнова. Дом настоящих питерских интеллигентов по облику и по сути, где сплелись воедино технические и музыкальные занятия хозяев, где гармонично сосуществуют интерес старшего поколения к классике, а сына – к Высоцкому.

Когда Львов-младший, Игорь, стал практикующим врачом, не раз приходилось мне советоваться с ним как с доктором, в том числе и по темам детской журналистики, направлять к нему друзей. Совершенно очевидно, что Игорь безошибочно выбрал профессию: он не просто врач – он именно детский врач.

...В начале шестидесятых в Норильск не очень-то много попадало записей современной музыки. Как же я была счастлива, когда мой отчим Николай Васильевич Тарасов привез из отпуска мне в подарок две огромные пластинки с популярными мелодиями. С друзьями мы слушали их, не переставая. Особенно ту, что называлась «Солнечная сторона улицы».

Вот все, о чем написала здесь, происходило в ту пору, когда каждая сторона улицы нашей жизни была солнечной.

И здесь Анатолий Львов...

Он и в тундре отметил, и в память об этой незабываемой поездке снялся рядом с оленем в национальной одежде северных народов. А в Дудинке встретился с капитанами и тоже сфотографировался на долгую память, как оказалось... Жаль, не сделал пометок на обороте – где был, с кем стоит рядом на фото... Может быть, кто-то подскажет из норильчан или дудинчан...

Виктор Маскин:

«Уроки краеведения»

«Мой Норильск – в моих книгах», – сказал тогда, когда уже «можно было» говорить «все», Анатолий Львов. И добавил: «Другого, на потребу политической конъюнктуры, у меня нет». Сегодня, когда знаменитого нашего земляка больше нет с нами, его слова звучат еще веселее. Потому что не в унисон с эпохой.

К концу 1970-х количество «несунов» бревна легендарного ленинского субботника численно приблизилось к небольшой армии. На голубом глазу «участники» вещали про длину и толщину всесоюзно известного бревна, про то, как и куда его несли, про лучезарность улыбки и рукопожатие Ильича; писались и множились «воспоминания», выходя огромными тиражами... И все б было мило и весело, когда б не было грустно. И даже противно. Впрочем, историческое мифотворчество и интерпретаторство – явления интернациональные, народившиеся едва ли не ранее самой истории. Без олимпийских богов и атлантов, третьего глаза во лбу и душек-инопланетян, заботливо обустроивших планету пирамидами и стоунхенджами, история наша была бы скучна и малопривлекательна. Вот и тщимся...

Однако по искусству коллективного плеванья в колодец собственной истории мы превзошли всех. Увы, история – это не платяной шкаф, открыв который можно вышвырнуть накопившиеся там скелеты, вычистить паутину и пыль времен – и зажечь в благодати заново! Это и не ящик Пандоры, полный химер и чудищ. Для всех нас это источник, воды которого способны отравить и врачевать. Как яд, как лекарства в руках либо спасителя, либо убийцы.

...В увлекательном процессе массового «наплева- тельства» мало кто заметил, как в наступившие в Рос- сии окаянные 1990-е змеею подкольной вползла «хо- лодная гражданская война». Как исчезает с прилавка хлеб, исчезла нравственность; площадными девками на посмеяние выставили духовность, культуру и ис- торические ценности! Новые вожди демонстративно укладывались на рельсы исторических тупиков, не замечая, что локомотивы времени следуют по другим направлениям. Стук касок недовольных о мостовую диссонировал, правда, с мелодиями ликования.

...А как третья война – уж моя вина,

А моя вина, она всем видна!

«И последние станут первыми», говорите? Как бы не так!

Вчерашние претенденты на вакансии «бревноно- сителей» и «бровепочитателей» в одночасье превра- тились в главных страдальцев «коммунистического режима». Лихорадочно переписывались истории и биографии. И чем больше была облагодетельствована «жертва» социализма, тем душераздирательнее вы- глядела версия ее судьбинушки. Плюсы скоренько ме- нялись на минусы. Такая рокировка в истории Земли катастрофична, в историко-политическом эквilibре «первых–последних» – весьма доходна. Да пес бы с ними, не столь уж нераспространенное явление на Руси, но зачем же сквернить источники духовности и истории государства? Или, в их представлении, искания национальной «идейности» заключаются в полном ее отсутствии?

Главный антикоммунист современной России Александр Яковлев незадолго до горбачевских ре- форм писал медоточивые славословия грядущему коммунизму. Когда говорил неправду? Или всег- да? Люди-флюгеры, люди-бревноносцы... По мне враг – идейный, любой – предпочтительнее, чем... друг – Брут.

Анатолий Львов в моем представлении был – судя по делам его и нашим немногочисленным встречам –

человеком целостным, может быть, чересчур непоколебимым. Не служителем «идей», не мучеником догматов, нет, сердца своего слушающим, со взглядами и представлениями о жизни как процессе созидательном и эволюционирующем. Его журналистика несет вкус яркой жизни, оптимистического настроения.

В эпоху вульгарного дилетантства и младореформаторского «макровсего» — экономики, глупости, ревизионизма и безыдейности — оптимистический позитивизм Львова, его рассказы о судьбах норильских и Норильска полагаются чуть ли не агитками социализма. Особо рьяные вовсе призывают предать их анафеме.

Прощая максимализм юных (отчасти: надо скорее взрослеть в профессии), не прощаю сверстникам-современникам, особенно тем, кто занимается журналистским ремеслом. Ответим, прежде всего, совести своей на ее «уроках краеведения»: много ли мы расстарались в сражениях с режимом и вообще в чистосердечном чистописании в недавние времена грозного Лито, а?!

О сомнительной героике современных пишущих карбонариев, о позерстве перед тем и теми, кто не может теперь призвать к барьеру (или попростецки дать по морде), мне уже приходилось писать недавно. Смерть Анатолия Львовича Львова вновь заставила говорить об этом. Угомонитесь: книги его НАРЯДУ с новыми прочтениями и открытиями в норильской истории будут жить. Потому что в них есть доброе чувство к людям, к тебе и тебе, и любовь есть земная, куда без нее? Будут эти книги жить, дополняя и раскрашивая панораму ушедших дней и лет.

...А как третий обман — он ночи темней,
Он ночи темней, он войны страшней.

В 1986 году, когда «наверху» сказали: «Можно!», но не сказали, сколько и до каких пор, я загорелся созданием на Норильском телевидении такого историко-публицистического разговора «на двоих», чтоб, значит, два знатока открывали телезрителю интерес-

ные неизвестности. Норильлаг во все времена для горожан был секретом Полишинеля: изустно и всяко, по кухням и чердакам памяти передавалось и хранилось больше, чем во всех спецхранах КГБ. Благо «история» жила в соседях на лестничной площадке... Стало быть, в собеседники нужно было добыть человека знающего, чтоб не оконфузиться перед зрителем, не только знающим больше, но и пережившим многое.

Таких возможных собеседников в ту пору было двое: Анатолий Львов и Юрий Геталло (журналист масштаба не меньшего, но позабытый ныне). Геталло, выяснилось, из Москвы не выбирался, Львов же священнодействовал на комбинате. Звоню ему на квартиру... Опущу, что в результате длительных переговоров мои диалоги рассыпались в прах, а на их обломках выросли «Беседы историка». Пусть будут беседы, соглашаюсь я, лишь бы открыть этот доселе запертый шлюз норильских хроник. Но вот незадача: Львов в павильон идти категорически отказывается, «синхронной» пленки мне на студии никто столько не даст (на 20 минут)... Как быть? Узнаю, что в криминалистической лаборатории УВД появилась оперативная импортная камера. «Рискнем?» — «Рискнем». «Дадите?» — «Дадим!».

В оговоренный день и час мы на Советской, в квартире Львовых; гостеприимная и улыбчивая Галя и мрачно сосредоточенный Анатолий Львович. Галя хлопчет с чаем, мы устанавливаем капризного телеяпонца в кабинете рассказчика... Как бы он, родимый, в смысле капиталист проклятый, не подвел бы... Новое дело. Львов заявляет: текстов я давать не буду для Лито, писать будем «с листа». С чистого. М-да, думаю, разговор со Смоловой будет непростым: мало, что затеял аполитичность, так еще и на «технологию» телеэфира покусился! А, была не была! «Включай!» — говорю Саше Вориводину. И он включил...

... Чаю мы у Львовых напились в тот день вдоволь. Но это было единственной нашей добычей. Не думаю, чтоб это было «уроком» Львова мне, покусившемуся

на им «возделываемое» информационное поле. Скорее, это было обозначение позиции, этики журналиста на сломе времен. Да, сказал тогда Львов, есть тема, хождение в которую не терпит суеты, сенсационности, тенденциозной окраски событий. Я знаю эту тему, она всегда была со мной в написании моих книг — может быть, именно потому, что трагизм и мученичество тех, кто строил этот город, присутствовали рядом, книги получились оптимистичными?! Значит, не напрасны были жертвы. Не мне судить, не мне прощать. Мой Норильск — в моих книгах. Другого, на потребу политической конъюнктуры, у меня нет.

Больше мы у Львова в его заставленном от потолка книгами кабинете не снимали, да и запись ту, первую и последнюю, забраковали техники: как-то «не согласовывался» (как и наша задумка) «японец» с отечественной аппаратурой, капризничал... Запись долго хранилась на катушке, я все порывался ее пустить в эфир; в конце концов передатка развалилась на старте.

Мы встречались, по молчаливому согласию обходя «уроки краеведения».

За давностью лет думаю я теперь, что Львов никак не ревновал к «новым временам» как новым возможностям журналистики (он ведь еще не одну книгу написал с тех пор). И к «глоткам свободы» не ревновал — себе он уже все доказал и сам с собой дospel.

И теперь уже запоздало (нет, никогда не поздно!) говорю уходящему в память Анатолию Львову слова благодарности за честное, как умел, служение городу.

Аминь!

**Интересные
события глазами
Анатолия Львова**

*Норильск, 30-е годы.
Немало лет аэропорт Валёк был единственным и портом,
и аэропортом в строящемся поселке*

*Норильск 1956 года.
В этом году был объявлен 2-й призыв молодежи в Норильск.
Первый был в 1942-м. Но справедливости ради надо признать,
что более четверти века заполярный город строили
заклученные Норильлага*

«Двадцать один год до XXI века»

(«Заполярная Правда», 3 января 1980 г.)

ЧЕЛОВЕК, оценивая время, исходит из собственного опыта. Если человеку 10 лет, происходящее до его рождения кажется ему быльем поросшей древностью (любой пионер вам скажет, что универмаг «Талнах» так назывался всегда). Семидесятилетний весьма отдаленные во времени события порой ощущает как вчерашние.

У каждого свои счеты со временем, и все проходят эволюцию в своем к нему отношении.

Около двадцати лет назад на чердаке почерневшего одноэтажного строения в Дудинке нашли связку писем, адресованных дудинскому старожилу и датированных первым двадцатилетием нашего века. Я разбирал чуть поблекшие строчки: «мне пишете осторожнее, почта просматривается... каждую субботу мы являемся для проверки в полицейское управление». Я читал: «буржуи в центре города стреляют в солдат, которые за большевиков», и мне казалось: какая глубокая старина! Мне было 25, а письма писали еще до Октябрьской революции...

Прошли годы, и я в какой-то раз оказался в Шушенском. Ранним утром вышел к ленивой, как пруд, Шуше, увидел старика, пасущего утят-подростков. Закурили мы с дедом, познакомились. Оказалось, не такой уж старик, шестьдесят четыре, только – «простреленный весь, и позвоночник зацепило – Ригу брали. Снаряд разрывной... Кыш, проклятые! Ишь, промялись, прожорливые...»

– Вы коренной в этих местах, шушенский?

– Коренной и есть. Здесь свет увидел, на срочную призывался. И деды здесь жили – Селезневы мы.

Тут собеседник мой сполз с коряги, поднял с песка хворостину, попугал утят, вернулся. Улыбаясь глазами, заговорил:

– Аполлон Долмантьич бывало в вечеру откроет книжку...

– Кто?!

– Долмантьич, Владимир Ильич у него квартировал.

– Вы знали Зырянова?

– А чего ж тут такого? Я в мальчишках у него работал, и в поле, и на дому. Как раз революция была. Так вот, книжку Ленин ему оставил – про то, какие времена придут...

Так с помощью шушенца Селезнева я вдруг осознал, как это недавно было: год 1900-й, когда Ленин уехал из Сибири после тысячи дней шушенского заточения. Вот он, живой дед Валентин, который беседовал с Зыряновым, с тем самым, у которого квартировал Ленин...

Тем августовским утром за час-другой мы прожили с дедом Валентином весь двадцатый век, от Истока...

НОВОГОДЬЕ располагает к раздумьям.

Новогодье 1980-го еще и подсказывает: до следующего, двадцать первого века остался двадцать один год. Хочется заглянуть в 2000-й... Для трех четвертей человечества это – реальность. Число с тремя нулями на календарях уже нетрудно мысленно увидеть, хоть по-прежнему, как 20, 40, 60, 80 лет назад излучает оно какую-то неземную магию: человеку обычно не приходится пересекать границу тысячелетий. В нашу эру такое произошло только однажды во времена Киевской Руси (и осталось там, кстати, незамеченным, так как, считали, на дворе стоял год 6508-й, как предложил считать римский монах Дионисий Малый. Только при Петре Первом вошло у нас в обиход новое летоисчисление).

Однако о следующем веке думали и спорили – мы это знаем по книгам – уже в первые годы нашей революции. Думал и спорил Ленин. Думали и спорили красногвардейцы в холодном Питере, рабочие у молчащих станков.

Представляю эти жаркие споры в Дудинке под новый 1920-й год, когда на месте управления порта стояли чумы, в районе Дома культуры высилась церквушка, а в стороне угольного причала, на горе, под мачтой радиостанции (сохранился такой снимок, сделанный фотолюбителем Урванцевым) теснилось несколько балков. Там, за дощатыми стенами, над замершим Енисеем мечтали о грядущем...

Вижу светящиеся окна домика Завенягина в новогоднюю ночь 1940-го и книгу приказов на его рабочем столе... Сдать в эксплуатацию одноэтажный бутовый дом, одноэтажный гипсовый, три двухэтажных деревянных, кислородный завод, трехэтажное здание химлаборатории, гостиницу, банно-прачечную, в Дудинке – ряжевый причал (180 погонных метров)... Считать принятой в эксплуатацию ВЭС-2. Организовать центральную больницу в составе трех отделений...

Рядом с книгой приказов – рапорты. «Начальнику комбината от завгруппой техники безопасности Зуева. Группа размещается в одной комнате с ПТО, отделами ПОР и техконтроля, а всего 25 работников на площади в 50 кв. м.». «Начальнику комбината... Годовой план по добыче угля в количестве 225 тысяч тонн выполнен досрочно к 26 декабря. Продолжаем борьбу за перевыполнение плана».

Последний приказ в канун сорокового:

«Комбинат не выполнил план по капстроительству и эксплуатации. По основным объектам... строительные работы ограничились планировкой или совсем не были начаты. Строймеханизмы большую часть времени простаивали, Рудная штольня, рудник им. Морозова не обеспечивали рудой металлургический завод. Выплавлено 308 тонн штейна, не соответ-

ствующего кондиции, при плане 1000 тонн. Ввиду недополучения сульфата не приступили к выплавке меди и никеля. Железная дорога работала плохо, из Дудинки вывезено только 75 тысяч тонн грузов... Но есть и положительные факты: разведанные запасы руды увеличились, объем работ, выполненных по строительству, удвоился, пущен ММЗ, и выдан первый металл».

Та зима выдалась пуржливой. Тысячи норильчан выходили на расчистку вальковской дороги. В окрестностях Валька рубили лес, на лошадях вывозили его на Валек, оттуда – по узкоколейке, которую непрерывно заносило снегом... Лес шел на рудстойку в шахту.

Справка: Всего в комбинате лошадей – 442, из них рабочих – 349, разъездных – 2...

Тот Новый год Норильск впервые встречал в ранге рабочего поселка. Было две улицы – Горная и Заводская, начали Октябрьскую, 14 тысяч норильчан приближали будущее. Они уже сняли лозунг «Догнать по градостроительству Подкаменную Тунгуску!» и уже построили балки из фанеры.

НИ НОРИЛЬСК и Дудинку сорокового года, ни вообще 1940-й я не помню – пришлось обратиться к архивам. Зато Новый 1960-й, который встретил на берегу тундрового озера, помню отлично – он был первым для меня норильским годом. Сороковой тогда казался таким далеким – «еще до войны», а восьмидесятый – в совершенно невообразимом будущем. Только теперь понял, как близок был Сороковой для тех, кто прошел здесь до Шестидесятого.

Еще и года не проработала первая руднотермическая печь. Еще не построили до конца улицу Завенягина, а исполком горсовета находится на Севастопольской. Город окружают поселочки, которые только мечтают о дне, когда их подожгут. «Лама» еще не «Лама», а столовая №32. «Заполярный» – это рудник семь дробь девять. Газетную сводку выполнения плана открывает перечень шахт, тысячи

людей «рубают уголек», а мои соседи по общежитию работают на коксохиме и пылеугольной фабрике. Самое высокое – здание института на улице Южная линия. Института в нем нет. Номера телефонов пока еще четырех- и даже трехзначные, и абоненты просят невидимую девушку «мне шнур, пожалуйста», чтобы подключиться к АТС. Газосветная реклама еще не украшает улицы, зато появился первенец рекламы торговой: «Бульон с пирожком, специально к нему выпекаемым, – лучший завтрак, обед и ужин в условиях Крайнего Севера!»

Дудинка была похожа на деревню, и никто не устраивал там конкурсы детского рисунка на асфальте. Художники были – асфальта не было.

Как и слова «Талнах». А значит, и других слов, вызванных к жизни Талнахом.

Норильские новоселы! Вы замечаете, что Норильск 60-го гораздо ближе к Норильску 40-го, чем к Норильску 80-го? Те же 240 месяцев, те же 7300 дней вместили добрых два десятилетия: новые времена – новые темпы. Под знаком Талнаха Норильск рос так стремительно, так широко размахнулся (далеко за Енисей – на запад, аж за Игарку – на юг), что превратился в агломерацию, в территориальный комплекс, в промышленный район, по площади сравнимый с Московской областью.

Норильск за эти 20 лет сначала поднял на ноги (выросли, стали взрослыми) Талнах и Снежногорск, потом пришел черед Надежды и Кайеркана... Правда, о себе иногда забывал (так бывает с родителями: заботясь о детях, не успевают подумать о себе). Вот и получилось, что в 1980-й он входит с одним-единственным бассейном, с каким вошел в год 1960-й (поставили его на таком видном месте, будто знали, что за 20 лет ничего похожего уже не будет). И с Домом быта Норильск «слегка» опаздывает («Талнаху нужнее – себе успеется»), и с новым театром, и с новой гостиницей, и с Дворцом пионеров...

Да нет же, конечно, дело не в забывчивости. Трудно наступать сразу на нескольких направлениях. В первую очередь Норильску нужны были миллионы квадратных метров жилья и современный аэропорт, Дворец культуры и Дворец спорта, городская библиотека и картинная галерея, роддом, ПТУ и «Орбита», быткомбинаты на заводах и рудниках, Дом связи и Дом печати, школы и детсады, больницы и поликлиники, столовые и магазины, мосты и дороги, каменные корпуса «Валька» и базы отдыха... Параллельно с пятикратным ростом производственного металла, одновременно с «Комсомольским» и «Октябрьским», нитками газопровода, турбинами и плотинами...

Вот и получилось, что открытие нового фронта – когда Норильск украсит себя зданиями, достойными следующего столетия, – было отложено на 80-е годы. Зато, можно надеяться, это будет действительно Театр XXI века, Гостиница XXI века, Дворец пионеров XXI века...

НОРИЛЬЧАН 1960 года еще нетрудно было удивить. Когда открывали широкоэкранный кинотеатр, на проспекте собралось несколько тысяч – каждый хотел попасть на первый сеанс. Шутка ли – широкий экран! У нас!

В день открытия широкоформатного на площади Металлургов ажиотажа не наблюдалось.

20 лет назад бассейн казался чудом: уголок вечного лета! Голубые дорожки в лучах прожекторов...

«Тридцать метров спорта, члены олимпийской сборной СССР по плаванию – ну и что?»

Незадолго до 1960-го главный инженер управления торговли мчался с бутылкой молока в театр, где проходила партконференция, – показать: первая бутылка молока норильского производства. Была овация.

Я застал в норильских магазинах сушеный картофель. Недавно рассказал об этом в школе старшеклассникам, и мне задали вопрос: «А зачем его сушили?» Естественный вопрос: самому старшему старшекласснику 16 лет от роду.

На днях в «Саянах» шумел покупатель. «Мелковата клубничка». Другой спрашивал про ананасы. Никто из очереди не съязвил: «А рябчика не желаешь?» Были в этом году ананасы, в декабре покупали клубнику, самолеты везли смородину.

Представляю, как посмотрели бы в 1960-м на человека, который в новогоднюю ночь сказал бы: «А в Дудинку суда пришли...» Впрочем, такая шутка не пришла бы в голову.

Свой симфонический оркестр в Норильске – почему бы и нет? Успешные гастроли в Москве – а как же иначе? Полтысячи бытовых услуг? Мало!

До чего легко мы привыкаем к чудесам! Как быстро чудеса становятся для нас буднями и нормой!

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ телефонный справочник 20-летней давности (т.е. времени, когда «все всех знали»), подсчитал, что из ста норильчан, встретивших здесь 1960-й, встречает в Норильске 1980-й только десять. Большинство на «материке», иных уж нет... Скорбной статистике не место, зато есть и праздничная: примерно десять процентов семей продолжают жить в Норильске, еще столько же оставили в родном городе своих наследников. А это значит, что десятая часть нынешних норильчан (не пятая, потому что население-то вдвое выросло) прожила в Норильске 20 лет и больше. Не быстро, но все же Норильск приближается к городам в умеренных широтах по проценту «долгожителей», или, как сказали бы демографы, – все менее подвержен миграционным потокам.

Восьмидесятый, как и шестидесятый, как сороковой, встретили в Норильске К.Н. Чернышев, М.А. Битадзе и еще несколько десятков горожан. А Г.И. Сапрыкин просто в отпуске... Честь и хвала ветеранам, жизнью своей агитирующим за оседлый образ жизни на бывшем краю света. По-своему доказывают, что Норильск для долгой жизни, Говоровы и Рыбаковы, Вершинины и Новгородовы, Шустички и Горины, Жуковы и Розентулы, Волковы и Херсонские, Ильницкие и Леонтьевы, Петренко и Левины,

Гармаши и Гурченко, Кибалины и Турунтаевы, – да мало ли их, кто начал нести норильскую эстафету и продолжает ее в новых поколениях норильчан.

Пробегут еще 20 лет, и над крышей института «Норильскпроект» (он, видимо, засветится огнями еще раньше) засверкают огромные цифры: 2000. Трудно представить Норильск в канун третьего тысячелетия – с вокзалом для транссибирских экспрессов, всепогодным аэропортом и плавательными бассейнами в каждом микрорайоне, но можно предположить, что 50 тысяч нынешних норильчан увидят этот город.

Многое норильчанам придется оставить на пороге (например, темпы сооружения обелисков на городских площадях). А многое с чистой совестью норильчане возьмут в 2001-й и понесут дальше: норильскую гордость, смелость и фантазию, уважение к родной земле, любовь к Родине, нежность сегодняшних норильских матерей... Легко увидеть черты норильчан XXI века в добрых и красивых людях 1980-го.

Он пришел, этот год, рабочий и праздничный. По весне страна отметит 110-ю годовщину со дня рождения своего первого гражданина и 35-летие Победы. Завершится юбилейная пятилетка. У норильчан, помимо дел, которых не перечесть, будут свои собственные юбилеи: 60 лет первой советской геологической экспедиции в районе Норильска, 50 лет Таймырскому автономному округу, 45 – строительству комбината, 25 – Кайеркану-поселку, 20 – со дня открытия Талнаха...

С ЭТИМ славным годом, который заставил задуматься о том, что грядет, что уж не так далек новый век, мне и хочется поздравить норильчан. В этот год беспокойного Солнца в не слишком спокойной Земле желаю вам, дорогие мои земляки, счастья.

«Девять дней одного лета»

(«Заполярная Правда», 14 июня 1973 г.)

Это репортаж о несостоявшейся бомбардировке. Не израсходован бомбовой запас. Летчики так и не получили боевого задания. Собственно, и готовность № 1 объявлять не пришлось. Бомбардировщики стоят в ангарах без дела.

Ну и хорошо.

...Еще перед Первомаем отдел гидропрогнозов Красноярского управления гидрометслужбы предсказывал: «На Енисее ниже Игарки вскрытие ожидается в первой декаде июня... Максимальные уровни при вскрытии и ледоходе ожидаются на 0,5–1,3 метра выше средних многолетних значений (на 2–3 метра выше максимальных уровней прошлого года)... На участке от Курейки до Усть-Порта возможно подтопление поселков, расположенных на низких местах».

Прогнозисты оказались на высоте. В первый день календарного лета лед шел мимо Игарки, подвижку отметили в Потапово (96 км от Дудинки), в Дудинском порту вода поднялась до 10 метровой отметки. Все «по плану», да еще с некоторым опережением. Дудинские старожилы даже стали вспоминать, в каком году судно сверху прибыло 30 мая. «Вот бы и нынче пораньше».

– Игарка, что у Вас?

– Прибывает активно. Уж чуть подтапливает.

– Снежногорск?

– Тоже немного.

По графику.

Но вот стало известно, что лед прошел устье Хантайки, а в Дудинке – что такое? – ни одной хорошей подвижки. Лед прошел Потапово – в Дудинке только одна «приличная». Непривычно. Хорошо еще, вода

стала прибывать, а то – вовсе упала: затор. Караван судов подходит к Игарке, а в Дудинке – зима!

Шестого июня вечером – получается подвижка. Напротив Дома культуры нагромоздило многокубовые глыбы. В районе угольного причала – чисто: ледяное поле оторвалось и поплыло вниз; аукнулось подвижкой в Усть-Порту, сотней километров севернее. А в акватории Дудинского порта белым-бело: льдина площадью в несколько квадратных километров уперлась в причалы и в остров Кабацкий – ни с места.

Посмотрели с вертолета ледовую обстановку к югу. Между речками Убойная и Дудинка – целина. Выше по Енисею – битый лед.

Прилетел из Норильска директор комбината: как обстановка? Как готов порт?

Обсуждали и такой вопрос: не вызвать ли военных летчиков – помочь Енисею? Каждый день навигации на счету, у Игарки собралось 45 судов, а лед держит, причем не так уж велик «зимний» участок. Бомбардировка снизит вероятность разрушений, обезопасит от «стыковки» некоторых сооружений с торосами, и не даст «лишней» воде валом пройти по низинам...

Нет, рано. Еще несколько дней можно верить природе. Но – быть начеку. Постоянное наблюдение. Круглосуточное дежурство. Паводковой комиссии не зевать: лед спросит.

Мелочей в такие дни не бывает. Вон мальчишки, как беспризорные, бродят за колючей проволокой с табличками «Запретная зона». Их влекут на реке вершины новорожденных ледяных гор. Этот «альпинизм» может плохо кончиться. Наряду милиции и добровольной народной дружины – приказ: немедленно отловить нарушителей, родителей оштрафовать – и пусть благодарят. Норильчан-туристов тоже стоит постращать: слишком уж неосторожны.

Седьмого июня спасли пятерых, восьмого – еще десять мальчишек: лед мог тронуться в любую минуту. Каникулы оказались бы последними в их жизни.

Девятого июня. Цельный лед – до Грибанова мыса: дальше на юг, до Никольска – битый. Кромка в сорока пяти километрах.

Полдень без трех минут. Пошел!

...Он выглядел мирно, нынешний ледоход. Не слышно было ни гулких ударов льдины о льдину, ни треска раскалывающихся полей. Тем, кто жег костры на берегу, ожидая миг пробуждения реки сутки, а то и двое, тем, кто выбегал из квартир, слышав хор дудинских гудков, приветствующих весну на реке, может быть, хотелось большего (хоть зрелище и спокойного ледохода на Енисее впечатляет).

Паводковой комиссии «большого» не хотелось. Вот хроника первых трех часов ледохода.

Диспетчер порта: «Чуть не снесло площадку, по которой эвакуированы из затопляемой зоны портовые краны. В речку Дудинку лед прет, как в бездонную... Трос у «Шуи» оборвало, завели на «Тарусу» (оба – морские лихтеры; речь идет о зимней стоянке портового флота)...

Судоверфь. Отсюда еще не переехали на постоянное жительство в город последние несколько семей. Все затоплено. Люди перешли на холм.

Аэропорт. Лед снес ограждение, находится в двух метрах от домов.

Рыбзавод. Вода пошла вверх по Пшеничному ручью, добралась до склада (соль вовремя убрали на верхние полки), добирается до конторы. (А голос в телефонной трубке – дежурная Аврамишина – веселый: «Весна у нас!»).

Левинские Пески. Здесь колхоз «Енисей», городок газостроителей и участок подводно-технических работ. Рядом – рыболовецкий флот.

– Алло, как слышите? Докладывайте!

– Первыми «ушли под воду» подводники: на плоскодонках уже можно плавать по улице. Раздавило крайний вагончик. Прикрыло льдом, погнуло сварочный стеллаж. На отстое маленько стало прижимать... В колхозе вода подошла к избам. Скот под-

готовили, чтобы поднять на крыши, если придется... К бане подходит, к птичнику, но там все в порядке – насесты сделали повыше... Шестнадцать семей подводников вывезли в Дудинку вертолетчики – «сам» прилетел на МИ-4, командир звена Крупица, Владимир Федорович...

Сообщение в Красноярск, в краевую паводковую комиссию:

– Подъем воды на 15-00 шестнадцать шестьдесят. Лед идет, кромка в тридцати километрах выше Дудинки, водичка прибывает, вертолеты в боевой готовности. Держим связь с Игаркой (там пошла на убыль) и Потапово (держится на уровне).

...Бывал в Дудинке ледоход и при одиннадцати метрах с небольшим. В прошлом и позапрошлом годах подъем воды не превысил пятнадцати метров. 9 июня 1973 года в 16 часов 35 минут при отметке 16 метров 90 сантиметров лед... встал!

Отметка опасная, а вода прибывает: семнадцать тридцать... Еще метр, и этот год будут вспоминать долго...

Обошлось без особых волнений. «Военные действия» против льда так и не пришлось открывать. Постоял-постоял, еще несколько часов – и двинулся уже без остановок.

Шел весь день десятого – уже битый, черный.

Одиннадцатого показалась «Астрахань», грузовое судно с металлоконструкциями для Норильска. За «Астраханью» – лихтеры, за лихтерами – пассажирские теплоходы.

Кромка льда миновала Усть-Порт. Оттуда уже совсем близко до Океана.

...Бомбы так и не упали на лед. Конечно, дудинские ребятишки, если они прослышали о возможной операции, разочарованы. Жалеют, что так ничего и не было. Так ничего и не увидели.

Они никогда не видели бомбардировщиков. Не слышали ухания бомб.

Пусть всю жизнь им в этом «не везет».

*«Листая старый паспорт,
выданный в Кронштадте»*

(«Заполярная Правда», 14 июня 1973 г.)

ИЗ ОТПУСКА я привез для нашего музея паспортную книжку, выданную 90 лет назад, бессрочно, **Кронштадтским крепостным пехотным батальоном**. Владелец – **Карль Альфонсовичъ фонъ Рассъ**. 1867 г.р. Звание: **штабсъ-капитанъ** означенного батальона.

«Вероисповедание – лютеранского. Место постоянного жительства: **С.-Петербургъ. Женатъ. Жена Анна Михайловна, 22-х лет. Православная. Дочь Лариса, 28 июня 1903. Дочь Елизавета, 1 октября 1904»**.

Высочайшим приказом, состоявшимся в 15-й день августа 1903 года, переведен на службу в Петербургскую Конвойную команду, произведен в капитаны... 16 июля 1908 года назначен начальником Архангельской К. К. Потом 3 июля 1909 г. – Воронежской, **26 января 1913 г. – Самаркандской...**

Если, прервав запись, вспомнить здесь М.А. Булгакова, то «Аннушка уже купила подсолнечное масло»; далее, если и не все определено, однако шаг к Норильску Елизавета Карловна уже сделала, хоть ей нет и десяти, да будущему мужу только пятнадцать. Но он тоже туркестанец, и до их встречи всего-то лет десять. 12 – до свадьбы.

«...в 6-й день мая 1912 г. произведен в подполковники».

Как дочь «царского» подполковника получила место машинистки в местном чека, для меня тайна. Но точно, что сын сапожника и кожемяки Зосимы Матвеева тут ни при чем: когда Владимир Зосимыч

ухаживал за Лизой – она уже отстукивала на «ун-дервуде» секретные бумаги.

Я тороплю события, а надо бы рассмотреть паспорт – в картоне «под кожу», приятно взять в руки, у меня такого в жизни не было, да и напечатан на загляденье, бумага с водяными знаками превосходная, почерк писаря и то, с какими давно не встречаешься, а тут напомнил, что некогда каллиграфия была искусством.

Предполагаю, что такое отношение к себе документ предгрозового времени вызывает прежде всего своей солидностью, серьезностью, продуманностью до мелочей. Жаль, к теме не относится, а то бы я и дальше расписывал достоинства этого не просто удостоверения принадлежности к государству – пусть далеко не идеальному, но уважающему себя и своих подданных.

– Местом постоянного жительства признается... для дворян, чиновников, почтенных граждан, купцов и разночинцев – место, где кто и по службе или занятиям, или промыслам, или недвижимому имуществу имеет оседлость либо домашнее обзаведение...

Фон Расс домашнего обзаведения не имел. Сейчас бы сказали – скитался по квартирам. На самом деле не скитался, а переезжал по долгу службы, вместе со своей семьей, из Кронштадта в Гатчину, оттуда в Тамбов, потом в Архангельск, Самарканд, Воронеж, Пятигорск, где пристав или его помощник околоточный или еще какой полицейский чин ставил печать со словом «явлен».

Менялись города, улицы, названные еще по-старому, как правило, не именными, а что-нибудь вроде Соборной или Мясной горы (начало века: скоро почти не станет в провинции соборов, а мясных гор тем более).

Нас, однако, интересует не дом Герасимовой в Кронштадте, не алмалиевский в центре Воронежа, а тот, что вписан в паспорт дворянину фон Рассу ровным счетом 80 лет назад, 18 апреля 1913 года, у полицейского пристава 1-й части г. Самарканда

(а также в книгу литеры «Ф»). В который – придет время – постучится Владимир Матвеев.

СЫН кожемяки родился в Ташкенте, рано осиротел и пошел работать на тот же кожевенный завод. Читать выучился сам, складывая буквы на вывесках. Человеком себя почувствовал только после революции, которая поручила ему сражаться с контрреволюционерами. Дело чуть было не кончилось быстро, но этого бойца-красногвардейца всевышний берег. Не дал умереть после первого, после второго, после третьего тяжелого ранения. Пули пробивали грудь, голову обещали отрезать (5 тысяч золотом тому, кто приведет басмаческий приговор в исполнение) – судьбе было угодно сохранить жизнь ему и покарать врагов бедного кожемяки его же сильными руками.

Врагов он ненавидел люто, воздержан даже в беседах с ними не был. Даже дошло до того, что сняли с него ремень, разоружили и посадили «охлануться» уже свои. Но это позже, при Менжинском. Долго, однако, взаперти не держали, разве что год, и под честное слово выпустили.

То ли небезопасно ему было появляться в Средней Азии, еще не слишком умиротворенной, то ли просто решили, что нужен горячий народ на Севере. Матвеев с женой отправляется на строительство дороги из Кеми в Ухту, начальником. Делает совместный, хоть и неосознанный, шаг к Норильску.

*Владимир Зосимович
Матвеев*

Вторая их дорога была на Мурманск, первая ГЭС – Свирской. Так он становится строителем, воспитателем про-

винившихся и записанных во враги, психологом и администратором. Раны дают о себе знать, условия северных строек здоровья не улучшают... Пошли на встречу – перевели в Сочи. А чтобы сочетать приятное с полезным, поручили и здесь строить дорогу.

Следующей стала узкоколейка из Валька к будущей промплощадке Норильска. Пятой по счету – второй железной – между Енисеем и Шмидтихой. Под ним сначала находилось меньше двух тысяч народу, отправленного на «переплавку», потом пять, восемь тысяч... Очень немного, если иметь в виду поставленные перед ним задачи, а так же их профессиональную неподготовленность и незнание местных условий.

Однако сделали они немало, если не сказать – много. Ну, дороги, конечно, проезжими были редко, но были. Временные электростанции в Норильске и дизельная в Дудинке несли свет. Рудник заложили,

шахту тоже, улицу тоже. Плоты из Игарки шли (Матвеев ответственность взял на себя, смелый человек, другой бы не решился: а если унесет в море?). Знаменитая Остроумова из Игарки прилетела – пораженная была чистотой и количеством приборов в лаборатории: «Дай мне начальника ненадолго».

Овощехранилище построили, зимники работали, самолеты садились у Часовни, потом на Долгое. Нет, конечно, и цинга была, и невменяемо пьяные врачи, и не хватало валенок и варежек, портянок и ватных брюк. Но жизнь завертелась, закрутилась – бурами, шкивами, даже стахановскими полумесячниками и слетами ударников.

Сохранилось множество свидетельств, что начальник стройки зверем не был, скорее наоборот, позволял себе, по мнению Москвы, либерализм и даже товарищеское отношение к заключенным, но и выступить мог по текущему моменту: «Усилив революционную бдительность, наш народ под руководством партии Ленина – Сталина, до конца искоренит подлых троцкистско-бухаринских агентов фашистских разведок...»

До конца ему оставалось полгода, но мог ли он об этом думать. Он, трижды раненный, доказавший свою преданность в боях и за две пятилетки... «Сердца трудящихся полны безграничной любви к великому создателю народного счастья, творцу новой, самой демократической в мире Конституции...»

– Но какая же это любовь? «Положение стройки хуже, чем представлено в отчетных данных... Железная дорога на одну треть уложена на снег... Люди размещены в крайней тесноте... в объем работ очковтирательски включена уборка снега... управление лагерем отсутствует, ограждений нет, нет должного режима. На стройке вскрыто явное вредительство... Ответственным за незаконное включение в объем работы расходов по расчистке снега считаю Матвеева. Завенягин».

...Не разобрался? Сам висел на волоске и не хотел брать на себя лишнее?.. Конец.

Главный инженер Воронцов возвращался из командировки. Не заметив, что Матвеева сопровождают двое, уже не как начальника, крикнул: «Куда ты, Зосимыч?» – «В Москву, за песнями».

ЕЛИЗАВЕТА Карловна Матвеева с мужем и девочками прибыла в Дудинку на «Спартаке» (до революционном гадаловском «Соколе») с первой сотней строителей, первым взводом охраны, изыскательской группой «Мостранса»... Да, как мама, Анна Михайловна, к своим тридцати имела она двух дочек, только не погодков, а 9-летнюю Киму и малышку Надю. Разместились Матвеевы в избе дудинской радиостанции.

Квалифицированная машинистка, она и отстучала первый приказ по норильскому строительству.

И потом помогала мужу чем могла, хоть и могла немного, имея на руках трехлетнюю Надюшку. Все же часто оставляла ее на старшую, а потом и вышла на работу в первый отдел. Мало того, организовала совет жен, который и возглавила, – первый норильский женсовет. Заниматься было чем – от первого детсада до советов мужу, как «превратить весь лагерный контингент в ударников, штурмующих Заполярье». Народу явно не хватало, штурмовать желали не все... Даже вольнонаемные.

Любопытно, что у Матвеевой здесь прекратился туберкулезный процесс. В 37-м удалось съездить с детьми в отпуск – к школе вернулись. Предположить, что этот год у Кимы в Норильске последний, конечно же не могли. Зосимыч «жаловался»: бегут гады, не понимают, что далеко не побегут, себе сделают хуже и другим – придется ужесточить охрану и режим. Штрафной изолятор завели – на Каларгоне. Безденежных, он же Корнев... Ох и гад, сбил компанию. Теперь сели на четыре месяца... Но есть мужики золотые. Все бюро главного обогатителя – каждому стахановский зачет и премия... Молодые ребята подлетели из институтов... Завтра – корреспондент «Правды». Интересно, что он напишет...

Мужу было очень трудно. Явно не хватало образования. Главный инженер – сильный геолог, но не инженер... Елизавета Карловна старалась не добавлять забот, снимая даже тени каких-либо конфликтов не только дома, но и в конторе управления.

Пришел апрель 1938-го. Перезимовали, настроение стало лучше: можно наверстывать отставание из-за пург. Заключением Дамплею и Камушкину Матвеев объявил благодарность: они получили местный керамзит. Почти одновременно появилась первая гипсовая постройка. Дело сдвигалось с мертвой точки. Создали штаб-Ц (КВО, фино, начальники районов) – усилить «моральные стимулы». Авральной – до 10 августа – объявлена работа по перевозке продуктов, фуража, трехгрузов из Дудинки.

23-го жена начальника с детьми должна была улететь в отпуск. Не улетела. Во изменение уже подписанного приказа отпуск старшей машинистке АХО начальник отменил. Уволил с 25-го: ввиду болезни «ее ребенка» и «необходимости вывоза в умеренный климат». А так же ввиду ее болезни, согласно заключению врачебной комиссии.

– Что-то узнал? Чувствовал?

Что знал – точно: в Дудинку прилетел Завенягин.

Хотелось еще перед Первомаем рассказать о тех днях, когда Матвеевы навсегда расстались с Норильском. Навсегда – все четверо 55 лет назад.

Владимир Зосимович под конвоем был отправлен из московской тюрьмы в лагерное село Талаги (Архангельская область). В последний раз на Север. О встрече с ним в тюремной камере рассказал в мемуарах выживший норильлаговец. Еще до войны пробилась на свидание к мужу под Архангельском Елизавета Карловна. Сумела вынести на волю его заявление на имя генерального прокурора с жалобой на издевательства, избиения во время следствия. (Никакого движения, естественно.)

Сразу после войны добилась встречи с отцом старшая дочь... Ему уже оставалось тянуть лямку недолго. Он умер, не выходя из лагеря, летом 1948-го. Сорок пять лет назад. Реабилитирован через 7 лет после смерти.

Не так давно мы попрощались с Елизаветой Карловной фон Расс-Матвеевой. Почти дожила до времени, когда о дворянском происхождении не надо умалчивать. Пережила на целую вечность мужа и, что еще страшнее, успела похоронить младшую дочь. Из той семьи, что оставила Норильск в 1938-м, осталась только Кима. Хранительница памяти, она живет ею, одновременно, по щедрости души готовая облагодетельствовать всех вокруг из свойственного ей стремления к справедливости, решительно не приемлющая ни единого худого слова вослед ушедшему в мир иной отцу. Первому начальнику Норильлага.

ИЗ ПИСЕМ К.В. Малашкиной, что живет в лесном микрорайоне родного мне Симферополя, который все труднее посещать.

— Когда вы мне читали газету, я напрягла всю свою выдержку и не подала вида, как тяжело слышать такие оскорбления в адрес отца... Вы из Норильска, наш друг, а Норильск — детище отца... Кто такой Л. Матанцев, написавший такую грязь о моем отце! Какой же он «князь Таймырский», как якобы себя величал?... Это чистая ложь... С кем и где он «разлагался»? С басмачами в тундре, на стройках? Где бы он ни был, везде с ним была его семья... Из-за таких и погиб мой отец в расцвете сил... Находятся люди, позорят, клеймят уже кости Матвеева. Как больно вспоминать прошлое. Ведь первым всегда было трудно. А он всегда был первым. Я не знаю, помните ли вы, что отца хотели повесить на столбе возле нашего дома местные жители — за то, что «из-за шума зверь ушел далеко в тундру». Как его караулили, но он не испугался и пошел к ним...

У него ноги были не раз обморожены, но он никогда не хныкал. Приносил жир какой-то, и мама его лечила. Сам варил настойку и заставлял нас всех

пить от цинги, т.к. не было ни овощей, ни фруктов, — помню горечь настойки и хвойный запах.

Мой отец сумел сохранить «человеческий облик» и после Бутырок, пыток. В Талагах, где он отбывал срок, когда я его увидела, он был подтянут, чист, но очень болен. Он мне сказал: «Не верь, я не враг, разберутся — это ошибка».

— Спасибо за пожелание: чтобы крымская земля была ей пухом... Мне очень плохо без нее. Моя мама — мудрая женщина. Несмотря на то, что после смерти Нади она ослепла, оставалась терпеливой, никогда не жаловалась, ничего не требовала — на девятом десятке... Я ведь весь день на работе, в больнице, а она всегда ждала меня. Теперь некому ждать... Мама очень любила отца, так с 32 лет и осталась одна. Все внушала мне, что он невиновен, разберутся...

Разобрались, но поздно. Он во время лесоповала упал в реку, дело было в холодное время года, получил воспаление легких, лежал в архангельской больнице, но затем — туберкулез, от чего и умер...

Самое обидное: ехала к нему 10 дней «пятьсот веселым», везла из самаркандского госпиталя, сопровождала домой раненого (иначе откуда было взять деньги на дорогу?). Из Архангельска до Талаг по бездорожью шла полураздетая, девчонка, дрожала от всего... У нас в сентябре жара, а там заморозки... И такая жестокость! Не посмотрели ни на что, разрешили свидание — только два часа и ни минутой больше. Сейчас я бы добилась, а тогда плакала и шла назад... ИРИНА.

Почему Ирина? Кима ей не нравилась. Попросила в паспорте написать Кира. Такого полного имени, сказали, нет. Написали Кирина. А отсюда уже недалеко.

Сына назвала Владимиром, но он, понятно, не Матвеев. Разве что душой.

*«Норильское взгорье.
Воспоминания о будущем»*

(«Заполярный вестник», 30 мая 1998 г.)

Вот уже два месяца у меня замечательный НП (пункт наблюдения): окно на восьмом этаже. Вроде бы не так уж высоко, но здание не закрыто ему подобными, ни тем более 12-этажками, и в голову пришла смутная связь с чем-то давно забытым. Знаете, это бывает с каждым: уловить трудно, однако можно ручаться, это уже было, когда-то, где-то.

Стоило сосредоточиться – видение обрело вид пиков на сейсмографе и... Это было! – тридцать лет назад в Альпах (австрийских), куда нас привезли на смотровую площадку полюбоваться панорамой горной страны – до нереальности четкой, как на макете.

При чем тут Альпы, если находишься в центре северного города, да спиной к отрогам Путораны, а перед глазами – очень скромной высоты Норильские горы?

Все при чем-то. Все имеет причину и следствия, побудительный мотив и неожиданный ход, русло. Ну не Альпы, и фон – не сверкающая голубизна, а робкий свет из-за туч (даром что давно начался полярный день, мог быть и голубее, если бы прошел Енисей). Но ведь холмами уже не назовешь ни Шмидтиху и Рудную, ни Зуб и Барьерную. По высоте – вполне первая гряда Крымских гор. (Пик Путораны – на уровне крымских вершин.)

Здесь пиков нет, но есть высоты местного масштаба – на фоне черного массива и занесенных ущельев; ручьям еще нужно время, чтобы сменить форму и состояние души. Городские высоты – это крыши. Слева – «Норильскпроекта», впереди – того микро-

района, что окружает плавательный бассейн на холме (когда-то уже сравнивал его с древнегреческим храмом). Чуть взглядеться – и заметишь верхние обрезы зданий института, Дома творчества юных, управления связи, Дома печати и почтамта, высотки у нового въезда в город...

Сначала я собирался писать о крышах Норильска и жизни под каждой из них. Но душа не лежала к слову: крыши Парижа – это символ, крыша у нас – с недавних пор – стала восприниматься никак не верхней планкой, а чем-то слишком приземленным.

Мне же нужен образ пусть скромных, но высот. Образ поднявшихся над средним уровнем, нормой. То, что можно с полным правом назвать Взгорьем.

Я пишу об отличившихся детях Норильска. Думаю, полсотни имен удастся назвать – вряд ли больше. Не список – моя цель. Прекрасно понимаю, что никакой список не вберет в себя примеры великой любви, величайшей преданности, возможно, самопожертвования ради близких людей или случайных спутников... И такой список должен быть, но родить его в состоянии только коллективный труд. Пишите! Присылайте! (Если оценили предложение.)

Моя сегодняшняя задача тоже неподъемна для одного человека. И тайный замысел – тот же: помогите историкам и краеведам. А сейчас, на примерах, чего я хочу, обнаружив, что школьники не знают этих имен своих земляков.

ЧТО Ж, начну с лауреатов общепризнанных. Допустим, кто первый пианист Норильска? Видимо, Алексей Набулин. Первый скрипач – Леонид Соколов. Первый писатель? Я думаю, Юлия Старцева. (Кто-то скажет: «Нет, я!») Первый гроссмейстер (и по силе, и по месту в норильской истории) – Сергей Смагин, тренер сборной России. Самый известный из кинорежиссеров (и один из создателей «Кукол» на НТВ) – Иван Киясашвили. Пожалуй, самый известный из «наших» киноактеров – Александр Соловьев (теперь и кинорежиссер). Телепродюсер и телере-

жиссер – Кирилл Легат. Одна из самых знаменитых (не только тельняшкой) телеведущих ОРТ – Дана Борисова, «Армейский магазин».

Перейдем к спорту. Здесь первыми следует назвать абсолютную чемпионку мира по спортивной гимнастике Наталью Юрченко и чемпиона мира, дважды олимпийского чемпиона по фигурному катанию Артура Дмитриева (в спортивной паре). В сборной СССР по баскетболу привлекался и много лет играл в команде ЦСКА Александр Мелешкин. В самое последнее время рекордсменкой мира по пауэрлифтингу стала Елена Юрик, мастером спорта международного класса по дзюдо – Людмила Климчук.

Я не привожу достижений юношей и juniоров (еще не известно, достигнут ли они вершин абсолютных), но одно исключение сделаю, ибо 20-летний Виктор Гуцинский, чемпион Европы среди сверстников и даже уступающий по возрасту основным соперникам, относится к основным претендентам на олимпийское золото в тройном прыжке на Играх 2000-го и 2004-го годов.

ПОРА ПРЫГАТЬ в ванну бассейна, именно там надо искать ударную и самую массовую силу норильского спорта. На будущий год храму на холме исполняется сорок лет... Собственно, искать предстоит не только подводников, таких как Татьяна Гончарова, рекордсменка мира по плаванию в ластах. А других-то видно невооруженным глазом – они на поверхности (кроме «притопленных» ватерполистов, кстати, выигравших чемпионат России).

Владимир Буре, отец Павла и Валерия, в Норильске родился, как и его друг Леонид Ильичев. Бассейна тогда еще не было, пришлось тренироваться в Москве. Несмотря на такие сложные пути к олимпийскому пьедесталу, оба, преодолев трудности, завоевали медали в Мехико, а Владимир, лучший спринтер Европы, отличился и на чемпионатах мира. (Сына и внука норильчан Павла Буре «своими» не считаем, но в уме держим: есть из-за чего.)

Первую международную славу норильскому бассейну добыла Елена Бурменская, чемпионка и рекордсменка СССР и Канады, одна из лучших стайеров мира, уступавшая на 800 метрах только великой австралийке Ш. Гоулд. Эстафету продолжила Светлана Яковлева, для которой плавание стало основой победы на чемпионате мира по современному пятиборью. Кто следующий?

Я бы назвал выпускницу бассейна, мастера спорта Людмилу Беленя, доктора медицинских наук, и мастера водного поло, кандидата технических наук Александра Волосского. Согласитесь, их достижения не уступают чемпионским. В сообщениях о подобных примерах мы очень заинтересованы. Это и есть олицетворение древней мысли: «В здоровом теле – здоровый дух».

В ТОЙ или иной степени своей жизнью старый тезис подтверждают считавшие бассейн родным домом братья Александр и Николай Бурухины (главный инженер комбината и один из руководителей профсоюза), директор комбината по производству Андрей Говоров, главный инженер «Надежды» Владимир Полосухин... Прощаясь с бассейном, назовем некоторых из тех, кто там просто научился уверенно держаться на воде (когда не ощущаешь земной тверди под нога-

ми) и продвигаться вперед с хорошей скоростью. К ним относятся заместитель генерального директора по персоналу Олег Бударгин, директор «Надежды» Юрий Сухобаевский, такие банкиры, как Ольга Касап и Наталья Воронова (Бударгина), директор центра социальных исследований Марина Стрельникова (Говорова)... Просим читателей продолжить и этот список, не ограничиваясь норильской пропиской.

Ну, конечно же, нельзя требовать от рожденных в Норильске или доставленных сюда в детский сад вечной привязанности к родному городу. Вот и получается, что мы плохо знаем, как сложилась жизнь у покинувших Норильск после окончания средней школы. Между тем, почти в каждой из них есть немало данных, небезразличных всему городу.

Недавно замечательную летопись начали вести кайерканцы. Они имели полное право назвать свою 11-ю «кузницей кадров». Среди выпускников – нынешний мэр, депутаты горсовета, зав. Филиалом ОНЭКСИМ Банка, директора школ, их замы, сегодняшние учителя, ведущий специалист администрации, зав. Загсом, главный хирург оганерской больницы, корр. «Заполярной правды»... И ни одного примера «зарубежного»!

Но разве не надо гордиться плавательному бассейну тем, что из тридцати с лишним «выходцев», ставших профессиональными тренерами в институтах физкультуры, половина, оставшись работать «на материке», от души благодарит родной город за старт в жизнь? Точно так же, как второй половиной, вернувшейся еще на годы! (Е. Суханова помогала директору Л. Зайчику готовить эту справку для газеты.)

Оставаться здесь надолго или уезжать – решает каждый для себя (если обстоятельства оказываются сильнее). Ясно, нам ближе те, кого мы часто встречаем или видим ежедневно, – «норильские дети», посвятившие городу десятилетия, продолжающие украшать жизнь Норильска или облегчать ее согражданам... Я имею ввиду телеведущую О. Филюрину,

хирурга А. Турунтаева, анестезиолога И. Розентула, искусствоведа Е. Истратову, журналиста В. Толстова, его брата, вступившего на ту же стезю, тренера В. Коновалова, актрису Л. Потехину, только что уехавшего минералога Э. Кулагова и еще многих других. Но разве нам не менее дороги нейрохирург А. Тараканов, авиационный инженер О. Колегов, физик В. Худолева (Ферберг), уже избравшаяся в Московскую думу, известный международник (не знаю, жив ли, из послевоенных выпускников) Ю. Трушин, его коллеги, еще молодые, Н. Карпова (Киев) или О. Стадник (Рим)?

Это же наши люди, родные, которых тянет сюда неотвратно... Чуть не выпустил из виду докторов разных наук – от физика В. Фомина до искусствоведа Е. Долгих и филолога В. Рябчикова.

– Ну и что, по мнению автора, «простой» инженер или «простой» рабочий уступает названным как гражданин или менее счастлив?

– Боже сохрани от таких мыслей. Я называл в основном своих знакомых, но действительно заметных в избранной области. Несомненны их успехи, достигнутые многими в самом начале жизненного пути.

Разговор о нравственной чистоте, гражданственности, счастье и не начинался – только об успехе, который сам не приходит. В этом смысле перед нами достойные примеры. Впрочем, и понятие жизненного успеха у каждого свое. Я же предложил – объективно – кандидатуры в энциклопедию «Дети Норильска» (чем черт не шутит!). Продолжение за читателем.

Норильское взгорье определенно говорит вот о чем: Норильск мало у кого отнял возможности развития личности, предоставляемые «материком». Скорее добавил их.

Замечал. Выдвигал. Поддерживал. Так должно быть.

«Авиародственники»

(«Заполярная Правда»)

Даже не хочется это слово брать в кавычки. Ведь кто летит вместе по северным трассам – кресло к креслу, вместе ждет погоду, по пятьдесят раз надоедая шереметьевским или домодедовским диспетчерам, вместе – не дай бог – сидят в ставшем родным Сыктывкаре, деля досуг, а то и последнюю трешку... Согласитесь, это почти родственники.

Отныне родственников у каждого из нас прибавилось. В самолете, идущем из Москвы к Норильску, теперь будут не только норильчане. Норильск перестал быть конечным пунктом. И радиообъявление о посадке в московском аэропорту заканчивается словами: «...вылетевший по маршруту Москва – Норильск – Черский».

Имя русского исследователя Сибири, составившего первую геологическую карту побережья Байкала и предложившего одну из первых тектонических схем внутренней Азии, известно многим. И уж, во всяком случае, все слышали о тысячекилометровых хребтах Черского на северо-востоке страны и в Забайкалье.

Но куда же летят наши новые попутчики? Этот Черский – поселок городского типа, по всем статьям очень похожий на Талнах. Во-первых, почти ровесник Талнаха: он родился в шестьдесят третьем. Во-вторых, в нем живут горняки. В-третьих, он находится примерно на той же широте – около 69 градуса. И, наконец, вырос он тоже на берегах реки, которая, правда, прославилась раньше, чем Талнашка. Это – Колыма, недалеко от ее впадения в Восточно-Сибирское море.

А разница между Талнахом и Черским лишь в том, что рядом с Черским нет большого города, и он сам стал центром целого района – Нижнеколымского, в северо-восточном углу Якутии, на границе с Магаданской областью. Почти двухтысячекилометровый путь от Норильска и Талнаха до краевого центра – Красноярска бледнеет по сравнению с расстоянием, которое должны преодолеть жители Черского до своего республиканского центра – Якутска. 3189 километров!

Вот и вся разница. Потому, что путь от Москвы до дома черчане будут проделывать за 13 с половиной часов – за такое же время, что и талнахцы, хоть в воздухе мы находимся только пять часов.

«В Москве, на улице нашей»

(«Огни Талнаха», 7 ноября 1967 г.)

Житель нашего города, не подготовленный к этому заранее, остановится пораженный, на окраине Большой Москвы, увидев табличку на кирпичном здании школы или фасаде дачного домика:

Норильская ул.

Я искал улицу, зная о ее существовании. Проехал из центра по всему проспекту Мира, слева осталось ВДНХ, промелькнула зеленая улица, названная в честь полярного летчика М. С. Бабушкина. Начался северный район: жилой массив Медведково, кинотеатры «Полярный» и «Арктика», Анадырский и Таймырский проезды. Таймырская и Таежная улицы...

И вот она: Норильская.

Читаешь раз, другой, третий с неосознанным сначала, а потом крепнущим чувством, честное слово, сродни тому, что рождалось у Маяковского, когда он видел свою фамилию в поэтической рубрике.

И то ли из-за пришедшего в голову знакомого сочетания слов, то ли по более дельной, конкретной, смысловой ассоциации вспоминалось при виде скромной таблички:

– Радуюсь я, это мой труд вливается в труд моей республики.

Улиц в Москве много. Может быть тысяча. Городов в СССР еще больше. Не все могут быть «представлены» в столице. Норильск есть. Значит, заслужил.

Пока это небольшая улица. Домов шестьдесят. В основном двухэтажных, одноэтажных. В основном деревянных. На норильские не похожи. Особнячки в палисадниках. Коммунальные со списком квар-

тиросъемщиков. Выделяется современное здание школы.

Улица тихая, дачная. Редко мигает глазок такси. Прошелестит шинами автобус. Играют с ветром березки.

Охраняют улицу тополя. Зашепчутся они, и неслышным становится даже перестук колес электрички.

Интервью с «норильчанами» на автобусной остановке.

– Почему так называется улица?

– А город такой есть в Сибири.

– На Севере где-то, далеко, в Заполярье.

– Я в кино видела. Большой город. В центре на Москву похож. Одна площадь точь-в-точь – Калужская застава.

– У меня племянник там на руднике работает, уезжать не хочет, женился там, медаль получил.

Подошел автобус, увез рабочих на завод, девушек в техникум.

Разговор в домоуправлении:

– Все собираемся в исполком к вам написать, о женсовете вашем читали. Хотим фотовыставку устроить, показать, какой он, Норильск, что за

фабрики, заводы, шахты, магазины, что за люди норильские, чем знамениты.

У телефона главный архитектор проекта Северного района:

– Норильская улица входит в общий план застройки. Здесь будут многоэтажные жилые дома разных типов, новые кинотеатры, кафе, ресторан, больница, стадион. В оформлении прослежены северные мотивы.

...Чего греха таить, большинство моих московских знакомых, когда я спрашивал о Норильской, отвечали вопросом: «А разве есть такая?».

Пройдет несколько лет, поднимутся к небу корпуса, прорежет березовый лес и далеко уйдет за него сверкающий проспект, известный всем и заметный издалека. Проспект столицы, который будет гордо нести гордое имя нашего северного города. Наша улица в столице.

ЕЩЕ НЕ ТАК ДАВНО МОСКВА УЗНАЛА О НОРИЛЬСКЕ. ДАЖЕ НЕ О НОРИЛЬСКЕ – О БУДУЩЕМ НОРИЛЬСКЕ. ЭТО БЫЛО НА 18-м ГОДУ ОКТЯБРЯ.

СОВСЕМ НЕДАВНО НОРИЛЬСК УЗНАЛ О ТАЛНАХЕ – О БУДУЩЕМ ТАЛНАХЕ: НА 45-м ГОДУ ОКТЯБРЯ. А СЕГОДНЯ СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА НОРИЛЬСКА НАЗЫВАЕТСЯ УЛИЦЕЙ ТАЛНАХСКОЙ.

КАКИЕ ИМЕНА БУДУТ ПРИСВОЕНЫ СЕВЕРНЫМ УЛИЦАМ ГОРОДА ТАЛНАХА К ГРЯДУЩИМ ОКТЯБРЬСКИМ ДАТАМ?

«Снежгород-3»

СНЕЖГОРОД

Эта глава «Снежгород-3» названа в память об Анатолии Львовиче Львове совсем не случайно. Дело в том, что он выпустил две книги с таким названием. Первая, в мягкой обложке, тогда еще не могла иметь никакого номера. Она представила сочинения норильских школьников на самые разные темы. Дети с удовольствием рассказали о заполярном городе, о погоде и окружающей его природе, о родителях и бабушках, дедушках, которые строили город, о четвероногих друзьях и о многом другом.

Первая книга «Снежгород» вышла в свет в 1968 году, а вторая – в 2000-м. Чтобы подчеркнуть спустя многие годы преемственность замысла, вторая книга получила название «Снежгород-2». К сожалению, до «Снежгорода-3» у Анатолия Львовича Львова руки не дошли, хотя в первые годы жизни после Норильска во Всеволожске он работал очень много: спешил издать книги о знаковых людях 20-го века А.П. Завенягине и А.А. Бочваре. Успел! Хотя для издания последней призвал на помощь многолетнего друга и коллегу Тамару Алексеевну Александрову.

Самый первый «Снежгород» открыл своим вступлением Анатолий Львов. Из него мы узнали, в чем особенность этой книги: она написана за один день, при этом норильские школьники как бы подхватили опыт игарских сверстников.

Сегодня первую книгу «Снежгород» можно смело назвать библиотечной редкостью: она сохранилась разве что в домашних библиотеках первых поколений норильчан, строивших в Заполярье город и комбинат. Книга «Снежгород-2» уже заметно отличается от первой и по глубине содержания и по качеству издания. Это случилось благодаря творческим стараниям Анатолия Львова и финансовой поддержке норильчанина Вадима Федоровича Николайчука. Он приехал в Норильск по окончании института, начинал горным мастером, а в бурные 90-е годы коллектив старейшего рудника «Заполярный» выбрал его директором предприятия. Когда в стране состоялись первые свободные выборы в Верховный Совет СССР, Вадима Федоровича

абсолютным большинством голосов выбрали депутатом в Верховный Совет СССР от Норильска. С тех пор он – москвич, но по-прежнему гендиректор группы компаний «МИРП» В.Ф. Николайчук поддерживает издательские инициативы норильчан. В числе первых – книга «Снежгород-2» и издание воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...»: сейчас готовится к изданию уже 14-й том...

В «Снежгороде-2» ребята пишут о жизни города и комбината, о событиях, которые не проходят мимо их внимания, о политике, если хотите, тоже рассуждают и, конечно, о семье, природе и погоде, как предыдущие поколения их сверстников. Читаешь эту книгу и понимаешь, как же изменились, как поумнели со временем наши дети. Сегодня норильские школьники взрослее, наблюдательнее, критичнее и в то же время замечают вокруг себя и доброту, и красоту, и справедливость... Есть среди них те, чьи родители писали в «Снежгород» – самый первый...

Приведу несколько выдержек из «Снежгорода-2».

«Норильск воспитывает, как настоящий мужчина». «Я норильчанка уже в третьем поколении. Я очень люблю свой город, но ... мне бы хотелось в нем многое изменить: озеленить улицы, убрать из подъездов наркотики и сигареты!!!» «Здесь выросли и кончили ту же школу, в которой учусь и я, мои родители. Тридцать лет назад, когда им было по 10 лет, они также писали сочинения. Но тогда все было не так, как сейчас!.. Я страшусь нашего будущего. Будущего «мертвых» городов. Будущего «Страны безмолвия»... Люди, отдавшие всю жизнь и сердца этому краю, вынуждены покинуть его, потеряв здесь работу... Хочу верить, что все не так страшно, как в моем воображении».

По цветной обложке книги «Снежгород-2» можно составить представление о том, как симпатично выглядели книги «Мы из Игарки» и «Снежгород».

«Снежгород-1»

Норильск – самый снежный город не только в нашей стране, но и во всем мире. Ничего удивительного: севернее на земле и поселков-то немного, а городов-то и вовсе нет. Норильск – самый северный город на свете. Если большую карту повесить на стену, он окажется под самым потолком, не каждый до него и указкой достанет. Вот почему географические широты, в которых находится Норильск, называются высокими.

Норильск – самая большая зимовка и самая удивительная. По тундре можно ехать целый день – на оленях или на вездеходе – и не встретить ни одного человека, не увидеть ни одного огонька. А приедешь в Норильск – и увидишь миллион огней сразу, и встретишь сто шестьдесят тысяч людей. Правда, десять тысяч – даже если это январь – обязательно в отпуске, «на материке», как здесь говорят. Но сто пятьдесят тысяч на месте. Из них сто тысяч работают – на рудниках, в шахтах, на стройках и заводах, в магазинах и парикмахерских, на почте и в театре, на железной дороге и в аэропорту, в больницах и школах. Остальные пятьдесят тысяч учатся в школах, детских садах и просто дома. Кто-то еще не вышел из пеленок, учится улыбаться и узнавать маму. Кто-то учится ходить по земле, по комнате или по снегу – топ-топ. Кто-то учится рисовать солнце по памяти: зимой не с чего срисовывать. Те, кому от семи до семнадцати, написали «Снежгород».

«Снежгород» – необычная книга. Она написана за один день. Первоклассники «работали писателями» один урок, десятиклассники – по три часа; у кого-то вместо «письма» впервые в жизни была «литература», у других в этот день «отменили тригонометрию»... К вечеру в руках учителей оказались сочинения на двести с лишним тем. Через несколько дней на стол редактора и составителя книги легли пять тысяч лучших сочинений.

Кстати, за тридцать лет до этого написали книжку школьницы другого заполярного города. «Мы из Игарки» – так она называлась. Норильск в то время только начинался. Об этом в книжке «Мы из Игарки» рассказала 12-летняя Поля Мокина. Вот так:

«Жили мы в Красноярске. Но не долго прожили там. Через два года папа уехал работать на Таймыр, в Норильск. Когда он уезжал, я сильно плакала. Скоро папа прислал письмо, он писал, чтобы мы к нему ехали. И мама, и я очень боялись ехать так далеко, от Красноярска до Норильска две с половиной тысячи километров на север. Но потом мы все же собрались в дорогу.

В Норильск ехать очень долго и интересно. Из Красноярска до Дудинки мы ехали Енисеем на пароходе. Дудинка уже за Полярным кругом. Приехали мы в Дудинку летом, но там еще лежал снег – так далеко она на севере.

Из Дудинки нам нужно было проехать в глубь тундры еще 120 километров.

Мы ехали несколько дней с обозом на лошадях. Обозы в тундре называются «аргиши». Ехать трудно, потому что лошади все время идут по болоту и глубоко проваливаются.

Потом мы пересели в лодку и проехали по маленькой-маленькой речке. Речка была очень мелкая – проедем несколько сажень и сядем на мель, еще проедем и опять сядем. На пути нам встретилось Боганидское озеро, по которому нужно было ехать десять километров. Только мы поплыли по нему, началась буря, и лодку чуть-чуть не перевернуло. Я заплакала, и все, кто с нами был, тоже испугались....

На станке Боганида прожили мы несколько дней и поехали потом по тундре на оленях. Летом в тундре ездить плохо. Кочки да кочки, все время трясет и кидает из стороны в сторону. У нас сани несколько раз опрокидывались. Перевернемся, упадем – и я опять в слезы.

Один раз я так сильно ушиблась, что у меня пошла кровь из виска.

Все думают, что в тундре ездят, как и везде, что там и деревни есть, и дороги. Это неправда. В тундре дорог нет, и все ездят здесь на память и по звездам. Вот и мы так ехали. Вдруг передовой олень увидел большой камень, подумал, наверное, что это зверь, и свернул в сторону.

Поселок Норильск расположен у больших Норильских гор. В этих горах очень много нашли угля, меди и никеля. Теперь здесь строят много заводов.

Мы приехали в Норильск в жаркую погоду, но горы были белые, потому что здесь даже и летом снег не тает. Так и лежит вечно. А зимой сугробы около гор бывают по восемь, даже по девять метров.

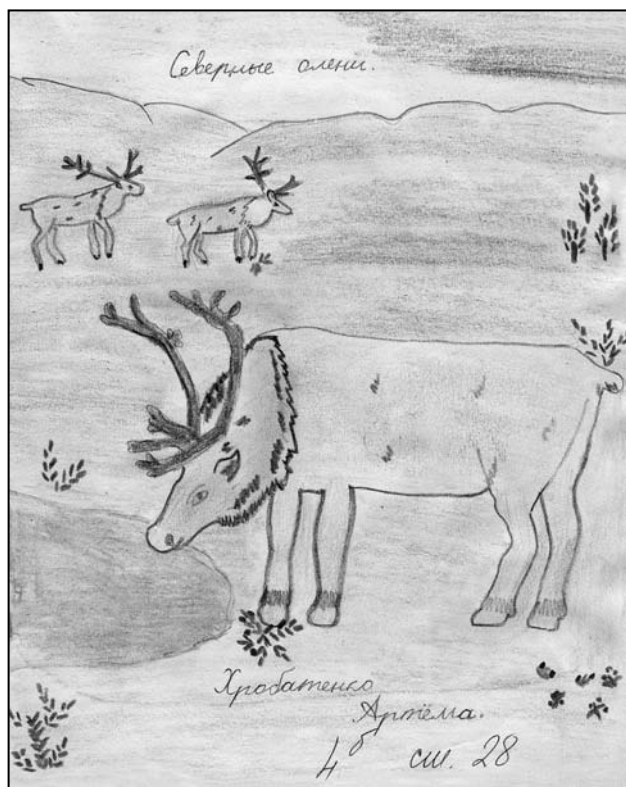
В Норильске я училась в школе. Мы с подругами много катались с больших гор на санках.

Теперь в Норильске строят железную дорогу до Дудинки, чтобы можно было уголь возить на Енисей и по нему отправлять на остров Диксон для кораблей».

* * *

Можно считать, что норильские школьники шестидесятих годов продолжили эстафету, начатую игарчанами в тридцатых.

Анатолий Львов

*Северные олени.
Рисунок Артема Хробатенко,
школа № 28, 4 Б класс*

НОРИЛЬСК И НОРИЛЬЧАНЕ

Мы растем

Я родилась в Норильске. Его строили мой дедушка и мой папа. Они приехали сюда, когда здесь была тундра. Я думаю, что Норильск – это мой город.

Когда я была маленькой, и Норильск был маленьким. Я расту, и город мой растет. Мне очень нравится наша улица – Ленинский проспект, наша школа, наш бассейн и каток.

Наш город окружен горами, и это очень красиво.

Когда я бываю в Москве, мои московские подруги завидуют мне, что я живу на севере.

Лена Куркова, 8 лет

Как погода?

Крепка семья норильских жителей. А если где-то на материке встречаются два человека, то первый вопрос:

– Ты откуда?

– Из Норильска.

– Друг, брат, земляк! Как здорово, что мы с тобой встретились! Ну, как живешь? Как погода-то в Норильске?

Люди, встречающиеся изредка и мимоходом, становятся очень близкими и родными далеко от своего города, от родной земли.

Галина Корейбо, 17 лет

Шаги по росе

Наш суровый климат делает нас лучше, душевнее, мягче. Когда мы приезжаем в другие города, мы встаем на рассвете, замечаем росинку на цветке, настроженно слушаем, как шумят деревья, и с на-

слаждением ощущаем запах вспаханной земли. Это Норильск научил нас быть чуткими к природе.

Женя Якубов, 16 лет

Чего, спрашивается, охать?

Некоторые думают: как там жить, в такой мороз? А когда им скажешь, что почти каждый день едим мороженное, охать начинают, и так на тебя посмотрят...

Татьяна Прutowых, 12 лет

Ни с чем не сравнимый

Я еще не могу назвать Норильск своим городом, потому что живу здесь только два года. Еще когда жила на юге, я много слышала о Норильске. И представляете: когда я приехала в Норильск, то разочаровалась. Не то чтобы совсем разочаровалась, но я увидела обыкновенные здания, улицы, обыкновенные заводы и фабрики, обыкновенных людей...

Первые дни в Норильске мне было скучно. Хотелось назад домой. Это потому, что меня здесь встретил осенний дождь, во-вторых, я сначала не могла разговаривать по-русски. Но шли дни, месяцы, я пошла в школу. Конечно, норильскую школу я не могу сравнить со своей старой. На Украине я училась в восьмилетней сельской школе, в которой было около 200 ребят. И вот я попала в такую большую, светлую, в которой около 1700 учеников. Сначала было страшно, что не смогу учиться в такой школе. Но у меня быстро появились друзья. Мне очень нравились классные и комсомольские собрания. Понравились ребята. Они веселые, остроумные, добрые...

Потом наступила зима, норильская зима. Да, не сравнишь эту зиму с материковой. Но, несмотря на погоду, все веселы. Мне кажется, норильчане – самые веселые люди!

А летом Норильск еще лучше. Мне нравится ходить на озеро, в тундру.

Норильск ни с чем не сравнимый город. Он молод, но мне кажется, что это старый, все видевший город, наверно потому, что здесь люди отовсюду, и каждый привез в Норильск что-то свое...

Люба Насгиенко, 16 лет

Самая красивая улица

Я живу на Ленинском проспекте. Наша улица названа в честь великого Владимира Ильича Ленина. Ленинский проспект очень красивый. Особенно зимой, по вечерам, когда небо синее-синее и везде огни.

А еще красивей проспект летом, когда тысяча людей движется по тротуарам, а сто машин – по дорогам, на которых нет снега. А посередине зеленая трава. Она сама не растет, ее специально сеют, чтобы было красиво.

Ильичу понравился бы его проспект.

Куда бы я ни уехала, всю жизнь я буду помнить свой дом на Ленинском проспекте.

Оля Корсакова, 9 лет

Улица Комсомольская

Наша улица Комсомольская ближе всех к озеру Долгое. Оно никогда не замерзает, но зимой холодно, а летом мы ходим купаться и загорать.

Рядом строится крытый стадион. Около нашей улицы есть телевышка. Она стоит на горе. С этой горы ребята любят кататься на санках и лыжах.

На нашей улице много реклам. Иду я в школу, читаю: «Слава труду». Иду из школы – вижу вывеску: «Хлеб, молоко», а иду на прогулку: «Пусть всегда будет солнце!».

Наша улица кончается домом, на котором нарисованы три ордена.

Ими награждены комбинат, геологи и комсомольцы.

Алеша Марченко, 8 лет

Улица Бегичева

Я приехала в Норильск, когда на улице Бегичева было всего три дома. Повсюду работали буровые станки. Они долбили вечную мерзлоту, тракторы подвозили железобетонные сваи. Работы не прекращались ни днем, ни ночью, ни в жару, ни в холод. И за десять месяцев выросла самая северная улица Норильска, которая носит имя отважного русского человека Никифора Алексеевича Бегичева.

Бегичев очень любил заполярную природу. Сначала был он моряком. Бегичев плавал на «Герцоге Эдинбургском», на шхуне «Заря», на миноносце «Бесшумный». Участвовал в поисках экспедиции Эдуарда Толля. Он был неизменным проводником и опытным руководителем экспедиций.

Однажды Бегичев на Таймыре нашел следы нефти и тем самым показал, что в недрах полуострова таятся ценные ископаемые. Советские геологи подтвердили это. Сейчас на Таймырском полуострове добывают никель, медь, кобальт, уголь, открыты большие залежи газа, откроют и нефть.

Наша улица далеко от центра города и тем более от предприятий и учреждений, где работают наши родители. Но им легко добираться туда, потому что по всей улице ходят автобусы. Вместе с жилыми домами строятся детские сады, школы, магазины.

Мне даже не верится, что здесь, в этом суровом краю, где Бегичев погиб от цинги, вырос такой город. Всю зиму норильчане ели яблоки, апельсины, мандарины.

Если бы Бегичев увидел наш город!

Лена Еселевская, 11 лет

Про небоскребы и белых медведей

Я не хочу, чтобы Норильск накрыли стеклянным куполом. Ведь тогда не будет видно неба, настоящего неба! Я не хочу, чтобы в городе росли большие дере-

вья, чтобы и у нас было тепло. Это странно, но я не хочу этого. Ведь Норильск оттого и Норильск, что здесь холодно, что здесь часто гостят пурги, что бывают холодные, прекрасные северные сияния.

Это север, и зачем из него хотят сделать юг? Для этого есть настоящий юг. Это даже интересно: читать в газете, что где-то уже нет снега, отцветают подснежники.

Меня один раз спросили: «У вас в Норильске много белых медведей?». Наверное, представляют Норильск так: большая белая пустыня, посреди ее стоят несколько домиков, а вокруг – ничего. Но ведь это совсем не так.

У нас начинают строить высотные здания. Я обязательно буду жить в 15-этажном доме на одиннадцатом этаже.

Почему именно на одиннадцатом? Да потому, что на пятнадцатом, мне кажется, высоко, а на восьмом и десятом как-то низко.

Я буду видеть весь Норильск. И никогда не наскучит смотреть в окно. Самолеты будут летать совсем рядом. И солнышку веселее: ему ведь надоело играть только с облаками.

А посмотри вниз! Там город, там люди. Они отсюда кажутся маленькими. Но они добрые и большие, эти люди.

Зоя Биячуева, 13 лет

Хоть камни с неба!

Я приехал на Талнах в 1961 году 3 сентября. Здесь было всего несколько балков. Нас поселили в одном из них. Мой отец стал работать монтажником, а мама – в столовой. Взрослых на Талнахе было мало, а нас, ребятшек, и того меньше – всего 6 человек. Мне было пять лет. А когда мне стало шесть, родился мой брат Сергей. Он был первым из всех, кто родился на Талнахе.

Зимой у нас стояли морозы. Ветер доходил не знаю до каких метров в секунду. Когда я собирался на

улицу, мама всегда говорила, что хоть камни с неба вались, я все равно пойду.

Летом мы ходили за ягодами и грибами. Играли. Солнце не заходит. Стоит полярный день.

Когда мне исполнилось семь лет, школы здесь еще не было. Пришлось ехать в город. Когда я кончил первый класс, я опять приехал на Талнах. Нам дали квартиру в двухэтажном доме. И школу построили.

Теперь я живу на Талнахе и учусь в пятом классе.

Вова Горбачев, 12 лет

Добра и солнца!

Мне очень нравится после каникул приезжать в свой город, бродить по его новым улицам, узнавать старые и восхищаться: «Как ты вырос, Норильск!»

И еще я люблю на материке отвечать, когда меня спрашивают и даже когда не спрашивают: «Я из Норильска!» Это всегда ошарашивает и побуждает к вопросам. И тогда я рассказываю про свой город. Иногда я немного преувеличиваю, но делаю это из любви к Норильску.

Я желаю своему городу еще больше добрых людей. Ведь если в городе люди добрые, то и город добрый.

И еще я желаю своему городу солнца. Пусть оно станет для Норильска еще ласковее, еще ярче.

Я желаю своему городу как можно больше цветов. Пусть они растут на всех улицах и площадях, на всех окнах и балконах.

Но душа его пусть остается прежней. Пусть Норильск останется молодым и веселым романтиком.

Тамара Кудрявцева, 14 лет

Снегодуй, повелитель ветров

Шел сорок первый год. Стране был нужен металл из Норильска. И норильчане добывали руду, плавили металл. Но когда в город приходила пурга, работать

было очень трудно. Прекращалось движение на железной дороге. Пути заносило снегом. С лопатами на трассе выходили тысячи рабочих.

В это время в Норильске жил Михаил Георгиевич Потапов, инженер-путеец. И пришла ему в голову мысль: «А что, если заставить пургу расчищать дороги?»

Вместе со своими товарищами он начал разрабатывать новую конструкцию снегозащитного забора, который бы не задерживал снег, а помогал ветру проносить его через дорогу.

И вот первое испытание. Щиты поставили вечером. Рабочие, ставившие щиты, относились к ним скептически. Мол, бесполезная это затея. Но к утру дорога была чиста от снега.

Вновь и вновь уходила группа Потапова в тундру. Изучали направление ветров, рельеф местности. Конструировали новые щиты, ставили их, испытывали. Защищали город от пурги.

В мае 1945 года орденами и медалями наградили 337 норильчан. Среди них был и мой дед, Михаил Георгиевич Потапов.

Человек издавна заставляет ветер работать на себя. Это парусники, и ветряные мельницы, и многое другое. Теперь он выполняет еще одну работу – расчищает дороги.

Люди едут по норильским дорогам, и немногие знают, кто придумал эти щиты и что был такой человек, которого называли Дед-снегодуй.

Да это и неважно. Главное – дороги работают.

Михаил Курков, 13 лет

Бой за жизнь

Недавно Норильск чествовал главного хирурга города, заслуженного врача РСФСР, кандидата медицинских наук Виктора Алексеевича Кузнецова. Ему исполнилось семьдесят лет. Сорок пять из них он отдал спасению человеческих жизней, двадцать

пять лет врачует в Норильске. На его глазах и при его участии хирургическая служба нашего города прошла все этапы роста – от продуваемого ветрами низенького барака, где раны зашивали оленьими сухожилиями, до великолепной клиники, самой совершенной аппаратуры, позволяющей осуществлять сложнейшие операции.

В Норильске Виктора Алексеевича Кузнецова знает каждый.

Мне довелось один день находиться на работе у Виктора Алексеевича. Я видел один из тысячи его трудовых дней, и это впечатление – на всю жизнь.

День главного хирурга города начинается с пятнадцатиминутки. В девять часов в большой кабинет Кузнецова собираются все врачи хирургического отделения, и начинается разговор о предстоящем дне. Но вот пятнадцатиминутка закончилась, и врачи стали расходиться по рабочим местам. Я подошел к Виктору Алексеевичу и сказал о цели своего прихода. Он внимательно оглядел меня и проговорил: «На операции? Что ж, можно!» И молча повел меня к операционной. Когда мы вошли, я услышал чей-то насмешливый голос: «Опять школьники! Виктор Алексеевич, вы с ними, как наседка с цыплятами!» Виктор Алексеевич серьезно ответил: «Я думаю о завтрашнем дне медицины. Кто же, как не они, станут врачами? И я хочу, чтобы они знали медицину, видели ее».

Кузнецов пошел мыть руки. Мыл долго, отчаянно растирая щеткой. А я ждал начала операции. Операционная сияла белизной: кафельные стены, простыни, салфетки и бинты, блестящие стерильные инструменты – все поблескивало в ярком свете большой лампы. Пока больному давали наркоз, Виктор Алексеевич объяснил мне: «У этого мужчины непроходимость кишечника. Он обречен на смерть. Я оперирую его, установлю причину непроходимости, постараюсь избавиться от нее». Через несколько минут подошла операционная сестра и сказала: «Больной под наркозом!» Виктор Алексеевич встал у стола.

Операция началась...

Три часа длился бой за человеческую жизнь.
Больной будет жить!

Сергея Альтов, 14 лет

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАВТРА

Последний урок

В громадном здании школы, освещенном голубым светом люминофоров, тихо. В центре зала, в маленьком кресле, сидит робот. О, это очень умный робот. Правда, он уже старый, говорят, что его система давно снята с производства. Он и сам чувствует, что становится стар. Вот уже несколько лет он работает в школе. Ребята очень любят старого робота. Он часто рассказывает о Земле, на которой прошло его детство.

...Сегодня он дает свой последний урок.

Когда в зале установилась тишина, металлический голос начал свой последний рассказ:

«Сегодня я хочу рассказать вам еще об одном городе Земли. Он особенно дорог мне: в нем был выплавлен мой титановый корпус. Это город, где прошли мои юные годы. Это Норильск.

Представьте себе небольшой город из низких пятиэтажных кирпичных домов. Вокруг него заводы и рудники. Норильск – на редкость удачный город. Он наделен несметными богатствами, которые так нужны Человеку. Да, это замечательный город. Город построен на мерзлом грунте, поэтому он приподнят над землей и находится как бы на воздушной подушке. Это город снегов и метелей, город белых и солнечных ночей, город лунных полдней.

Таким я его помню. За многие годы он совсем изменился. Норильск – первый город, над которым был сделан пластиковый купол. Это избавило его от сурового климата. В Норильске был построен самый

крупный в те годы космодром и, наконец, в нем был создан научно-исследовательский центр Ледовитого океана. Норильск превратился в один из самых крупных городов Земли.

Одно время городу угрожала гибель, так как после растопления льдов океана он неминуемо должен был опуститься в грунт. Но люди Земли не допустили этого. Под городом был возведен пластиковый фундамент.

Я много бы отдал, чтобы взглянуть на свой родной город».

Это были последние слова старого робота.

Борис Кадушкин, 16 лет

Примите заказ на дождик

В городе четыре пляжа. У озера Пясино, у Норилки, у реки Талой и у реки Талнашки.

На «сковороде» можно за несколько минут пролететь в Сочи или в цветущую пустыню Гоби.

Можно подать заказ на дождь по улице Нансена или на солнце, на теплую погоду у санатория «Лама».

Больниц в городе нет. Никто не болеет, потому что все занимаются спортом и закаляются.

У гостиницы «Север» стоят ракеты. Сюда приезжают с далеких планет марсиане, луняне, юпитеряне.

Ира Бенедиктова, 12 лет

Грамм порошка и здоров

Если кто-нибудь захочет пойти в кино, ему не придется ждать автобуса. Стоит встать на одну из дорожек, каких много на тротуарах, нажать кнопку, и дорожка сама повезет прямо к кинотеатру.

Норильчане будут летать на другие планеты. Может быть, не в Москве и не в Ленинграде, а в Норильске ученые изобретут лекарство, которое излечивает

от всех болезней. Вот, например, заболел человек раком, ему не надо делать операцию, только дадут один грамм порошка, и он будет здоров.

Хотя Норильск изменится, он все равно останется лучшим городом в мире.

Вова Сивко, 11 лет

Стоит нажать кнопку...

В классе на доске можно будет писать без мела. Под доской будут кнопки, нажал на кнопку – и число на доске.

Саша Скобелев, 7 лет

Иду по улице Лемешева

28 декабря 1999 года, час дня. Только что закончился рабочий день. Я работаю на контрольном пункте медеплавильного завода-автомата. Это красивое здание из стекла и железобетона. В цехах – ни одного человека, бесшумно вращаются двигатели. За всем этим я наблюдаю с помощью телеустановок. У меня пятичасовой рабочий день.

После окончания смены я вышла на улицу. Обычно езжу домой в метро, но сегодня хочется пройти по знакомым улицам. Навстречу идут веселые, элегантно одетые люди, встречаются знакомые с елками в руках, все улыбаются, во всем чувствуется праздник. На улице тепло, падает пушистый снег.

Норильск – город с искусственным микроклиматом. Потребовалось много труда, чтобы добиться этого. Понятие «Крайний Север» утратило традиционный смысл.

Норильск – это город вовсе не с тропической растительностью, каким когда-то представляли его будущее. Декабрь и январь – зимние месяцы. В городе чистый здоровый воздух, не видно ни одной дымящей трубы. В теплицах и оранжереях круглый год выращивают овощи, прекрасные цветы и южные фрукты.

И куда бы ни зашел – в магазины или больницу, на завод или в подъезд дома – всюду сразу чувствуется нежный аромат цветов.

За городом на искусственном озере песчаный пляж. Летом не обязательно ехать куда-то за южным солнцем, потому что в Норильске лето ничуть не холоднее.

Когда-то Норильск отделяло от Москвы пять часов, а сейчас один час пятнадцать минут – больше времени отнимает поездка по городу.

Иду по улице Лемешева. Она названа именем человека, первым ступившего на Марс, он норильчанин.

В окрестностях города сохранена тундра и климат более суровый, чем в Норильске, но и там не бывает сорокаградусных морозов. Это любимое место отдыха норильчан.

Валентина Степняк, 16 лет

Вечная профессия

Некоторые мои товарищи уверены, что через век-другой профессии строителя не станет, так как всю землю чем-нибудь да застроят. Я с этим не согласен. И земли хватит, и морского дна, и неба. Необходимо будет улучшить то, что уже воздвигнуто, строить орбитальные станции в космическом пространстве, воздвигать города на Марсе, закладывать фундаменты в другой Галактике...

Виктор Кузнецов, 13 лет

«Снежгород-2»

Прочитал почти четыреста разрозненных листков, еще не соединившихся в книгу, и сел писать страницы, отведенные для меня в макете, – третью, четвертую и пятую. Давно нарисованная обложка скоро станет переплетом – и все.

...Школьники Норильска, сорок тысяч авторов, отдали учителям свои сочинения на любую из сотни предложенных тем, или придуманную лично, в апреле 1998 года. Полное собрание этих сочинений заняло бы не менее восьмидесяти томов (томиков, как тот, что у вас в руках). Учителя литературы выбрали три тысячи работ, я скрепя сердце отложил в сторону 2500... Правда, среди них оказались и списанные, что не удивило.

Дело в том, что тридцатью годами раньше, в апреле 1968 года, норильские дети уже писали о себе и снежном городе. То был первый «Снежгород», и он тоже собирался на моем столе. Поэтому уловки соавторов мне известны. Впрочем, как тогда, так и теперь, уверенности, что в книжку не проскользнули чужие или продиктованные родителями строки, конечно, нет. Но ведь мамы и папы плохого не посоветуют! Многие участвовали в создании «Снежгорода». (Кстати, кое-кто из выпускников-68 успели стать бабушками, дедушками и литературными героями своих внуков, хотя их пятидесятилетия еще впереди и придутся на первый год нового века.)

Кто лучше справился с заданием, авторы какого «Снежгорода»? Трудно сказать. Не портрет, так набросок коллективного автопортрета, полагаю, получился в обоих случаях. Похожа неизбывная влюбленность в родной край и город. Патриотами, как и раньше, остаются даже покидающие Норильск навсегда.

Но время изменилось, будто век прошел. Год за три! Отцы клялись: «Так на свете жить, как вождь великий жил!» Сын, не подозревая аналогии, заявляет: «Когда вырасту, стану адвокатом, чтобы защищать права горняков». Про юриста Ульянова он и не слышал, про юного Володю не читал. В 60-е гордились: «Хозяин тундры – советский человек, куда ни посмотри – кругом угольные насыпи». Нынешние «зеленые» искали бы и нашли нарушителя экологической дисциплины...

Не потому, что такие мудрые (инфантильности хватает и в новом поколении). А потому что воспитывали их уже по-другому: «Высывайся! Самовыдвигайся! Не все верно, что приходит сверху, стыдись собственного безмыслия, без тебя народ неполный!»

Не могу утверждать, что люди стали счастливее за те же годы, но безусловно раскованнее, свободнее, откровеннее. Это естественно – путь к демократии далек и долог. Однако факт, что вступают в жизнь совсем другие дети. С

новыми детскими болезнями, но с видом на невыдуманное будущее. (Им бы равных возможностей для начала!)

Хорошо бы издать под общей обложкой оба «Снежгорода», разделенных тридцатилетием: «Я мечтаю посетить Мавзолей» и – «Мы полетим на Каймановы острова». Или: «Разве не волшебные руки воздвигнули на вечной мерзлоте дома пятиэтажные?» и – «Как это можно было жить без компьютеров?». Но «Снежгород-2» из-за сложностей, возникших после августа-98, выходит с опозданием в полтора года и тиражом, который иначе как пробным и не назовешь.

Или начать эту северную энциклопедию со знаменитой книжки «Мы из Игарки», что появилась в 1938 году. Удивительно светлой, в которой, понятно, ни слова о черных годах... О Норильлаге норильчане, юные и взрослые, узнали совсем недавно.

Год за три... В далеком городе – гораздо севернее Игарки – в трехстах километрах за Полярным кругом, за Обью, Волгой и Енисеем, если смотреть из Москвы, даже в наше время с его непредсказуемостью, за год, пока рукопись отлеживалась, рубль дешевел, а М. Тайсон переставал быть

Талнах.

Первые дома, 1967 год

*Талнах.
Бассейн в детском саду, 1970 год*

кумиром. Произошел рывок вперед, замеченный Россией. Норильск вынырнул из долгов и невыплат, замахнулся на самые высокие технологии в цветной металлургии и горном деле, приступил к освоению новых месторождений, к цивилизованному переселению пожилых горожан в средние широты, собирается использовать атомные подлодки для доставки на «материк» платины и палладия даже посреди зимы... (Не तोплюсь ли, издали принимая желаемое за действительное? Вряд ли.) Зная годы каторги и репрессий, годы расцвета, перестройку, а за ней и упадок, Норильск возобновил подъем в гору.

Приятно, когда грустные страницы стареют: книга на глазах становится историческим документом (на радость авторам). Спасибо Норильску, его детям всех поколений, а особо – одному из авторов «Снежгорода» Н. Бурухиной (Казанцевой) за идею повторить опыт. Лучше или хуже, но еще одно мгновение истории запечатлено. На переломе эпох. На стыке дат. На исходе тысячелетия. Это не тот миг, который хочется остановить. Но как не надеяться на будущий век, если даже окраина России обещает так много, рождая светлые умы и желание работать?..

Анатолий Львов

МАЛАЯ НОРИЛЬСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

АКТИРОВКА. Я родился в городе Норильске. Моя мама тоже родилась в Норильске. Она учительница, а я ученик. Мы в одной школе. Я люблю свой класс, новых друзей, свою учительницу. Но больше всего мне нравятся «актировки», когда не надо ходить в школу. Об этом объявляют по радио. В детском саду активировок не бывало никогда.

Виталий Дуков, 8 лет

АМБАРКА. Летом мы всей семьей любим отдыхать на реке Амбарка. Собираемся в пятницу, а в субботу, рано утром, захватив полные сумки продуктов, торопимся на автобус, который идет в Алыкель. В автобусе народу много, все хотят отдохнуть на природе. Я люблю сидеть у окна и смотреть, как природа оживает после морозов и пург. Маленькие деревья и кусты наполняются силой, свежестью. Березы тянут к солнышку тоненькие веточки с живительным соком, они зазеленели.

Вдруг автобус остановился, и нам пора выходить. А вот и Амбарка! Это удивительно красивая речка, окаймленная скалами с одного берега. Она протянулась на несколько десятков километров от истоков до озера Пясино. Раньше сюда приходила рыба на нерест: осетр, нельма. Вода в реке такая холодная, чистая, что виден каждый камушек на дне. А какой чистый воздух! Голова кружится от аромата распустившихся цветов.

Высоко в небе кружится птица конюк, она зорко следит за своим гнездом, в котором скоро появятся птенцы. Я решил пройтись вдоль реки. Недалеко нашел красивую ромашковую поляну. Желтые глазки у ромашек доверчивые, добрые. Сорвешь цветок – обидишь такую красоту... Лучше полюбоваться.

Сергей Федулов, 13 лет

БЕРЕЗЫ. Иногда я захожу в скверик на стадионе «Заполярьник». Там мне посчастливилось познакомиться с березой, которую я с гордостью называю своей. Она стоит в богатом белом наряде, издали похожа на застывший фонтан. Вокруг моей березы небольшие сугробы. Они охраняют ее в долгие полярные ночи от крепких морозов и буйных ветров.

Когда я подхожу ближе к скверу, то становится смешно. Ведь сугробы напоминают маленьких слонят! Слонята – блестят! Береза моя не одинока. Вокруг нее ведут хоровод ее подружки. У них ослепительно-белые наряды. Зима одела их в снежные сарафаны. Кажется, что они вот-вот оживут.

Светлана Зубарева, 11 лет

ВАЛЕК. Раньше это была станция узкоколейки, потом – рыбацкая деревушка, поселок мостостроителей, база геологов. И всегда на Вальке любители выращивали овощи. У нас там тоже есть маленький домик и огород.

В начале июня солнышко уже хорошо пригревает, и мы, когда копаем грядки, раздеваемся по пояс, хотя вокруг огорода еще лежит снег. Но от работы нам жарко, и от земли идет теплое испарение, хотя у нас здесь и вечная мерзлота. Я собираю червяков из земли в старую кастрюлю, чтобы ходить на рыбалку.

Не успеешь моргнуть глазом, как деревья вокруг огорода зазеленеют. Между грядок и под изгородью расцветут белые ромашки. Наступит красота.

В конце огорода, под горкой, есть озеро. Дедушка поставил туда мотор и протянул шланги по всему огороду. Нам дают поливать грядки. Когда стоят жаркие дни, мы обливаемся из шлангов, бегаем и визжим.

Недалеко от нашего огорода есть еще одно озеро, большое. Мы ходим туда плавать. Рядом с нашим домиком находится домик «моржей». И весной, когда еще лежит снег, или поздней осенью, когда стоят холода и мы уже в пуховиках перекапываем грядки, «моржи» ходят плавать на большое озеро, а

мы бегаем на них смотреть. Мы почти все лето живем в своем домике на Вальке, мне там очень нравится, там весело.

Богдан Криворучко, 12 лет

ВЕСНА. По календарю уже давно весна, а в Норильске еще морозы. И все-таки по некоторым признакам можно определить наступление весны. Солнце все больше задерживается на небе. Ночи становятся светлее и короче, день длиннее. На крышах появляются сосульки такой величины, что пишут объявление: «Осторожно! Сосули!» В конце весны солнце греет хорошо, и снег тает быстро. Сугробы превращаются в большие лужи, потом вода сбегает по склонам в тундру. Вода не впитывается в землю, потому что там внизу вечная мерзлота. Поэтому в тундре много болот. Прилетают птицы, которых не встретишь на материке. Они начинают строить гнезда на озерах, заселяют самые укромные уголки. Строят гнезда из сухих травинок, веточек, пожухлой травы. На реках начинается ледоход. Льдины, похожие на белоснежные корабли, несут на себе бочки, ящики, доски, потерянные геологами и охотниками.

Еще долго будет идти борьба между снегом и солнцем, пока весна не победит. Это происходит в июне.

Руслан Гасанов, 11 лет

* * *

Апрель. Снова ожил наш родной город. С утра до ночи кипит работа на улицах. Трактора чистят и убирают снег, который намело за долгую полярную зиму. Большие машины вывозят снег за город. Прощай, зима!

Стало светлее и теплее на душе. Теперь у нас во дворе весело. Все ребята выбегают на улицу, радуются солнышку. Жаль нам снежную гору. Зато будет площадка для игр.

Дмитрий Ромаданов, 9 лет

ГАЛЕРЕЯ (картинная). В самом первом зале встрети­лась картина, на которой изображена женщина в кресле-качалке. Она гладит симпатичную кошечку. Мне показалось, что я не увижу картины лучше, чем эта. Но, когда мы прошли дальше, внимание привлек­ла замечательная посуда из глины. Впервые попав на такую выставку картин, я не переставала удивляться увиденному.

Потом – «Пионы». Они, как живые, заворажива­ли и притягивали взгляд. Хотелось подойти и поню­хать, потрогать бархатные нежные лепестки.

Ваза с букетом, как в зеркале, отражалась в ла­кированной поверхности стола. Опавшие лепестки придавали картине прелесть и грусть. Ведь летом красота живых цветов меркнет очень быстро. Даже не успеваешь ею насладиться вволю. А на картине этот момент можно остановить, не дать красоте исчезнуть, любоваться ею дома. От этого исчезают дурные мысли, наступает покой, блаженство и радость.

Ольга Береговая, 10 лет

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ. В Норильске нет таких замечательных примет, как в Москве, но наш город имеет самые глубокие рудники, музей, театр, картинную галерею, художественный салон и много­много другого. У нас есть свои дворцы, клубы, кино­театры и даже институт. Все это имеет свою ценность для людей и для города в целом, но не этим привлекает Норильск, не своими культурными учреждениями. Это что-то большее, непонятное, неосознанное. «Се­вер отнял немало спрессованных лет, а вот дорог он чем – непонятно».

Например, в Москве не сохранился первый до­мик, а у нас он есть.

Татьяна Матвеева, 15 лет

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. В нашем городе есть железная дорога, самая северная и одна из самых коротких на Земле. Еще пятнадцать лет назад без нее не могли

обойтись. Когда мой папа был маленьким, в Норильск из Талнаха и обратно ходила электричка. Она возила рабочих на стройки, рудники и обогательную фабрику. Сейчас все больше и больше железную дорогу вытесняет автомобильный транспорт. Но железная дорога до сих пор остается самым надежным и экономичным транспортом. Очень часто утром, слушая прогноз погоды, мы узнаем, что все дороги на «Надежду» закрыты. И даже, когда не идут автомобильные колонны, железная дорога продолжает работать. А как приятно после долгого похода за грибами и ягодами или рыбалки сесть в теплую и мягкую электричку! Или когда отправляешься ловить корюшку на Енисей.

Раньше очень долго пытались построить железную дорогу с материка в Норильск. Потратили огромное количество средств и человеческих жизней. Но дорога как будто мстила, уходя все время в болото и мерзлоту. Возможно, когда-нибудь ее построят, и пойдут скоростные поезда из Москвы и Красноярска в Норильск. Но в XXI веке, кажется, этого уже не произойдет.

Дмитрий Леонов, 12 лет

ЗООУГОЛОК. Когда меня спрашивают, где я живу, отвечаю: «В самом прекрасном уголке Норильска». Окна нашего дома смотрят в тундру, летом ярко-зеленую, усыпанную веселыми ромашками, зимой – заснеженную, голубовато-белую, загадочную, несравненную.

Другой моей гордостью был зооуголок, который, к несчастью норильчан, разрушен взрослыми, не нашедшими финансов для любимцев публики. Все звери и птицы – тигр, львенок, лисята, волчата, медведь, дикобраз, пони, бараны, ослик, обезьянка, кабан, павлины, попугай, куры, индюки – приносили радость нашему городку, но не окупали затрат, что и явилось причиной катастрофы.

Но я-то помню, как все там было.

Справа жила черная пантера, грациозная, изящная, восхитительная. Я могла любоваться ею часами, приносила угощения (мясо, колбасу), и она меня узнавала; казалось, что красавица отвечает мне нежностью.

Чувство страха у меня всегда вызывал верблюд, мне казалось, что он непременно плюнет, поэтому мимо него я проскальзывала мышкой.

Обезьянка была веселой, но злючкой, она старалась не только схватить конфетку, но и прикусить пальчик.

Очаровывал меня павлин. Маленькая изящная головка с хохолком, цепкие глазенки, роскошное, фантастическое оперение завораживали, восхищали окружающих.

Я помню каждую зверушку, я с ними прощалась с горечью и слезами.

Звери «распроданы поодиночке», а люди лишены радости и доброты, потому что ничто так не воспитывает добрые чувства, как общение с животными.

Ирина Самохина, 13 лет

ИМЯ. Есть варианты ответа.

1. Текла речка. На ней удили рыбу. Шест, на который крепили сеть, продевали из лунки в лунку. Норило (ныряло) – так его называли.

2. А ньорил по-юкагирски – болота, которых здесь видимо-невидимо.

3. Есть еще шуточная версия. Идя по улице, в какую бы сторону ты ни поворачивался, ветер все равно дует в лицо, то есть, «на рыло».

4. А последняя версия не шуточная, но фантастическая: на Север привезли людей и заставили строить заводы прямо на мерзлоте. На завтраки и обеды давалось очень мало времени и самой еды. И этот город назвали Морильск. А спали они на нарах. Значит, Нарыльск!

Александр Грейвер, 8 лет

ИСТОРИЯ. Когда-то, давным-давно здесь, на месте Норильска и Талнаха, была непроходимая болотистая лесотундра с тучами комаров. Здесь можно было увидеть хитрую лису, нахальную росомаху, злобного волка и очень много песцов. Это сейчас они ушли глубоко в тундру, подальше от людских глаз и городского шума.

На нашей таймырской земле появились сначала палатки геологов, потом бревенчатые домики. А потом уже за геологами пришли сюда строители, горняки, врачи.

И постепенно на вечной мерзлоте вырос огромный город. Удивительно здесь все: и природа, и погодные условия, а особенно – люди.

Володя Ясицкий, 8 лет

* * *

У нас дома есть книжка рассказов о Мангазее – первом русском заполярном городе (автор Белов М.И.), есть «69 параллель», «Звезда Заполярья», «Сквозь пургу», «Полярные горизонты» и есть, конечно, «Снежгород», по сочинениям ребят в 1968 году. Моя мама тоже писала сочинение в ту пору, но оно не попало в сборник. Зато там есть сочинения ее одноклассников. Мы достали книжку и перечитали сочинения, как они классом ездили на зимних каникулах в Ленинград, и про их мальчишек, как они мерзли на берегу озера Долгое в клубе моржей. У нас есть даже фото, где они лежат на снегу, словно на пляже. Очень интересно!

Мне кажется, историю интереснее узнавать у своих близких, кто долго прожил в Норильске. Мою маму родители привезли в 1955 году, а папу в 1956 году, они уже больше сорока лет тут живут. Мама жила возле горы Шмидта в поселке, который назывался ЦУС – центральная угольная сортировка. Все лето дети играли на горе, их поселок был таким маленьким. И мама говорит, что она после материка

не могла понять, почему не темнеет, а ее заставляют идти домой спать. Она из Ставрополя приехала, там почти черные, хоть летом, хоть зимой, ночи.

На горе еще были лагерь с заключенными, там было огорожено колючей проволокой. Детей ругали за то, что они там гуляли, и родители их пугали зэками, но они все равно там играли, рвали цветы. Мама с родителями ходила на Зуб-гору по грибы и ягоды. На выходной они ездили в город гулять и фотографироваться. Любимое место было озеро Долгое и Комсомольский парк, на холме, где теперь бассейн. Там была танцплощадка, играла музыка, стояло много скамеек, дорожки посыпали битым красным кирпичом, а края их обкладывали уголками побеленного кирпича. Было много кустов и ромашек с колокольчиками. На озере давали лодки напрокат, и мама с родителями каталась.

Папа говорит, что город кончался улицей Советской, а на том месте, где Дворец Культуры, было озеро, он с братом катался там на плотках и даже один раз тушил там брата, когда тот от костра задымился.

Когда я поеду в отпуск, то у бабушки расспрошу что-нибудь интересное о ее жизни в Норильске. Дедушку я даже не видела: он давно умер. Работал он на шахте «Норильская» и на руднике «Заполярный».

Мария Мишкина, 14 лет

КАЙЕРКАН – один из городов норильской орбиты, ближний к Енисею, железнодорожная станция. Во время изысканий под трассу здесь были открыты (1940) огромные запасы угля. В 1943 году первые двадцать пять будущих жителей были поселены в трех километрах от нынешнего города, на берегу реки Каларгон. Через год населенный пункт Кайеркан представлял собой два барака для заключенных (они же – первые шахтеры), два дома для охраны, конюшню и еще несколько построек.

Слово «Кайеркан» долго переводили, как “долина смерти” – не очень точно, однако не без оснований.

На самом деле по-долгански слово означает препон, барьер, препятствие. Так или иначе, с 1946 года здесь живут и вольные люди, в 1949 году Кайеркан получает статус поселка, а в 1982-м официально становится городом. Долго единственной улицей оставалась Строительная (дорога была бетонированной, а тротуары деревянными). Между тем, в Кайеркане, в основном, жили шахтеры – работники шахт и угольных разрезов. Когда же твердое топливо стал вытеснять природный газ, многие шахтеры переучились на добычу руды и переехали в Талнах. А жилой фонд Кайеркана пригодился и вырос в несколько раз, потому что к востоку от города построили Надеждинский металлургический завод.

В Кайеркане 1998 года больше тридцати тысяч жителей, среди них несколько тысяч школьников, самая старая школа – наша, 11-я, которой 1 сентября исполнится 45 лет. Наш директор недавно избран мэром (когда-то он, как и я, был в нашей школе первоклассником). Теперь я в десятом классе, и мне поручена летопись города и школы.

Екатерина Тедеева, 16 лет

ЛЕТО. На этой земле все прекрасно: и щедрость недр, и природа, потрясающая душу. Она одновременно и строгая, и нежная. Невозможно забыть жарки. Они прекраснее голландских тюльпанов на фоне полыхающего зарей неба.

Первые заморозки приходят в августе, зато солнечный день, хоть и один, но длится он шестьдесят семь суток.

Николай Козлов, 11 лет

* * *

Красива летом тундра. Уже за «железкой» попадешь в зеленый рай, где поют птицы, шелестят листья, травинки. Здесь я могу освободиться от шума города, от киосков, которые встречаешь на каждом шагу.

На турбазе такая природа, что мне, когда я отмечала там свой день рождения, даже не верилось, что я нахожусь на Крайнем Севере. Правда, шел дождь, но все равно мне очень понравилось, ведь и на материке бывает пасмурная погода.

Ольга Лебедева, 13 лет

* * *

Долгожданное лето. Солнце светит днем и ночью. В городе и в тундре все сразу расцветает. В тундре становится красиво, кругом голубые озера, чистый воздух.

Мы любим всей семьей ходить на выходные дни в тундру, бываем на турбазе и часто готовим шашлыки, но, правда, очень много комаров и мошек.

Ближе к осени появляются грибы и ягоды. Мне очень нравится собирать голубику, бруснику – они очень полезны.

Эля Сагдиева, 11 лет

МУЗЕЙ. Здание музея красиво и снаружи, и внутри. В музее нам показывали деревянный чум. Мы шли по мостику, а вокруг него было все искусственное: трава, деревья, птицы, змеи, болота и люди. Чум был покрыт оленей шкурой. Возле него сидели люди, которые одеты в оленьи шкуры. В этом чуме раньше разводили костер и над ним ставили котел.

Потом мы прошли в зал, где были картины. На них была изображена природа во все времена года. Про эти картины нам рассказывала экскурсовод. Мне экскурсия очень понравилась.

Светлана Бородина, 9 лет

* * *

Главное здание музея находится на центральном проспекте. В музее несколько залов, в каждом из которых проходят выставки на различные темы.

Один из главных залов – геологический. В нем собраны все драгоценные камни и полезные ископае-

мые, добываемые в Таймырской земле: медь, никель, платина и т.д. В геологическом зале можно увидеть также кости, например, мамонтов.

Еще один зал – о Норильлаге. Все экспонаты этого зала – подлинники. Это и старые доски с различными надписями, например, номера бараков, и кирпичи, которые выплавлялись на специальном заводе, и записки заключенных, и остатки заграждения из колючей проволоки.

Самый красивый из залов – краеведческий: костюмы тундровиков, оленья упряжь, карты. Посередине зала находится деревянный мост, а за его пределами расположены экспонаты, окруженные растениями и мхом, точно как в тундре. В музее также есть зал, рассказывающий о прошлом Норильского горно-металлургического комбината. Меня заинтересовал макет комнаты школьника 60–70 годов. В ней находятся барабан, портрет Ленина, символизирующие пионерское детство, о котором наше поколение знает не так уж много.

Рядом с главным зданием музея находится его филиал – деревянный домик геолога Урванцева.

Антон Беляков, 15 лет

НОРИЛЬСК. Я живу в Норильске, в самом северном городе, если не считать Талнаха. В Норильске работают горняки, металлурги, строители, геологи. В Норильске живут сильные и мужественные люди. Недаром говорят: «Север – край сильных». В Норильске доходит до 57 градусов мороза. Бывают черные пурги, когда ничего не видно. Автобусы ходят колоннами до городов Кайеркан и Талнах, где многие норильчане работают.

Норильск окружает лесотундра. Летом погода бывает жаркая. В тундре растут ягоды: брусника, голубика, морошка. Грибы: опята, маслята, рыжики, волнушки. Деревья: березка, елка, сосна. А еще тальник. Кедра нет.

Достопримечательность норильской природы – цветы жарки. Они, как огонь, оранжевые и занесены

в Красную книгу. В Норильске также есть охота и рыбалка. Охотятся на оленей и куропаток. В реке Норилке и озерах ловят омуля, хариуса, сига, налима, окуня и других рыб.

Купаться ходим на Долгое озеро. Катаемся на надувной лодке. Мне нравится мой город, потому что в нем живут мои родственники. Мой брат Женя, бабушка Галя, дядя Костя, мама и папа. Я горжусь, что я норильчанин.

Денис Кульков, 8 лет

* * *

Не так просто было построить его на вечной мерзлоте. Но выход был найден: дома поставили на сваях так, чтобы под домом была воздушная изоляция и дом как очаг тепла не нарушал бы покоя мерзлой почвы.

Норильск – обычный город с многоэтажными кирпичными и панельными домами, в которых есть все городские удобства. Но все-таки это город особенный, главным образом, по-своему местоположению.

Он не как Мурманск, у моря, согретого Гольфстримом, а в зоне сурового континентального климата, сочетающего в себе большие морозы с сильными ветрами и метелями. Но именно современный город, как «оазис цивилизации», позволяет людям жить и работать в окружении природы, враждебной жизни.

Дмитрий Zubов, 13 лет

* * *

Норильск – город, который находится на Крайнем Севере в Красноярском крае. Он родился вместе с комбинатом в 1935 году, ему было 18 лет, когда был присвоен статус города.

Норильск – далеко не прекрасный город во всех отношениях. Если бы не наркомания, преступления, бездомные собаки и кошки на улицах, сернистый газ

из заводских труб, маленькая зарплата и огромные цены, Норильск можно было бы назвать замечательным городом.

Светлана Комарова, 12 лет

НОРИЛЬЧАНЕ – люди обычные. У них, как у всех людей на земле, одна голова, две руки, две ноги. Они живут умом, эмоциями, работают, отдыхают дома у телевизора, ходят в театр, на дискотеки, занимаются спортом, искусством так же, как и люди в любом городе на нашей планете. Это так. Но...

Норильчане – люди особые. И не только потому, что у них в году одна ночь и один день, которые называют полярными. И не только тем, что зима у нас длится осенью, зимой и весной, а три времени года умещаются в трех летних месяцах календаря. Хотя и это накладывает своеобразный отпечаток на норильский характер, делая его стойким и невосприимчивым к мелким невзгодам.

Особенность норильчан проявляется еще в том, что на маленьком, занесенном снегом клочке земли, собрались люди из разных мест страны, бывшей когда-то Союзом национальных республик. Здесь они работают вместе, живут по соседству и общаются, передавая друг другу свои обычаи, смешиваясь вкусами и характерами, перенимая интернационализм, уважение к другим народам, терпимость и добросердечие, взаимопомощь.

В любой норильской семье готовят манты по-казахски, шашлык по-азербайджански, плов по-узбекски, борщ по-украински, долму по-армянски, пельмени по-русски и другие блюда традиционной русской кухни. В любой норильской компании поются песни и по-русски, и по-украински, и по-белоруски. Мы слышим здесь и вологодский говор, и рязанский, и московский, и гортанную речь, и мягкое «г».

Норильчанин – это особый менталитет, выделяющийся в любом другом городе «материка» своим

особым любовным отношением к природе, к любой травинке, цветочку, деревцу, к которым на «материке» привыкли, в отличие от норильчан, видящих большую часть своей жизни белый цвет природы.

Валериан Машьянов, 15 лет

НОЧЬ (полярная). Все живут, как люди, а у нас в городе есть такие явления природы, о которых в других городах не знают. Зимой температура может быть -5° и -30° в один день. То вдруг метель-вьюга, а то тишь-благодать. А вот в середине зимы наступает полярная ночь. Она продолжается декабрь и январь. В это время днем часа три серо, остальное время – темно. Можно и не определить, 10 утра или вечера. Но город освещается множеством лампочек и фонарей. А в праздники на Ленинском проспекте зажигаются тысячи цветных огней. И когда идешь по улице, то совсем не страшно. Дети ходят в школу и гуляют, не замечая отсутствия солнца.

Но дети особый народ. Им простительно. А вот взрослые... Они тоже какие-то странные: даже медведи впадают в спячку, а они ходят то в театр, то на концерт, то в спортзал.

Анастасия Шапран, 12 лет

* * *

Когда все погружается во мрак полярной ночи, в Норильск приходит прекрасный праздник – Новый год. Все становится торжественно тихим, лишь снежинки, искрясь в свете фонарей, мягко падают и ложатся на сугробы. Вокруг пахнет свежими веточками ели.

Норильчане возвращаются домой после последнего в этом году рабочего дня. Под их ногами скрипит снег. В окнах постепенно зажигается свет, и с улицы становятся видны блеск и красота рождественских елок.

Незаметно перестал идти снег, и на темно-синем небе ярко заблестели звезды. Норильск! Ты самый прекрасный город на свете!

Анастасия Каминская, 14 лет

ОДЕЖДА. Обычно день у норильчан начинается с узнавания прогноза погоды. Сонный сползаешь со своей кровати, со слезами на глазах, скидываешь свое теплое одеяло и в состоянии лунатика ползешь к градуснику или к телефону (если таковой имеется). По пути ты сшибаешь со столов мамину косметику, любимую ручку отца, пинаешь еще не проснувшуюся собаку, которая, нагло зевая, поворачивается на другой бок. И вот, наконец-то, ты доплелся до окна, за которым ты мечтаешь увидеть свой ненаглядный градусник, а что ты видишь вместо него! Одну льдинку, на которой повис иней! Какие приятные мысли льются в твоей голове при этой прекрасной картине!

Но тут мелькает одно из самых сокровенных желаний! Может быть активировка! Сон резко отходит от тебя, ты окрыленный подскакиваешь к телефону, набираешь заветные цифры. Раздается знакомый голос метеоролога. И он, наверное, с язвительным выражением на лице сообщает о том, что активировка только по 5-й класс, тогда как на улице -50°C , да еще и ветер 10 м в секунду. Твоя мечта дня обломилась, твое тело снова захватывает сон, и ты, по воле судьбы, идешь одеваться в школу.

Стягиваешь со стула свои 5 пар штанов, садишься на диван. Вы когда-нибудь надевали по 5 пар штанов?! Наверное, нет. 1-я пара – 2-я пара – 3-я пара – 4-я пара – 5-я пара, и ты чувствуешь себя роботом, потому что движения твоих ног до боли ограничены. Далее следуют три кофты и, наконец, ты подходишь к финишу своего одевания: сапоги, шуба, шаль, шапка – и ты готов к 1 утреннему подвигу (выходу на улицу).

Спустившись вниз (на 1-й этаж), ты дрожащей рукой в 3 парах варежек открываешь дверь и нехотя

выходишь на улицу. Тебя тут же захватывает мороз своими холодными жгучими пальцами, и ты становишься его рабом. Несмотря на твою теплую одежду, он проникает не то что до ног, а даже до костей! Он начинает одну из самых своих любимых игр костями. Легкий северный ветерок пощипывает тебе лицо, и ты никак не можешь понять, почему у тебя лицо постепенно становится белым? Опытный норильчанин знает, что у тебя легкое обморожение. А хотите рецепт от него? Нужно нательно растирать все лицо круговыми движениями! Способ-то хороший, но вот выполнить его трудно, не хватает рук для этого. Почему Бог не дал норильчанам дополнительных рук для этого средства? Ну да ладно, не будем сетовать на Бога из-за своей несовершенности. Можно воспользоваться вполне другим способом от обморожения, по секрету скажу его вам: лучше сидеть в такое время дома и не высовывать нос на улицу.

М. Сашнева, 15 лет

(Вышеизложенное – почти сплошная гипербола. При таких баллах жесткости в школу не ходит никто. – *Ред.*)

ОСЕНЬ. Совсем недавно я приехала в Норильск. Больше всего мне нравится осенняя тундра. Из окон нашего дома видны горы. Мне очень хотелось увидеть их вблизи. На выходные мы поехали к этим горам. Какие они красивые и величественные! У меня родилось желание залезть на вершину. Вдруг я увидела ягоды, которых ни разу не встречала раньше. Это оказалась княженика. На вкус она была мягкая и сочная, как малина, и я стала ее собирать. Вокруг, среди небольших желтовато-зеленых деревьев, была бордовая трава. Деревца хоть были и невысокими, но красивыми, и каждое передавало свое настроение и неповторимость. Незаметно для себя, я дошла до середины горы. Где-то внизу я услышала голос мамы, побежала вниз. А потом мы ловили рыбу в небольшом

озере. Несмотря на жаркий день вода была ледяная, а в оврагах лежал снег. Я первый раз ловила рыбу и весь улов отдала своему коту. Он остался очень доволен.

За эти выходные я забыла про все. Норильская природа – особенная. Я такой красоты никогда и нигде не видела.

Мария Крупка, 12 лет

* * *

Не каждый художник смог придумать столько разных цветов и оттенков. С одной стороны, осень в тундре немного скучна, одета в красно-коричневый цвет. С другой, это необыкновенный сказочный мир, в котором есть все и даже части других времен года. Деревья сбросили часть листвы, но для меня стали еще красивее. Ведь среди их нарядов видны изумрудный, огненно-красный и золотистый. Трава стала необычайно мягкой и пахучей, кое-где взрыт и приподнят мох. Стоят белоснежные березки, от которых так и веет свежестью. Около многочисленных озер встречаются елочки, они такие зеленые, и их иголки совсем безвредны. Дует теплый ветер, на земле, точно снег, лежит белый воздушный ковер, который по мягкости может сравниться с соболиным мехом. Кое-где виднеются стайки клюквы, ягоды созрели, налились соком и клонят ветку к земле. По голубым озерам идут маленькие волны, и в них отражается красота. В безоблачном голубом небе видны косяки улетающих птиц.

Ольга Заяц, 12 лет

ПРЕССА. В городе четыре совершенно разные газеты.

Первая – «Модем». Хорошая бумага, к тому же приходит в каждую квартиру, то есть, в каждый почтовый ящик, бесплатно. Одно плохо – в ней печатают лишь рекламу и объявления. Читать их неинтересно.

Вторая – «О'кей». Тоже неплохая бумага. Лучше

предыдущей она тем, что в ней печатается телепрограмма.

Следующая, посерьезней, – «Заполярный Вестник». В ней мало рекламы с объявлениями, но есть вещь, которая занимает четыре большие страницы. Это – политика. Нравится эта газета лишь бабушкам, которые, по-моему, ни в чем не разбираются, кроме политики. В общем – слишком серьезная.

И наконец, – «Заполярная правда». Ну, про эту газету ничего плохого не скажешь. Отличная бумага, много страниц – и про политику, и реклама с объявлениями, и «игротека» для детей (раз в неделю), и «хит-парад» с лучшими песнями, и даже интервью с интересными людьми. Последний плюс, с моей точки зрения, – там работает мой папа, Александр Арсеньев (это его псевдоним).

К сожалению, две последние газеты платные.

Ярослав Харитонов, 13 лет

* * *

Интересного мало. Есть ли что почитать в норильских газетах? Редко. Открываешь газету и тут же хочешь забыть о ней. Куда взгляд ни кинь – везде статьи о «лицах» комбината, интервью, в которых, как ни старайся, ничего нового не найдешь. И все это так пресно и вяло, что, читая газету, засыпаешь. Неужели журналистам трудно понять, что газета должна отражать интересы всех поколений, а не только дедушек и бабушек – ветеранов комбината?

Даже многие взрослые, увидев очередное «лицо», морщатся, а завидев статейку с «оптимистичным» названием, убирают газету подальше.

Я не спорю, информация о предприятии, о металле, о долгах нужна, но не в таком же количестве. Ярких, запоминающихся статей в наших газетах – пересчитать по пальцам. А хочется открыть газету и увидеть, например, интервью с действительно интересным человеком, в рубрике «Это было недав-

но, это было давно» прочитать про день рождения Максима Горького, а не директора рудника «Комсомольский».

Светлана Пагарцева, 16 лет

ПУРГА. Однажды с другом Митей мы решили пойти кататься на горку. День выдался солнечный. Был небольшой мороз. Мы взяли санки и пошли кататься. Нам было хорошо и весело. Вдруг подул ветер. Солнце скрылось за тучи. И мы даже не подумали, что начнется пурга, и продолжали кататься. В наших краях пурга нередко бывает. Ветер дул все сильнее, даже шапку сдувало с головы. Вначале снег падал большими хлопьями, а потом ветер подхватывал снег с крыш домов и дорог. Вокруг ничего не было видно. Все заволочило белой пеленой. Ветер сдувал с ног. Мы с Митей не знали, в какую сторону идти. Испугались и стали кричать, но вокруг никого не оказалось. Тогда мы решили добираться до дому сами. Схватились за руки. Шли, падали на снег. Ресницы обледенели. Снег набивался под одежду и бил в лицо. Мы были похожи на деда Мороза. Наконец мы пришли к дому. Когда зашли в подъезд, то посмотрели друг на друга и засмеялись. А до этого нам было не до смеха.

Артем Антипов, 9 лет

СВЯЗЬ (и новые информационные технологии). Несмотря на то, что Норильск находится далеко от центра страны, от таких крупных городов, как Москва и Петербург, тем не менее он очень развит в плане технологии. Здесь есть и пейджинговая компания, и спутниковая связь, и Интернет, не говоря уже о телевидении, радио. Коммуникации – одно из главнейших направлений развития Норильска. Вот, например, в холодный день ты сидишь дома, тебе скучно и нечего делать. Но у тебя есть компьютер, модем и доступ в Интернет, и ты, с его помощью, можешь попасть в любую страну, поговорить с миллионом других пользователей.

Норильск – город программистов. А все потому, что долги зимние вечера. Для меня компьютер – средство отдохнуть, заработок, способ самовыражения, вещь, прочно вошедшая в мою жизнь.

Андрей Блянкинштейн, 14 лет

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. Однажды, поздним вечером, мы гуляли с собакой. Вдруг небо засияло яркими огнями: зелеными, красными, желтыми. Цветные волны сверкали и переливались. Такое чудо бывает только на севере или в сказке. Поэтому в песне и поют: «Норильск – город-сказка». А это чудо – северное сияние. Не каждому довелось увидеть цветное великолепие.

Татьяна Обида, 9 лет

* * *

Мы праздновали Рождество. Вдруг я увидела, что за окном что-то сверкает. Подошла к окну и увидела там... северное сияние! Мне стало очень радостно! Позволила родителям, и мы долго смотрели на это чудо. Сияние сверкало зеленым, желтым, красным – искрилось и переливалось. Это было великолепное зрелище! Но больше всего меня удивило то, что это северное сияние происходило в ночь на Рождество Христово! Мы с родителями решили, что Иисус Христос решил послать нам эту красоту в подарок, чтобы мы были счастливыми.

Мария Башарина, 11 лет

СТАРЫЙ ГОРОД. Для кого-то – название модного ночного клуба, а для меня – олицетворение прошлого Норильска, моя историческая родина: Горная, Заводская, Озерная...

На Октябрьской улице стоял трехэтажный дом, где жила моя прабабушка, Емельянова Нина Михайловна. По тем временам, дом был просто вели-

колепным: каменный, с просторными лестницами, украшенными резными перилами, высоченными потолками... И не беда, что в каждой квартире ютилось по три-четыре семьи. Жили дружно и весело.

Через дорогу – Долгое озеро. На берегу его скромный памятник из серого бетона, воздвигнутый в честь неизвестной девушки. Судьба этой таинственной героини долго волновала воображение моей мамы. Несколько лет назад памятник снесли, остался лишь постамент.

Прабабушка работала в гастрономе "Енисей". Мама любила ходить к ней на работу. Можно было встать за прилавок, можно было часами бегать по прохладным, гулким складам-подвалам, а можно, разинув рот, любоваться механической куклой, выставленной в витрине.

Время жестоко к людям. Нет уже дома на Октябрьской. Осенью ушла из жизни, в возрасте 85 лет, моя прабабушка, пережившая страшную войну, вырастившая троих детей. Но Норильск еще жив. А пока существуем мы, жива память о тех, кто его строил.

Юлий Темиров, 12 лет

ТАЛНАХ. Однажды мы возвращались из Норильска домой на экспрессе. Я сидел рядом с папой. Плавно покачиваясь, автобус держал путь на Талнах. В салоне были мягкие, удобные сиденья, просторные, задернутые голубыми занавесками окна. Убаюканный монотонным гулом двигателя, я глядел на припорошенные снегом ели и полярные березки, на скованные льдом тундровые озера. Неожиданно папа произнес: «Этот город моей юности». Я заинтересовался и узнал, что дорога, по которой мы едем, – легендарный вальковский тракт. После этого папа поведал мне историю этого тракта...

Первые годы Норильского комбината, когда все грузы стройке доставлялись водным путем через Пясину по этому тракту, пробиваясь через снежные заносы и болота, натужно ползли тракторы с обору-

дованием, лесом, продовольствием. Это единственная ниточка, связывающая заполярный Норильск с огромной страной, была проложена наспех, насыпью кое-где сооружалась из снега и льда. Когда построили узкоколейку от Норильска до Дудинки, жизнь на вальковском тракте замерла. Только геологи не забывали дорогу на Талнах.

Вторая половина трассы от Норильска до Талнаха упирается в Хараелахские горы. Ее тридцать шесть лет назад проложили геологи Западно-Хараелахской разведочной партии. В стужу и под дождем шли они по этой трассе, намеченной на карте беглым пунктиром. Врезались топорами в талнахскую «тайгу», поднимались на крутые холмы, набирая полные сапоги болотной жижи. За ними оставалась просека, на которой вскоре зарокотали бульдозеры. И днем, и ночью ревели самосвалы, ссыпая в дорожное полотно скалу.

В июне 1960 года к отрогам Пудоран пришли геологи. Редкостная удача улыбнулась им – они наткнулись на породы, содержащие руду. А уже 18 августа этого же года геологи двумя тягачами повезли буровую вышку намеченной трассой, сопровождала их вся бригада Григория Лимонова. Нелегко давался каждый метр пути. То приходилось устраивать «лежневку» из лиственниц, то рубить просеку в лесу. Через трое суток в полночь буровая выехала через речку Талнашку в том месте, где сейчас находится мост. К концу следующего дня она уже стояла в намеченной точке и готовилась к бурению.

Новый поселок расположился в живописном месте у склона горы, в березовых зарослях. Пять балков и две палатки трудно было разглядеть в зелени леса. Работа на буровой вышке шла своим чередом. 24 августа буровая скважина КЗ-21 была забурена. А через двенадцать часов КЗ-21 дает результат: агрегат Григория Лимонова на девятом метре проходки засекает коренные габбродиабазы. Это – первая ласточка, рядом – большая руда! Это и было начало Талнаха.

В 1961 году срочно из Норильска перебрасываются буровые станки на Талнах. Западно-Хараялахская геологоразведочная партия резко увеличивает объемы бурения и проходки. В поселке появились уже своя баня, столовая, ларек. Ждут пополнения. А на том месте, где стоял первый балок, сегодня высится копер рудника «Маяк»...

Автобус бежит по широкой дороге, покрытой ровным слоем асфальта. Остаются позади лыжная база с причудливым долганским названием «Оль-Гуль» и четырехкрылое здание вальковской профилактория, крошечные огородики, возделанные самими, наверное, трудолюбивыми норильчанами, множество баз отдыха горняков, металлургов, строителей. Автобус мягко вкатывается на покрытие ажурного моста, соединяющего берега Норилки...

А в жаркий июньский день лета 1963 года никакого моста еще не было. Вода в Норилке пошла уже поверх речного льда, а на строящемся руднике «Маяк» образовался «затор» – кончился цемент. Нужно было доставить его срочно, как говорится, любой ценой. Но как? Собрали шоферов-добровольцев. Потом обратились к вальковским гидрологам. Они промерили лед и сказали: «Лед-то выдержит, но все равно рискованно». Водители подогнали груженые цементом «Татры» к берегу, с обеих сторон сняли с кабин дверцы. Стоя, одной рукой крутили баранку, нащупывая место для проезда, а другой рукой опирались о кабины, чтобы в случае провала льда успеть оттолкнуться и выпрыгнуть. Вода уже заливала сиденья...

И вот первая «Татра» коснулась правого берега! За ней подтянулись и остальные машины. Люди победили. Вся история Талнаха состоит из таких побед, негромких, будничных...

Мчатся по талнахской дороге «Жигули», самосвалы, молоковозы, автобусы. Бегут по рельсовым путям вереницы думпкаров, тяжело нагруженных рудой Талнаха. Из-за горы уже выглядывают копры «Комсомольского» – словно вехи, ознаменовавшие

собой половину пути, пройденного Талнахом. «Комсомольскому» недавно исполнилось 26 лет, а Талнаху – 36. По соседству с копрами на той же горе высятся девятиэтажки пятого микрорайона. Это сегодняшний день Талнаха. Вот он – город, заложенный сразу же после открытия талнахского месторождения – в то самое время, когда норильчане с левого берега посматривали на правый с тревожной и радостной надеждой. На вопрос: «Быть комбинату или не быть?» – талнахские геологи уверенно ответили: «Быть!» И начался штурм. И пошли фундамент за фундаментом, сооружение за сооружением. За геологами пришли строители, за строителями – горняки. Потом поселились и первые талнахские металлурги.

Талнах не обманул надежд геологов и поисковиков. Больше того – превзошел все ожидания. Расположенные здесь месторождения оказались действительно уникальными. Вот почему здесь один за другим выросли крупнейшие рудники отрасли – «Маяк», «Комсомольский», «Октябрьский», «Таймырский». Скоро к ним прибавятся «Скалистый», а за ним «Глубокий».

Михаил Кудревский, 12 лет

ТЕЛЕВИДЕНИЕ. Ему в Норильске сорок лет. Станции «Орбита» – тридцать. В нашем регионе есть несколько телекомпаний, как государственная, так и частные, например, «Наго-ТВ». Раньше здесь существовала телекомпания «Модем», мне она очень нравилась, потому что там работали интересные, энергичные молодые люди. Они выпускали интересные программы различных направлений. Как серьезные новости для взрослых, так и развлекательные программы для молодежи о музыке, о жизни и т.д.

После того, как владелец телекомпания обанкротился, почти все ее работники перешли в телекомпанию «Норильск», постепенно вытесняя там старых ведущих. С приходом новых, молодых сил, эта телекомпания как бы оживилась, появились новые

программы, ведущие. Теперь они собрались в новую фирму – «Северный город». Хотелось бы расширения телекомпании за счет студентов и школьников.

Ольга Скоробогатова, 16 лет

ФАУНА, ФЛОРА. Наша семья часто бывает в тундре. Даже когда выпадает первый снег. Мы были на Пясинских разливах, на речке Листвянке, на талнахских горах. Все мы поднимались высоко и видели наш город, хотя расстояние до него больше пятидесяти километров. Над городом почти всегда видны облака газа, а в горах пахнет цветами и травами. В конце мая, когда начинает пригревать солнце, на возвышенностях быстро тает снег и появляются сухая земля и трава.

В тундре деревьев немного. Это карликовая береза, лиственница, ель, различные виды кустарников. Зато здесь много цветов: полярных маков, гвоздик, ландышей, незабудок. В низинах, в сырых местах, растут жарки. Раньше их было очень много, но с каждым годом их становится все меньше и меньше. Теперь эти удивительные цветы занесены в Красную книгу. Еще здесь есть полезные растения, которые можно употреблять в пищу. Это щавель и полярный лук.

В этих местах много зверей и птиц, а в Норилке и в озерах водится рыба: щука, сиг, чир, омуль, нельма, ряпушка, сом. Весной в тундру прилетают гуси и утки, а также куропатки и полярные совы, которые здесь зимуют. Из зверей здесь можно встретить зайцев, белок, оленей. Есть и хищные звери: волки, медведи, росомахи. Однажды я собирал грибы и увидел маленького полосатого зверька. Это был лемминг. Он готовился к зиме: прятал семена в норку, готовился к зимней спячке. В конце августа в тундре поспевают ягода: брусника, черника, голубика, морошка, красная смородина, княженика. Высоко в горах растет рябина. В это же время появляются грибы: опята,

маслята, подберезовики, иногда встречаются подосиновики. Осенью мы приезжаем в тундру отдохнуть, пьем чай со свежими ягодами, фотографируемся на природе. Когда грибов и ягод уже нет, мы едим шашлык. Чтобы не разводил костер на земле, у нас есть железный мангал, и поэтому трава не выгорает.

В тундре много удивительных мест. Летом, в двадцатиградусную жару, среди цветов можно найти ложбинки, в которых лежит нерастаявший снег.

Андрей Большаков, 13 лет

УРВАНЦЕВ Н.Н. (1893–1985 гг.). «С Урванцева начинался Норильск», – так говорят жители нашего города.

Николай Николаевич не был коренным сибиряком, а родился в Поволжье. Но с 18 лет отдал всю свою жизнь Сибири. На Таймыр его пригласил потомок купеческой семьи Сотниковых, первых владельцев норильского месторождения меди. Урванцев составил отчет об этой экспедиции по просьбе А.А. Сотникова, расстрелянного в 1920 году. А в 30-х годах в этом тандеме узрели криминал. Впрочем, как я слышала, это был не единственный повод для преследования Николая Николаевича. Так или иначе, исследователь Норильского района с 1919 по 1927 год, в 1942 году он снова стал норильчанином. И уже до конца жизни, хотя жил он в Ленинграде.

Урванцев сделал много не только для Норильска, наносил на карту северные реки и острова, зимовал на Северной земле, испытывал первый механический транспорт в тундре. Сложенная им и его спутниками бревенчатая хижина стала первым домом будущего Норильска.

Урны с прахом Николая Николаевича и Елизаветы Ивановны Урванцевых (1893–1985 гг.) захоронены в Норильске. Так они завещали.

Светлана Пузикова, 14 лет

ХОЛОД. Холод в нашем городе – явление почти постоянное. В холодную погоду никто бы не отказался посидеть дома у камина, попивая горячий чаек. Но многим приходится выходить на улицу, идти в детский сад, в школу, на работу. Холод полюбить невозможно, но многие привыкли к тому, что по ночам от ветра трясутся окна, а днем, чтобы выйти в магазин, приходится надевать на себя чуть ли не весь зимний гардероб. Переносить холод очень трудно. Нередко можно увидеть на остановке застывшее лицо, по которому катится слеза. Можно подумать, что этот человек плачет, но это не так, просто от холода из глаз сами по себе катятся слезы, а человек, когда на улице такой холод, пять раз подумает, прежде чем снимать рукавицу.

Холод переносят по-разному. Например, я переношу плохо. Привыкнуть к холоду нельзя, но приспособиться – можно.

Александра Чумакова, 12 лет

ХРАМ. В 1991 году в Норильск был направлен священник. По случайному стечению обстоятельств, мой папа стал работать в православной церкви. Работая водителем, он часто брал меня с собой. Так однажды я попала в церковь и познакомилась с отцом Сергием. Церковь находилась в помещении, где раньше была прачечная. Поначалу было очень трудно. Трудности были не только в непригодном помещении, но и в отношениях с администрацией города. Но настрой городских властей не смог сломить целеустремленность отца Сергия. Его целью было построить храм. Сначала предполагалась стройка на площади Металлургов, но власти отказали. Место все же определили – площадку, на которой было здание пожарной службы. Некоторым из норильчан это место знакомо, как и рынок, который находился рядом.

Летом 1993 года в присутствии Епископа Красноярского и Енисейского Антония была произведена закладка камня. Вместе с прихожанами будущего храма, которыми была заполнена площадь, присут-

ствовал мэр. Все было очень торжественно, и это снимало телевидение. Начиналось торжество крестным ходом под церковные песнопения от существующего тогда временного помещения церкви на Набережной Урванцева. Все дороги были перекрыты работниками ГАИ.

На этом строительство храма закончилось надолго.

Забивка свай была произведена через год. И опять все встало, пока отец Сергей и прихожане не взяли дело в свои руки. Они подготовили основание храма для кладки кирпича, которую производили строители комбината. Сначала подняли стены малого храма Иоанна Предтечи, а затем церковь «Всех Скорбящих Радость».

Потом привезли, установили и освятили колокола. Сформировался приход. Теперь у отца Сергея много помощников. В малом храме ведется роспись стен. Работу ведут несколько местных художников. В строительстве принимают участие мастера из Красноярска и Москвы.

В 1995 году под руководством отца Агафангела была открыта церковно-приходская школа. В этой школе занимаются дети от 7 до 18 лет. А в 1997 году был создан детский церковный хор. Он поет на праздничных службах, выезжает в дом престарелых и в интернат. Закончилось основное строительство, но еще предстоит осуществить озолочение иконостаса, крестов и роспись.

Ирина Акилова, 17 лет

ЭКОЛОГИЯ. Когда я был маленький, каждые выходные папа уходил в тундру. Он большой любитель охоты. Мы всей семьей ждали, когда придет папа с гостинцем от зайчика. Папа всегда нас радовал: то принесет пушистый хвостик, то перышко от гагары, то лапку уточки. Однажды папа принес раненного в крыло гуся. Он прожил у нас целую неделю. Все время ходил за нами по комнатам.

Папа интересно рассказывал о животных, которых встречал в тундре. Мне хотелось скорее подрасти и пойти с папой в тундру, чтобы увидеть все своими глазами. И вот наступил этот счастливый момент. Осенью на выходные мы с папой отправились в его избушку. Я шел с надеждой увидеть какого-нибудь зверька. Меня поразила сама тундра. Все время я наткался на строительный хлам, металлический лом, встречались брошенные вагончики. Повреждена поверхность тундры вездеходами. Даже вода в Амбарке была ржавого цвета. Многие деревья и кустарники стояли засохшие. Как я ни вглядывался, но ни одного живого существа не увидел. И тогда я понял, почему папа перестал ходить в тундру. Газ, варварское отношение к природе губит все живое, делает нашу тундру все беднее и беднее.

Как бы мне хотелось, чтобы в тундре можно было увидеть, как и прежде, и как заяц промелькнет за кустом, и как пробежит олень, и как махнет пушистым хвостом песец.

Дерево, цветок, трава и птица
Не всегда умеют защититься.
Если будут уничтожены они,
На планете мы останемся одни.

Алексей Огурцов, 12 лет

ЮМОР. О нем не писали, но улыбнетесь над этой книжкой вы еще не раз.

ЯГОДЫ. Про них вы уже прочли.

Наталья Царева:

«Так начиналась школа»

В архиве А.Л. Львова сохранились еще два материала, связанные со школой. Один из них для местной газеты написала директор школы Наталья Ивановна Царева. (О ней в 11-м томе, с. 330–331, упомянул Валерий Чанчиков.)

В другом Олег Ремейко рассказал о встрече выпускников в Москве. На встречу они пригласили Анатолия Львовича Львова. Его рассказ о ней продолжает главу «Снежгород-3».

Наталья Ивановна
Царева

Наталью Цареву в сороковых годах знали в Норильске многие. Ее часто провожали кто восхищенным, а кто и удивленным взглядом, когда эта крупная женщина мчалась по улицам на мотоцикле. Она часто выступала на разных мероприятиях, ее ценили как активного опытного руководителя все, у кого в семье были школьники.

Хмурым осенним днем в сентябре 1939 года на пароходе «Спартак» вместе с семьей подъезжала я к Дудинке. Позади много тысяч километров пути, 21 год работы в школах Донбасса. Что ожидает впереди? Какая школа, дети?

Получила сразу два назначения – преподавателя немецкого языка старших классов и директора вечерней школы рабочей молодежи. В Норильске в то время

была всего лишь одна школа на улице Озерной. На том самом месте, где сейчас размещается начальная.

Это было деревянное одноэтажное здание. Стены внутри не оштукатурены, промежутки между бревнами законопачены мхом. И все же холод не беспокоил – классы обогревала школьная котельная. Учеников, особенно старшекласников, всего по шесть–восемь в классе.

В начале 1939 – 40 учебного года открылся десятый класс. Было в нем, как сейчас помню, всего два ученика – Барсуков и Соловьев. Класс пришлось закрыть, ребят перевели в Дудинку в интернат. Нагрузка у преподавателей была куда меньше, чем сейчас. Зато все свободное время мы отдавали общественной работе.

Мне, в частности, предложили заниматься местной национальной молодежью. И делала я это с большим удовольствием, потому что видела, как тянутся ребята к знаниям. Навещали их в общежитии, расположенном на пересечении Горной и Заводской улиц. Там жили ненцы, саха, долгане, нганасаны. Мы обучали их русскому языку, арифметике.

В январе 1940 года пригласили нас на зимнюю конференцию в Дудинку – норильская школа подчинялась в то время Дудинскому району. Зима стояла суровая, морозная, пуржило. Отправились туда, казалось бы, заблаговременно, за семь суток, а приехали, как говорится, к шапочному разбору – конференция закончилась. В пути поезд непрерывно останавливался – метели, заносы. Вагоны были мало приспособлены для отдыха. Хорошо еще, что в одном составе находилась вагон-лавка, развозившая продукты.

Первым директором Норильской школы был Евгений Прокофьевич Самсонов, впоследствии погибший на фронте, заведовал учебной частью Владимир Андреевич Елисеев (в прошлом году он уехал из Норильска). В школе работали знающие, любящие свое дело учителя: Лидия Сергеевна Савичева, Мария Михайловна Проскурина. Некоторые из них до сих пор преподают. Это Дония Александровна Волох, Борис

Данилович Сухомлинов, Анна Николаевна Кошеварова, Зинаида Яковлевна Коваленко, Варвара Георгиевна Гоготова, Лидия Сергеевна Васянович, Анна Михайловна Бартош, Мария Евгеньевна Галушкина и другие. Помню, не хватало преподавателей физики, черчения, химии. Тогда уроки вели инженеры – работники комбината.

В школе было очень тесно, поэтому новый учебный год учителя и наши воспитанники встречали в столовой, расположенной на Горной улице, там, где сейчас магазин №11. Установили елку – единственную в Норильске, украшений тогда еще не было. Детей привозили на санях, мела сильная пурга. Зато следующий год школьники встречали в новом спортивном зале, пристроенном к зданию школы. Елку на этот раз украсили блестящие игрушки, которые изготовили стеклодувы химической лаборатории.

Летом 1940 года дети впервые выехали отдыхать на Ламу. Август был удивительно хорош – солнечный, теплый. Дома стояли пока без окон и дверей. Пришлось затянуть их одеялами. Но это не смущало ребят, они радовались свежему воздуху. Вместе с пионервожатыми, воспитателями старшеклассники совершали увлекательные экскурсии на природу, ловили рыбу, собирали ягоду, грибы...

Всем запомнилось 22 июня 1941 года. Началась война. На фронт ушли директор, завуч и четверо ребят старшеклассников – все они не вернулись, погибли. Мне пришлось возглавить школу. Надо было ремонтировать помещение, не доставало материалов. Ребята пришли в классы, где еще не успела просохнуть краска. Под действием тепла образовались облака пара, на шаг ничего не видно. И все же дети старались, учились неплохо.

Однажды мы попытались озеленить территорию школы. Выкопали в тундре большие деревья и посадили их. Но они не прижились – опыта посадки на вечной мерзлоте еще не было. Пришлось газоны засеять овсом.

Школу посещали дети, жившие в отдаленных поселках. В лихую погоду ребята не могли добраться домой. Ночевали в школе, укрывались пальто.

Все свободное от уроков время ребята проводили в школе. Еще не было Дома пионеров, кинотеатров, клубных детских секторов, спортивных школ, где нынче юным норильчанам предлагаются всевозможные занятия. В школе наши воспитанники проводили пионерские костры, вечера, маскарады, викторины и т.д. Немало изобретательности проявляли пионервожатые и учителя, чтобы внеклассные занятия проходили весело и занимательно. Даже в самые трудные годы старшие товарищи находили возможность как-то скрасить жизнь детей, заботились о них. Так как в Норильске овощей почти не было, доставало витаминов, учащиеся каждый день получали по стакану хвойной настойки. Порой большого труда стоило учителям и врачам убедить ребят выпить это целебное горьковатое средство.

Время было тяжелое, шла война, и все же каждое лето школьники отдыхали за городом. В 1941 году был организован дневной пионерский лагерь на базе местного совхоза. Школьники помогали в полевых работах. Начиная с 1943 года, юные норильчане ежегодно отдыхали в пионерских лагерях в Таежном. Старшеклассники проводили каникулы в Курейке. В 1946 году шесть норильских школьников побывали во всесоюзной детской здравнице – пионерском лагере «Артек».

В 1945 году состоялись первые экзамены на аттестат зрелости. Все десятиклассники успешно закончили школу, Евгений Верник и Артемий Кашин получили золотые медали. Начиная с этого года и впредь наши выпускники успешно сдавали экзамены в высшие учебные заведения... Многие, окончив вузы, возвратились в полюбившийся им город. Это учителя, инженеры, врачи.

До 1947 года в Норильске существовало всего две школы-десятилетки: в поселке, называвшемся Ава-

Норильская школа № 1

рийный, и в черте города. Вслед за этим выросло новое здание в Соцгороде (нынче там комбинат производственного обучения), объединившее школы. В старых открылись начальные классы, которые постепенно переросли в семилетку и десятилетку.

Начиналась норильская школа с одноэтажного деревянного здания. А теперь наши дети – хозяева прекрасных многоэтажных корпусов с оборудованными кабинетами, мастерскими, спортивными залами.

Олег Ремейко:

«Мы продолжаем дружить и встречаться»

После окончания школы в «холодное лето 1953 года» большинство из нас – выпускников 10а и 10б классов, за школьные годы ставших одной командой, разъехались по разным городам. Некоторые остались в Норильске. Нам открылась большая, обновляющаяся страна. Появившиеся признаки свободы открывали даже у ребят с «ненормальной биографией» захватывающие перспективы. Новые коллективы, интересные вузы, поездки по стране... Мы как-то на время потерялись. Ну, может быть, не все. Некоторые ребята поступили, например, в горный институт. Так образовалось небольшое, но громкое норильское землячество (Борис Лисюк, Юра Захаров, Слава Акимов, Гена Гершунов, Володя Дрюцкий – 52 года выпуска. Джинар Карал-Оглы, Виталий Друй (53 год) – это ребята, хорошо известные молодежному Норильску). А многие растворились в суете середины 50-х годов. Было несколько потрясающих встреч выпускников в сквере у Большого театра. Некоторые потом переписывались... Но, в общем, подрастерялись...

И вот в декабре 1979 года Мила Замятина (иногда мы созванивались) буквально вытащила меня на встречу выпускников 52-го года, большинство из которых я, конечно, знал и помнил. И они нас тоже. Встреча проходила в Лужниках в одном из кафе. Борис Лисюк, Джим Грамп, Семен Калюсский, Виктор Родионов, Павел Лапинский, Майя Борун, Инна Вождаева, Инесса Евзерова и еще много знакомых лиц.

*Представители выпуска 1953 года О. Ремейко и Л. Замятина
на встрече норильчан, окончивших школу в 1952 году.
Москва, Лужники, 1979 год*

Некоторые ребята приехали из других городов. Было очень весело, все были рады друг другу, обнимались, улыбались, острили, гуляли по необъятной территории Лужников, фотографировались. Встреча не могла закончиться с закрытием кафе. Продолжение было у кого-то из «старшеклассников» дома.

После этого мы с Милой разработали план, как собрать наш выпуск в следующем 1980 году. Нужны адреса. Абсолютное большинство адресов оказалось у Вероники Пьянковой (Триф). Наша красавица училась в МГУ на химфаке, увлеклась, вышла замуж за аспиранта – румына и... оказалась в Румынии, в городе Клуж. Закончила местный институт, преподавала физику и химию в колледже, воспитывала сына и дочь, все у нее было, но, по-моему, при этом была тоска и ностальгия по Родине, юности, по общению с друзьями – норильчанами.

Итак, было составлено зажигательное приглашение и разослано во многие города. В Свердловскую область Лене Когану, в Зеленодольск (Татарстан) – Гере Дмитриеву, в Ленинград – Тане Медведовской, в Северодвинск – ее сестре Наташе, в Киев – Абраму Гузману, в Норильск – Володе Гольдбрейху, в Белоруссию – Гале Сапрыкиной и Тамаре Бейдер, в Переславль-Залесский – Нелли Пода, в Калинин – Нелли Леринман и всем, чьи адреса оказались в то время у нас. В Москве и Подмосковье собралась приличная по составу группа: Володя Ройтер и Люба Каманина (Ройтер), Инна Юрченко, Леля Мансурова, Марк Лисагор, Мила Замятина и я.

Пригласили нашего директора Бориса Даниловича Сухомлинова (из Норильска), учителей: Александру Дмитриевну Илюшину (из г. Пушкино Московской области), Бузунову Лидию Васильевну (из Новосибирска), Федотову Августу Александровну (из Киева).

*Наташа Медведовская, Джим Грамп и Таня Медведовская,
Москва, Ленинские горы, 1980 год*

*Олег Ремейко, Герман Дмитриев и Володя Ройтер,
Москва, Ленинские горы, 1980 год*

Нина Ивановна Голубцова, Вероника Пьянкова, Юра Стеблянко, Таня Русинова и некоторые другие наши одноклассники приехать в тот раз не смогли!

4 октября в центре платформы метромоста «Ленинские горы» произошла наша волнующая и трогательная встреча – ведь мы не виделись 27(!) лет. Нас оказалось вместе с учителями более 25 человек.

Все были безумно рады друг другу, приглядевшись, с приятным удивлением, узнавали знакомые с детства черты на немолодых уже лицах. После длительной прогулки по склонам Воробьевых гор, бурных воспоминаний и фотографирования отправились в грузинский ресторан в Теплом стане. Тосты, музыка, чудесные стихи, которые некоторые наши таланты подготовили к встрече, смешные и трогательные истории, прекрасное вино, привезенное Джинаром из Сухуми, слезы на глазах наших любимых учителей и директора – все это смешалось в приятный клубок впечатлений... Уже на улице, прощаясь, все поняли, насколько мал по времени был этот прекрасный

вечер. Все-таки, согласитесь, эта не была обычная, может быть, запоздавшая встреча одноклассников и учителей. Уникальность ее в том, что нас продолжали объединять воспоминания о суровом городе, необычных школьных годах и общей юности, прошедшей на изломе событий того времени.

Дома супруга и, особенно, дочь Галя (ей было 14 лет) завалили меня вопросами, уж очень неправдоподобно для них все это выглядело. Чтобы через столько лет, да из самых разных городов, да с такой страстью взрослые люди съехались в Москву для почему-то такой им необходимой встречи? Но на следующий день они их всех увидели у нас дома. Как-то звонок за звонком, один за другим собрались снова, просто не было сил разъехаться просто так. Никто специально не готовился, все произошло как-то спонтанно. Помню, Гера Дмитриев с удовольствием помогал моей супруге, Лоле, готовить плов. Володя Гольдбрейх привез из Норильска прекрасную рыбу. Джинар продолжал, как фокусник, откуда-то вытаскивать все новые и новые бутылки грузинского вина, зелень, аджику.

У нас дома. Гера Дмитриев и Галя Ремейко

Не могла не приехать к нам мама, хотя помнится, она была нездорова. Как радостно встретили ее ребята, узнали, конечно, своего первого детского врача, почти все были ее пациентами! Она была очень взволнована и тронута их вниманием...

Мои домашние очень внимательно слушали все рассказы, истории, тосты, рассматривали лица и старые фото, которые переходили из рук в руки. А потом уже Лола сказала: «Слушай, Олег, мне показалось, что все вы – словно дети одних родителей». Ее школьное детство прошло в Душанбе, и она с удивлением отметила, что как будто знает многих моих норильчан всю жизнь. Мне очень приятно, что Лола фактически была единодушно принята в почетные выпускники НСШ №1/53 и продолжает все эти годы верно нести это звание.

У меня сохранилось стихотворение очень любимого буквально всеми нами Геры Дмитриева, которое он прислал вскоре из Зеленодольска.

Послесловие к встрече, или по горячим следам 27-летия школьного выпуска

Мы встретились, кто на норильской земле
Ходил в нашу школу когда-то.
Все старые фото лежат на столе,
Мы снова в детстве, ребята.

Знать с возрастом юность дороже для нас,
Плевать, что не круглая дата.
Нам встреча нужна была только сейчас,
А ждать – невтерпеж нам, ребята.

Забыты полжизни, прошедшей в борьбе.
Мы встретились, словно солдаты.
Лишь детство мы помнили в нашей судьбе,
Все прочее скрылось, ребята.

Блестит у иных голова сединой,
Мы жизнью немного помяты.
Оплачен наш опыт немалой ценой.
Ведь жить – так непросто, ребята.

Конечно оставили годы печать.
И времени нам маловато,
На все чтоб вопросы друзьям отвечать
И спрашивать тоже, ребята.

На будущий сбор, чтоб ввести в комитет,
Нам надо найти бюрократа,
Составил чтоб он на основе анкет
Статистику нашу, ребята.

Мы вспомнили тех, кто нас в школе учил,
И солнечный диск без заката,
Холодные всполохи в долгой ночи
И лагерь «Таежный», ребята.

Нам старые чувства – как ветер принес.
И, ведая горечь утраты,
Набухли глаза от непрошенных слез,
И горло сдавило, ребята.

Знать, память о детстве в нас вечно жива,
И юность ушедшая свята.
Но как же бедны человечьи слова,
Чтоб выразить чувства, ребята.

Обнять бы вас всех и держать целый век,
Идеей единства объятых,
Да жаль, по сравнению с ней человек
Ужасно дискретен, ребята.

И если пробьют барабаны судьбы,
То мне под дубовым бушлатом
О вас все равно никогда не забыть:
Живите подольше, ребята.

Вы стали за дни, что провел я средь вас,
Мне ближе сестры или брата...
Уж трудно писать, что-то чешется глаз...
До будущей встречи, ребята.

А встреча должна повториться опять.
И снова – под смеха раскаты,
Хочу на прощание вам пожелать
Удачи и счастья, ребята!

Спонтанная первая встреча 80-го года перешла в традиционные встречи, которые продолжались, может быть, и не очень регулярно, но достаточно часто. Несколько встреч удалось организовать в пансионате – пионерлагере Центракадемстроля «Зименки» в 15 км от Москвы. Они обычно проходили в октябре, когда пансионат был практически пустым. Мы приезжали в пятницу вечером и уезжали днем в воскресенье, так что времени на общение, застолья, футбол, настольный теннис, бильярд и прогулку по осеннему, солнечному, мягкому от листвы подмосковному лесу было достаточно.

Бог и эпоха не обделили наш школьный выпуск оптимизмом, остроумием и чувством юмора. Может быть, эти качества накапливались несколько десятилетий и выплеснулись на встречах и в перерывах между ними.

Так, Леня Коган в шутливой форме написал и прислал из г. Сысерть (Урал) декрет, объявил себя Президентом (он же Учредитель, он же – Создатель). Всем остальным предписывалось «возрадоваться, согласиться и подчиниться». Отметил, что при его «психиатрическом стаже пора такое себе позволить» (напоминаю, что Л. Коган – врач-психиатр). Повелевал «традиционную встречу Действительных и Почетных Членов Клуба Пятого Октября, а также Членов-корреспондентов – обеих полов... провести 3 октября 1981 года в строгом соответствии с процедурой, разработанной достославным Оргкомитетом 1980 года...»

Встреча состоялась день в день...

Привожу в сокращении сообщение об этой встрече, неожиданно пришедшее через неделю из Киева.

«СООБЩЕНИЕ

**О встрече клуба 5 октября в 1981 году.
Ленинские горы – Зименки (близ Москвы)
12-00 3 октября – 18-00 4 октября**

Начало было строго по Уставу. Но потом началось отклонение. Очевидно, потому, что без нарушений вообще не бывает в жизни. За два дня до встречи Ремейко предложил Президенту собраться в пансионате «Зименки». Поколебавшись, Создатель согласился, проявив при этом государственную мудрость, здравый смысл и внимание к мнению верноподданных. Итак, после сбора на платформе, променада по Ленинским горам, фотографирования и первого обмена мыслями, мнениями и восклицаниями, весь наличный состав был погружен в специальный автобус и доставлен в пансионат. Ступив на землю, все так и ахнули. К нашим услугам были 2 спальных корпуса и банкетный зал, почти девственный лес вокруг и до невероятности прекрасная для поздней осени погода. В тот же день состоялся Товарищеский Ужин, который на следующий день перешел в не менее товарищеские завтрак и обед. Начатый ранее ОБМЕН продолжался, углубляясь, расширяясь и не прекращаясь. Играл оркестр (в магнитной записи). Буфет не работал ввиду его ненадобности (организаторы и так обо всем позаботились). Расходились дружно... В перерывах состоялись спортивные игры, прогулки по окрестным лесам и достопримечательностям, а также ни на минуту не прекращался ОБМЕН воспоминаниями, чувствами, мнениями...

Ужин проходил при явном руководстве Учредителя – Тамады. В первую очередь он предоставил слово двум Действительным Членам, не ужинавшим в прошлом году.

1. Лисаго заявил, что в начале ни о какой школе он не помнил и считал, что сразу после рождения стал ученым. Но потом он все-таки вспомнил Норильск, многих соучеников и учителей, за спиной у него выросли крылья, и он примчался на встречу.

2. Гузман ознакомил всех со своими ответами на вопросы прошлогодней анкеты...

Затем Ройтер огласил 2 протокола собрания 10 «А» класса (разумеется, бывшего), а Гузман прочитал протокол собрания 10 «Б» класса (тоже, разумеется...) и протокол собрания в комсомольском лагере.

Все протоколы переданы Миле Замятиной на вечное хранение.

Протоколы шли под смех собравшихся. В связи с этим кто-то заметил, что серьезно писавшееся когда-то стало через много лет смешным. Как покажется нам лет через 20 наша нынешняя писанина? Поэтому на всякий случай отметили, что данные записи пишутся не вполне серьезно. И вообще не следует слишком всерьез принимать собственную личность.

Ройтер рассказал историю создания комсомольского лагеря. В 1951 году в доме отдыха взрослые-отдыхающие видя, как школьники-отдыхающие что-то носят из магазина, естественно, возмутились (человеку свойственно позволять себе больше, чем другим). Поэтому было решено в воспитательных целях этих самых школьников в следующем году организовать. К чему это привело, видно из вышеупомянутого протокола. А учащиеся наших классов «А» и «Б» в результате упорной летней борьбы с воспитателями сплотились между собой и в дальнейшем выступали перед учителями единым фронтом...

...Ройтер заявил, что хотя все говорят о любви и дружбе, но только он и Каманина в результате этих хороших чувств сделали практические и далеко идущие шаги. Может быть, кто-нибудь и хотел ему возразить, но не смог, так как что правильно – то всегда верно...

...От имени Почетных Членов выступила Александра Дмитриевна. В общем и целом она нас похвалила. Нина Ивановна сохранила написанные некогда доклады некоторых из нас и на встрече раздала их зарумянившимся авторам. Здесь кто-то заметил, что никто из нас почему-то не стал учителем. Это не так. Ведь Пьянкова в Румынии преподает в средней школе...

...Пришли к мнению, что со временем мы начнем собираться с женами (мужьями) и детьми (внуками). Начало, собственно, уже положено – на встрече присутствовала и дружески в ней участвовала жена Ремейко Лола, а Каманина и Ройтер прибыли со своим младшим сыном Костей.

Была еще высказана мысль, что хотя наша молодость уже давно позади, еще неизвестно, какое время жизни у человека самое лучшее. Мы уверены, что у нас, вообще-то, оно еще впереди.

Дружеские, веселые, трогательные, добрые, юмористические и всякие другие тосты поднимали, кроме уже названных и упомянутых, Леринман, Друй, Сапрыкина, Мансурова, и большинство не по одному разу. (Хитрецы-организаторы раздобыли столь крохотные рюмашечки, что такое обилие тостов обошлось без последствий). Один Грамп тостов не произносил, но рюмку поднимал исправно, чокался в соответствии с Уставом и закусывал весьма крепко, что и было тонко подмечено Тамадой.

Новым Президентом объявлен Олег Ремейко, который вступает в должность с 1 января 1982 года.

Когда ровно в полночь наступит Новый год и мы поднимем бокалы, вспомним в этот миг о двух Президентах, передающих друг другу на расстоянии вахту по охране немеркнувшего огня дружбы, который мы проносим через всю жизнь.

Записано по памяти, далеко не полно,
но близко к истине и с наилучшими намерениями
А. Гузманом».

Шла оживленная, часто юмористическая, переписка между одноклассниками, в том числе «служебная» – по организационным вопросам, связанным с будущими встречами.

В стране (1986–87 гг.) всюду происходили перестроечные события, соответствующие органы, естественно, не дремали и лихорадочно отлавливали различные настроения в обществе.

Люба Каманина (Ройтер) вспоминает:

«Переписка между нашими организаторами шла в таком остроумном стиле, что ею заинтересовались некие органы, решив, что напали на хорошо законспирированную сеть.

Запомнились курьезные ситуации.

Так, в преддверии встречи 1987 года, живущему на Урале Лене Когану – снова с полного одобрения всех Участников провозгласившему себя Президентом нашего объединения – была отправлена шутливой формы телеграмма

из Москвы, в которой, во-первых, к нему обращалась как к Президенту, во-вторых, сообщалось, что сбор НСШ 53 – 80 (очень странный код?) состоится в Москве, и все участники должны быть в парадной форме. И подпись – оргкомитет(!?).

Уважаемый главный врач крупной психиатрической больницы был приглашен к начальнику почты, с которым по общегородским делам был довольно хорошо знаком. Главный почтарь г. Сысерть никак не мог начать прямой разговор, мялся, а затем с осторожностью стал задавать вопросы о деятельности какой-то подозрительной политической организации. Леонид некоторое время «водил его за нос», а потом со смехом рассказал о сути нашей организации. Тот, конечно, был очень расстроен, так как выдал себя, дав понять, что он на самом деле оказался втянутым в глупейшую разборку...

Другой курьезный случай произошел уже со мной. Я была вызвана ректором института, где работала, для выяснения вопроса об организации под названием НСШ 53-80. Дело обстояло следующим образом. Шла подготовка к очередной встрече осенью 1987 года. Оргкомитет разослал приглашенным участникам порядка тридцати писем следующего содержания (привожу выдержку):

Дорогой друг!

Московская группа неформального объединения НСШ 53-80 после перерыва, вызванного ремонтом станции «Ленинские горы», считает, что ждать больше нельзя, и объявляет о возобновлении пленарных годовичных собраний.

Сбор назначается на 2 октября 1987 г. в 18 часов в Москве на смотровой площадке на Ленинских горах неподалеку от лыжного трамплина.

Отсюда в 18.45 заказной автобус отправится в пансионат Зименки, где ты проведешь два дня в кругу друзей...

Некоторые вопросы

1. ... (адрес Ройтер Любови Алексеевны).
2. Можно приглашать на годовичное собрание родных и близких в качестве полноправных... его участников.
3. Поощряется представление на годовичное собрание своих трудов (например, литературных) и плодов своих трудов (например, садово-огородных)...

Подмосковье, Зименки-Валуево, 1987 год

Предупреждение:

Твое немотивированное должным образом неучастие в годичном собрании будет рассматриваться в нашем коллективе как:

- а) признак потери тонуса,
- б) жизнь под гнетом капитала,
- в) чрезмерное увлечение индивидуальной деятельностью во вред нашему общему делу.

Короче, ждем и надеемся на скорую встречу.

Группа товарищей из Москвы и ближайших окрестностей».

Эти письма отправляла Инна Юрченко из подмосковного Троицка. Компетентные органы, изучив содержимое писем (кажется, это называется «перлюстрация» – тайное вскрытие пересылаемой по почте корреспонденции – из Современного толкового словаря русского языка, Москва, РД, 2004), определили место моей работы по адресу, указанному в письме.

Ими было поручено ректору разобраться со всем этим и представить соответствующий ответ.

Ректор вызвал меня, очень взволнованную и смутившуюся столь необычным вызовом, и повел такой разговор: органами якобы был задержан некий подозреваемый человек, в записной книжке которого был записан мой адрес. Они (органы) в недоумении, как могли попасть мои адресные данные

к этому человеку. Добавляет затем, что там же, в записной книжке упоминаются какие-то Зименки, где должна состояться встреча объединения НСШ 53-80.

Вот тут-то я догадалась, о чем идет речь, и со смехом рассказала о предстоящей встрече одноклассников из Норильска, которые окончили школу в 1953 году и первая необычная встреча которых состоялась в 1980 году.

Ректору было не до смеха. Он с головой выдал себя и своих «коллег».

Вот такие были времена».

Прибывали все новые участники: Вероника Пьянкова (Триф), Юра Стеблянко, Виталий Калманкин, Лена Куликова. Часто на наших встречах бывал душой примкнувший к «младшему» классу Джим Грамп. В одной из последних встреч в Зименках очень заинтересованно участвовал хорошо знакомый нам норильский летописец А. Львов. На этой встрече Джим живописно и иронично рассказывал о своей большой поездке в США по приглашению своих многочисленных по линии матери абсолютно незнакомых родственников. Из воспоминаний о Норильске, которыми делились безостановочно почти все, всплывали все новые и новые истории и детали, очень дорогие для всех нас.

Потом «Зименок» для нас не стало – прошла приватизация Центракадемстроля, «Зименки» были проданы, и поездки в чужой уже пансионат стали невозможными.

В 2003 году – в год пятидесятилетия окончания школы, но тоже в октябре, встретились в Москве, сначала у Володи Ройтера, а на другой день – у нас. Снова, хотя нас было уже не так много, за столом засветилась не только карта России, но и СССР. Галя Сапрыкина – из Минска, Джинар Карал-Оглы – из Сухуми, Таня Медведовская – из Санкт-Петербурга, Наташа Медведовская – из Северодвинска, Юра Стеблянко – из Майкопа. Инна Юрченко – из Троицка Московской области, недавно проявившийся Борис Иванов – из Петропавловска на Камчатке, директор института, академик Российской Академии естественных наук.

*Москва, 2003 год. Встреча друзей-норильчан,
выпускников 1953 года Норильской средней школы № 1.
Прошло 50 лет!*

*Слева направо, нижний ряд: Люба Каманина (Ройтер),
Леля Мансурова, Таня Медведовская, Наташа Медведовская,
Галя Сапрыкина.*

*Верхний ряд: Володя Ройтер, Мила Замятина, Инна Юрченко,
Олег Ремейко, Джинар Карал-Оглы, Юра Стеблянко*

Ну и мы, москвичи, семья Ройтеров (Володя и Люба), Леля Мансурова (уже прабабушка), Мила Замятина, Марк Лисагор, Виталий Друй, Олег Ремейко.

Уже совсем родные, домашние и очень близкие друг другу, заметно сдавшие внешне, но вполне еще молодые душой, договорились о своих будущих встречах не только по юбилейным датам.

Очень прискорбно, что в эти годы ушли из жизни Борис Данилович Сухомлинов, Джим Грамп, Виталий Калманкин, Нелли Леринман, Гоша Бенкалюк, Сергей Чирков, Александра Дмитриевна Илюшина. Связь с некоторыми нашими сверстниками и учителями, к сожалению, прервалась.

Мы часто видимся на наших семейных встречах, днях рождения, продолжаем совместно вести некоторые наши рабочие дела, видимся на встречах «шестидесятников», бардов, переписываемся и созваниваемся.

Заканчиваю свои воспоминания о Норильске. Соснаательно связываю некоторые события нашей жизни, приведшей нас – семью и многих наших близких – в этот заполярный город, с временами нынешними.

«Ничто на земле не проходит бесследно»...

Наша норильская юность тоже.

Послесловие. Взгляд на нас со стороны.

Статья А.Л. Львова

Хочу полностью привести статью А. Львова, опубликованную в Норильске после его посещения нашей встречи в Зименках.

Газета все-таки – это однодневное событие. Вряд ли у кого-то из наших ребят сохранилась хотя бы ксерокопия этого доброго, теплого рассказа уважаемого норильского летописца, очень удивленного тем, что он увидел.

В этом же номере в шутовой колонке В. Толстов характеризует автора так: Львов А.Л. – норильский журналист, публицист, историк, социолог, а также наставник и рассказчик. Единственный в мире человек, знающий всех заметных норильчан по имени-отчеству.

Итак.

А. Львов. «Групповой портрет с Борданом и Стеблем».

Судьбы.

Мне кажется, этот материал должен быть близок и понятен любому. Где бы человек ни работал и кем бы, или даже если он уже забывает о том, что с ним было вчера, – но это-то каждый помнит до гробовой доски. Во всяком случае – множество деталей, лиц и имен... Свой школьный класс.

Я собираюсь рассказать о выпускном классе норильской школы №1, разбежавшемся по институтам и заводам летом 1953 года. Ровно сорок лет назад.

Замысел споткнулся о совершенно необычное обстоятельство. Я бы его назвал феноменом.

Покопайтесь-ка в памяти и назовите соучеников из параллельного класса. Допустим, вы учились в «А». Сколько назовете из «Б»? Один...два...три... Все?

Три года назад я получил телеграмму с приглашением на встречу бывших норильских школьников. Мне предлагалось, приехав в Москву, позвонить по нужному телефону. Не ответит – есть запасной. На крайний случай – еще один. Пароль – Норильск. Связные: Мансурова, Ройтер, Ремейко.

Фамилии я знал: они принадлежали главбуху комбината давних времен, известному строителю и достаточно известному врачу-педиатру. Мне предстояло встретиться с их детьми, наследниками, москвичами, которых странным образом продолжал объединять Норильск.

Почему пригласили меня? Видимо потому, что когда-то писал о семье Стеблянку, упомянул о встрече одноклассников Юрия Тимофеевича в 1983 году, а кое-кого перечислил... Далее следовало:

Разъехались во все концы, но связь поддерживается – между Сысертью Свердловской области и Зеленодольском Татарской АССР, Казахстаном и Латвией, тем более между Ленинградом (Татьяна Кузнецова) и Северодвинском (Наталья Бабайлова), ибо речь идет о родных сестрах, бывших Медведовских. Надо полагать, не упускают друг друга из виду Георгий Бенкалюк, один из руководителей Литовского пароходства (прилетел на 50-летие родной школы) и Джинар Карал-Оглы, начальник Сухумского морского порта. Хорошо бы «подновить» данные о (еще пять имен)... А многие по-прежнему в Норильске (еще шесть – А.Л.).

Мы составляли этот список, каждое имя вызывало у Стеблянку какие-то ассоциации, а я думал: до чего жаль все же... Вести дневники, истории классов и школ, записывать родословные многим кажется старомодным, необязательным, даже не очень нужным...

Прошу прощения за самоцитирование. Оно имеет прямое отношение к теме. «Заполярка» с этим текстом дошла до дальних адресатов, и я не без удовлетворения отмечаю этот факт, ибо какие-то люди предпенсионного возраста у станции метро «Университетская», выход в сторону МГУ, на моих глазах передают номер газеты из рук в руки: «Тут и про тебя...».

Оргвопросы пропускаю, вы уже поняли, кто здесь собирается, охает и ахает, обнимается и вытирает тушь... А потом автобус и несколько личных машин следуют за город, и Зименки (чем не островок Норильска?) – традиционное место встречи, дом отдыха, построенный для ученых, – открывают свои ворота.

И тут я постепенно догадываюсь: не стремясь к этому, меня обманул Ю. Стеблянко. И как замечательно я обманулся! Может быть, Юра не обратил внимание на мое слово «одно-классники», когда диктовал список. Может, я сам пропустил мимо ушей: речь идет сразу о двух классах выпуска 1953-го... Меня насторожила «Явка»: не может такой быть, нереально! И действительно, здесь бросались в объятия не только «А» и «Б», но и пятьдесят второй; были бы рады пятьдесят первому и счастливы пятьдесят четвертому выпуску.

Это надо было видеть и ощутить! Как из сумочек и паспортов вынимаются снимки отпрысков. Как звончеют голоса. Как бабушки становятся девочками, а деды – хулиганистыми подростками. Как по-школьному подтрунивают над худыми и толстыми. Как, забывая о радикулите, пускаются в пляс и вступают в борьбу. Как уединяются «на троих» и вдвоем, потому что есть кому поплакать в жилетку и у кого на плече порыдать... Кто-то увидел – и только что вспомнил – первую любовь. Кто-то никогда не забывал предательство...

Стоп. Я проверял свое наблюдение (как мог) и не выявил ни одного случая, чтобы кому-то припомнили грех, чтобы кто-то помянул «старое». Жизненный опыт и мудрость оградили гостей Зименок от «выяснения отношений», бесцеремонности, даже навязчивости. Была нежность во взоре. Были общие слезы. Был хохот, от которого в парке стаями покидали окрестные кроны осенние птицы. Была бесконечно длинная платформа – для воспоминаний. И общая станция отправления – в жизнь.

Это потрясает: они помнят практически всех. Джим Грамп с ними школу не заканчивал, последние два класса проучился в таежном селе (не по своей прихоти), – но он здесь, в Зименках, никто этому не удивляется, а удивились бы скорее отсутствию при переключке. Тем более – только что из США, где у него семеро двоюродных братьев и сестер и где гостил почти два месяца.

Аркадий Козлов приезжал в прошлый раз: «Не забывайте меня, хоть я и младше на годик». Он – питерец, с проспекта Тореза.

— А вы почему один?

Назвали всех, кто еще (или думали, что еще) в Норильске.

Я покидаю Зименки, потому что в этом номере газеты обязан ограничиться считанными страничками на машинке. Через много лет мы снова разглядываем с Ю.Т. Стеблянко его семейные, школьные, спортивные фотоальбомы. А вот и тот групповой снимок, который мне нужен. Десятый «Б» с Борданом.

Но начну я со Стеблянки. Уж очень норильский человек. Судите сами: появился здесь ... в 1935 году. Т.е. первые шаги по этой земле сделал вместе с первыми строителями. Школу окончил в 1953-м. Т.е. аттестат зрелости получил вместе с городом.

— Нам всем выдавали справки о том, что родители являются работниками Норильского комбината. А это означало, что мы имеем право на поступление в вузы и техникумы без экзаменов. Было организовано подряд несколько рейсов Ил-14 на Красноярск. Кто-то остался в крае. Я. Лукашевич и Людя Савченко – в Харьков; Яковенко, Прокопенко, Иконникова – в Киев.

С 1953-го до 1961-го Стеблянко жил вне Норильска – учился на строителя и служил в армии. И в детстве его на два года вывозили на Урал. Все. В начальную школу ходил в «старом городе» (№1, бревенчатая). В Соцгороде – в семилетку (№2, сразу за дамбой, уже снесена, стояла на ледяной линзе). В Горстрое – окончил первую десятилетку... Специально для молодых читателей: кто в Норильске был первым рекордсменом на коньках? Капитаном сборной Октябрьской улицы – чемпионом поселка (говорили «города»)? Кого десятиклассники приглашали в официальную сборную... Горлага? Кто из команды БОФ, победившей в финале кубка энергетиков (5:0), забив гол, тут же попал на операционный стол с переломом руки? Кому рукоплескал «Заполярьник» в сборной города?

Он и строил хорошо, Стеблянко, но рожден был, без сомнения, спортсменом. По нынешним временам, можете мне поверить, за Юрой, каким он был до тридцати, гонялись бы тренеры «Спартака», «Динамо», «Аякса», «Баварии», МХЛ и НХЛ.

Через месяц-другой он уезжает из Норильска. Навсегда. В Майкоп. Последний из могикан 10 «Б» 1953 года. Разделив судьбу доброго миллиона северян, отдавших Норильску все, что могли отдать, и немало награжденных этим городом. Юрий

Тимофеевич оставляет здесь дочку, трех племянников и шесть внуков (если считать с племянниками внучатыми).

Но точно ли, «могикане» покинули Норильск?

– Ручаться не буду. Вот Валентин Дьяков, горняк, работал в Талнахе, жил в начале Ленинского. Виктор Гайнутдинов, бульдозерист из снегоборьбы. Может, откликнутся? Или их дети?

– А из 10 «А»?

– Точно здесь Неля Рязанцева (Ковалевская). Остальные, по-моему, на год помоложе: Сергей Брилев и еще несколько. Возвращался на несколько лет, работал на Талнахе Виктор Друй. Недавно уехал под Питер Володя Дрюцкий из ГМОИЦа.

– А вот эти красавицы в первом ряду?...

– Вы их знаете. Медведовские, химик и художница. Но моя любовь – вот, Неля Пода... Да, в Кисловодске. Это, как сейчас бы сказали, Мисс Первая Школа... Рядом Товкун Юра – окончил горный, и Коган Леня – медицинский, на Урале...

– Ну, тут я могу добавить и уточнить. Он был в Зименках.

Российский депутат и, кажется, имидж Верховного Совета на нем не отразился. Тихо-спокойно работает в своем комитете (или комиссии?) по здравоохранению, двое его сыновей пошли по отцовской линии – в психиатры, а может быть, уже и дочка... Человек с юмором, судя по его парламентским анекдотам.

– Да, он шутник. И поэт: «Извините, Борис Данилович, здесь все равно я назову вас Борданом... Когда мы кончили школу, Бордан был гораздо моложе, чем мы сегодня. Но был в моих глазах настоящим мужчиной, и я перед ним пасовал»...

– Я хотел о вашем директоре поговорить в самом конце, но теперь уж чего откладывать... Да, это была личность. Учителем я его не знал, только с чужих слов, не застал и завгороно, и зампредом горсовета, и завкафедрой химии. Джентльмен, боец, умница. Крупная фигура. Кто-то мне показывал снимок, сделанный в Москве. Сухомлинов был в командировке, что ли, но по норильской цепочке об этом узнали, собрались, сфотографировались – вот так же, он в центре.

– Инночка Юрченко, Леля Мансурова, Люда Замятина и другие наши химики, думаете, случайно выбрали профессию? В честь него. И в честь него писали стихи. Уверен, он их вдохновлял... Вот Инна Григорьевна из Троицка:

«Я живу в Подмосковьё среди стройных берёз,
Уголок этот русский стал родным мне до слёз.
Мир моих увлечений, говоря, неземной:
По горам шляюсь летом, с гор на лыжах – зимой.
Я во сне вижу скалы, снег и лёд голубой.
Я ищу зиму летом, летом брежу зимой».

И дальше – про белого медведя и строгого Бордана.

– Я знаю эти стихи – из рукописи, собранной, по-моему, Нелей Симоновой, вашей главной архивисткой, после встречи 1980 года. Там же Борис Данилович воспет иронической прозой Вероники Пьянковой из десятого «Б». О том, как рано Бордан разглядел её пагубное стремление передавать другим прочные знания по химии, наградив подсказницу двумя единицами за одну учебную четверть.

Пьянкова долго преподавала в Румынии. То ли химическую физику, то ли физическую химию. Она и стихи писала:

«Сегодня праздник наш, сегодня встреча!
Уже не утро жизни, но ещё не вечер.
Друзьям за сорок пять и, как осколок,
тревожит день свидания со школой».

«Как приятно, что ещё кого-то можно назвать Грека, Альчик, Ленка, отвести душу этой веселой интимной дерзостью!»

– Все трое – из параллельного. Гера Дмитриев – едва ли не самая яркая личность: золотые руки, золотая голова, золотой характер.

Вот как он отвечал на вопросы юмористической анкеты 13 лет назад:

«Чтоб не стать стране обузой,
я, как другие, начал с вуза.
Сейчас я просто корабел.
Не совершил великих дел,
но даже в бурную погоду
концы трудов не прятал в воду.
Мне орденов пока не дали,
но присудили три медали.
Когда их все считать по списку,
набор как будто олимпийский.
Но золотая, божьей волей,
так и осталась где-то в школе...»

– Тебе не кажется, что с золотыми медалями творилось нечто... А вообще лагерная тема в классе всплывала часто?

– Очень редко. Это не было принято. Никто никому не лез в душу.

– Но жизнь-то вмешивалась в личные дела. У Когана не взяли документы ни в 1-й, ни во 2-й «мед» - только в Краснодаре. А кто-то (Бойко? Бараш?) скрыл сведения о сидевших родителях – его и с золотой медалью выкинули из МГУ. Олег Ремейко уже в должности заместителя начальника «Центракадемстроля» увидел в своем личном деле подчеркнутыми слова «родители были репрессированы»... Кстати, Бордана в крайнюю «ставили к стенке»: «Ты кого представляешь на медали!»

– Этого я не знаю. Но знаю другое: мы относились к заключенным по-человечески, старались помочь, чем могли. Как-то «бугор» (бригадир) хотел при нас, на улице, избить одного «доходягу» (больного). Мы тут же похватали с земли камни – оружие пролетариата...

– Не будем больше о грустном... По числу поэтов и технике стихосложения выпуск сорокалетней давности дает много очков вперед нынешнему, не так ли?

– А в спорте! Никакого сравнения! Может, я не прав, но грешу на... телевидение. А теперь добавились и компьютеры. Дети сидят сиднем. Не по уму все это...

Консерваторы мы. Возраст сказывается. Все жалуются на детей: учиться не хотят, идут в проводники, в торговлю, уезжают из страны. За детьми потянулась в Париж Нина Куц. Николай Бычков оказался за рубежом в Ташкенте. О некоторых боюсь писать – не знаю, где они, живы ли... Потому неполон групповой портрет. Калманкин после МАИ больше тридцати лет работал в фирме Королева, мотаясь на Байконур и обратно... И то не уверен, что все у него в порядке. Чей нынче космодром?... Что делать – такой виток нашей жизни. От нее не отгородиться.

Да простят меня коллеги Бордана... Они тоже заслужили доброго слова. Орбиты, на которые вышли выпускники Норильска – 1953, достойны признания. Жизни в основном получились. Стартовый комплекс не подвел.

Пусть внуки сохраняют их гордость и свет в душе.

Маргарита Боярская:

«Невыдуманные рассказы»

Рассказы-воспоминания норильчанки о детстве с высоты зрелого возраста

Как часто, взрослея и оглядываясь в прошлое, мы вспоминаем детство, родных, друзей, события, которые врезались в память помимо нашей воли... А потом приходит сожаление: как же о многом тогда не расспросил близких людей, одноклассников, с которыми дружил... Это чувство знакомо многим, вот только поправить уже ничего нельзя: некого спрашивать...

Маргарита Боярская спохватилась раньше многих, хотя до сих пор тоже сокрушается, что не догадалась расспросить о том, об этом тех, кто был в далекое время рядом. У Маргариты Георгиевны, как и у многих из нас, есть, конечно, убедительное оправдание: мала была тогда. Правда, тем, кто будет читать ее рассказы, все-таки повезло: у девочки очень рано проявились литературные способности. Недаром учитель русского языка и литературы зачитывал всему классу ее сочинения. Ее творческий дар предполагал уже тогда в ней большую, чем у иных, наблюдательность и особую память не только о реальности, но и эмоциональную память сердца. Надеемся, что Маргарита Георгиевна Боярская-Лузан еще расскажет в нашем издании о суровой истории своей семьи, о жизни Дудинки времен своего детства, об учебе в Норильске и Ленинграде и снова о жизни Таймыра. А пока читайте ее невыдуманные рассказы. Все они биографичны, их герои – реальные люди с их настоящими именами и фамилиями. Эти рассказы были опубликованы в отдельной книжке под названием «Веры тонкая свеча». Она вышла в серии «Новинки сибирской прозы» в Красноярске в 2000 году. Маргарита Боярская продолжает писать рассказы...

НКВД

После долгого скитания по снятию углов у различных хозяев мы наконец обрели комнату в добротной избе на горе. Из окна был виден песчаный карьер, куда любили бегать ребятишки. Хозяин был хмурый, усатый, вечно шмыгал носом, а от горячего супа у него, видно, от удовольствия, прыгала зеленая козуля, которая от шмырканья то появлялась, то исчезала.

Было мне тогда пять лет. Наш хозяин, равнодушный к людям, детям, сидел в своей комнате или плотничал вокруг дома. Плотник он был отменный. Где он еще подрабатывал, я не знаю, но явно нашего небольшого платежа за комнату ему не хватало, поэтому начались мелкие придирки: то это не так, то девчонка подруг водит. Мать была настороже: никто к нам не ходил, а с подружками я встречалась только на улице.

Терентий – так звали нашего хозяина, и имя оправдывало его «бу-бу-бу». Губы надувались и хотели высказать мысль раньше языка, да, видно, и усы мешали извергать речевую кашу. Его тетеревиная голова подавалась вперед, темно-карие глаза таращились из орбит, намереваясь опередить губы. В общем, все, вплоть до козули, рвалось из него, пытаюсь расстаться, но он прижимист во всем – не так-то легко это сделать – крепко собран в кулак, и каждая крошка у него на учете.

В комнате Терентия висел портрет Сталина – прямо над железной кроватью, а под ней стояла большая жестяная банка с топленным свиным салом. Часто во время работы он шел с куском хлеба и ел его, обмакнув в банку, да так аккуратно, что ни одна капля не пропадала даром.

Однажды я подсмотрела в щелку двери его священнодействие. Он периодически шмыгал в свою комнату. Что это у него там, под кроватью? И вот,

когда Терентий что-то строгал за домом, я прокралась в его комнату и мазнула пальцем о краешек жестянки. Слизнув, почувствовала вкус топленого сала. Тут появился Терентий. Его глаза на этот раз опередили губы – они забубнили позже. А мой облизанный указательный палец он от испуга тыкал пистолетом в потолок. На мой крик прибежала мать. И без того перепуганную отлупила меня, и с тех пор даже найденный карандаш уносился туда, где был найден. Привычка не брать чужое осталась на всю жизнь – без всякой педагогики и нотаций. Терентия я стала бояться еще больше. На его комнату было наложено табу.

Но однажды, когда хозяин ушел довольно далеко, я, подбоченившись, подошла к кровати, посмотрела на портрет вождя и громко крикнула: «Сталин, ты дурак!» Прибежала мать. Такое громкое высказывание в то время грозило не только Магаданом.

Получив тумака, я разревелась. О какой политике могла идти речь в пять лет? Обида на Терентия вылилась на портрет, который не мог в ответ забубнить, а слово «дурак» приравнивалось к безобидной поговорке.

С тех пор охота заходить в комнату Терентия отпала навечно. Впрочем, он скоро нашел жену, и она отыскивала повод выдворить нас из избы. Уезжала я оттуда со счастливым видом.

Я была запугана словом «НКВД». Ведь тогда, перед портретом вождя, мать, жена врага народа, онемела и могла только вымолвить:

– Если кто услышал, нас заберет НКВД и посадит в тюрьму.

Только через несколько дней я осмелилась спросить:

– Кто такой НКВД?

– Это мужчина в военной форме и с пистолетом.

С тех пор я боялась всех военных, даже без пистолета, обходила их десятой дорогой.

НЕВИНОВЕН

*А небольшое количество боли
Служит всегда воспитанием воли.*

Р. Казакова

Бывают в жизни у каждого встречи, которые помнятся хорошими делами или просто приятными воспоминаниями. В детстве это мало ощутимо, и только на определенных отрезках времени в сравнениях многих людей начинаешь понимать, как мало ценили того или другого человека.

В детстве у меня не ладилось с математикой, да и лентяйка я была порядочная. Но что касалось русского и литературы – любила без памяти. А на математику – арифметику, как ее тогда называли, – оставляла мизер времени. И все думала: «Ну кому нужны эти вечно идущие или опаздывающие поезда, наполнение бассейнов, сколько ведер в них помещается? Ерунда какая-то!» Класс был разнородный: русские, немцы, латыши, – обездоленные и заброшенные судьбой в Дудинку люди. Но мы относились к ним ровно, не обижали и не выделяли.

Была у нас Эрна – аккуратная девочка, очень чистенькая, бедно одетая, платье из грубой холстины, но цветным мулине вышитое, отглаженное. Отличница, дома помочь ей некому. Да мы все – безотцовщина, а матерям, вечно уставшим, не до нас.

Задачи Эрна решала сама, а мы, не трудясь, сдували у нее. Но так продолжалось до пятого класса, где мы впервые испытали, как закаляется воля. Новый учитель Низам Богудинович с первого урока навел на нас ужас. Во-первых, всех строго называл на «вы», чего никто из учителей не делал. Его «рентген» работал безошибочно, спрятаться за спину впереди сидящих оказывалось невозможно.

Он смотрел сквозь очки, обводя класс взглядом, среди полной тишины гремел: «Двойка, двойка, двой-

ка...» В первые же радужные дни сентября страница журнала арифметики пестрила выгнутыми шеями двоек.

Не началась еще борьба за успеваемость, и это была его педагогическая система. Боялись мы его панически и урока ждали всегда со страхом. Часто попадались почему-то именно те, кто не выучил или не решил. Тогда, как нам казалось, задачи были трудные, в 7–8 действий. Ребята – народ понятливый. Вскоре мы обнаружили лазейку в его педагогику. Низам Богудинович не ставил двойку тем, кто показывал тетрадь в двенадцать листов, всю исписанную решением задачи разными способами, но где ответ не сходился. Пришлось и мне завести такую тетрадь. Однако исписать двенадцать листов у меня не нашлось ни воли, ни желанья, и я, хитря, на страницах повторяла почти одни и те же действия – лишь бы исписать тетрадь. Но хитрого «Богодуна» не проведешь. Он, посмотрев в тетрадь, среди напряженной тишины оглушил: «Двойка!» Положение критическое: за четверть я могла выйти неуспевающей. И тогда мать решила нанять мне репетитора. Ничего не сказав, она сходила к Мирону Самойловичу, живущему неподалеку. Нам он казался старичком. На самом же деле старость пришла не по возрасту, а от пережитого. Его сослали из Москвы, где он преподавал физику в Московском университете.

Интеллигент, профессор, каких я никогда не встречала. Толком о нем никто ничего не знал. Как потом выяснилось, или он сам, или семья от него отказалась, скорее, он сам – по благородству натуры, чтобы семью не трогали. Работал он при домоуправлении не знаю кем, выделили ему каморку в «Доме колхозника» – так называлась гостиница для оленеводов. Но мы не видели, чтобы туда приезжал кто-нибудь. И этот дом без удобств, с гремящими умывальниками и помойными ведрами, тесными комнатенками, был населен подобными ему людьми.

Первый раз я пришла к нему со страхом. После Богодуна я ждала проклятий на свою тупую голову, но облегченно вздохнула, увидев на лице Мирона Самойловича добрую улыбку. Каморка вмещала топчан, сделанный из пустых деревянных консервных ящичков, которые обильно выбрасывались каждый день из магазинов, и мы, ребятишки, устраивали из них кострища. Грубо сколоченный стол и такие же две табуретки – больше ничего не вмещалось в это подобие комнатенки. Села по приглашению на одну из табуреток так, что, не прижми я ноги, они уперлись бы в колени учителя. Начали урок: снова эти ненавистные поезда. На листе бумаги Мирон (как я мысленно его называла) чертил отрезки пути, толковывал формулы деления расстояния на скорость, произведение скорости на время. Я вслушивалась, но без энтузиазма, и тут заметила упрямую горящую искорку в глазах Мирона, даже какую-то злость. Видимо, скучая по студентам, он решил отыграться на мне. Из состояния равнодушия и бестолковости он меня вывел – я и не успела заметить когда. Поезда обгоняли, догоняли, опаздывали. Я неслась в поезде, который шел из Москвы, а он – в Москву (может, он так и думал наяву), и не заметила, сколько мы решили задач.

«Ну, все! На сегодня хватит! – устало откинулся он. – Теперь просьба, Риточка: никому не давай списывать. Объясни задачу тому, кто не решил, и тогда сама лучше поймешь». Так ласково, «Риточка», меня давно уже никто не называл. Я дала себе клятву:

«Списывать не дам».

В школе моя подружка Зинка, прослышав о моих занятиях с профессором, вертелась около меня лисой.

– Дай списать!

– Не дам, давай лучше объясню.

– Подумаешь, задавака, – мотнув подолом, убежала. Но к третьему уроку она снова подошла. Страх перед Богодуном поборол самолюбие. С вдохновени-

ем, по-мироновски, я рассказала ей не только ход решения, но и почему так, а не иначе.

Денег Мирон с меня не брал, даже слышать не хотел. Только теперь я понимаю, почему: скучал по любимой работе, и умственный труд был ему в уладу. Возможно, видел, как мать одна поднимала четверых дочерей. Кстати, к одной из моих сестер он был очень неравнодушен. Училась она в Новосибирске и летом приезжала домой. Живя неподалеку от нас, Мирон заглядывался на нее (что не доказывало его старости), говоря: «Какая красавица – ну прямо наша королева дудинская». Королева имела всего два платья да меняла в них галстучки и воротнички. А все: «Ах, как ее балуют, одевают...»

По праздникам я бегала к Мирону с тарелкой праздничного пирога или чего-нибудь вкусного. Он деликатно благодарил и никогда не отказывался. Я была на высоте счастья. Что я могла еще сделать для него? Наступала пора весенних экзаменов. В каждом билете, кроме вопросов по программе, обязательно ненавистная задача. Тяну билет. Сажусь. Начинаю рассуждать про себя: «Вот если бы (а в уме – кабы) было поровну, а то в одном ящичке конфет больше на целое число с дробями, я сделала бы так, а потом так. Иду отвечать. Богодун улыбается. Допущена механическая ошибка в конце задачи – волновалась, не проверила, но ход решения верный.

– Четыре, – объявляется мне. Боже! Какие у него, оказывается, карие глаза, даже красивые и не страшные.

Выскакиваю пулей. Последний экзамен! Все! Воля! Свобода! Впереди пионерский лагерь!

Вскоре Мирон исчез из «Дома колхозника», и мы его долго не видели. Неожиданно его встретила мать.

– Уезжаю я, Ефимовна, навсегда, в Москву.

– Не женились, Мирон Самойлович?

– Нет, – он как-то сторбился и превратился совсем в дремучего старика. – Мне очень трудно. Женщины, которой отдал все, меня покинула, отсюда уехала.

Я сделал все, что мог, для нее и ее ребенка. Хлопочу о реабилитации.

– Слышала я разговоры, не стоит она вас.

– Она оставила меня только в том, в чем стою перед вами, и без жилья: пальто, шапка, костюм. Она, она... Нет, я не могу сказать вам, что она мне сказала.

– Да что уж такое сказала?

– Она... медсестра... и ей, может быть, это не стыдно... Она сказала, что с нее... Ну, понимаете? Сдачи нет. Ах, как все это ужасно!

Наша семья – женский монастырь, где даже кошка и та женского пола, поэтому утешать когда-то сильного, волевого мужчину трудно. Сколько всего перенес, а последней бытовой жестокости не выдержал...

Вскоре до нас дошли слухи, что Мирон Самойлович добился реабилитации, снимая углы по квартирам в Москве. И последний слух: умер. Честный, невинный человек, и кто знает, не потеряла ли страна еще одно открытие в области физики, а может быть, талантливого педагога с большой буквы или просто хорошего отца и доброго мужа.

1993 г.

ЭЛЕНИДА (ЛИДА)

Так случилось, что один год ей пришлось жить в Красноярске. После Севера, учась во втором классе, наконец увидела настоящую осень, красочную, с горчинкой рябины и запахом школьного огорода. Двенадцатая школа была мужская, огороженная забором, где четко выделялось учительское подворье с опытным школьным участком. Как ни странно, у всех учителей – дочери, исключая малолетних ребятишек. И конечно, девчонкам страшно наблюдать за дикими

развлечениями взрослых мальчишек. В ужас приводила, например, крыса без головы на палке, когда мчащиеся за ними мальчишки превращали девчонку в такие легкие пушинки, что те не только ног не чувствовали, но и о своем существовании забывали. В один из таких вечеров после очередного испытания на выдержку на своем кордоне – террасе, где их не смели трогать, увидели, как на школьный двор въехала крайкомовская машина, откуда вышел работник крайкома Георгий – муж соседки-учительницы. Вместе с ним вышла старушка с белокурой голубоглазой девочкой лет восьми и мальчиком лет пяти.

Девичья сторона ликовала: еще одна девчонка, и, Боже мой, она станет их соседкой, у них была общая кухня. Девочки побежали в коридор дома дяди Гоши, но детей и старушку как будто арестовали в комнате, а сумки источали по кухне ароматы деревенского чесночного сала и еще чего-то вкусного. Наконец показалась заплаканная старуха, за ней ее сын-крайкомовец и щебетунья девочка, которая помогла выкладывать съестное из сумок. Затем выскочил мальчик верхом на палке, весело проскакал мимо сестренки и исчез в комнате. Вышла тетя Аня с поджатыми губами – жена крайкомовца, не обращая внимания на разложенные продукты, постояла, никого не видя, и снова скрылась у себя.

– Ну, знакомься, – подмигнул крайкомовец девочке, – это наша соседка, с другими познакомимся завтра, убежали уже.

Девочка подошла к незнакомке. Лицо худенькое. Голубые глаза в пол-лица.

– Лида, – и кивнула. Соседская девочка тоже кивнула, но имени своего не сказала. Не из гордости, а что-то поразило ее в девчонкиных глазах – объяснить невозможно, и она ушла в свою комнату. Лида догнала ее и протянула кусочек деревенского пышного хлеба с невыносимо кружащим голову запахом чесночного сала.

– Нет, нет, у нас есть, – пробормотала она. Как

будто ей могли поверить в эту голодную пору.

– На, – твердо сказала Лида. Утром, когда все разбежались по своим делам, Лида пришла к соседской девочке.

– А чего ты не в школе? – спросила она.

– Да мне со второй смены.

– Тогда пойдем на кухню.

– Давай играть, – предложила она.

– Давай, а как?

– Чур, ты зритель.

– Ладно.

Лида принесла черную толстую шаль с кистями, какие были только после войны, распахнула руки, как будто кого-то встречала. Шаль стала ее черным квадратом, и белокурая девочка, вставленная в это черное окно, взмахнула руками, повела плечом и запела:

«Мне папа привез из Мадрида куклу новую, звать ее Лида, Еленида глаза открывала и девчонкой меня называла. А-ля-ля-ля-ля. А-ля-ля-ля-ля».

Лида ловко взмахивала шалью. Движения были простые, но в такт музыке, и соседская девчонка начала подпевать ей и притопывать. За этой сценкой и застала их старушка. Глаза девочки потеплели, и она прижалась к бабушке, укрыв ее одним концом шали, уткнувшись носом в ее широкую складчатую кофту.

– Ну-ну-ну, что, бусенька?

– Ох-ох, старая стала ваша бусенька.

– Так, значит, все?

– Ох, все, детка, все, милая!

– А когда?

– Да вот прямо завтра и все, Гошка все сделал.

Гошка – сын бусеньки, и такое он сделал, что плачет прекрасная Еленида.

– Ну, все, отвезу вас и в деревню уеду, а там и на покой скоро, ох, чувствую, близко... – и бусенька ушла в комнату, закрыв мокрые глаза рукой.

– Что все-то? – спросила соседка.

– Да в детдом нас с Мишкой. Мамка померла. А

дядя Гоша чего-то нас из-за папки боится. Бусенька говорит, что он где-то в тундре, где Макар телят пасет, и писать нельзя ему нам. Наверно, он с Макаром много денег заработает и тогда нас заберет из детдома.

– Никаких в тундре Макаров нет и телят тоже, – сердито сказала ей соседка, – там только олени.

– А почему ты знаешь? – тоже сердито ответила Лида.

– Да я живу там.

– Ну, бусенька лучше тебя знает, – еще больше рассердилась Лида и, волоча по полу шаль, ушла в комнату.

Утром соседка встала рано. Проснулась от гудка машины. Выбежала проводить Елениду, но та только кивнула ей и даже не подошла. А все из-за какого-то Макара, которого никогда она в тундре не видела.

март 1989 г.

СТАНОВЛЕНИЕ

В годы «крапивы», когда противоречия жизни столкнулись до последнего дыхания, еще нашлись силы все порвать, тогда и поступила в институт на дневное отделение Дефо в Ленинграде.

Детей люблю и никогда не жалела о приобретенной профессии.

Сын – в первый класс, и мать – студентка дневного отделения. Горькие и счастливые годы. Очень долго не могла переносить запаха картошки в мундире, так приелся, что за версту чуяла. Рубль в день, и ни копейки больше. Зато позднее что-то вкусное и всякая купленная вещь ценились как дар Божий. Да дело и не в самой сути вещей. «Делать себя» пришло намного позже. Прозрение от слепоты ценишь, когда прерывается вроде бы невидимая, но плотная оболочка, и тогда замечаешь легкие облачка и яркое небо, какое бывает только во сне. И где же были глаза

от этой красоты? Ответа нет, тучи растворяются от молящего взора, небо – суть твоего существования. Божеское око невидимо, но ты знаешь: Оно над тобой. Поток лучей – туда-сюда, и вспоминаешь, что твой знак – Рыбы. Выплывай, куда ни шло, только омута избегай, и всегда, как в детстве: прямо в глаза. Никогда не лгала я, потому рыбы плыли, их две – по течению и против; первая билась, как об лед, вторая легко плыла. Может, это было во сне, но всегда знала: надо выплыть.

Не зря я вспомнила «Око». Глаза зрячих многое могут рассказать. Однажды звонок в дверь. Старик попросил милостыню: двадцать пять копеек на хлеб. Надо же было случиться: именно в этот день у меня денег-то всего было два рубля. Отдала рубль. Смотрю в глаза: голубые, лучистые, ну прямо сам Апостол, а глаза – оторваться нельзя, в них вся вселенная – и хорошо, и страшно. Где научилась я чтению глаз – не знаю, но прошло много лет, а я помню тот проникновенный взгляд. Это был как гипноз, взгляд доброты, а может, индикатор проверки на нее или знак передачи Энергии вневременного пространства. А может, сам Бог проверял: не оскудеет ли дающая рука? Ведь бросила же все и уехала учиться – без денег, с небогатыми пожитками, надеясь на свой знак, – Рыбы вынесут. Вынесли против течения, а однажды бросили по течению: тут голову надо не терять, а то гляди и омут под тобой, а уж когда занесет – либо живи в нем, тихом, где черти водятся, либо – камень на шею.

В ту пору я была привлекательна и молода. Кавалеры есть, но до ухаживания «вглубь» не доходило: боялись крапивы, да и цель – выучиться – стояла над всеми похотливыми страстями.

Ухаживал за мной профессор с кафедры физмата. Совершенно интеллигентно, ничем не оскорбляя, имея добрые намерения познакомиться с родителями, жениться. У них трехкомнатная квартира в центре Ленинграда. Он был разведен, но не это меня отпугнуло. Гуляя, он всегда восторгался, что я недотрога. Но

если бы его страсть захватила и меня, то куда бы мне, бедной Лизе, деться! Расчетов у меня никаких нет, да и не умела их прочерчивать. Держала его на дружеской ноге – вечная романтика (не отдавай поцелуя без любви), хотя женское чутье подсказывало: нравлюсь. Вот тогда-то, как бы между прочим, он спросил: «А где твои родители?»

«Мама была в Норильске...» – хотела продолжить дальше, но он перебил: «Значит, лагерники?» Наверное, видок у меня был! Губы остановились в готовности продолжать рассказ, а взгляд, сначала растерянный, уперся в его единственно-живой глаз (второй был стеклянный). Мертвый глаз ничего не выражал, а второй – презрение и где-то в глубине надежду, что все будет не так, как он думает. Ну, не родился же он со стеклянным глазом! Где, когда, при каких обстоятельствах потерял он эту половину ощущения мира? Мне стало жалко его. Много ли можно увидеть одним оком? (Но это не в укор потерявшим глаз на войне.) Я молча ушла и больше никогда его не видела. А Рыбы вели мою судьбу, лавируя по течению и против...

Профессор уже сделал себя. Две розы его любимого корзиночного пирожного не кольнут его. А мои шипы надолго в моем сердце.

И что в той жизни из детства могла понимать я: колонна мужчин, колона женщин по пять в ряд, конвойные собаки, побегі уголовников и страхи, усиленные рассказами, – у всех один гребень, еще не разделивший на пробор правых и виноватых.

ПОЖАР В ДУДИНКЕ

Помню пожар. Горел Дом культуры. Высота пламени по всему фасаду. Клуб был деревянный, двухэтажный, с пристроенной для танцев площадкой, где днем девочки «вытанцовывали» на скакалках.

Причина пожара неизвестна. В нескольких метрах находился наш дом, и все ждала, что горящая

стена клуба рухнет на него. Наспех собраны необходимые вещи и вынесены на улицу. Зарево пожара отражалось в желтых старческих глазах нашей кошки. Удивительное животное: среди множества узлов выбрала именно наш, шипя на зевак, уселась и больше никуда не отходила. С большим трудом пожар потушен, но это огненное чудище слизало не только здание – опалило судьбы людей, не по своей воле приехавших на Север...

Работали в этом клубе Аркадий Яковлевич, сосланный талантливый художник, и его жена Лидия Александровна, фортепианный аккомпаниатор. Их сын учился в десятом классе. Интеллигентнейшая семья, доведенная бедностью до крайности. Деньги получали от государства мизерные, хотя в клубе торчали весь день в хлопотах, не считая общественных нагрузок. Одно удовольствие – затянуться папироской до забывчивости. Стесняясь, умоляла сына:

– Вовочка, милый, поди пособирай «бычков». Ах, сил нет, как курить хочется... Ну, пожалуйста, Вовочка... Скоро ведь и получка...

– Да что вы... Мама... Папа... – одно и то же тихо, но любовно повторял Вовочка. – Стыдно мне, да и ребята из класса увидят... Опять на всю получку папирос купите.

А они знали, что сын не пойдет за «бычками», но говорили так от безысходности.

– Скоро вечер выпускной, купите дитю штиблеты, – вступалась бабка Феня. В ее комнатенке слышался повторяющийся диалог, и она бегала стрелнуть сигарету-другую для своих постояльцев. Квартирантов пустила для веселости – навару с них мало. Мальчишку часто подкармливала перед школой. Был он высокий, худой и бледный. Волосы на прямой пробор делали его похожим на доходягу.

Бабка скучала от одиночества и обрадовалась случаю, что кого-то может поучить жить и «поточить лясы» в скучные вечера. Но квартиранты умели давать «чирий в зачатии» и все сводили к шутке, так

что бабка довольствовалась несмышленишами, а те умелой тактикой обходили скандалы. Баба Феня полоротой была в двух случаях: когда квартиранты рассказывали о столичной жизни и о том, что когда-нибудь они уедут в Москву. Бабка сразу закрывала вислый рот, слезилась и бежала стрельнуть сигарету «быдто себе». Лидочкино «мерси» и Аркашин поклон были для нее высшей наградой. Штиблеты для Вовочки старуха купила на базаре по сходной цене. Денег с деток не взяла, но, перебирая от смущения фартук, прошамкала:

– А в Москву-то погостить позовете?

Знала бабка, что такие хорошие люди не могут быть виновными и их скоро отпустят домой.

– Будем рады, бабуленька! – Лидочка целует морщинистую щеку. Глаза бабки с редкими ресницами подтягиваются к залысынам висков – прием, чтоб не плакать. Но морщины лба чувствуют: не дожить. День получки пронырливая старуха знала точно. В доме все мыла, чистила, ждала Вовочку из школы, одевалась по-праздничному. Пирожные и шампанское будут обязательно и повод поворчать тоже. Смотреть пришлось бы ей в окно целый день от нечего делать, когда б не квартиранты.

Детей накормить, проводить, встретить. Кипит суп, жарятся котлеты, стынет компот. Бубнит бабуся, жалея себя и других. Друг Вовочки — Давид, из сосланных немцев. Мать его работает кочегаром в котельной при клубе, там и живут в каморке. А парень красавец. Черноглазый, высокий и всегда чистый.

– Куды им? Пачпартов нет... ну, шипите, шипите... щас вас и съедят (это говорится котлетам – для Вовочки и Давида).

А для Лидочки и Аркадия к вечеру будет горяченькое. В ушах звенит музыка «доченьки». Утащила Лидуся старуху на свой концерт. Мало что бабке в музыке понятно, но не заметила, как задумалась, вспомнила убитых на войне братьев, мужа и младенца Митеньку, успевшего вкусить горечь жизни...

– А куды мне плыть? У того берега глыбоко, у этого мелко... – взглянула на стенку.

«Потрет» – зеркала не надо. Молодец, Аркаша. Денно и ночью смеется старуха со стены.

– Неужели это я? Душа молода, а в зеркало хоть не глядись.

Выглянула в окошко:

– Нет, не идут. Хоть бы раз вовремя...

И только подумала, отворилась дверь, и вихрем ворвались Аркаша с Вовочкой.

– Ну вот, скорей за стол. Стынет все, а их носит, – суетится бабка и вопросами сыплет без остановки. – А Лидуся-то где? А Давида-то пригласили?

– Да подожди, баба Феня. Пожар... Клуб горел... И тут только заметила она, что, отвернувшись к окну, плачет Вовочка все сильнее, навзрыд. Аркаша гладит его по плечам, похлопывает, а сам окаменел вроде.

– Аркаша, ради Бога, что?

– Лидочку в больницу увезли с ожогами. Давид поехал в морг... от матери почти головешка осталась... барахло начала спасать... а тут балка... ну... бабы... а Лидуся ринулась к ней по обгорелому бревну... оно возьми и тресни... из ямы всем скопом тащили... чуть совсем не сгорела, – Аркадий сжал губы, мотнул головой, заглушая слезы. – Мы побежим, баба Феня, Лидочку попроведаем. Хоть и не пустят, еще раз узнаем, как там... Заодно и Давида приведем, ему ведь теперь и спать негде...

– Конечно, конечно, – старушка не замечает, что машет им поварешкой, и вообще больше ничего не замечает, трубит гортанным хрипом вперемежку со сморканием в фартук: о-о-о-о-й... раскачиваясь в разные стороны, сидя на стуле.

Аркадия и Вовочку в палату не пустили. Бегали медсестры, на вопросы не отвечали, а дежурный врач велел идти домой. К утру Лиды не стало...

После похорон Аркадий начал пить. Когда Бахус отпускал от похмелья, рисовал портреты Лиды по памяти. Однажды зимой его нашли замерзшим на

могиле жены. Вовочка и Давид добились паспортов и уехали в Москву. Оттуда слали открытки, а однажды «названный» внучок прислал коробочку халвы. В той дорогой сердцу жестянке баба Феня хранила пуговицы, нитки и всякую швейную мелочь. При случае показывала уже истертую коробку всем, кто заходил к ней, хвалила «свово ненаглядново».

Старуха дряхлаела все больше и, когда сильно не болела, ходила навестить детей – Аркашу и Лидочку, жалуясь, зачем они ее бросили, делясь с ними своей простой житейской философией.

ПАМЯТЬ О ДОМЕ

Всегда тянет туда, где прожиты долгие годы и съедено много соленого хлеба, но годы юности были прошли там, и горькое помнилось плохо. Наш дом в Дудинке построен давно купцом Сотниковым – одноэтажный по краям и двухэтажный посередине. Удивительные жильцы в нем. С одного края жил работник КГБ. Его толстая жена – неплохой человек, если не считать, что сидела широким профилем на двух стульях. Работала бухгалтером. Была у них домработница, женщина приятная, но молчаливая – никто от нее не слышал никакой информации не только о семье кагэбиста, но и о ней самой. Поговаривали, что она из «бывших» (зэчка), но правды никто не знал. Жил у них племянник жены кагэбиста, моего возраста, четырнадцати лет, но настолько забытый, что в школе, кроме уроков, у него что-либо трудно было добиться, а на улице он бывал мало. Так что семья оставалась тайной для всех. Впрочем, скоро они уехали. Домработница куда-то исчезла, а в их квартиру вселился молодой кагэбист с женой и двумя маленькими детьми. Семья жила тихо, скромно, ни с кем не общаясь, и мы привыкли к этому тайному, тихому тылу. Наша квартира рядом – девичий монастырь. Считалась учительской, полученной сестрой от школы. Одержимая по тогдашнему времени идеями,

сестра вечно пропадала в школе, скинув детство и здоровье своей малолетней дочери на руки матери и мои. По другую сторону от нашей квартиры жила милицейская семья, которая наводила на нас страх. Нас они не трогали, но в праздники или в дни особых торжеств майор гонял жену, и она часто спасалась у нас, что не мешало ему врываться к нам. Пока мы его успокаивали, она чудом вырывалась незамеченной из-под длинной занавески и убегала, а я еще долго стучала зубами от страха. Тетя Тоня была медсестрой и познакомилась с ним на фронте. Уже немолодая, имела двоих детей, но пьяного мужа боялась и спасалась бегством до его протрезвления. Извинений его мы никогда не слышали – и она тоже.

Дальше жил секретарь горкома с женой и тещей. Вечные споры, шум, гости, веселые песни наполняли эту квартиру. У всех были розовые очки, кроме тещи. Все попадающие к ним жили идеями, могли поменять веру во имя идеи и вообще могли быть вырванными с корнем из своей почвы ради идеала. Еще дальше в маленьких каморах жили немцы, в основном сосланные женщины. С немецким акцентом они звали через улицу своих детей, заплаченных, но чистых: «Эрна-а, эоу! Мина-а, эоу!»

В конце дома самый угол завершали жильцы «Дома колхозника». Сначала сюда приезжали колхозники из местного населения, как их называли, «националы». Затем вывеску сняли, и там стал жить кто угодно, но больше – репрессированные. Самый замечательный – Мирон Самойлович, преподаватель точных наук Московского университета. Интеллигент, но о нем надо рассказывать особо.

Посредине, как бы в мансарде, на втором этаже жили ничем не примечательные люди – две семьи, в основном женские, промышляющие шитьем. Обратила на себя внимание одна семья, где «девка» принесла «в подоле», как говорили во дворе, но нас, детей, это мало касалось, так как эта «девка» выходила к нам, ребятам, играть в лапту и прыгать через скакалку, а

мы иногда забегали к ней повозиться с ее черноглазым и сильно кривоногим мальчуганом. Мать этой девахи была довольна, что ее Лидка не хороводится, а играет с нами, но это вскоре кончилось, и она, выскочив замуж, уехала устраиваться, кинув матери малыша.

Помню, летом двор наш звенел от лапты, выжигательного круга и многочисленных классиков, протеренных стеклом на земле и мелом на тротуаре. На скакалках прыгали до ночи. Сейчас такого нет. Чуть за двенадцать – уже хороводятся, и нет в помине ни кукол, ни игр. Быстро течет Енисей, а еще быстрее – время. Приехав в Дудинку через двадцать лет, уже не застала этого доброго дома – на его месте ромашки. Может, сохранилась из них хоть одна, та, моя, или несколько, которые я, выкапывая с корнем, носила из-под угора, сажая на завалинке. На мой ухоженный цветник любовались все. Глядеть в окно и со стороны улицы любо-дорого! Вот с тротуара важно идет наша кошка, она не боится собаки: выросла вместе с Нордом, но он не хочет позорить свою собачью породу – косит глазом, чуть повиливая хвостом. Если кошка побежит – пощады не жди. Ну уж нет! Не такая она дура! Выше поднимает хвост, чуть не обвивая нос собаки. Пес брезгливо отворачивается, а ей того и надо. Важно шествует она до крыльца или до моих ромашек. Здесь безопасно, можно и выгнуть спину на пса. Он отходит: опять обманут, и так всегда.

А теперь ничего нет, все перепахано бульдозером до угора. Только Енисей – тот и не тот...

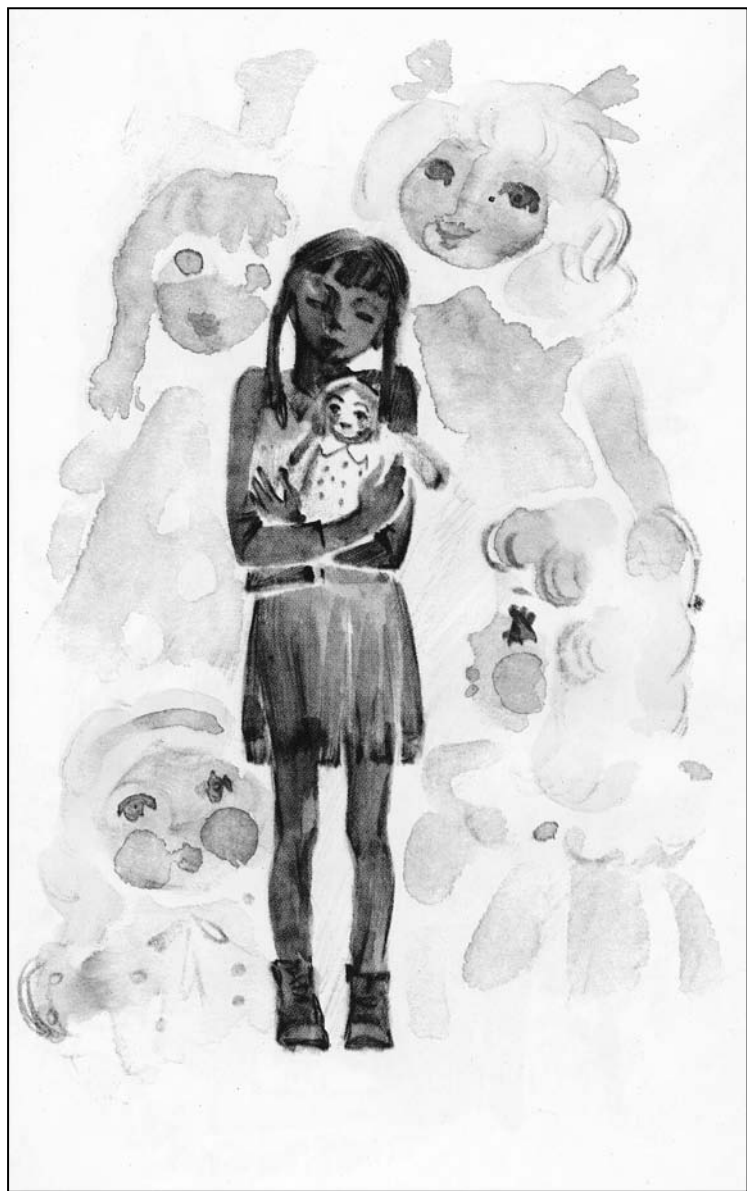
1990 г.

КУКЛА

*Когда станешь взрослым,
не презирай мечты своей юности.*

Испанская поговорка

Мир для Альки делился на голубой и розовый. В свои десять лет успела она сгустить краски времени,

но голубой цвет верности и нежности несла в сердце, никого не допуская в свой тайный мир, оберегая и боясь, что кто-нибудь нечаянно подсмотрит его. В большие голубые глаза любил глядеть отец, любовно называя ее «чалдонкой».

Тихая, неразговорчивая, на далекой фактории на речке поймала хариуса руками и молча отдала матери. Мечтала она о говорящей рыбе, и лес умел разговаривать с Алькой, а вера в говорящий цветок и в птицу-вещунью не покидала ее. По-детски осуждала она кукушку как неверную мать, но, сжав сердце в комочек, замирала, сбиваясь, считая положенные ей годы счастья, обещанные непутевой птицей.

Куры доверяли Альке. Собирала яйца в подол платья из гнезд, о которых только она знала. С курами говорила ласково, и даже зловредная Пеструшка, клевавшая свои яйца, всегда ощипанная сородичами, и потому, по мнению Альки, самая умная, склонив голову, косила на девочку желтым глазом. Алька жалела ее и корм отсыпала отдельно.

Любила Алька сидеть, затаившись, у муравьиной кучи. Чем-то муравьи напоминали ей людей, суетившихся в своей бестолковости. Но, взглядевшись, их заботами можно было жить часами. Наверное, они, аккуратные и подтянутые, осуждали Альку за безделье и все же любопытства ради заползали на голые колени и цветное платье, ища для себя работы. Алька соломинкой с осторожностью осаживала их, стараясь не повредить.

И вдруг мир резко стал тревожно-синим. Усилием воли Алька не допускала черноты красок. Отца обвинили за острое слово, связанное с ежовщиной, и увезли неизвестно куда. Семья покинула уютную факторию и переехала в Енисейск – город юности матери. Беззаботное детство кончилось в медвежьем углу, но розовый цвет комочком свернулся в изболевшем сердце и до поры-времени хранился и оберегался в памяти.

Этот свет вспыхнул и разлился внезапно с рождением девочки, которую никто не ждал. Девочку

принесли из роддома утром, оставив розовый сверток на поечение Альки. Сбежав от трудностей, ушла в общежитие старшая сестра. Младшая, бойкая не по годам, ходила к богатым родственникам, где ее любили и где мыла посуду, полы и потому питалась лучше остальных членов семьи.

Алька не любила чужие дома. Копаясь в огороде, вспоминала свой медвежий угол с чудесными радужными красками. А розовый комочек с голубыми глазами кричал, ворочался в большой бельевой корзине, и не верилось, что он называется сестренкой. Вечером мать свернула бумажные трубочки с написанными именами. Тянуть их должны были по очереди, но Алька заупрямилась: «Вас никогда дома нет, потому как хочу, так назову».

Домашние подивились твердости молчаливой и сдержанной Альки, махнули рукой: «Не все ли равно, как назвать малютку?» – и разбежались по своим делам. Алька ребенка нарекла Маргариткой, в честь своей задушевной подружки, а может, в честь незамысловатого цветка. Связав вольную жизнь с этим розовым комочком, она, не осознавая того, создавала для нее палитру радужных красок. Даже в стылую пору, в белую-белую пургу, когда несла сестренку в ясли, думала о доме, о вечере, о жаркой печурке, огненно-рыжем пламени, причудливо извивающемся пепле в пылающих поленьях.

Медленно тянется время, но длинна сказка под треск весело горящих березовых чурочек, яркое пламя высвечивает в темноте длинные Алькины космы, и они отбрасывают причудливую тень на стене. И сама Алька, уже задумавшись, уставясь на магический огонь, рассказывая в лицах о коте в сапогах, механически мяукала: «Мяу-мяу-мяу...»

– Ну се лазмявкалась? Дальсе асказывай!

Очнувшись, Алька быстро заканчивает сказку – не любит, когда ее одергивают. И начинается новый сказ сквозь думы, как выбранная семьей небедная крестная отказалась от Алькиной любимицы, и те-

перь сестренка не будет иметь хороших подарков. Богатая выбрала себе богатую крестницу.

В десять лет Алька уже сгущала и разбавляла краски, как старушонка, прикидывая, прибрасывая, сравнивая известное с неизвестным.

Заметила маленькая няня, каким голубым светом загорались глаза сестренки при виде кукол у соседских девчонок. Сама Алька в куклы играть не любила.

– Попроси куклу у отца, когда придет, – и подтолкнула сестренку при встрече с отцом, шепнув: кукла!

И запомнился в жизни тот последний раз, когда отец обманул дочь, пообещав подарить куклу, но, видно, у взрослых свои дела и они забывают обещанное. Глаза отца, темные и строгие, приснились ей ночью. Черной тенью стоял он у кровати, но куклы не принес.

– Да вовсе это не отец был, а добрый волшебник, – уверяла Алька, собирая сестренку в садик. Алька вранья не допускала, и Ритка ее побаивалась. С этого дня молодая наставница недосыпала. Следила, чтобы сестренку не украли: мало ли кто там стоял у кровати?

Не зря разливалась цветная палитра Алькиных красок. Ритка росла впечатлительной. Подслушанное слово, звук поглощала с открытым ртом, в удобный момент доставая нужное из памяти. Мир сказок впечатал в ее детскую голову рассказ о белой курице, бросившейся матери под ноги. Ритка решила, что это колдунья, а соседская бабка сказала матери: «Ой, девка, это к перемене судьбы!»

Так ли, курица ли, как потом выяснилось, оказалась незрячей, а только собрала мать детей и уехала из Енисейска на Север, в Дудинку. Теперь, уже холодный, снова плескался у ног Енисей. Тревожные гудки собирали жителей на общий праздник – ледоход. Карабкались ребятишки, самые отважные, на вершины громоздящихся голубых и зеленых ледяных

пластов. Вздрыбленные громады ползли на деревянные подмости, где гнездились почти игрушечные домики-фанзы, прозванные в шутку Шанхаем. И треск рассыпающихся в крошево льдин наводил ужас на жителей района. Тревожные гудки дополняли страх, и все же было ожидание какой-то надежды...

Полюбился этот северный город. Среди серых деревянных зданий выделялась экзотическим названием «Крыша Парижа» с многочисленными каморками дверей и окон, с магазином и складами. Спустившись от «Крыши» вниз по берегу, можно было быстро дойти до пристани.

Традиция жителей встречать первый пароход была неизменной. Смешно смотреть на пассажиров, приехавших из весеннего Красноярска, как они в босоножках и летних платьях, виновато улыбаясь, сходили на лед. Ритка всегда их жалела. Но никому не выдавала своего секрета эта молчаливая девчонка, почему встречает пароход: среди пассажиров обязательно были девочки, несущие красивые куклы...

В Дудинке отвела Алька сестренку в школу. И потом уже, выбирая путь до школы, ребяташки неизменно проходили через базар, толкаясь между рядами лавок. Базар покупал, обманывал, торговал. Внимание приковывали ярко-багровые ранетки-яблоки, привозимые из Красноярска, и закутанные бабы, торговавшие конфетами по штуке. Вкусно причмокивая, приговаривали: «Сам бы ел, да деньги надо».

Среди горы тряпок возвышался с хрустящей корочкой черный хлеб. Но денег не было, и, потолкавшись среди рядов, шли в школу ребяташки.

Однажды, снуя среди пестрых тряпок, снеди, кричащих торговки, Ритка увидела красивую куклу. Она величаво восседала на прилавке, будто стесняясь этой разномастной толпы. Тугие белые косички завершались голубыми бантиками. Шелковое платье в красный горошек окаймляли кружева. Оранжево-красные губы доверчиво улыбались. От случайных толчков прилавка реснички вздрагивали, и казалось,

что глаза моргали. Неуверенно Ритка подошла к прилавку:

– Сколько стоит?

– Сто, – равнодушно ответила баба, не взглянув на девочку.

Уже подружка теревит за рукав Ритку, а та не может глаз отвести от недоступной игрушки.

– Ну же, опаздываем!

– Да подожди!

Знает Ритка, что куклу все равно не купят: белокурая красавица – сто и булка хлеба – сто. А как она хочет играть с этой недотрогой!

Вечером подкралась к матери, сидящей у раскрытой дверцы печи. Темно, уютно, тени бегают по стене. Щеки матери порозовели от жара. Может, сейчас она в хорошем настроении? Потерлась щекой, ласкаясь.

– Что, двойку получила? Или заболела? – мать тревожно прикладывает руку ко лбу дочери.

– Нет, мамуленька, купи куклу. Сто рублей стоит.

Мать застыла с поднятой рукой:

– Бог с тобой, дочка. Посмотри на Альку. Не юбка, а решето. Девчатам на учебу денег выслатать... Нее-ет...

Молчала Алька, опустив глаза. Поднявшись, мать пошла что-то перешивать. За ней ушла в свой угол комнаты добрая защитница маленькой сестренки.

А Ритка дала клятву, что, став взрослой, обязательно купит себе такую куклу. Ночью ей снилась эта красавица, которая обратилась в многоцветную бабочку. Ритка долго за ней гонялась, но бабочка на глазах меняла цвета, и откуда было Ритке знать, что цветные сны бывают только у впечатлительных людей. А может, виновата Алька с ее многоцветьем чувств?

– Ох и дрыгаешься ты! На-ко! – стоит Алька у постели и протягивает сшитую ночью куклу. Нос, глаза, брови, губы нарисованы чернилами. Вместо

рук-ног – тряпичные трубочки. И кукла-то выгодная: из любого лоскутка можно платье сшить. И новорожденную назвали Катериной. С блестящими глазами Ритка побежала в школу, а там подружка:

– Вчера я упросила папу купить мне ту куклу. Помнишь? Приходи вечером поиграть.

– Нет, не приду. У меня Катерина больна, – и сделала вид, что внимательно наблюдает за Сашкой, который, лихо изворачиваясь всем телом, стоя на одной ноге, подбрасывал другой зоску – кусочек свинца с подклеенным к нему маленьким кусочком заячьей шкурки. Зоска плавно взлетала, а пятка, носок, щиколотка отбивали ровные такты о свинец. Сашка ловкач по игре в зоску. Но, расширяя глаза, Ритка сейчас смотрела на него, чтобы не заплакать.

Уроки тянулись медленно. Наконец придя домой, она внимательно рассмотрела свою дочку. Вспомнив базарную, всплакнула. Слеза капнула на чернильные глаза Катерины, отчего темное пятно начало расплываться. Поспешно стирая слезу с лица куклы, мазала его еще больше. На громкие теперь уже всхлипывания прибежала спасительница. Заглянула через плечо сестренки, обняла:

– У тебя от сырости плесень может вырасти (стишки такие, знакомые с детства).

Алька, быстро подшив лоскуток под ватные волосы куклы, снова нарисовала на нем глаза, брови, губы. Но теперь выражение поменялось, и на Ритку смотрело совсем другое лицо. Прежнюю растрепушку она любила больше. Молча Ритка убрала ее в коробку и долго не доставала. Прошло много лет. Давно закончены детские игры. Волею судьбы родился сын. Пушки и машины вытеснили мысли о куклах. Но однажды, понаблюдав, как маленькие мамы любовно выбирают кукол-дочек, не выдержала и купила куклу себе. И не потому, что дала клятву, а чем-то отдаленно напомнила она ей ту далекую, недоступную красавицу. Попадет ли она в любимицы еще далеко не родившейся внучки? Вряд ли. Имея много, не пой-

мешь малого. А кукла Галка застенчиво улыбается, как бы говоря: «Кто поймет мою доверчивую улыбку, будет счастлив всю жизнь».

Что из того, что цветок-мечта так поздно расцвел? Это о нем пела Алька своим тоненьким детским голоском, а она знала толк в цветах и учила не сгущать грустные краски.

1980 г.

КУКОЛЬНАЯ МОЗАИКА

В представлении взрослых есть мнение, что ребенку не нужна точность изображения. Пусть дети не умеют точно нарисовать виденное, но конкретное любят.

Я помню детство. С куклами туго, но престижно иметь хорошую куклу. Кто ее не имел, делали самоделку. Редко любили «пупсиков» – целлулоидных кукол, в большинстве со сросшимися ногами – некое подобие человека, на таких нельзя надеть ни башмаков, ни трусов. Любили тряпочные самоделки с руками, ногами и пусть нарисованными лицами, но зато с глазами, какими хотели, – по цвету и разрезу, с пышными волосами из ваты. Самодельных красавиц обували и одевали в изделия, сделанные своими руками.

«Будет день – будет пицца» — так говорит всегда моя мать перед неопределенностью завтра или трудным начинанием. Мечта о коллекции была завтрашней пищей. Однажды купив куклу, напомнившую мечту детства, стала замечать, что хочу купить еще и еще. Но не всегда попадались красивые куклы, а хотелось, что получше. Поэтому постепенно появилась небольшая коллекция. Не имея достатка в детстве (да и кто его тогда имел?), жалею выброшенных кем-то кукол. И если случайная находка цела (не имею в виду одежду, которую выбрасываю), подбираю, ошпариваю куклу кипятком, мою с мылом, делаю прическу, шью

одежду – и новорожденная готова. Вместе с купленными получилась неплохая коллекция. Жаль, что в нее не входит фарфоровая китайская кукла, которую по дороговизне мне в детстве так и не купили.

Однажды в Ленинграде, придя к знакомым, стала свидетелем такой сценки. Дедушка семейства выбросил куклу, развалившуюся на части. Внучка, придя из школы, бросилась искать по помойкам свою ненаглядную, говоря, что починит ее. Но мусор увезли, и долго еще слышался по комнатам плач девочки: «Зина ты моя Зина». Больно было смотреть и на дедушку. Возможно, из девочки выйдет хорошая мать. Ведь не зря же говорят: «Как играешь, таким и будешь». А дети сейчас играть не умеют. Немногие мамы могут передать искусство игры с куклой. Иногда наблюдаю: разденет ребенок куклу, побьет ее головой об пол и забросит. Имея не одну, даже имен им не дают. А поговорить с ними, поиграть, поучить, роль мамы почувствовать – там и близко нет. Как же детей в роддомах не будут бросать? Все с яйца губится...

А теперь приступлю к краткому описанию моей непростой коллекции. Вот, к примеру. Галка. Это моя самая первая покупка двадцатипятилетней или даже более давности. О ней написан рассказ, но она нисколько не зазналась. Наоборот, когда появилась вторая кукла – Маринка, с морскими зелеными глазами, Галка обошлась с ней ласково, не замечая ее высокомерия, и Маринка сдалась – вернее подружки не найти. Подаренную немецкую Кэтрин-Катьку они долго не признавали, как и она их. Не подходил ее импортный брючный костюм к милым кружевным русским платьицам. Не хотела иностранка и русский язык учить. Но голод не тетка, и, если иностранка просила «зуб» вместо супа, девчонки, похихикав, добродушно показывали ей зубы, а потом все-таки кормили ее. В общем-то она оказалась симпатичной девчонкой и, освоившись, стала прекрасной рассказчицей сказок Гофмана. Рыжекудрая Ирка с

синими глазами может кого угодно обвинить, сама оставшись правой. Фантазерка, она, проспавшись, не знает, что приснилось, где выдумка, где правда. Рыжекудрая Атэ – ее тайная кличка. Но Ирка этого не знает, иначе маленькое сердце разорвалось бы от обиды. Ее не надо было свергать с полки, как Атэ с Олимпа. Машенька пришла с улицы. Девочка, бросившая ее, выросла у нас на глазах, стала пить и курить. Как брошенное дитя, утром кукла в грязном платье, лохматая сидела на подоконнике в подъезде. Теперь Машка у меня принцесса. В кружевных панталонах и платье, с бантом в отмытых волосах, любит всех, и ее все. Для нее давно аксиома: все познается в сравнении.

Приезд Золушки был настоящим праздником. Как никто, она пожаловала из магазина в коробке, где лежали бальное платье, серебряная корона и чудесные серебряные туфельки. Сама же Золушка была с метлой и одета в простое фланелевое платье. Что тут началось! Пошла такая генеральная уборка, какой куклы не видели со времен коронации французских королей. После этого Золушка переделалась и свою «лягушачью кожу» – старое платье – хотела сжечь. Но Машка платье спрятала, по принципу: в большом хозяйстве все сгодится.

Аллочку мне подарила Аллочка. Она уезжала на «материк», и мама убедила ее, что в первом классе в куклы уже не играют. Куклу выбрасывать жаль, и Алла подарила ее мне. Так и сидит моя отличница в коричневом платье и сшитом мной нарядном белом фартучке. Тихая, серьезная, похожая на свою маму. Пока ничего примечательного в ней нет, но, может, когда-нибудь кто-то из двух Аллочек захочет свидеться, тогда я посодействую встрече. Детство незабываемо.

Хельга и Ниночка еще маленькие, им по пять лет, но лиха схвачено ими уже не по-детски. Голые, грязные валялись они у осенней лужи. Но как сказал Воланд, «...причудливо тасуется колода! Кровь!

Порода!» Немочка и русская. Подслушанное, услышанное впитывают в себя. Что-то из этого разовьется! А пока – хитрые глазенки. Лариска — вольная, как ветер. Любит свободу. Чайка. Эта долго не удержится, ее все равно куда-нибудь унесет. И не от нее это зависит. Воля крыла сильнее. Звездочками загораются ее глаза при свете лампы. Взлетит, канет в неизвестное и ни о чем не пожалеет. Лети, чайка. Твоей судьбе нельзя завидовать и осуждать. И тоску твою никому объяснить невозможно. С Богом!

Варвара-краса, длинная коса – сочинительница русских сказок. Нет бабушки-сказительницы. Варвара ее заменяет. Часто спрыгивает с полки, никак ей не сидится. Ну что ж, мир велик. Чтобы сочинять, нельзя сидеть на одном месте. Бог в помощь!

И последняя по женской линии – кукла Наташа. Она самая большая и серьезная. Куклы все называют ее мама Наташа. Ее седые волосы всегда уложены, в лице почти нет юности. Откуда она и для кого предназначена, никто не знает, но кукольная семья сделала ее мамой, за что она благодарна и, кажется, со своими обязанностями справляется.

Стоит сказать еще о зубастой Ленке, которая перечит даже самой маме Наташе, впрочем, ее капризы недлительны.

Есть Андрушка, которого все любят и по очереди таскают в голубом конверте. Прославленный Стефка – герой рассказа-этюда, изображает из себя взрослого мужчину. И еще Федя-турист, мечтающий хоть один разок пройти по тундре с мужем хозяйки. Федя – растрепан, потерял рюкзак и сапоги, ну уж такие эти мечтатели! И кто знает, может, девчоночье презрение к нему теперь обернется в будущем тоской неразделенной любви, когда женщина не только не помнит себя, но и все суетное кажется ей мелочным во имя бесшабашной и бурной его жизни – только быть бы рядом.

ОГДО

Не растерять воспоминаний...

Сезон в пионерлагере уже в разгаре, а к нам привезли еще двух девочек. Одна из них Дуся Аксенова, вторая – Катя Чуприна. Видимо, их привез сопровождающий из далекой тундры. Огдо молчалива, часами сидела на веранде, не по годам задумчива, ни с кем не заговаривала первой и на вопросы отвечала односложно. Только в столовой Дуся говорила, будто себе:

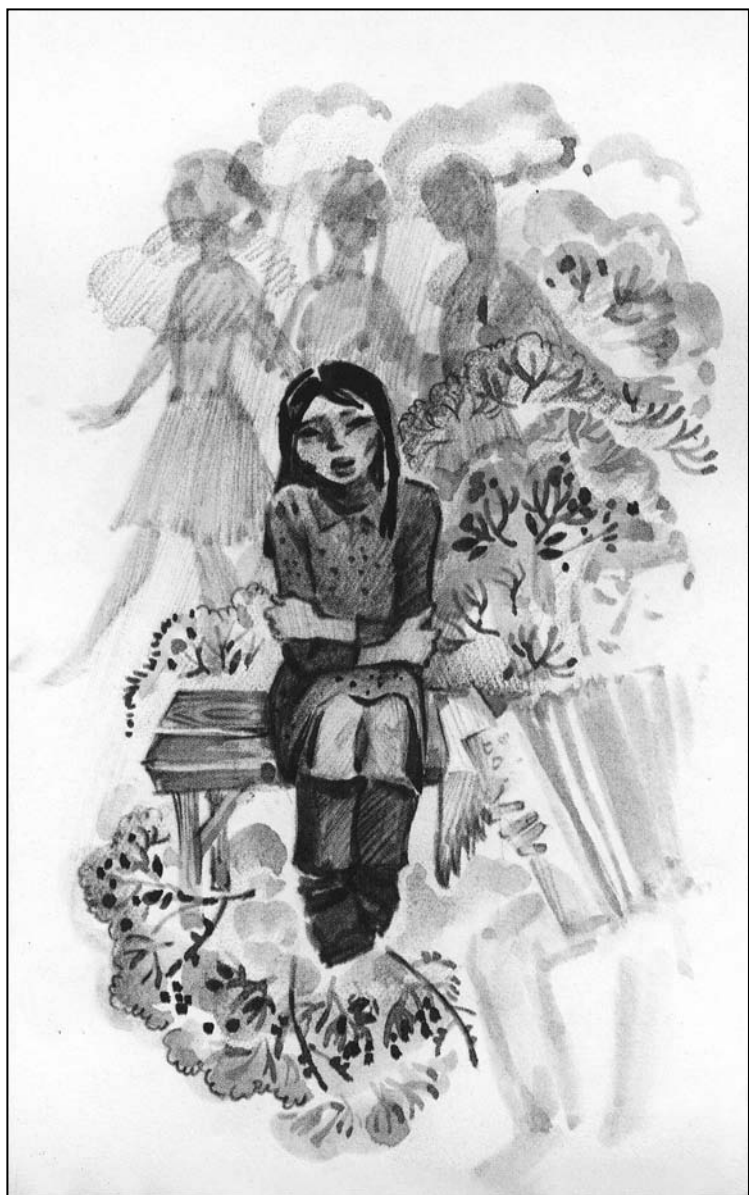
– Опять хатлеты – надоело!

Видимо, привычка к рыбе и оленине брала свое, и редко что ела она с удовольствием. Сначала улыбалась Дуся нечасто. Дудинских детей в лагере мало. Научившиеся общаться с местным населением, мы сочувственно отнеслись к девочкам: старались ввести их в наши детские игры, но они упирались. Были они старше нас и, наверное, стеснялись.

Любила Дуся смотреть на танцующих. В летнем домике, в небольшом зале лихо отплясывали старшие девочки возраста Дуси. Мальчишки казались нам такими взрослыми, что вначале мы робко жались у стенок.

Конечно, старшие при случае не стеснялись «мелочи» дать «тычка», но мы позже осмелели и пристраивались в последние ряды танцующих. Очень любили танец «Па-де-грас» (большой шаг), старательно тянули носочек и чинно приседали, поглядывая из-под ресниц на Гену – нашего аккордеониста с немецкой фамилией, не помню какой. Не было ни одной девчонки, которая не влюбилась в Геннадия. В антракте играл он классику, и все слушали зачарованно, не зная названий произведений, а главное – никто не пытался танцевать под эту виртуозную музыку, даже форсунья-балерина Ленка Фаюткина.

После антракта снова становились в ряды танцующих (как всегда, после взрослых девочек), и снова мир танца поднимал нас над землей. И тогда вспо-

минался рассказ моей бабы Степы, как во сне: стоит танцмейстер с палочкой-указкой в центре круга, и все боится спутаться с шага – стыд-то какой!

Вот и нам стыдно спутаться с такта в отличие от современной толчеи. Строгий ряд по два человека, движения – отработаны на репетициях с Геной, и стыдно подвести учителя. А Гена вроде и не смотрит на нас, только едва заметная улыбка и полузакрытые глаза кружат нам и без того одурманенные головы.

«Да что ты, каменный, что ли?» – думает каждая из нас.

Но мы для него просто «мелочь», которую положено развлекать за плату. И наши вытянутые носочки не тронули ни единого фибра его сердца, видимо подаренного кому-то...

Надо было видеть лицо Дуси: оно светлело, раскосые глаза становились большими. Чуть наклонив голову, сцепив руки на коленях, она прятала ноги, обутые в кирзовые сапоги, под скамейку и будто тоже отсчитывала такты. Вовлечь ее в танец не под силу никому. Она могла сердиться так, что мы ее боялись. Но если Дусю не трогали, она становилась мягче, иногда прорывались рассказы о доме, и тогда милей и понятней ее не найти.

Наконец я нашла Дусину слабину. В выломанную дырку забора мы с ней убегали в лес. Голубика еще зеленая, но это не мешало поглощать ее горстями. Цвела брусника, запах кедрача и хвои смягчал волевою девчонку, делая Дусю мягкой, спокойной и улыбочливой. И хотелось рассказать ей свои секреты, пока нехитрые. И она с благодарностью принимала словесный скарб, но хранила верно, не выдавая тайны, как русские девчонки своей болтливостью. Все было ею хранимо навечно. Но все-таки наедине бывать с Дусей удавалось редко: возраст требовал выхода энергии, смеха, а смена настроений и детская насмешливость переходила в непонимание не только других, но и себя. А Дуся была ненавязчива и понимала это.

Вспоминается для контраста другая девочка, привезенная вместе с Дусей, по-моему, старше ее (так нам казалось) – Катя Чуприна. Высокая, тонкая тростиночка, мало похожая на долганку, почти девушка. Она хорошо танцевала, открыто косила глазами на Гену и ближе всех была к нему: пела песни высоким, чистым, приятным голосом, входила в образ и нас повергала в дрожь. Глаза ее впивались в Гену, когда она пела о селе, где «горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело». Искры бегали в глазах у Гены, когда Катя распевала о девке, которая вязала снопы и пела, что «на свете любо жить, если честно дело делать, если труд свой полюбить...». А мы по-детски ей завидовали: вот так Катя! А Гена и не каменный вовсе...

Часто вечером вожатая, уходя на планерку, просила Дусю последить за нами, чтобы все спали. Вот тут-то все и начиналось! Дуся хитро провожала вожатую взглядом, заговорщически поднимала палец, что означало: подождите, пока вожатая уйдет далеко. Затем первая вскакивала и командовала: «Давайте!»

И начинались ужастики – рассказы... Поднимался визг. Близко сдвигались кровати, и даже щели между ними прокладывали съезжавшими с них матрацами. И тогда наступала «братская поддержка». Дуся тоже визжала с нами, иногда для страха тыча кого-нибудь под бок. И стены готовы были лопнуть от ужаса, а если б дом мог ходить, то убежал бы от нашего рева. И тут являлась вожатая, потому что от таких воплей могли бы получить инфаркт даже лешие в самых дальних болотах.

Шум стихал мгновенно, а Дуся невинно терла глаза кулаком и говорила как бы во сне:

– С холохойки сбежали, а холохольчик звенит, догонит.

Это она о покойнике. Умеет наврать. Темно и страшно, и все прячут головы под одеяла. Вожатая еще долго сидит, зевая вслух. Сон приходит незамет-

но. А утром все как рукой снимает. Солнечно, тепло. Гена с аккордеоном на зарядке. И снова в столовой ворчливое Дусино изречение:

– Опять хатлеты!

Очень Дуся любила читать. И, освоившись с нами, могла сказать, если книга была интересной:

– Уйди, а то сапогой пну...

А иногда уставится в одну точку немигающим взглядом, и как будто нет ее. О чем думала? Лучше ее не трогать. Сама подойдет, когда ее «ступор» пройдет.

Вовлечь в танцы мы Дусю так и не смогли, хотя она всегда с удовольствием шла на танцплощадку, но молча наблюдала за танцующими. И еще она призналась нам, что любит слушать Гену, когда тот виртуозно играет классику в антракте, как всегда, полузакрыв глаза. Не эти ли лукавые мелодии Монти, Листа и Брамса тронули тонкую душу поэтессы Огдо? Или ветры Севера продолжили работу, и о том до сих пор поет барган?

Говорят, что узнать можно, был ли человек счастлив, только после его смерти. Стихи живут – значит, Огдо счастлива. Была бы жива – затаилась папироской, и это тоже счастье в хорошие минуты. Помня об этом, по поверью, долганы несут ей на могилу пачку «Беломора» (не сигарет! – не любила их). Вдруг да пригодятся?

ЛОЖКА ДЕГТЯ

Сколько воды утекло с тех пор, а Енисей помнит многое, памятное. Не едут теперь ребятишки в пионерлагерь «Курейка», а известные пионерлагеря «Таежный» и «Тесь» и вовсе стерли память об этом незабываемом милом рае детства. Где теперь эти уютные двухэтажные дома с просторной спальней на втором этаже, пионерской и двумя большими тамбурами на первом? Ездить в «Таежный» было престижно: сын-

кам и дочкам начальников чаще попадали путевки. Мне больше нравилось ездить в Курейку. Сначала огорчалась, что путевки в «Таежный» не доставалось, а затем, съездив туда раз, сама стала проситься в Курейку. Там простору больше. Кругом кедрачи подступали прямо к ограде лагеря, и через выломанную доску можно было уходить гулять в лес. Шишки не успевали дозревать до нашего отъезда, и, набирая их липкими, но уже круглыми, с молочным орехом, везли дозревать дома под кроватью, как опытные, выдавшие виды знатоки леса.

Вожатыми были чаще девчонки из норильского техникума, и на нас мало кто обращал внимание. Можно было не обедать, обед заменяли печеные на костре шишки и картошка на берегу Енисея, а запить – воды хоть облейся. В общем, воли сколько угодно, нет страха перед темнотой. Лагерь мальчишек расположен далеко и отдельно, не было распущенности нравов, и мальчишки смотрели на нас затаенно, а мы – горделиво, но смущенно. Наверное, Курейка и воспитала во мне любовь к свободе. Вырвавшись из суеты, попадая в лесную тишину, мечтала по-детски: я – графиня, а это мой запущенный сад, и в особняк свой могу не ходить, а когда вернусь через очень много лет, пусть меня никто не узнает.

Но призывы горна звали в лагерь, а темнота и шумящий под ветром лес начинали наводить на меня ужас. Летела так, будто кто-то бил по пяткам, а сердце жутко и приятно замирало. Так было каждый день. После обязательного подметания вокруг дома и уборки внутри можно безнаказанно исчезать в лес. Но однажды такой порядок нарушился. Наша вожатая Тамара объявила, что сегодня будет встреча необыкновенная. Нас поведут в поселок к памятнику и музею вождя. И это еще не все. Черные узкие глаза Тамары сузились до щелок. Нас познакомят с рыбаком, который видел самого вождя, водил его на рыбалку.

– Вот такой сюрприз, – заключила Тома.

– Ура! – во все горло закричали мы. Собирались недолго. Пионерские формы наглажены, даже уголки галстуков отутюжены настолько, что можно обрезать. Парусиновые туфли начищены зубным порошком до сметанной белизны. Двинулись с задорной песней: «Мы живем под солнцем золотым...» При подходе к поселку Тамара велела запеть песню «О Сталине мудром, родном и любимом...». Мы подходили к памятнику, у подножия которого красивая клумба с цветами. За ней располагался большой стеклянный павильон, внутри его – деревянная избушка. Экскурсовод подробно рассказывала о всех лишениях, которые перенес в этой ужасной ссылке вождь. Домотканые дорожки, утварь соответствовали хорошо ухоженной крестьянской избе. Но мы ждали главного: какой он, этот рыбак, как он разговаривал с вождем – просто или боялся? Ждали долго. Наконец прибыл какой-то корреспондент из центральной газеты с фотоаппаратом, и к нам подвели небритого мужчину с бородой, почти старика. Его усадили между нами, надели шляпу, подняли ему правую руку, согнутую в локте до уровня плеча, а левую опустили чуть ниже. Получилось, будто он нам что-то рассказывает, корреспондент ухватил этот момент. Затем поменял старику расположение рук на обратное – зеркальное, чуть сдвинул шляпу, и, повернув старика вполоборота, еще щелкнув нас несколько раз, велел расходиться.

– А как же рассказ, дедушка? – закричали мы, но старик будто оглох. Ничего от него не могли добиться. То ли вправду он был нем, то ли чего-то боялся, то ли боялись те – повыше – за себя.

Настроение испорчено. Даже если бы нам грозила казнь, мы, любители попеть, ни за что не запели. Доплелись до лагеря и в свои двенадцать лет впервые хлебнули ложку дегтя. Вожатую ни о чем не спрашивали, как сговорились. Не выросло наше поколение лживым, а наоборот, ранимым и отзывчивым, готовым встать на защиту обиженного человека, в сознании правоты и веры в правду.

Как понять вкус нравоучительной ложки дегтя? Никто не знает. Наверное, действительно деготь не только лечит, но и очищает от всякой нечисти вместе с времечком-лекарем.

1990 г.

ЕВГЕНИЙ ХИТРЫЙ **(ЕВГЕНИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ КЛИМОВ)**

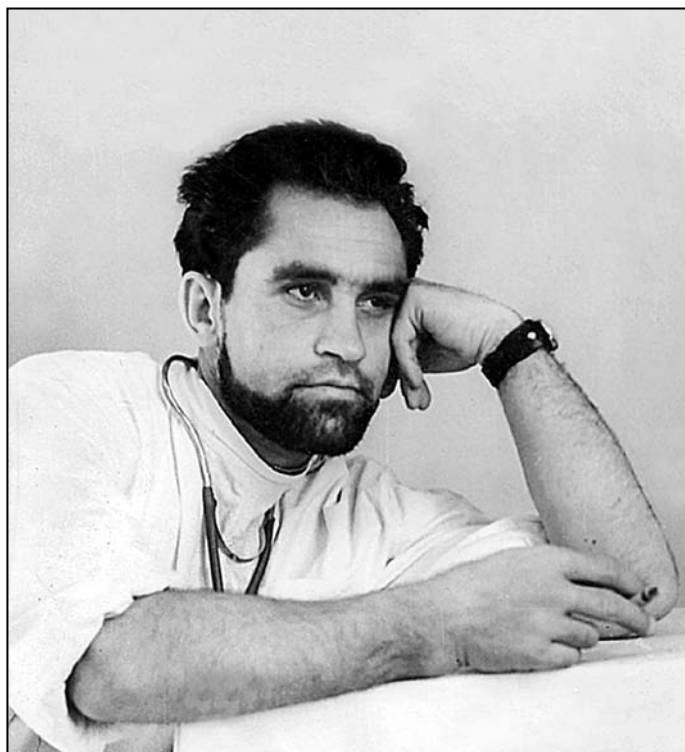
Это то же самое, что и мудрый, но прищур черных глаз взирал на девичью ораву с ехидинкой, в которую мы были влюблены. В то время мы, конечно, были модные шляпы без головы. А молодой хирург всегда с улыбкой вплывал в аудиторию в своем неизменном зеленом костюме. И невдомек нам было, что, может, единственном.

Двойки Евгений Арсентьевич ставил хотя и неохотно, но улыбаясь так, будто ставит их себе. В следующий раз он обязательно спрашивал двоечницу, и, зная эту милую привычку, мы учили уже назубок.

Ходил Евгеша (так мы его тайно называли) между рядами сидящих студентов, заглядывая в конспекты. Проверял, успеваем ли записывать, и по обстановке повторял сказанное. Иногда он останавливался возле кого-нибудь, и тогда от него исходило какое-то тепло доброты.

Мы все были влюблены в него, но, как все молодые, только до порога: с глаз долой – из сердца вон. На молодежных вечерах мальчишки кружили нам головы, дурман молодости вспенивал кровь, и, забывая все на свете, сердце выстукивало: «Имя твое повторяю я, мучаясь и любя».

Не хватало переменок между лекциями, чтобы поделиться секретами, и прихватывали минутки во время уроков при ответах студентов, так как при конспектировании новой темы было не до того.

*Евгений Арсентьевич Климов,
1961 год*

Евгений хитро щурил глаза на шепчущихся, и, когда он начинал улыбаться, продолжая щуриться, становилось стыдно, и мы прекращали свои излияния. Замечаний Евгений не делал. Это был отменный педагог. Помню, как однажды наш Евген уехал куда-то на месяц, и курс хирургии стал преподавать хирург Балабанов из параллельной группы. С первых занятий назвал нас «климовцами», что мы незнайки и кохер путаем с плоскозубцами, не знаем десмургии (искусство наложения повязок) – как лапти плетем. Двойки летели в журнал, а он злобно, с улыб-

кой обнажал мелкие зубы и покрасневшие десны. Мы отказывались отвечать: чем лучше зубрили, защищая нашего учителя, тем грубее становился Балабанов.

Наконец пришел наш Евгений и не в своем зеленом костюме, а в новом, и мы невольно зааплодировали, не сговариваясь. Время было тяжелое: зарплата маленькая, семья – не до костюмов. Евгений улыбающийся, с хитрым прищуром, смутился. Поднял руку. Овации стихли.

Мы сели, но тишина была опасной. Когда оскорбляют много девушек, и бомбы мало. Тут нас, «климовцев», и прорвало. Как родному отцу, мы жаловались все враз, выкрикивая обиды, свалившиеся на нас без него. Евгений хитро щурился на наши реплики, выслушал, сколько мог, и поднял руку. Мы замолчали, думая, что он сейчас поддержит нас и похвалит за такую любовь к нему. Но улыбающийся Женечка стал серьезным и стал втолковывать нам, будущим специалистам, о коллегиальности в коллективе так просто, доходчиво, человечно. Вот это достойный поединок! Он стоял перед нами в новом костюме, и мы поновому смотрели на него: еще одна грань открылась нам. Может, в душе кипит, а он спокойно улыбается с хитрым прищуром глаз – и ни одного плохого слова о коллеге. Вот это интеллигентность!

Учить мы стали хирургию еще лучше: не боясь, учитель, если надо – не подкачаем. И до сих пор вклиниваются в речь медицинские термины. Вместо обыденного «урчит в животе» скажешь «перистальтика» и не замечаешь, что не всем это понятно; кажется просто и кратко – сокращение кишок, – а заменено одним точным словом.

Петрушка – так мы называли Балабанова – являлся к нам, с порога волоча ногу или махая болтающейся рукой. Он подходил к кому-нибудь из студентов и предлагал назвать диагноз. С ходу. Если мямлили «вывих» или «подвывих», он бежал к журналу и ста-

вил двойку. В следующий раз – жди нового спектакля. Педагогика разнообразна, у каждого свое кредо. Но Балабанов любил только своих студентов, и мы не понимали, почему такая неприязнь к нам...

Наш Евгений хорошо рисовал. Как живые, мелькали ножки балерин с обозначенными суставами. Скульптурные головки соревновались красотой то плечиком с ключицей, то кистями рук с отточенными пальцами. И все это виртуозно, по ходу объяснения. Маг действовал обычным мелом и невидимой ниткой полуоткрывал наши рты. Пальцы, сжимавшие ручку, застывали над конспектами, а Женя-художник чуть отходил от доски и, склонив голову, смотрел на рисунки, как скульптор на свою Галатею.

Втайне, наверное, спорит Женя-хирург с Женей-художником, потому что к врачеванию он относится, как к искусству. Разве не дар Божий его стремление удалить приобретенный дефект или восполнить недоданное природой? Виктор Алексеевич Кузнецов знал толк в людях, и не зря у него, главного хирурга, Климов был правой рукой.

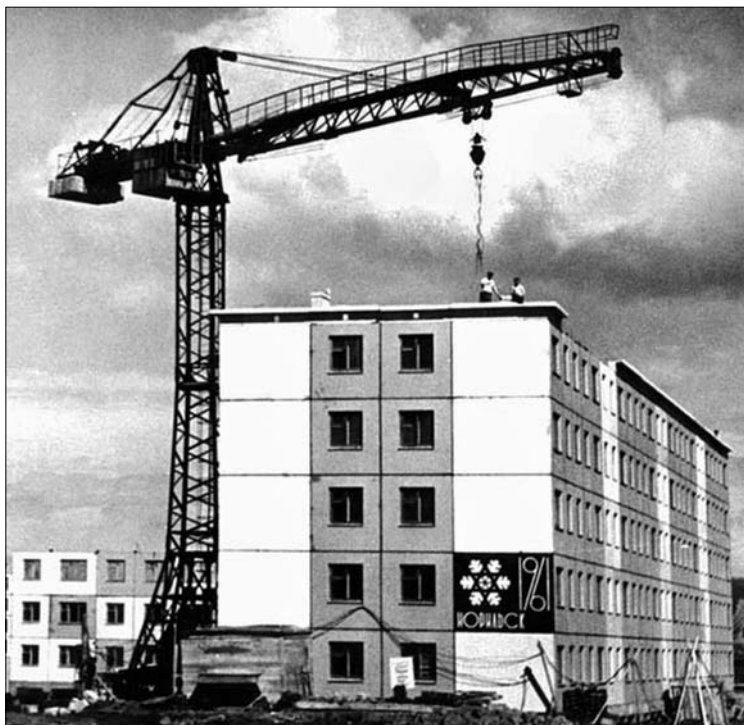
Евген не тряс перед нами пустым рукавом, а учил нас при участии больных собирать анамнезы (морби и вите – болезни и жизни), а затем уж ставить приговор человеку по симптомам. Перекрестные вопросы, которые при нас задавал Евген больным, учили краткости записи, иначе пациент уведет в такие дебри, откуда выбраться на вершину диагноза трудно.

После десятилетки он стал нашим учителем и по жизни. Он умел сдерживаться, гнев заменить шуткой, но это не мешало ему оставаться строгим и добиваться нужного результата.

Спасибо Вам, наш Женечка, за уроки доброты, за воспитание уважения к себе и людям, за щедрость Вашего сердца и за знания, которые пригодились в институте, – легкий рюкзачок, подаренный Вами, не оттягивает плеч, с ним легко идти по жизни.

От редактора. Воспоминания о жизни и работе в Норильске Евгения Арсентьевича Климова опубликованы в этом издании в 3-м томе, а в 4-м томе о своем муже рассказала Клавдия Ивановна Климова. Там же Анатолий Львович Львов писал: «Разглядываю дружеские шаржи»: во многих норильских семьях есть рисунки Е.А. Климова. Выставка его картин в фойе городской больницы, которую он возглавлял долгие годы, всегда привлекала внимание норильчан.

НОРИЛЬСК первых десятилетий

**Из почты
Анатолия Львова**

А.М. Львову – из Вырицы Ленинградской области

С большим интересом прочитал Ваш очерк в «Заполярной правде» за 10 марта. Вы в нем коснулись лагерного бытия, и поэтому хочу остановиться на этой стороне жизни Норильска. Она очень мало освещена, как снаружи, так и внутри лагеря. Сейчас, может быть, уже есть возможность полистать архивы Норильлага и осветить принципы и реальные действия этого спрута. В прошлом мы, вольная когорта технарей, и они – служители тайного сталинского культа – жили совершенно обособленно, каждый сам по себе. Кажется, не было никакого общения, совершенно никакого. Вся общественная жизнь, развитие города находились в руках вольных деятелей, но исполнение «принципов» таилось где-то во мгле огромной, тяжелой, темной массы людей. Кто руководил этой массой, кто они, эти вершители судеб тысяч и тысяч людей, мы не знали. Мы их видели, но кто такие, каков их интеллект, было нам неведомо.

Я говорю это от себя, но примерно в таком состоянии находилось мое окружение...

Во взаимоотношениях с заключенными мы руководствовались общечеловеческими принципами этики, морали. Мне казалось, что в Норильске эти принципы внедрялись Завенягиным и его окружением, в частности, в чем я убедился, Ольгой Николаевной Лукашевич.

Все, чего добился Завенягин, сохранялось впоследствии его преемниками (хотя во время войны Панюков санкционировал иногда крайние меры). Всегда сохранялось право за вольными руководителями использовать поощрительные меры, и администрация лагерей беспрекословно исполняла

требования. Я много лет постоянно представлял всех, подчеркиваю, всех заключенных сотрудников к пользованию всеми возможными поощрениями в питании, одежде, бытовом обслуживании, и никогда, никогда не было отказа в этом. Хотя могла быть совершенно очевидной тенденциозность моих представлений. Никто не пытался проверить мои действия. Почему?

Я думаю, администрация лагерей ощущала жестокость лагерных уложений, но находилась в жестких рамках своих уставов и от себя не могла проявлять какое-либо милосердие, снисхождение. Но если мы этого требовали, то с облегчением шла навстречу. Вот пример.

Как-то инженер Ильин попросил у меня немного спирта, чтобы протереть и привести в порядок некоторые приборы. Но он его выпил и вечером прибыл в лагерь в состоянии эйфории. Чрезвычайное происшествие, и Ильин угодил в карцер. Утром мне сообщили об этом, я позвонил в лагерь, попросил освободить Ильина и привести его в цех. Ответственность за все случившееся я принял на себя. Через полчаса Ильин был передо мной, смущенный, признался, что выпил в связи с «совершившимся» вчера его пятидесятилетием.

В этом примере я хочу показать готовность администрации лагеря поступиться даже прерогативами своей лагерной жизни, если представлялась такая возможность.

У меня остается убеждение, что среди администрации лагеря были порядочные люди, оказавшиеся в ужасном положении стражников, да еще во времена Сталина.

Не берусь утверждать, что везде или все они были таковыми, но в норильских лагерях № 2 и № 6, с которыми я имел дело, такие люди были. Лично я их не знаю, даже не встречался, но у меня было и осталось к ним чувство какой-то признательности за благие содействия. И, задумываясь, задаю себе

вопрос: а легко ли им было жить со своей совестью? Наверно, нелегко, и, может быть, поэтому они с такой готовностью воспринимали усилия Завенягина и других к улучшению быта лагерей.

Вспоминаю чудесный рассказ Жженова в «Огоньке» и повесть Льва Разгона в «Юности». Там жесткие в своем положении люди – оперуполномоченный и начальник тюрьмы – совершают спасительные действия. А скажите, каково им при этом было жить в окружавшем их мире? Вот еще темная сторона жизни...

Вы, возможно, имеете право окунуться в архивы Норильлага. Загляните туда, нет ли там каких-либо черт сопротивления зверскому нажиму власти, может быть, исподволь. Понимаете, сопротивление в самом логове власти, сопротивление в мундире власти! Это так важно.

*От всей души желаю Вам успеха,
Киреенко.*

От редактора.

Федор Трифонович Киреенко родился в январе 1912 года в Севастополе. После школы и рабфака был откомандирован в Магнитогорск на строительство плотины на реке Урале. В разгар работы Киреенко заболел малярией, по совету врача переехал в Иркутск на строительство моста через Ангару.

В 1934 году Федор Трифонович поступил учиться в Казанский химико-технологический институт, по окончании Ленинградского технологического (куда перевелся на 4 курсе) в 1939 г. был направлен на комбинат «Североникель» в Магнитогорск. Решением правительства в начале войны предприятие эвакуировали в Норильск. Здесь Ф.Т. Киреенко включился в работу опытно-металлургического цеха комбината. До выезда на работу в «Гипроникель» в Ленинград он возглавлял до 1955 года ОМЦ и стал первым норильчанином, который был дважды удостоен Сталинской премии.

Тема отношения к заключенным в норильских лагерях всегда волновала Федора Трифоновича Киреенко. Он работал рядом с ними и очень остро ощущал несправедливость государства к ним. О своем первом начальнике Ф.Т. Киреенко Тамара Георгиевна Ситникова рассказала в первом томе воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...».

В 2000 году Федору Трифоновичу исполнилось 88 лет. Лето он проводил на даче, сюда я и позвонила ему с огромной просьбой написать о норильской жизни: «Хотелось бы увидеть лагерный город Вашими глазами». Он откликнулся ... и прислал свои заметки о Всеволоде Михайловиче Алексеевском с пометкой «На добрую память». Они опубликованы в первом томе нашего издания под названием «Алексеевский умер, не дожив до свободы» (стр. 324–333). Тут кстати будет отметить, что телефон Федора Трифоновича Киреенко мне продиктовал не кто иной, как Анатолий Львович Львов. А об академике А.А. Баландине он попросил написать Тамару Георгиевну Ситникову. Она выполнила просьбу А.Л. Львова. Ее письмо мы впервые публикуем из его архива.

А. Л. Львову – об академике Баландине

Уважаемый тов. Львов!

С большим удовольствием сообщу свои воспоминания о Баландине А.А. (в дальнейшем – А.А.).

Работать мне пришлось с ним с осени 1951г. Работали мы над изучением свойств никелевого порошка с целью улучшения дальнейшей его переработки. Научным руководителем темы был Федор Трифонович Киреенко (далее – Ф.Т.), я нач. участка, А.А. – мастером. Однако, на деле он был для нас главным. В небольшой комнате, где и были расположены все исследовательские установки, он занимал боль-

шой письменный стол. Внешне он был среднего роста, несмотря на свое положение был полноват (немного). Одет в х/б костюм, причем под верхней типа куртки, с передней застежкой, выглядывала нижняя рубашка с завязанными тесемочками. Вид у него всегда был опрятный. Домой, т.е. в лаг. отделение, они уходили в верхней одежде: ватные брюки, ватная телогрейка и еще длинная телогрейка (их называли бушлатами). У него была какая-то маленькая теплая (тряпичная) шапочка. Серые валенки...

Человек он был настолько интеллигентный, что даже одежда не могла скрыть это. Говорил он тихо, небыстро. Рука его всегда была около уха (чтобы лучше слышать). Физически он не производил впечатления сильного человека, и, наверное, к физическому труду не был расположен. Что-то было барственное в его осанке, движениях. Но очень все в мягких тонах. Резких слов и выражений никогда не произносил, даже в критические минуты. Он был очень спокойный внешне, умел шутить и часто улыбался. Под его непосредственным руководством созданы были несколько интересных установок. Я особенно запомнила установку высокого вакуума. Она была создана почти до моего прихода. Вскоре после ее завершения (а большая часть ее была выполнена из стекла) и получения хороших результатов испытаний мне было предложено 2–3 дня поучиться закрывать и открывать краны (тоже стеклянные) с особой смазкой, которую коллектив делал долго (во избежание натекания в установку посторонних примесей газов). Мне это вскоре показалось скучным делом, но А.А. настойчиво просил меня крутить краники, чтобы привыкнуть мне и все это притереть. И не зря! И вот испыт. порошок – в установке, включена печь (маленькая), приступили к откачке системы насосами (насосы установлены ступенчато). Все было очень торжественно и все отработано.

И вдруг, в момент моего прикосновения к трехходовому кранику, у меня дрогнула рука и... в уста-

новку ворвался воздух. Вмиг установки (стеклянной части) как ни бывало... Больше того, ртуть из манометра засосало в печь и началось ее испарение в атмосферу комнаты. Мы как по команде вылетели в коридор, но я снова открыла дверь, зажала рот и нос и быстро открыла форточку. А.А. не успел меня схватить. Все это заняло секунды. Горе было общим. А.А. не кричал, а когда я бурно заплакала, он сказал строго, что плакать будем потом, а сейчас надо думать о восстановлении. Ртуть сконденсировалась на стенах, и на завтра мы приступили к дезактивации. Работали весело! Принесли из сернокислотного цеха элементарную серу, все засыпали, а потом мыли стены хлористым железом. Установку быстро сделали, но ее нужно было снова откачать до, кажется, 10^{-5} или 10^{-6} мм ртутного столба. И ни разу меня А.А. не бранил, разве что подтрунивал. Мы были с ним большие друзья. Думаю, ощущения меня не обманывают и чувства не подводят, ибо объявлений на этот счет у нас никакого не было. И точно, что он проявлял благорасположенность ко многим. Один пример.

К нам пришла лаборантка, у которой вообще не было образования. Ее муж погиб на производстве трагически, двое детей. А.А. сразу же организовал обучение ее (арифметика, русский). И она постепенно стала очень хорошим работником. Во многом благодаря такому шефству. Однажды мы пошли с А.А. в отделение, где плавали никелевые аноды. Работали мы в здании ОМЦ, позади Центральной химлаборатории и старого управления комбината. Плавильное отделение (при цехе электролиза никеля) находилось недалеко. Нашей целью было получить гранулированный анодный никель (маленькими шариками). Идея, скорее всего, была моя. Нам из ковша налили металл в ведро с водой, где веником разбивали струю. Вдруг раздался грохот, все погрузилось во мрак. Слышу голос А.А.: «Вы где?» Хлопок был такой, что вся пыль со стен слетела и

закрыла божий свет. Гранулы в ведре остались, но мы, когда рассвело, покатались со смеху, глядя друг на друга: трубочисты!

Вина за «эксперимент» была моя, но А.А. тоже опасался: ему могли приписать что угодно. Слава богу, обошлось без увечий.

Работали много, эксперименты шли сразу на нескольких установках. Результаты обрабатывали, обсуждали, сидя кружком, всем маленьким коллективом. И если кто-то что-нибудь дельное предлагал, замечал особенности, А.А. всегда доводил это до сведения Ф.Т. Киреенко. Очень любил похвалить, выделить «особую роль» каждого, подчеркнуть даже скромный успех. Мол, мелочей в коллективной деятельности не бывает, от любого лаборанта столько зависит... Много с нами занимался. В актовом зале (был такой в цехе) прочел курс лекций по физической химии для инженеров. Мог бы прочесть не один курс, но трудно было находить окна, а потом А.А. (и других) уводили в зону. Кстати, вместе со мной работал Альберт Николаевич Трус, по-моему, из латышей. У него были золотые руки, он опекал А.А. в лагере, где они жили рядом. Чуть ли не соседями по нарам. Он освободился раньше А.А. и уехал на юг Красноярского края, где его семья находилась в ссылке. А.А. дал ему рекомендательное письмо (не знаю точно, куда и к кому), где высоко оценил его мастеровитость, знания и т.д. Когда я спросила: «А где вы, когда освободитесь, будете работать?», А.А. ответил:

– В Москве. Надеюсь в самой ближайшей перспективе. И возможно, вместе, во всяком случае, сделаю все возможное для этого.

Увы, вскоре кто-то из заключенных заявил, что Трус А.Н. – опасная личность, полицей, загубил много душ собственными руками... До нас дошли слухи, что Трус опять взят под стражу для выяснения. Что тут правда, а что вымысел?

Я испугалась за А.А., но он сказал, что ему бояться нечего, их пути раньше не пересекались. Но,

безусловно, А.А. приуныл, как и все мы, не хотелось верить, что столько лет работали рядом с убийцей. Впрочем, кроме слухов, так ничего мы и не знали. Ровно столько же шансов за то, что на человека возвели напраслину. А о сложностях сугубо практических мы тогда и понятия не имели...

Теперь об отношении к начальству и того к нему.

Ф.Т. Киреенко был настоящим научным руководителем нашей темы. А.А. не раз говорил, постукивая пальцем по столу: «Это человек незаурядный». Они вместе обсуждали все дела, намечали планы исследований – и не всегда так, как хотелось А.А. Иначе говоря, генеральное направление определял Ф.Т., вожди держал в руках Ф.Т., теоретическое обоснование исходило от А.А. Он был прекрасным математиком и любил математику не менее химии. В теоретических выкладках он применял и математический аппарат. (В отчетах это отражено.) И все-таки, у меня осталось впечатление, что А.А. не любил Киреенко*. Тот часто делал замечания, допустим, мне – А.А. принимал их на свой счет. По-моему, зря. Я была молодым специалистом, ни опыта, ни знаний, и Ф.Т. просто учил меня (иногда очень больно), как считал нужным. Ф.Т. был лучшим начальником опытного металлургического цеха за всю его историю. Он знал каждую тему детально, лучше, чем исполнитель. И по каждой приносил журналы, статьи (не только нам). Был лично заинтересован в успехе? Возможно. В будущем работа вошла составной частью в диссертацию Ф.Т. Я ему дала подписку, что не против включения результатов в диссертацию. Как узнала потом, Ф.Т. ездил к Баландину в Москву и разговор у них был не из приятных. Наверное, что-то публиковать А.А. ему не разрешил?

* Судя по статье Федора Трифионовича Киреенко «А.А. Баландин в Норильске», опубликованной в книге об ученом тиражом всего 500 экз., такого впечатления об отношении ученых не создается. В 3-м томе «О времени, о Норильске, о себе...» статью Ф.Т. Киреенко приводит в своих воспоминаниях об отце дочь Нина Алексеевна Баландина (с. 478–509).

Начальство комбината, по-моему, к А.А. относилось равнодушно. Большой погоды А.А. в исследованиях нашего цеха не делал. Он занимался одной темой комбината, т.е. металлургическую часть он не знал. Он ведь не был инженером, и производство его не интересовало. Может, он боялся узнавать «лишнее» о Баландине. Всякий раз, когда что-то касалось производства, он подчеркивал, что для этого есть инженер Ситникова.

Какой-то отчет по теме был поручен мне, т.к. на совещания А.А. не допускался. Зато как он готовил меня! Трижды я «делала доклад» ему лично! Доклад так и не состоялся. Просто были заданы вопросы. Но А.А. ко всему подходил так серьезно и ответственно, что не мог в этом отношении не повлиять на меня, воспитывал!

Однажды он получил письмо из дома. Прочел и сидел задумчивый с озабоченным лицом. Я поинтересовалась, не случилось ли чего. Он ответил, что дочь собирается поступить в университет на отделение журналистики. Слово это в те годы было какое-то непривычное для слуха (моего, во всяком случае) и очень значительное. Но он сказал, что был бы рад, если бы она выбрала конкретную науку, например, математику или химию. А журналистика, по его мнению, нечто расплывчатое и очень непонятное. Нужно знать какой-то предмет, дело, тогда и журналистика не уйдет, если проявится к ней особый интерес и талант. Возможно, он думал в это время не о таланте, а об особой опасности газетного дела для тех, кто им занимался, не исключая, знал о судьбе отдельных журналистов и журналистских коллективов.

Из его прошлой жизни (он иногда рассказывал) многое ушло из памяти. Родители его, по-моему, из Красноярского края, не то судовладельцы, не то управляющие пароконством. Он вопреки воле родителей женился. У него была невеста, кажется, нареченная с детства. Но он, поехав на юг отдохнуть,

встретил свою Валю (если не изменяет память), и все было перерешено. «Родные были недовольны, а мы ни разу за всю жизнь не поссорились». Потому я это и запомнила, что более таких пар не встречала.

С его женой я встретилась в 53 году, в отпуске. К ней доставила письмо. От нее узнала, что его дело пересмотрено, и он скоро будет здесь.

Квартира их находилась где-то в районе зоопарка. После ареста А.А. в квартире поселился милиционер! Занял комнату или две. В оставшейся, где мы беседовали, квадратный обеденный стол был покрыт скатеркой с дырочками. Жена и сестра А.А. (пожилая, видимо, старшая) расспрашивали о всяких мелочах, о которых он никогда не сообщал: как одет, чем питается, имеет ли возможность перекусить во время работы, чем болеет ... Академик, было ясно, своей семье не потерял, как многие, а как это для человека много! Когда знаешь, что о тебе помнят, тебя ждут!

Об отношении к нему окружающих. А оно было, в основном, хорошим. К нему часто заходили коллеги-исследователи, преимущественно из бывших з/к, и ссыльные. А.А. никогда не выпячивал свой патриотизм, а он ему был присущ. Обсуждая газетные новости и прочее, он всегда к событиям относился разумно, безо всякой злобы (хотя аресту подвергся не в первый раз). И часто говорил: «Вот когда я вернусь в Москву...» Т.е. не сомневался, что его дело пересмотрят.

Мы спрашивали его, за что он сидит, он улыбался: «Сам не знаю». Когда его вызывали к следователю, тот спросил: «Вы геолог?» – «Нет, химик-геолог».

Можно себе представить, каково ему было разговаривать с таким интеллектуалом. Больше на этот счет я ничего не слышала от А.А. Как-то приезжал к нам академик Черняев. С комиссией, сразу несколько человек вошли. А.А. тут же поднялся, приложил руку к уху и стоял как-то неуверенно. Черняев, тем временем, сразу после общего приветствия

обратился ко мне. Помню, что его поразила яркость тундровых цветов, вообще краски на Севере. Потом гость повернулся к двери, и глаза двух академиков встретились. А.А., похоже, был внутренне готов к такой ситуации и сразу же спросил, как поживает (назвал имярек – женское имя и отчество). Черняев быстро ответил: «Умерла».

Больше они друг с другом не сказали ни слова. Говорили, что Черняеву предлагали встречу с А.А., но гость отказался. Я его сразу приняла неприветливо: даже не протянул руку А.А.! Но позже моя категоричность как бы подтаяла: «Что я знаю!» Может, Черняев был послан академией с заранее оговоренными полномочиями взглянуть на А.А., определить, не нуждается ли в медицинской помощи, и больше никаких контактов?

Из академиков ему писал один Зелинский. Присылал газеты и лекарства. Когда А.А. освободился, то, как сказала его жена (мы с ней по телефону в 53 г. несколько раз беседовали), он застал Зелинского в живых. Не то слеза выкатилась при виде А.А., не то что-то в этом роде. А.А. был любимым учеником Зелинского.

А.А. всегда угощали домашними пирогами и т.п. Мы, уходя в столовую, покупали булочки или что-то еще. Однажды, когда я кому-то (Это был Ф.Т. Киреенко. – Ред.) ответила, что пойду в ДИТР (там была столовая), чтобы А.А. купить что-то в буфете, – это прозвучало очень громко. Вскоре меня вызвал Киреенко и посоветовал в следующий раз на всю улицу таких заявлений не делать, т.к. могут быть последствия. Я, конечно, учла, но А.А. ничего не сообщила об этом. Времена были строгие.

В последний раз я разговаривала с А.А. по телефону. Он находился в санатории «Узкое» (если не изменяет мне память). Телефон мне, видимо, дала жена. Он очень просил приехать, уговаривая, что это не очень далеко. Но я была... в интересном положении, с молодым мужем. Чувствовала себя ужасно

и не смогла съездить. О чем теперь очень сожалею. Молодости свойственна недалёковидность.

Когда он освободился в 53 г., я была в отпуске. У моей мамы он взял небольшой старенький чемоданчик. Она его угостила молоком с белым хлебом. Его сопровождала начальник нашего отделения Осипова. Знаю, его проводили и с радостью, и с сожалением.

Через какое-то время (я работала с Ферберг М.Б., тоже удивительным человеком) мы прочли в газете, что А.А. вместе с коллективом ученых награжден орденом за работы (по-моему) в оборонных целях (не то по взрывчатым веществам, не то чему-то похожему). Мы послали ему общую телеграмму с поздравлением. И при этом решили, что никакой переписки с ним иметь не будем, чтобы не напоминать о мрачных годах его жизни.

Извините, Анатолий, за сумбурность изложения, за почерк. Если будете в Красном Селе, пожалуйста, можете связаться со мной и поговорить устно. Обратитесь к Говоровой Л.К., она, кажется, живет в Норильске – она тоже с ним работала.

С уважением, СИТНИКОВА.

P.S. И все-таки на память приходят все новые эпизоды нашего общения с А.А.

В лагере з/к жилось не очень сладко, хотя в это время никаких зверств, ничего подобного не было. Жизнь шла по определенному режиму. Однажды, при утреннем построении колонны, произошла какая-то заминка. Конвоиры нервничали, А.А. «не вовремя» обратился с вопросом к одному из них. Тот в ответ ударил А.А., и он упал. Конвоира сразу из лагеря убрали. А.А. в шутовой форме рассказал нам, как он поплатился за свое любопытство. А ведь удар был сильный, и последствия могли быть серьезнее.

Вообще он был хороший человек, работалось с ним легко и интересно. И любил шутить, смеяться.

С питанием в Норильске и неплохо, но до хороше-го далеко. Однажды А.А. изобрел новое блюдо: свежая

капуста с сыром. И рассказывал об этом, смеясь и радуясь как ребенок.

В одну из годовищин Октября он придумал сделать цифру годовищины на фасаде нашего здания из светящихся трубок. Использовали старые платиновые электроды, изготавливали трубки (их спаял стеклодув) и установили под крышей. Простояли они не долго, поднялся ветер, их разбило. Но все равно, маленький праздник удался.

«Последнее сказание»: он был очень интеллигентным человеком с очень высоким интеллектом. На любой вопрос отвечал понятно и просто, казалось, знал все. Уже тогда мы осознавали, что наша совместная работа для него слишком мелка и не соответствует его истинному уровню. Теперь, спустя много лет, я лучше понимаю, какую потерю понесла фундаментальная наука из-за его насильственного удаления из ее сфер. Можно удивляться тому мужеству, с каким он занимался скромной прикладной темой. Не показывал, что прекрасно понимает грустного и смешного несоответствия. Работал серьезно и с видимым удовольствием, общаясь с людьми интеллектуального уровня, несоизмеримого с академическим.

И хочется отметить его русскую речь. Давно не слышу такой. Точнее – крайне редко встречалась с таким чистым русским языком. Одни болтают без точек и запятых, с обилием ненужных слов: «надо сказать» и т.д. Другие мычат, экают, третьи понятия не имеют о падежных формах («начисто!»)...

...Хочется, чтобы образ его был воссоздан уважительно и правдиво.

Еще раз благодарю Вас за обращение ко мне.

Тамара Георгиевна Ситникова.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ А. ЛЬВОВА

Сам себя распял

ЗДРАВСТВУЙТЕ! Я хочу немного добавить к вашей статье «Стены красного бархата». В 1976 году в главное отделение норильской больницы был доставлен председатель совхоза с Курейки, фамилия Нагорный. Имя не помню. Он грек. Семья была выслана с Кавказа по приказу Сталина. Греки жили на современной территории Абхазии, и Сталин стал переселять туда грузин с гор к побережью. Но жилья не было, вот греков и выслали, освободив жилье для грузин. Я бывал в Гантиали, останавливался у русской хозяйки: она там живет с 1936 года и мне все объяснила.

Нагорный отнимал ружье у пьяного хулигана, но тот выстрелом выбил ему оба глаза. Получил 13 лет. Я лежал в одной палате с Нагорным и так с ним познакомился. Позднее, в 1977 и в 1978 годах, я приезжал к нему в Курейку. Разговаривал с его матерью, гречанкой, и братом. Жена Нагорного, Лидия, работала учительницей в школе и многое мне рассказала о музее Сталина, о Курейке. У Сталина там родились два сына. Один умер в Дудинке, другой – не знаю где. В 1977 г. застал я живого отца Лидии. Он уже был на пенсии. Он участвовал в утоплении статуи Сталина в Енисее и разгроме музея. На следующий год, как утопили статую, был сильный ледоход. И краем льдины статую подняло со дна Енисея. Бюст торчал из воды. Проходил теплоход с туристами и, конечно, сфотографировали. В Красноярске изъяли у всех всю фотопленку. Но все равно на Западе эта фотография появилась в газетах. Из этого музея хотели сделать потом музей для революционеров, отбывавших ссылку в Туруханском крае. Но так ничего и не сделали. Более подробно вы можете узнать, как я вам сказал, у Лидии Нагорной. Возможно, она и сейчас там жи-

вет. Посылаю вам на память фотографии музея. Таким я его видел в 1978 году, в августе.

Ивков Сергей Алексеевич.

Совсем забыл: в Курейке мне рассказывали, один из заключенных, которые строили музей, внутри сделал герб СССР и сам себя там распял, прибил гвоздями. Его сняли, вылечили и за отличное качество герба, который он вылепил, освободили. Там, в Курейке, особый микроклимат, картошка растет, сам помогал копать Нагорным и в огороде нашел кладовую, полную картошки. Это крот себе на зиму запасы сделал.

Опубликовано в «Заполярной Правде»
24 августа 1993 года

Из Винницы, 9 марта 1973 г.

Многоуважаемые товарищи!

Обращаюсь к Вам с просьбой. Но сначала – несколько слов о себе. Я – бывший ветеран Норильского горно-металлургического Комбината, в котором проработал более 31 календарного года. Точнее: с 15.04.1938г. по 01.07.1969 года, до выхода на пенсию. Почти все время работал в Дудинском порту. Последние годы – ст. инженером Конструкторского отдела в Управлении Дудинского порта.

Несколько раз встречался с Вашим журналистом, своим однофамильцем А. Львовым, который любил брать у меня интервью по истории развития порта. Эти материалы он использовал в своих статьях, радиовыступлениях и телепередачах.

Однажды он написал большую статью лично обо мне, которая называлась «Хобби инженера Львова» и была напечатана в «Заполярной правде». К сожалению, я не помню, когда это было. Кажется, в конце 1964 или в середине 1965 года. Я в это время

был в очередном отпуске, со статьей познакомился в библиотеке Дудинского порта. Лишних номеров газеты уже не было, из подшивки библиотека выдать не могла. Словом, главный герой статьи оказался без этого интересного и, конечно, памятного мне документа.

Вот и решил обратиться к Вам с просьбой: пришлите, пожалуйста, из Ваших фондов номер «Заполлярной правды», где опубликована статья А. Львова «Хобби инженера Львова».

Если лишних экземпляров газеты у Вас нет, можно эту статью отпечатать на аппарате «Эра». Для меня важно получить хоть один экземпляр этой статьи. Кстати, с ее помощью я думаю ускорить получение квартиры в ЖСК гор. Винницы.

Как это ни парадоксально, после выезда из Дудинки 3 с половиной года я живу на частной квартире, хотя встал на очередь в ЖСК Винницы еще в Дудинке. По отношению к простым людям – а я никогда в начальниках не был – здесь отношение не просто бездушное, а преступно-издевательское. Прямо не отказывают – не позволяет Закон, но, к сожалению, в **Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 20.04.1964 года №336-133** ни слова не сказано о сроках, т.е. упущено главное. Вот и ставят норильчан в самый конец очереди, после «своих», поток которых не иссякает. Ждут, когда мы погреем.

Кому я только не писал! Надоело. У всех – полное безразличие, тупое самодовольное равнодушие. Последняя надежда на Вас. Все-таки «известность», даже прошлая, может помочь.

Этим я оправдываю свою просьбу. Кроме того, посоветовал бы Вам вопрос о получении квартир ветеранам труда Норильского комбината поднять в печати. Надо что-то сделать. Куда же податься людям, проработавшим в комбинате по 15–20 и более лет? В таком бесквартирном положении, как я, очутилось очень много работников Дудинского порта. Кое-кто купили частные домики, остальные

мыкаются по углам. Вопрос серьезный, важный, заслуживающий внимания и Вашей газеты и администрации комбината.

Кстати, в наиболее бедственном положении оказываются русские люди. У меня было немало знакомых норильчан из числа грузин, армян, евреев, литовцев, латышей, эстонцев. После выезда (а работали они в Норильском комбинате куда меньше меня, особенно прибалтийцы), все эти лично знакомые мне люди, получили в своих республиках коммунальные квартиры. Да еще какие! К примеру, в июле прошлого года побывал в Рустави (Грузия), в гостях у бывшего норильчанина, своего друга **Махарадзе Владимира Илларионовича**. К сожалению, недавно он скончался от инфаркта, но семья-то живет в квартире, которую дали ему! Четырехкомнатная, в центре (Комсомольская 9, кв. 7). Получили отличные квартиры **А.Г. Маннерман** (Эстония, Вильянди, ул. Ваксилы 16, кв. 5), **А.И. Крепер** (Рига, Юглас 5, корпус 1, кв. 5), **Бйги Э.М.** (Таллин) и многие-многие другие.

Зато русские, спасшие мир ценой 15 миллионов жизней, если они не являлись какими-то начальниками, не получают ничего, ждут по 3 – 8 лет за свои деньги кооперативных квартир. Где же элементарная справедливость? И что нам делать? Например, мне? Посоветуйте. А может, напишете ходатайство новому председателю исполкома Винницкого горсовета **Жмаке Борису Емельяновичу**? Авторитет газеты с моим микроскопическим авторитетом не сравнить. Да сейчас и вообще никакого авторитета нет: пенсионер, которого здесь никто не знает и знать не хочет.

Такова моя грустная и печальная история. Надежда потеряна, не вижу ни выхода, ни просвета. Если можете – помогите. Ведь жить-то осталось не более 5 лет! С глубоким уважением.

Индекс 286010, Винница-10, ул. Циолковского, 32,

Львов Всеволод Дмитриевич.

Сохранился черновик письма А.Л. Львова мэру города с просьбой помочь норильчанину.

Уважаемый Борис Емельянович,

Письмо это – частное. Я к Вам обращаюсь не как должностное лицо и не как к мэру города. Просто – человек к человеку. Уверен, что Вы меня поймете.

Получил письмо от давнего своего героя /помнится, очерк назывался «Смотритель Енисея»/. Письмо, честно говоря, страшное: человек не верит больше ни в справедливость, ни в людей. Увы, у него есть для этого основания. Сначала немыслимое обвинение в тридцать восьмом году, прервавшее блистательно начинающуюся карьеру ученого-математика. Потом – жестокий приговор и лагерь. Добросовестнейшая – больше тридцати лет! – работа на Севере /математика все-таки пригодилась – и не только в конструкторском бюро Дудинского порта, этот человек предсказывал с точностью до одного дня сроки ледохода и ледостава на Енисее, собою заменяя целую службу; вряд ли возможно подсчитать миллионы, сбереженные им для государства/.

И вот он на пенсии. Едет в Винницу, надеясь на кооперативное жилье. И три с половиной года снимает «угол»! Пригласите его к себе, успокойте и помогите, прошу Вас. Его адрес: ул. Циолковского, 32. Имя: Львов Всеволод Дмитриевич.

*А. Львов (однофамилец),
лауреат премии журналистов СССР*

Р.С. Чем же закончилась эта история? Этот вопрос я адресовала Галине Степановне Львовой. Она заметила, что таких писем в почте мужа было немало. Всегда Анатолий Львович отсылал подобные просьбы в местные высокие органы. В самых трудных случаях ссылался на «Известия», чьим спецкором он был. Как правило, он помогал людям. Галина Степановна вспомнила норильчанку из Калуги, которой тоже помог получить квартиру Анатолий Львович Львов.

Письмо А. Вайшенкера, Киев

г. Киев, 15 апреля 1972 г.

Дорогой Анатолий, здравствуй!

Получил твой неожиданный сюрприз. Большое спасибо! Мне это приятно и потому, что сегодня исполнилось ровно три года, как я выехал из Норильска. Все эти дни я особенно предавался воспоминаниям о городе своей судьбы, который стал мне самым родным и близким.

И вот, как будто бы специально, в эти дни явился ко мне комбинат и дорогие мне люди, чтобы мне снова напомнить о том, что я остаюсь до конца своей жизни норильчанином.

Еще раз большое тебе спасибо за приятный сюрприз и за то, что ты обогатил литературу о Норильске своими замечательными трудами!

Отныне в специальном стеллаже моей домашней библиотеки среди книг с автографами таких маститых писателей как Константин Симонов, Сергей Сартаков и многих других будут красоваться и твои произведения. Именно твои, так как ты их создатель – вложил в это много лет напряженного труда и, можно сказать, – душу.

Книжки очень полезные, правдивые и безусловно послужат делу воспитания молодежи в духе мужества, вечного поиска, чувства локтя товарища и беспредельной преданности делу партии.

И конечно же привлечет новые сотни и тысячи молодых патриотов страны на освоение богатств Севера, которые обеспечат преемственность всех поколений норильчан.

Считаю твоим большим творческим успехом выход этих двух книг, особенно второго издания «Плюс пятьдесят по Цельсию».

Конечно, ни в какое сравнение с первым. Помимо более полного освещения нового важнейшего периода

в развитии комбината, связанного с освоением Левобережья, подачей газа и многих других событий, в которых все большую роль играли комсомольцы и молодежь, она еще привлекает своими полиграфическими качествами. Честно говоря, она своим внешним видом так привлекает, что, взяв ее в руки, уже не оторвешься.

Что касается языка и прочих литературных качеств, то и они во втором издании намного выше. Более подробно при встрече. Надеюсь, что ты не забыл данное обещание – еще раз посетить Киев?

Учти, что я оставляю еще много, много места на своих стеллажах для твоих будущих произведений. Надеюсь, ты меня понимаешь? Здоровья и дальнейших тебе успехов в твоих творческих замыслах и планах.

Хотя бы изредка давай о себе знать. Не забывайся и помни тех, кто тебя искренне любит и уважает! Каждая весточка от тебя приносит мне всегда истинное удовлетворение и напоминает не только о прошлом, но и является моральной поддержкой.

Хотя я не упоминаю о третьей книжонке, все же прошу тебя: все, что выходит на белый свет о Норильске, пожалуйста, приобретай для меня по одному экземпляру. Все затраты, разумеется, за мой счет.

Заодно горячо и сердечно поздравляю тебя, Галочку и Игорька с наступающим праздником труда, мира и весны!

Желаю вам всем хорошего весеннего настроения, бодрости и успехов во всех ваших делах – больших и малых!

*Обнимаю и крепко жму ваши руки
Всегда Ваш А. Вайшенкер*

Строки из писем:

С удовлетворением прочитал вашу статью. В подтверждение вашей правоты сообщаю, что я родился 15 мая 1947 года, и в моем свидетельстве о рождении местом рождения указан город Норильск.

Что касается юбилеев 1993 года, то я бы отметил 40-летие «Заполярки» и пожалуй даже без «...правды».

С уважением, С. Кузмин.

** * **

Стыдно, что никто, кроме вас, не вступился за Норильск. Все решили промолчать? Или уже дела нет никому из нас, кто считает своим родным домом Норильск?

Я родилась на мысе Входном, что в Карском море, в 1948 году. В 1952 году родители привезли меня в город Норильск, где мне было выдано свидетельство о рождении, в котором записано, что родилась я в городе Норильске Дудинского района, республика РСФСР (запись сделана в книге актов гражданского состояния о рождении в 1952г. 19 февраля). А в 1965 году Норильск уже отмечал свое 30-летие. Я со своими одноклассниками находилась в то лето в молодежном комсомольском лагере «Солнечный», который организовали Ирина Червакова и Ирина Шаболина.

Разве это можно зачеркнуть? Это же было, было. А первый домик, который перенесли к «Цыплятам», – это уже не наша история, это смех. История – это тогда, когда все на своих местах, как было, и когда есть, что вспомнить. И слава богу, что есть еще люди, которые это помнят. Еще раз спасибо...

*С уважением, Глушакова (Григорьева)
Валентина Николаевна.*

* * *

Получил я, а значит и все Родионовы в Санкт-Петербурге, три номера «Заполярной правды» с вашим материалом о моем отце. Для нас это – событие, освежившее и обогатившее текущую жизнь, вызвавшее волну теплых воспоминаний об отце и благодарности ему. Особенно для матери – ведь все прошлое, связанное с ним, составляет основное содержание жизни в ее 87 лет.

Много в статье, относящееся к молодости отца и к неблагоприятным периодам его жизни, для меня и брата Николая малоизвестно – отец не любил рассказывать о себе. Одно помню – я ни разу не слышал от него сетований на судьбу.

Все Родионовы – петербуржцы благодарят вас за этот большой и вдохновенный труд. Желаю вам здоровья для дальнейших успехов в благородной работе.

*Виктор Родионов,
С.-Петербург.*

* * *

Многоуважаемый Анатолий! Большое спасибо за память о наших отцах! Газету получила, очень вам признательна!

Не выполнила обещания из-за болезни мужа. Примите мои извинения.

Вы не забыли о коренной норильчанке Тарасовой-Винюковой? Она еще в Норильске и работает.

*Инесса Качурина,
Москва.*

*«Заполярная Правда»,
24 августа 1993 года*

«Прошло полсотни лет»

Дорогой Анатолий Львович!

Ваша заметка об А. Н. Гарри меня подлинно взволновала. Так радостно узнать, что восстанавливается добрая память о людях, достойных ее, о людях, которых ты знал и уважал, с которыми дружил!

Вы спрашиваете, нужно ли что поправлять в вашем очерке. Не думаю, что он нуждается в исправлениях. Но кое-чем дополнить его я бы смог.

Постараюсь сейчас восстановить то небольшое, что сохранилось в памяти, – все-таки прошло уже полсотни лет.

Прежде всего о моих взаимоотношениях с А.Н. Я познакомился с ним в начале сороковых, когда мне порой разрешали – под конвоем – посещать техническую библиотеку в ДИТРе, где А.Н. работал, а порой и ночевал, не уходя в свое второе лаготделение. Когда я получил «бесконвойный пропуск», а особенно после моего освобождения в 1945 году, наши встречи стали частыми.

Помню одно долгое обсуждение в библиотеке далеко за полночь. Я тогда – третьего сентября 1945 года – прочитал в ДИТРе публичную лекцию «Проблемы расположения атомного ядра». Еще не прошло месяца со взрыва в Хиросиме, интерес к атомной загадке был огромен – возможно, мой доклад был одним из первых в стране публичных сообщений на эту тему: академик Илья Ильич Черняев, консультант Норильского комбината по платине, потом именно так его охарактеризовал. Он же – Черняев, а не Гарри – в те месяцы увез в Москву мое предложение использовать для получения тяжелой воды северные водоемы, поскольку снег в Заполярье не так тает к лету, как испаряется весной еще на морозе под уже ярким солнцем.

Не помню, использовал я для той публичной лекции и для докладов Завенягину и Академии Наук

(акад. Фрумкину) материалы, собранные Гарри для меня в библиотеке, или сам разыскал их, но после того длинного ночного разговора он регулярно снабжал меня всеми атомными новинками, какие находил в журналах и книгах, поступавших в Норильск, это помню твердо. Они же кроме общезэковских разговоров и перебивания косточек наших ближних, что тоже было интересно, служили основными темами наших бесед. Очень часто они проходили не так под рюмку, как под банку и кружку, а впоследствии, под стаканы, когда эта благородная посуда появилась в Норильске.

И уже тогда меня поразило, как Гарри слаб на выпивку – охотно «принимал» и быстро хмелел. Моя тогдашняя норма была бутылка коньяка – и я не терял речи и свободно стоял на ногах. А.Н. вырубался уже на первой кружке разведенного спирта. Особенно это стало заметно, когда на Октябрьской улице появилась лачуга «Узбеквино».

В подпитии он был словоохотлив и не терял обычного остроумия. Но его заносило, он фантазировал, эстетически наслаждаясь своими художественными творениями. Например, он несколько раз рассказывал мне, кто учился в царскосельской гимназии, что однажды в их класс явился попечитель петербургского учебного округа, известный поэт Иннокентий Анненский и заставил Гарри – как первого ученика класса – читать «Илиаду». Гарри чуть ли не по-гречески начал знаменитое «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Анненский выслушал несколько строк, потом, увлеченный, стал вслух читать сам по-древнегречески, прочел, закрыв глаза, всю первую песню, недоуменно посмотрел на Гарри, подумал и сказал: «Отлично читаешь – получишь золотую медаль», – и важно удалился.

Уже впоследствии я прочитал, что Анненский был не попечителем, а только директором царскосельской гимназии, где училась А. Ахматова, и что умер он в 1909 году, когда Гарри было всего шесть лет

и он еще не переступал порога той гимназии, если вообще его переступал. Но фантазия была художественно ярка, это отрицать невозможно. Наверно, он повторял легенду об Иннокентии Федоровиче, бытовавшую в стенах гимназии.

Вместе с тем, если шел серьезный разговор, А.Н. был скрупулезно точен, и его сведениям можно было вполне доверять. Так, мой тогдашний друг Иосиф Михайлович Бергер, в свое время создатель Палестинской арабско-еврейской компартии (имел кличку Бразилай – страстный пассионарий, если по Гумилеву), потом видный сотрудник Коминтерна, трижды или четырежды продлевавший свои очередные пятилетние лагерные сроки, а в конце жизни, на свободе – после 1956 года – член израильского кнессета от вновь созданной им партии независимых, автор книги «Гибель поколения» и один год профессор в Оксфорде по курсу «Основы марксизма-ленинизма», – так вот Бергер говорил мне:

– Для надежного продвижения моего второго срока опрашивали многих норильчан, как я веду себя и что говорю. Все врал без совести, стараясь угодить следователю, много порассказывал и Гарри, но только правду, он ни в одном слове не присочинил того, чего реально не было.

Что до меня, то в наших серьезных беседах я никогда не сомневался в точности и правдивости удивительных событий, о которых Гарри рассказывал.

Одно из удивительных событий – его поездка в Париж в 1923 или 1924 году. Задание у него было простое, разжечь – уже по расчету – тускло засветившуюся коммунистическую французскую революцию. Но то ли в Коминтерне рассчитали неверно, то ли умения на розжиг не хватило, но усилия Гарри и его товарищей задуманного результата не дали. Сам Гарри самоотверженно отдался отнюдь не революционному, а самому консервативному занятию – не то женился, не то, по-лагерному, «подженился» на

молоденькой танцовщице без выдающегося имени, но с незаурядной фигурой и покоряющим личиком. Больная туберкулезом, она вскоре умерла, а перед смертью призналась другу:

– Милый, я горячо любила тебя, так любила, как еще никогда до тебя. Можешь мне поверить – за те месяцы, что мы были вместе, я изменяла тебе только дважды. Один раз со служащим нашей гостиницы, другой раз со знакомым актером.

И Гарри с сокрушением признался:

– Я был потрясен, можете мне поверить. Нет, не оттого, что она изменяла, это нормально. Но как она могла это сделать? Я же всегда был с ней, не отходил от нее! Как она сумела выкроить свободную минутку на измену, вот что меня ошеломило.

Между прочим, сам Гарри не относился к заправским женолюбам. Во всяком случае, я ничего не слышал о его подругах. Острый разговор с приятелем его захватывал больше, чем уединение с женщинами. Много лет начальницей технической библиотеки в ДИТРе была жена Ивана Степановича Ивлева Антонина Макаровна, женщина не очень красивая, но умная и общительная. Она как-то сказала мне: «Алексей Николаевич увлекается только одной особой женского пола – водкой». Это же подтверждал и – тогда юный – помощник Гарри, штатный переводчик библиотеки, поэт, женолюб, выпивоха и мой душевный приятель Аркадий Иосифович Бермонт.

Вместе с тем, семейные отношения друзей Гарри интересовали. Когда один наш знакомый, до того закоренелый холостяк, освободился и женился, Гарри под хмельком бродил по проектному отделу и управлению комбината и, встречая знакомых, простирая вверх руки и горестно извещал:

– Вы слышали? Какой дуб рухнул! Нет, какой дуб рухнул!

Он много раз рассказывал мне о полете М. Громова с журналистами в Европу на самолете «Крылья Советов» (так, кажется, он назывался). Главными

из журналистов (возможно, и единственными) были Михаил Кольцов и Алексей Гарри, Кольцов тогда еще не владел французским, по словам Гарри, а сам он изъяснялся на нем хорошо. В Риме был дипломатический прием. Напротив Кольцова сидел глава итальянской акции маршал Бадوليو (или Грациани, этого не помню). Каждого гостя обслуживал свой официант во фраке. Гостям подавали вареных омаров. Кольцов положил омара спинкой вверх и пытался ножом разрезать щит, но ни вилка, ни нож кости не брали. А Бадوليو (или Грациани) завязывает с Кольцовым политический разговор.

– Вы не находите, что ваш руководитель Сталин – великий вождь? – вежливо интересуется итальянец по-французски.

– Да, месье! – отвечает Кольцов, изнемогая от борьбы с омаром. Других слов по-французски Кольцов – опять же по утверждению Гарри – тогда не знал.

– А как, по-вашему, наш Муссолини тоже великий вождь? – продолжает маршал.

– Да, месье, – говорит Кольцов.

– А не согласитесь ли вы, что наш Муссолини более крупная фигура и более любим своим народом, чем ваш Сталин? – допытывается маршал.

– Да, месье, – бездумно повторяет Кольцов.

И тогда молчаливый, величественный итальянец-официант наклоняется к Кольцову и отчетливо говорит ему по-русски:

– Муд..., ничего не отвечай маршалу. Поверни омара на спину и бери его мясо ложкой.

И Гарри печально заканчивал:

– Вот такая вышла нехорошая история, Кольцов потом всюду клялся, что разговаривал с маршалом я, а не он. Он ведь французского не знал, а я, мол, опьянел и отвечал невпопад. Я зато тогда же придумал про Кольцова смешную новеллку...

Мсть вышла не адекватная поклепу. Разговор с Бадوليو наделал много шума. Кольцов увлеченно

заялся французским, чтобы впредь не попадать впросак. По возвращении в Москву Гарри вызвал сам грозный Сольц, видный партиец и член Верховного суда. В результате Гарри пришлось отправиться на Беломорканал. Тут мне память отказывает – то ли это был небольшой срок, то ли ссылка, то ли просто откомандировали из Москвы на несколько лет. Знаю, что на Беломорканале Гарри занимался журналистикой – написал интересную брошюру о покончившем с собою шведском спичечном короле Иваре Крейгере, он мне давал ее читать, но в списках его литературных работ я потом нигде ее не встречал. Не знаю, участвовал ли Гарри в составлении книги о поездке Горького с писателями в лагерь Беломорканала, я этой книги не читал. Но после той знаменитой писательской экскурсии в ГУЛАГ сам Гарри воротился в Москву и стал известным международником.

Эпизод с Бадолио, видимо, повлиял на дальнейшее отношение Гарри к Кольцову. Для меня, как вероятно и для большинства наших знакомых, расстрел вернувшегося из Испании Кольцова свидетельствовал, что он такая же безвинная жертва сталинского террора, как и все мы. Но Гарри возражал и порой резко.

Теперь немного о друзьях Гарри. Он был человеком общительным, знакомых в Норильске у него была масса – все вольнонаемное и эковское руководство комбината, инженеры проектного отдела и производственных цехов. Но, вероятно, ближе других ему была своя братия – писатели. Особо отмечу Ивана Сергеевича Макарьева, в предарестном бытии одного из секретарей (третьего по рангу после В. Ставского и А. Фадеева) Союза писателей.

Иван Сергеевич Макарьев сыграл хорошую роль в постлагерном бытии Гарри. В пятидесятые годы Макарьев был на подъеме – восстановился в Союзе писателей и в партии, получил хорошую двухкомнатную квартиру в писательском доме (Ломоносовский

проспект, 15), стал консультантом издательства «Советский писатель». Его дочь Наталья, дама очень тонкая и очень томная, в художественном стиле начала века, совершенно непохожая на отца, в то время была женой Никиты Богословского (а когда Макарьев до идиотства напрасно покончил с собой – я был у него за день до повторной попытки самоубийства – мерзко отеклась от отца и бросила его).

В середине того десятилетия Гарри вернулся в Москву, и Макарьев протолкнул повторное издание его старой книги о Котовском и очень гордился, что хорошо помог бедствовавшему другу. Жил в Москве Гарри трудно, где-то в коммуналке около Казанского вокзала, каждый день пил с новой женой, хоть и не помногу, но еще сильнее пьянел, чем раньше. Я за день до смерти Макарьева уехал из Москвы, мне потом говорили, что на его похоронах почти никого не было. Но Гарри, больной по виду и по реальному состоянию, шел за гробом до могилы.

Что еще вспоминается о Гарри?

Он в числе прочих добрых черт любил оказывать посильные услуги. Не только давал библиографические справки, но и радостно ссужал добытыми для себя книгами. Он мог забыть собственные дела, чтобы заняться твоими – литературными и справочными. Мне он подарил комплект «Бюллетеней Технической Информации». В пятидесятые годы, уезжая в отпуск, я оставил их на прочтение и сохранность своему сотруднику Диканскому. Потом Диканский, с лагерной нечестностью глядя в глаза, уверял, что ничего от меня не получал и вообще этих журналов не видел. Так что и эта память о Гарри не сохранилась, только где-то лежат письма из Приенисеня и Москвы.

Сергей Снегов,
Калининград.

«Заполярная Правда»,
24 августа 1993 года

Анатолию Львову – Павел Че- буркин из Тульской области

Глубокоуважаемый Анатолий Львович!

К сожалению, наше свидание в Москве не состоялось. По домашним обстоятельствам мне никак не можно было задержаться. Мы с Поповым всё ждали Вашего звонка...

Не помню, писал ли Вам, что в прошлом декабре, будучи в санатории под Воронежем, по просьбе корреспондента «Советской культуры» я написал статью о Воронеже 30-х годов, также и об их «Мемориале». Затем выступил по обл. телевидению с рассказом о семье, весьма известной в этом городе. Глава ее – мой учитель в хирургии профессор А.Г. Русанов. Всю семью я знал близко, с сыном профессора подружился с 1-го курса. И потом полтора года жил у них, когда наша хозяйка продала дом и нам с товарищем некуда было деться. Семья была удивительная в лучших традициях демократии, народовольчества, чего хотите и к тому же почти родственными связями с Толстым. Тот же круг интересов, что я привык знать с детства в своей семье в Курске.

Мой рассказ длился 37 минут и вызвал большой интерес в городе. Но... Корреспондент этот получил потом сильный нагоняй, не знаю, от кого, но будто бы это его самовольство провалило его при выборах в Верховный Совет РСФСР, куда его намечали. Так что, оказывается, знакомство со мной длилось недолго и, видимо, опасно! А мне смешно!

Тут по просьбе молодежной газеты заезжий корреспондент меня посетил и попросил написать, что я знаю о плене в годы войны, не соответствующее официозу. Может быть, это провокация? Не знаю. Но вот немного написал по наитию, что запечатлелось. Шлю Вам экземпляр. Может быть, захотите опубликовать, а может просто в свой архив положить.

Читаю, что Норильск объявлен в числе наиболее гадких по экологии городов! Сочувствую. Мы, хотя еще и не объявлены такими, но на днях нам запретили пить сырую воду из-за отравления чем-то гадким с химкомбината! А хлеб нерегулярно стали продавать, на продукты ввели нормированное снабжение по карточкам. Ура!

*Всех Вам благ. С уважением, П. Чебуркин,
10.12.90 г.*

От редактора.

Перед чтением рассказа Павла Владимировича Чебуркина небольшая справка о нем.

П.В. Чебуркин (год рождения 1910-й) – хирург, организатор здравоохранения г. Курска. В 1933 году он закончил Воронежский мединститут. Работал в Сибири, а после срочной службы в армии переехал в Орск, где наладил и возглавил хирургическую службу в быстро растущем городе. В начале 1942 года был призван в действующую армию и назначен командиром операционно-перевязочного отделения медико-санитарного батальона. В составе 96-й пехотной дивизии воевал на Донском, Степном, Сталинградском, Юго-Западном фронтах, но по клеветническому доносу был арестован и около 10 лет провел в лагерях Норильска. После реабилитации организовал хирургическое отделение в Новоорской больнице, а в 1956 году был назначен главным хирургом Тульской области. С 80-х годов П.В. Чебуркин стал заниматься литературной деятельностью.

Неизвестный плен

Сейчас, спустя много лет, все еще остаются нераскрытыми некоторые страницы прошедших войн в годы с 1939-го по 1945-й. Мне пришлось быть прямым участником этих войн: и так называемой «Финской кампании», и войны 1941–1945 годов.

Вскоре после окончания войны на Карельском перешейке, где совершенно бездарно командовал тогдашний маршал Кулик, в сообщениях печати от имени политуправления армии всех нас известили, что ни один из красноармейцев, получивших ранения и оставшихся за линией фронта после отступления наших войск, не выжил. Все они были «зверски убиты финскими фашистами», причем этих наших красноармейцев подвергали изощренным пыткам и издевательствам. Так нам объявили и... не сомневайтесь! Политуправление не лжет, газеты тоже!

Прошло полтора года, и началась самая большая война с Германией. С самого начала этой войны было приказано: в плен не сдаваться, лучше сразу самому стреляться, чем стать пленным. Особенно эта рекомендация – пустить пулю в лоб – относилась к командному составу, так как «к командирам у немцев особенно зверское отношение». Кто-то, вероятно, с испугу и стрелялся, кто-то срывал знаки различия, чтобы не быть узнанным в качестве командира. Но в сводках Информбюро под руководством Лозовского и Щербакова почти не было сообщений о сдаче в плен. Была удобная формулировка: «Попали в окружение».

Волею судеб, а попросту по доносу, я попал в ведение ГУЛАГа. С южного фронта я переехал в телячьем вагоне в Норильск. Там, присмотревшись к лагерной жизни, узнал то, о чем вралы наши протитуированные газеты, то есть правду о многих подробностях пребывания в плену наших солдат. Вот когда я вспомнил прежде всего об официальных сообщениях о «Финской кампании». В разговорах слышал: «Этот парень – финик». Спрашиваю, что это значит? «Из финских пленных», – отвечают. Парикмахер санчасти, где я начал свою лагерную жизнь, Иван Батраков – «финик». Расспросил его о той войне.

Оказывается, всех раненых солдат финны по-добрали, вылечили их, и никаких издевательств над

ними не было. Потом передали их командованию Ленинградского военного округа. И тут все и началось! Тем, кто оказался у врага в тяжелом состоянии, но в сознании, определили особым совещанием по 5 лет лагеря! Кто был легко ранен и в сознании – 8 лет! Бедолагам, что оказались в плену без сознания и ничего не помнили из-за ранения в голову, определили: «До особого распоряжения!». Таким и был наш парикмахер Иван Батраков после черепно-мозговой травмы.

Летом 1943 года почти всех «фиников» внезапно освободили и отправили на фронт. Не знаю, в какие войска – в обычные или штрафные? Писем от них никто не получал.

Шло время, и в норильские лагеря начали поступать этапцы из-за границы и из западных областей Украины. Среди них оказалось много военнопленных. Выяснилось, что в лагерях военнопленных представители немецкого командования отбирали медицинских работников, особенно из представителей среднеазиатских республик и Кавказа. Потом почти всех переправили в Германию для работы в исследовательских центрах по изучению тропических и региональных заболеваний, которых нет в Европе.

Особые совещания особенно строго наказывали таких медиков – узбеков, азербайджанцев, грузин: Умарова, Хакимова, Велиева, Бабаева, Джваршейшвили, Рухадзе... Никто из них не подтвердил фактов проведения экспериментов на людях. Но наша пропаганда очень часто заявляла об этом.

Теперь о пребывании в лагерях военнопленных командного состава. Вот факты, рассказанные теми, кто был в плену. Тех, кто, послушавшись приказов политруков, срывал знаки различия, содержали в общих солдатских лагерях со всеми вытекающими отсюда последствиями. Их направляли на общие тяжелые работы, где было мало шансов выжить. Тех, кто попал в плен при полном параде, при всех знаках различия, направляли в специальные офицер-

ские лагеря в соответствии с конвенцией, которая существовала еще в войну 1914–1917 годов. Один из таких лагерей находился на территории Венгрии. Вот что рассказал мне инженер-подполковник Винокуров.

Лагерь был международный. В нем содержались офицеры разных национальностей: англичане, французы, бельгийцы и другие. Наши пленные в сравнении с ними были в гораздо худшем положении. Все иностранцы через Международный Красный Крест получали посылки и от самого Красного Креста, и через посредство этой организации от родственников. С его помощью они имели постоянную переписку с родными. Наши пленные ничего этого не имели. Питание в лагере было явно недостаточным, хотя, согласно правилам содержания, их ни на какие работы, кроме уборки зоны лагеря, не посылали.

Иностранцы к нам относились сочувственно и при получении очередной партии посылок из каждой в пользу русских отдавали по одному предмету: или плитку шоколада, или пачку папирос, пачку печенья, банку консервов и т.д. Но до каких же пор это могло длиться? И в одно из посещений этого лагеря представителем Красного Креста старшина нашего сообщества инженер Винокуров обратился к этому представителю с просьбой передать заявление Советскому правительству или Верховному Совету. Заявление у него взяли, хотя оговорили, что с СССР Красный Крест не имеет конвенции о помощи военнопленным: СССР эту конвенцию подписать отказался. Через некоторое время через этого же представителя наши получили ответ за подписью Председателя Верховного Совета СССР Н.М. Шверника: «Советскому правительству ничего не известно о наличии пленных офицеров, а изменникам родины никакая помощь не оказывается».

Прошло еще какое-то время. Зима, холод, обмундирование наших воинов обносилось. Иностранные пленные продолжали делиться с ними своими посылками, но это уже делалось все реже, так как и им посылки стали скуднее. И вот в лагерь приехал папский нунций, чтобы посмотреть, как в лагере живут католики. Поговорив и помолившись с като-

ликами, нунций уже собрался отбыть, как к нему подошел Винокуров. Он сказал: «Мы не католики, а православные, но ведь тоже христиане. Неужели папа, заместитель бога на земле, откажет в помощи христианам не католикам?». Нунций его выслушал и попросил написать просьбу папе римскому. Просьбу написали, и через какое-то время для наших пленных офицеров папа прислал целый вагон одежды, одеял и еды. И этим он спас наших пленных.

Все ближе и ближе к Венгрии двигался фронт, и в один счастливый день в ворота лагеря ворвались наши солдаты. Как водится, радость, объятия! Ура! Свобода! Скорее бы опять в свои части! Но не тут-то было. Не прошло и нескольких часов, как появился майор контрразведки, и первое, что он спросил: «А кто тут письмо писал папе римскому?». «Я», – ответил инженер Винокуров. Результат – пятнадцать лет каторжных работ.

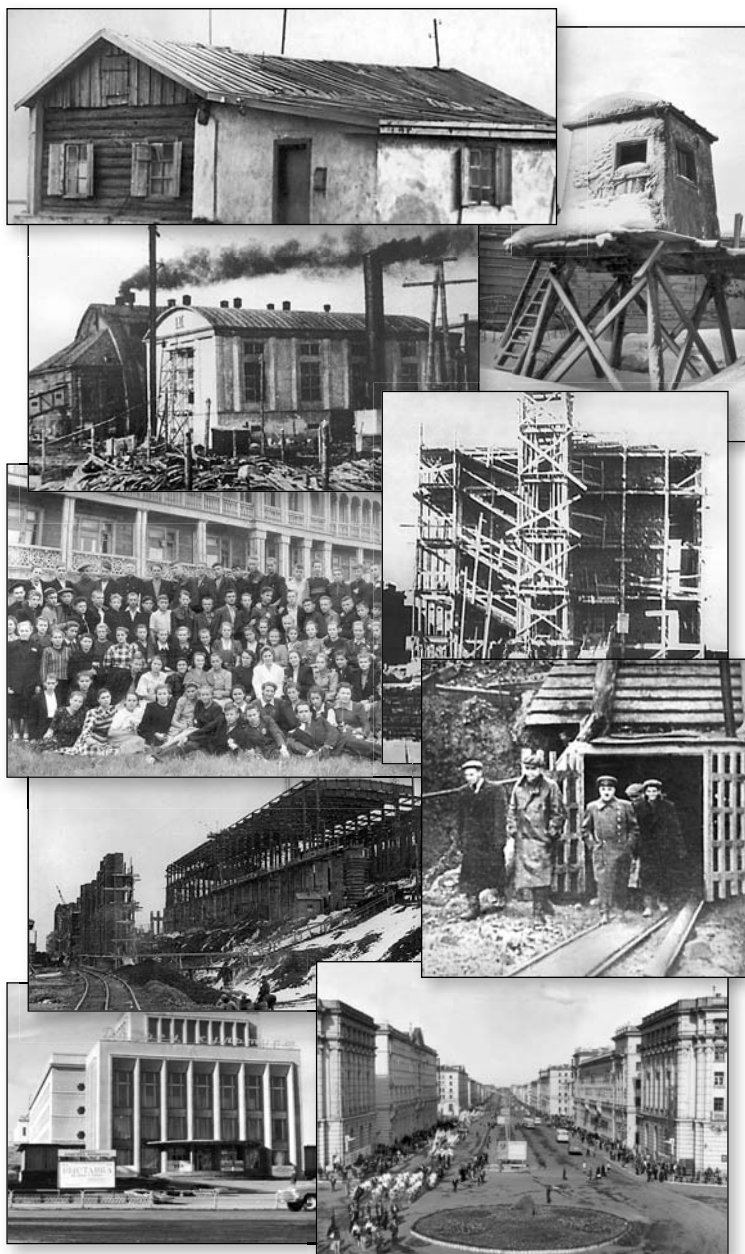
К счастью его, да и многих других, в 1947 году в Норильлаге ввели хозрасчет. Всех заключенных, независимо от их принадлежности, начали использовать на работах по их специальности. После смерти Сталина многих амнистировали и отпустили на все четыре стороны.

*Ветеран войны и труда,
ветеран Норильлага,
пенсионер-инвалид 2-й группы
Павел Владимирович Чебуркин.
г. Щёкино Тульской обл.*

Уроки истории

Норильская история в документах: тридцатые годы

Докладная записка главного инженера Норильстроя «Союззолото» о работе, произведенной в летний период 1930 г. по 1 октября Норильской экспедицией

По прибытии в Норильск геол.-развед. партия вела подготовительные работы по ремонту дороги до Н - 2, 6 км и на г. Рудную 1, 5 км и сборку чумов для размещения рабочих и служащих. Ввиду назначения Цветметзолота второй Партии от Геолкома для геологических работ - план работы гр Партии Норильской промконторы был изменен: были намечены разведочные работы в Н 2, в вершке Голубого ключа и геолсъемка в вершине Медвежьего ключа. В течение лета были выполнены работы:

1. Медвежий ключ. Составлена карта м-ба 1:25 000.

2. В вершине ключа Угольного также произведена разведка замеченных во время маршрутов выходов рудного обогащенного тела. Последняя работа была проведена вместо детальной разведки в кл. Медвежьем.

Гл. инженер В. Плетнев.

Отчет о работе Норильскстроя за период с момента его организации по 01.12.1930 г.

Правлением Всесоюзного Гос. Золото-Платинового Акционер. О-ва «Союззолото» в целях ввода в эксплуатацию Норильского м-я в конце мая 29 г. для хоз. обследования района Дудинка - Норильск была организована особая экспедиция.

По возвращении экспедиции в декабре 29 г. мною был сделан доклад, в итоге которого Правлением при личном участии т. Серебровского А.Н. было решено организовать Норильскую промконтору. На заседании Правления 21/02-20 был утвержден промфинплан и руководящий состав Промконторы, а именно: я (Ведерников) – в качестве управляющего, Зарембо П.П. – заместителя, горный инженер Плетнев В. А. – главного инженера. В марте состоялось первое производственное совещание, на котором присутствовали: Зарембо П.П., Плетнев и приглашенный на должность заведующего Геолого-Разведочным бюро горный инженер геолог А.Е.Воронцов.

Первая партия рабочих в числе 110 человек во главе с Воронцовым прибыли в Дудинку с первым пароходом 3 июля. 12 июля она прибыла в Норильск и 13 приступила к работе по проложению дороги к м-ю Н2 и Угольному. Лишь с 26 июля было непосредственно приступлено к разведочным работам как таковым. Производились они в двух пунктах: 1) на участке Угольного ручья и 2) Норильска 2.

В геологическом отношении м-е Угольного ручья представляет собой полуоткрытую пластообразную залежь вкрапленных руд. Несмотря на близкое расположение к руднику и его несомненное значение, оно не освещено ни в одном из отчетов геологов Геолкома, работавших до сих пор в Норильском районе, и по существу является впервые открытым и разведанным Норильскстроем.

М-е Норильск 2, открытое рабочим геологической партии горного инженера Рожкова, тов. Пудовым, представляет собой вкрапления сульфидных руд, является менее обогащенным сульфидами, но тем не менее заслуживает большего внимания.

Кроме разведочных работ в отмеченных пунктах управлением произведены еще и поисковые

работы в районе, находящемся к югу от горы Рудной. Заснята площадь в 50 кв. км. В результате работ выяснилось, что на данной площади преобладают эффузивы и осадки тунгусской свиты, не представляющие практического интереса в отношении рудоносности. Кроме того, исследователями установлено, что рудоносная зона ручья Рудного, наметившаяся в результате работ Рожкова, доходит только до Ю. Медвежьего ручья и далее не распространяется.

Отмечу недостатки. Приглашенный Плетневым ст. бур. мастер был отведен в Красноярске комиссией по чистке. Там же была установлена его неопытность в вопросах глубокого бурения.

Ведерников.

(фамилия нечетко написана от руки)

Выступление начальника Норильскстроя В. З. Матвеева на производственном совещании бурмастеров 23 ноября 1935 года

...Прежде всего, чтобы разъяснить суть нашей работы здесь, я коснусь истории нашей работы.

10 мая Политбюро и СНК вынесли решение передать строительство Норильского комбината НКВД. Ровно через месяц, 12 июня, сюда двинулись грузы, не предусмотренные никаким планом, а в сентябре мы имели все, что нам нужно.

Заявки на оборудование, на все материалы, на технические ценности, которыми мы сейчас располагаем, которые не были предусмотрены Никакими планами, были составлены за 10 дней. Такую колоссальную работу никто, кроме НКВД, провести не смог бы.

Впервые в истории Заполярья Дудинка увидела такое количество свежих овощей, для которых, кстати сказать, мы успели выстроить прекрасное овощехранилище...

Естественно, что мы в спешке допустили некоторые ошибки в заказах, когда мы отбিরали вагоны, ставили стрелков и гнали грузы сюда в таком военно-походном порядке.

За три месяца мы провернули такую работу и получили несколько тысяч тонн грузов и 24000 кубометров стройматериалов.

Когда я сколачивал первые плоты, чтобы сплавить лес в Дудинку, в Игарке говорили: «Да он сумасшедший или вредитель». Мне пытались доказывать, что в этом районе сплавливать лес по Енисею невозможно, что весь лес унесет в море.

Наш опыт показал, что не Енисей виноват, а люди, которые не хотели взяться за это дело.

Правда, одна баржа с лесом утонула.

Из 24000 кубометров леса в плотях мы упустили только 100-150 бревен. Это спичка по сравнению с этим домом.

Такую гигантскую работу провели быстро, организованно.

Матвеев.

(АНГМК, ОП, Д. 8, стр. 20)

**Представительство Норильскстроя в Игарке;
начальник представительства Норильскстроя
врач С. Д. Ларионов.**

Сплав леса из Игарки в Дудинку

В Игарке Матвеев сделал остановку. Здесь он 20 июня организовал представительство Норильскстроя для приема, оплотки и погрузочных операций по лесоматериалам и стандартным домам, принимавшимся в Игарке.

Игарка должна была поставить Норильску круглый и пиленый лес. Большую часть леса грузили на пясинский караван, но 24000 кубометров кругляка нужно было доставить для выгрузки в Дудинку. Барж для кругляка не было. Ждать, когда баржи освободятся, чтобы вернуться в Игарку за оставшимся лесом, было некогда. И

Матвеев решил сплавить лес по воде. По его приказу стали сплачивать плоты. Опытные в лесном деле игарцы сказали, что этого делать было нельзя; что ниже Игарки лес не сплавляют потому, что его унесет в море. Но Матвеев не отменил приказа. Тогда про него сказали, что он или вредитель или сумасшедший.

Наладив работу по сколачиванию плотов и дав указания по их сплаву, Матвеев должен был срочно плыть в Дудинку. Но кого оставить вместо себя в качестве руководителя представительства Норильскстроя? Оставить было некого. И тогда Матвеев оставил в Игарке вместо себя, своим полномочным представителем, ответственным за большую и сложную работу по погрузке и сплаву леса, начальника Санчасти Управления «Норильскстроя» врача Сергея Дмитриевича Ларионова.

(АНГМК, ф. 1, оп. 7, д. 1; оп. 87, д. 1, стр. 12; оп. 89, д. 8, стр. 20)

Именные часы летчику Николаеву

Приказ №13 от 10 августа 1935 года. Город (!) Дудинка.

На основании постановления СНК о Норильском строительстве, авиагруппа Теруправления ГУСМП обязана была установить прямую авиасвязь Дудинка – Норильск. Однако до 6 августа это ответственное задание Правительства не выполнялось, потому что летный состав категорически отказывался совершить посадку самолетов на Стрихнинном озере у самого Норильска, мотивируя это малыми размерами озера, крутыми берегами и прочими особенностями, не позволявшими совершать посадку самолета без риска как для самой машины, так и для экипажа.

О возможности посадки самолетов на Стрихнинном озере было сообщено начальнику авиагруп-

пы, т. Минину, который отдал приказание относительно молодому летчику т. Николаеву совершить пробную посадку на Стрихнинном озере.

6 августа летчик Николаев проложил новую прямую авиалинию Дудинка – Норильск. Посадка самолета впервые произведена на озере Стрихнинном вполне благополучно. В этот же день т. Николаев совершил по новой линии два рейса, перебросив важные грузы и специалистов. Открытие новой линии имеет исключительно важное значение для строящегося заполярного полиметаллического комбината.

До сих пор самолеты летали только до Часовни, откуда грузы в Норильск доставлялись на лошадях. Перевозка важнейших грузов по непроходимой тундре не только стоила огромных денег, изнуряла лошадей, но доставка грузов задерживалась на многие дни, а иногда и недели.

Невозможность быстрой переброски в Норильск квалифицированных специалистов, проектных бригад, изыскательских партий и строителей также наносила большой ущерб строительству и ставила под угрозу срыва ответственные планы строительства.

Отмечая проделанную т. Николаевым работу по открытию новой линии, являющейся началом установления регулярной, непосредственной связи Дудинка – Норильск, объявляю т. Николаеву благодарность и награждаю его именными часами с надписью: «Товарищу Николаеву за открытие новой авиалинии Дудинка – Норильск от Норильстроя и НКВД».

Матвеев.

(АНГМК, оп. 87, д. 1, стр. 6)

Уточнение редактора.

Отрадно, что после долгих лет неведения норильчане уже не называют первым начальником Норильского комбината Авраамия Павловича Завенягина. Теперь известно, что он заступил на норильскую вахту после Владимира Зо-

симовича Матвеева. Но и его назвать первым исторически неверно: и у него был невезучий предшественник Михаил Акимович Зингер, которого начальником Норильскстроя назначил Главсевморпуть. 12 июня 1935 года М.А. Зингер прибыл в Норильск. Он еще не знал, что в Кремле окончательно определились, что комбинат будут строить заключенные, а потому НКВД назначило своего начальника. В.З. Матвеев и М.А. Зингер встретились в Норильске, Зингер сдал дела и вернулся в Москву. Очень скоро он обнаружил за собой слежку. Какое-то время он терпел ее, но потом у него случился нервный срыв: Зингер явился в органы сам со словами: «Если невиновен – оправдайте, если виновен – арестуйте!» И его арестовали и без особых промедлений в 1936 году расстреляли.

Об этом стало известно только в 90-е годы, когда в Норильск приехал его сын Э.М. Зингер и рассказал о трагической судьбе отца. И В.З. Матвеев, и А.П. Завенягин трудились в Заполярье по три года. Известно, что своим заключением о вредительском строительстве в Норильске Завенягин подписал приговор Матвееву. Он был арестован и погиб в Талагилаге под Архангельском. Приведу слова норильчанина, первым дважды награжденного Сталинской премией, руководителя научно-исследовательского центра НГМК Федора Трифионовича Киреенко: «Надо сказать, что самые трудные периоды строительства в Магнитогорске и Норильске достались не Завенягину, а Гугелю и Матвееву, которых мы так мало знаем». Благодаря им он сумел добиться больших успехов. Киреенко знал, о чем говорил: он работал на этих громких стройках... Это не умаляет организаторских талантов самого Завенягина, но все же вносит историческую справедливость по отношению к талантливым личностям, чьи судьбы оказались столь трагическими. Наша память о них должна быть благодарной.

Г. Касабова

Иван Сечко:

«Узник Норильлага»

Эту запись Анатолий Львович Львов сделал 31 августа 1964 года. Судя по тому, что она оказалась «непричесанной» (неотредактированной), опубликована не была. К ней следовала пометка: «Год рождения 1921, по национальности белорус. Место работы – никелевый завод. Место жительства – ул. Завенягина, 4–214». Вместе с записью рассказа Ивана Игнатьевича Сечко Анатолий Львович хранил газету «Белорусская Нива» за 14 января 1992 года.

Работаю в Норильске с 1939 г. Прибыли мы первым парходом из Красноярска, из Дудинки, в Норильск. Ехали на платформе, погода была ненастная, холодно, шел дождь. Поселились мы в гараже, сбитом из досок, возле ВЭС-2 (временная электростанция). Пришел вербовщик из шахты №11, и я с товарищами завербовался работать на шахту. Записалось 100 человек по собственному желанию. После того, как нас спросил нач. шахты тов. Зверев Владимир, другой Зверев, не тот, который был нач. комбината, меня направили в бригаду Коваленко Андрея Михайловича. В 1939 году Андрей Михайлович был комсомольцем, очень хороший был тов., все время на разрядке он нам напоминал: берегите себя, жизнь своих товарищей, смотрите, чтобы кровля не задавила сверху. Сперва я работал в шахте грузчиком, грузил вагонетки углем. Товарищ Коваленко как мастер сам работал, где приходилось трудно. В работе нагружали 10 вагонеток, каждая из них – 1 тонна, зацепляли крючком и вывозили на поверхность.

В шахте были две узкоколейки – одна для порожняка, а другая для груженых вагонеток. Работал в этой смене лебедчиком, вытаскивал тросом по одной

вагонетке угля из штрека, на главную линию. Какая была в то время сигнализация? Длинная проволока, кусок рельсы, кусок железного листа и удары по нему. 2 удара – забурилась вагонетка. В 1939 году шахта была примерно от поверхности на 2 километра приблизительно. Все в той же смене поставили меня работать коногоном. Это значит: зацепили 10 штук вагонеток груженных, погоняем лошадку-шахтерку и так же порожняк. Работал помощником крепильщика. За хорошую работу меня перевели на поверхность. Мой начальник был дядя Саша Посошков, я выполнял все его задания. Особенно хочу отозваться о дяде Саше, очень он был хорошим, я никогда не слышал от него, чтобы он когда-либо загнул матом. Вежливый, все время называл рабочих на «вы». Бывало, в работе не ладится что-то, а он спокойно разъяснит. Я сегодня счастлив, когда все это описываю в воспоминаниях о прошлом: работал с таким начальником! Было не похоже, что он начальник. И всегда был одет по-рабочему.

Вернусь к Коваленко. Если не ошибусь, в 1939 году он спал в палатке с горными мастерами, их было человек 10. Что мы делали на поверхности? Это – подсобное хозяйство для шахты. Спускали лес в шахту, загружали уголь в бункер, отбирали породу на ленте в отвал мелкого угля. В 39 году мой мастер тов. Коваленко А.М. посылал в баню зимой таскать снег. Тогда его резали лопатой и носили на себе на второй этаж и бросали сверху в чаны деревянные. Баня была деревянная, небольшая, двухэтажная, только наполовину, а сам душ, где мылись, был высокий. Два чана: один с холодной водой, а другой с горячей. Была кирпичная печка, топились углем, выше колосников были поставлены пять штук секций из радиатора паровых труб, в один конец снизу чана входит вода, нагревается и по трубе выбрасывает вверх воду горячую.

В 1939 году, кто помнит из старых шахтеров, воды давали полтаза горячей и полтаза холодной – только умыться лицо и руки! Такой был приказ нач. шахты тов. Громченко. Особенно строго было зимой, летом –

совсем другое дело. Баня стояла возле протекавшего ручейка из Медвежьего ручья. Возле бани, на улице, выкопали на метр котлован, и ширину и глубину его обили досками, в него набиралась вода. Маленьким моторчиком качали ее в деревянные чаны, воды летом хватало, все мылись наголо, только успевай печку шуровать. В 1939 году я работал на Угольном ручье, в то время у входа в шахту текла вода: из горы летом и весной таял снег и шла вода в глубь шахты. На Угольном ручье в 39–40 годах были ленты, и породу отбирали вручную. Когда были массовые взрывы на руднике, нас на то время из палаток выселяли подальше, чтобы не убило. Помню, как камни летали со свистом. Заведующим баней был дядя Гриша Фраткин. Ему было лет под сорок. Работал я в механической мастерской фрезеровщиком, нарезал болты, гайки, железо. Начальником был Грунтский Казимир. Помню работу на Угольном ручье на коксохимплощадке. Пилили чурки из отходов бревен или досок, кололи их на дрова и делали четырехквadratную клетку, обсыпали ее кругом углем, наподобие круглого шалаша, середину дырки из дров засыпали горячим жаром. Дрова загорались сверху, дырку закрывали, и вся эта куча угля тлела до определенного времени. Таких куч было в то время штук 20, а в 1940 г. их было больше. Когда кокс готов, кучи заливали водой, ее носили ведрами. Получался хороший коксик. В 1939 году между тремя горами одиннадцатой шахты Угольного ручья и рудника, была очень большая ровная площадка. Я в этом году ездил к подъемнику, так сейчас там негде повернуться: все засыпали сверху.

В 1939–1940 годы началось строительство большого плавильного цеха по указанию Завенягина Авраамия Павловича, строили никелевый завод и электростанцию ВЭС-2. Я попал на строительство большого цеха. Как мы начинали строить в то время? Ходили по дороге, поросшей кустарниками, грязь по колено: вот подъемник, БОФ, Нулевой пикет, ул. Горная, Заводская и промплощадка. Вырубили кустарники для

дороги, чтобы можно было ходить на работу и обратно, а также чтобы на лошадке можно было проехать, без угля зимой никак. В конце 1939 – начале 1940 года возили на лошадях и кайлы, лопаты, ломики, кувалды и т.д. Разжигали костер, вокруг большого костра концы ломиков втыкали в жир, накаляли до красна, намечали колышки и начинали бурить ломиками калеными. Один товарищ держит ломик, а другой бьет кувалдой по нему, и так попеременно. Нагреем ломик и пробьем по нему метр вручную. Вычистим отверстие кругленьким черпачком, отпальщики проведут массовый взрыв, потом опять работаем.

Морозы были большие, и по распоряжению Завенягина нам, строителям, давали по 50 грамм чистого спирта. Все условия были созданы, чтобы не срывать строительство завода. В этом районе был большой лес, большое озеро, а сам завод плавильного цеха стоит на скале.

В 1939 году мы, шахтеры и строители, жили в палатках формы барачков, потолком был натянутый брезент. Распилили лес на доски по метру – полтора – два, поставили их на попу, вплотную друг к другу. Это были сосны. Зимой доски замерзали, на досках был лед. Поэтому спали мы в шапках и в бушлате. В палатках были две печки, бочки из-под керосина или масла. Вывели трубу на крышу, топили углем. В палатке было жарко, в середине ветер подбрасывал вверх брезент. Так мы и жили всю зиму, а летом 1940 года построили бараки, стены засыпанные и теплые. Помню в конце 39-го и в начале 40-го года поднялась черная пурга. То одну сторону угла палатки ветер сорвал, то другую. Забивали дыры бушлатами. Пурга дула со свистом без 3-х дней месяц. Не было видно человека друг от друга дальше чем на один метр, вся бригада было заблудилась. И электростанция ВЭС-2 давала гудки круглые сутки: кое-кто не вернулся, а кое-кто замерз. И вот, когда утихла черная пурга, к нам приехал Завенягин. И обратился ко всем: надо откопать занесенную линию узкой железной дороги,

линию занесло на 15 метров. Снег перебрасывали тремя ступеньками...

Тов. Завенягин А.П. пришел вместе со всеми своими помощниками, он особенно старался работать. Я своим ребятам даже сказал: «Смотрите, как Завенягин работает». А он услышал и ответил: «Я, товарищи, обязан вместе с вами работать, бороться с трудностями». Авраамий Павлович всегда ходил руки назад, я даже слышал, как он однажды высвистывал потихоньку «Катюшу». Он никогда никого не называл на ТЫ, только на ВЫ. Он запомнился мне человеком среднего роста, широким в плечах, лысым, шустрым, жизнерадостным...

Специальная бригада летом 1939 г. до глубокой осени собирала в тундре дикий лук для заправки супа и от цинги. Но разве запасешься на такую семью луком? Собирали и в сороковом году, пока не построили хвойно-варный аппарат на Ламе.

Летом 1940 года я заболел цингой и дизентерией, лежал в палатке вблизи горы Шмидта – это бывшее второе лаготделение. После того, как организовали хвойный квас, я пил его, как чай, с цингой у меня дело пошло на поправку, а с дизентерией было плоховато, но и то обошлось хорошо, по сравнению с другими товарищами. Большое спасибо врачам за оказание помощи: Сергею Михайловичу Смирнову, Георгию Александровичу Попову, ведь я чуть не умер. Я и сейчас бы с удовольствием попил хвойный квас, да нет его в продаже. Скажу вам по секрету, что у меня с 1949 года идет кровь из десен, я чищу зубы по три раза в день. Возле первого дома Норильска в 1959 году я посадил возле своего окна 10 кустов, посеял овес, сделал огород, но куры Атаманова Гены не дали ему расти. Из-за них я поругался с соседом. Очень плохо, что первый дом Норильска отвели под свинарник. Тарасенко и Цыцер К.А. застроили мой отдельный ход...

В 1942 году меня перевели на электростанцию ВЭС-2 углевозом, уголь возил в котельный цех. Начальником был Чернышев. Потом за хорошую работу

меня перевели шлаковозом, горячий шлак возить из котлов. Работал в лаборатории на питательных баках, кочегаром и, наконец, водосмотрителем на паровых котлах с 1943 года. Кого я помню из ВЭС-2? Дежурную электрощита Шматько Марию, ныне депутат городского совета, на ТЭЦ работает. Дежурную по щиту Чалкину Симу, лаборантку Аню Пушкину, Лиду Филимонову. Кочегаров – Васю Болазукого, Люлько Семена Романовича, Кокова Николая, он старший кочегар. Дежурными инженерами, сменными тогда были Сурин Владимир Николаевич, Карташов Павел Валерианович. Старший электрик ВЭС-2 Хромов Александр Иванович ныне работает в «Высоковольтных сетях». Где ныне пивзавод, стоял локомобиль, лошадиных сил – сто двадцать. ВЭС-2 был пущен в эксплуатацию 1 мая 1939 года, заработала первая турбина. А в 1942 году нагрузка на ВЭС-2 уже доходила до девяти тысяч киловатт, при атмосферном давлении пара 22.

В 1949 году по собственному желанию я перешел работать на никелевый завод. В бывшем шлаковом цехе начальником тогда был Лапин Юрий Дмитриевич, он меня знает с 1953 года, в цехе электролиза никеля тружусь по сей день. В 1950–51 годах я участвовал в художественной самодеятельности. Выступали в клубе профсоюза (ныне клуб шахты), три месяца репетировали постановку немецкого писателя Шиллера «Разбойники». За один месяц показали 14 постановок, билет стоил 25 руб. Руководителем был Русинов Иван Николаевич, лауреат Сталинской премии, он был какое-то время диктором в Норильске.

В шлаковом цехе меня избрали профоргом. Был я и физруком, культурологом, заведующим красного уголка. Как агитатора на подписку газет Ю.Д. Лапин всегда меня ставил в пример в нашем цехе электролиза. С 1944 года избрали меня инспектором по технике безопасности, с 1949 по 1956-й был старшим инспектором по цеху и заводу. Имею благодарности в трудовой книжке.

Газету, присланную Иваном Игнатъевичем Сечко, долгие годы не случайно хранил Анатолий Львович. Он знал: она пригодится. Мы публикуем статью в томе, посвященном памяти А.Л. Львова. Почти тридцать лет ждал своего часа рассказ о жизни заключенного в норильских лагерях и столько же помнил об этом личном событии И.И. Сечко, потому и прислал Анатолию Львовичу газету с публикацией о самом себе.

Белорусские журналисты тоже записывали его воспоминания о лагерном Норильске, только Иван Игнатъевич Сечко, умудренный горьким опытом, спустя много лет уже рассказал о своей жизни подробнее. Поделится он и своими размышлениями о нашей истории...

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «БЕЛОРУССКАЯ НИВА»

Минувшим летом он зашел, будучи в Минске, в редакцию, и мы проговорили около... шести часов. Затем в наш адрес пришли пожелтевшие листки, изломанные на изгибах от многократной читки, – единственное свидетельство, которое три с половиной десятилетия служило подтверждением его несправедливой отсидки в лагерях. Справка, выданная заместителем начальника отдела Управления МВД по Красноярскому краю в мае 1955 года, сухим, бесстрастным языком гласила: «приговор Военного трибунала Белорусского особого округа от 14 мая 1939 года в отношении Сечко И.И. изменен, обвинение переквалифицировано со ст. 22 – 68 УК БССР на ст. 120 УК БССР, и мера наказания по этой статье определена три года лишения свободы в ИТЛ без поражения в правах». В силу мартовской амнистии 1953 года судимость с Ивана Сечко была снята, от ссылки его освободили и выдали эту справку для получения паспорта в г. Норильске с печатным грифом: «Видом на жительство не служит. При утере не возобновляется». Без всяких извинений за шестнадцать каторжных лет.

Однако реабилитации пришлось ждать еще 34 года и четыре месяца. Справедливость восторжествовала, когда поседевший Иван Игнатъевич Сечко получил на руки еще один документ – справку Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. «Дело по обвинению Сечко И.И., арестованного

1 января 1939 года, пересмотрено пленумом Верховного суда СССР. Приговор Верховного трибунала Белорусского особого военного округа и определение Военной коллегии от 13 апреля 1955 года в отношении Сечко Ивана Игнатьевича отменены, и дело прекращено за отсутствием состава преступления. По данному делу он реабилитирован».

Между этими датами – полвека, вся жизнь – с юношеского до старческого возраста. Жизнь с унижительным клеймом «зэка», издевательствами и оскорблениями человеческого достоинства, с незаживающей душевной травмой. И эта жизнь не сломила его, не озлобила. В конверт вместе с письмом Иван Игнатьевич вложил вырезки из газет, где о нем писали как о прекрасном работнике, много трудовых лет отдавшем новостройкам и предприятиям Норильска. У него не было выбора: он заставил уважать себя в то жестокое, бесчеловечное для страны время своим трудолюбием и добропорядочностью. Таким он и остается в своих воспоминаниях, коими живет после ухода на пенсию. Этими воспоминаниями он решил поделиться с читателями «Белорусской нивы», справедливо полагая, что ни одна такая судьба, исковерканная сталинизмом, не должна предаваться забвению. Это долг всех живущих перед миллионами репрессированных, канувших в безвестность наших соотечественников. Итак, перед нами одна из немногих дошедших до нас исповедей узников сталинского ГУЛАГа.

14 января 1992 года

Я родился в 1921 году на территории бывшей Западной Белоруссии в селе Большой Рожан. Раньше это был Краснослободский район, ныне Солигорский. Семья была большая – девять детей – и бедная. Постоянно недоедали, поскольку своей земли не хватало. Мне, как старшему, приходилось ходить к панам батрачить, ухаживать за сестренками и братом. Трое из них заболели и умерли. Помнится, лет с семи уже многое умел

*Иван Игнатьевич Сечко,
1949 год*

делать, пас скотину, колол дрова, полел грядки, во-рошил сено.

Кое-кто нынче пробует утверждать, что жизнь под польским паном была лучше, нежели при Советах в ту пору. Может быть кто-то и хорошо жил, но большинство крестьян перебивались с хлеба на квас. Не случайно многие из моих односельчан поглядывали с надеждой на восток, в сторону Малого Рожана, который оказался по другую сторону границы. Влияние Советов в приграничной местности было довольно сильное. В нашей деревне действовала подпольная организация. Я хорошо помню имена и фамилии создавших ее односельчан. Почти всех их постигла трагическая судьба. Пять лет отсидел в польской тюрьме за революционную агитацию Ярошеня Павел Романович. Вынужден был бежать в Советский Союз, но тут его ждала тюрьма. Вместе с ним мы оказались потом в Норильлаге. Реабилитировали его в 1956-м. Знаю, что в последние годы за ним, очень стареньким, ухаживали сестры на хуторе Добрая Лука, что рядом с Б. Рожаном.

В 1937 году был схвачен польской дефензивой и потом повешен Иван Федорович Ворошкевич. Его жену Федору Ивановну погнали босиком в Пинск, в каталажку, за то, что получала помощь от Советского Красного Креста, а дочерей отдали панам в служанки. Ушел от слежки польских спецслужб Степан Ярошеня. Он пересек границу, а затем оказался в Испании, где и погиб, сражаясь в рядах интернационалистов. Он дружен был с Кириллом Орловским. Его дочь, Галина Степановна, живет в Красной Слободе, в доме № 7.

По собственному завещанию похоронен в Большом Рожане бывший подпольщик Павел Карпец. Мой дядя Степан Максимович Сечко, на пару с Иваном Федоровичем Исаеней, тоже участвовал в большевистском подполье. Жаль, что их мало кто помянул хорошим словом в год 50-летия воссоединения Западной Белоруссии.

Очень активными были братья Иван и Павел Ганичи, с которыми я дружил. Через них и мне стали поручать задания, разбрасывать, например, листовки. В самый канун Нового 1939 года я вступил в комсомол. Это был восемнадцатый год моей жизни. Думал ли я, что он станет для меня роковым, что перемены, о которых я втайне мечтал, будут ужасающими? Нет, мыслилось что угодно, но только не тюремное будущее. Мне казалось, что оно ожидало меня здесь, в Большом Рожане, как и моих земляков-подпольщиков, побывавших в печально известных картуз-березовской, пинской и других польских тюрьмах. Свое спасение и лучшую долю я видел на советской территории.

Первого января 1939 года я решился. Украл у сына нашего магазинщика лыжи и среди бела дня пошел через речку Марочанку из Большого Рожана в Малый, советский. Расстояние между ними — километра три. Пересек болотистую местность и у околицы деревни встретился с молодым парнем. Мы поздоровались, и я спросил, куда он направляется. Услышал: «В клуб». «А что это такое?» — не понял я. Он показал мне на хату, из которой доносились звуки гармошки. Я попросил парня провести меня к «хозяину деревни» и объяснил, зачем он мне нужен. Тот воспринял «чужака» совершенно спокойно и сказал: «Постой тут, я сейчас приведу». Вскоре вернулся с рыжебородым стариком (позже, когда я в 1955 году вернулся домой, то узнал, что его звали Козел). Старик, не долго думая, повел меня как перебежчика и нарушителя границы прямо на погранзаставу.

Втроем мы углубились в лес километра на полтора и очутились перед каким-то забором. Навстречу вышел часовой с винтовкой и строго спросил: «Что вам надо?» Старик объяснил, мол, привели неизвестного, кажется «с той стороны». Часовой вдруг преобразился, сбросил с себя тулуп, лягнул затвором: «Ложись, стрелять буду!» Я опешил от испуга и взмолился: зачем меня, панночку, убивать? Старик

посоветовал все-таки лечь на снег. А как лечь, когда на ногах лыжи? Пришлось раскорячиться и прилечь, упершись руками в снег. Тут часовой выстрелил вверх и поднял тревогу. Прискакал начальник заставы — Антоном его звали — и мигом обрезал крепления лыж, поставил их у забора. Поднял с земли, завел в дом, усадил. «А лыжи мои никто не украдет?» — забеспокоился я. Начальник засмеялся: «Они тебе больше не понадобятся».

В комнате меня раздели догола. Допытывались: где наган? Нет никакого нагана, говорю. Дали команду одеться, а потом сфотографировали растрепанного, специально не давая причесаться. При этом потребовали нахмурить брови. Я подчинился, однако спросил: «А мне хоть одну фотокарточку дадите?» Вновь посмеялся Антон — начальник, мол, перебежься. Меня покормили белым хлебом и треской. «Ты, говорят, Иван, в Польше белый хлеб ел?» Какой там белый, черного хлеба не хватало!

Меня удалили за дощатую перегородку, и тут началось. Начальник вызвал двух пограничников с собакой, начал орать на них матом, стучать по столу кулаком, дескать, как вы границу охраняете?! Днем в солнечную погоду пацан на лыжах прошел...

Те сели на лошадей и помчались по моему следу. Рыскали по болоту, едва коня не утопили. Вернулись, докладывают: никакого оружия не нашли. Тогда начальник заставы переписал всех членов нашей семьи, взял мой польский паспорт (только что выданный) и комсомольский билет. Билет порвал тут же при мне. Начал допрашивать: зачем перешел границу? Надо было жить и работать в Польше. «Хочу у вас жить, здесь лучше», — твердил я. Особо интересовался Антон моим дядькой, Степаном Сечко, подпольщиком в Большом Рожане.

Сутки возле меня дежурил вооруженный часовой. Я пытался с ним заговорить, но он злился и мотал головой: не велено. Но на следующий день утром на меня надели наручники и на санях отвезли

в Тимковичскую тюрьму. Здесь в холодной камере, где лежал лишь старый матрас, продержали шесть дней. Приходил прокурор, спрашивал, на что жалуюсь. «Очень холодно, и вши страшно кусают. А еще следователь бьет». «Ничего, — сказал он, — ты молодой, здоровый — выдержишь».

Допрашивал меня следователь по фамилии Бизерман. Раздевал догола и бил ремнем, выбивая нужные ему «признания». Когда стало невозможно, я придумывал с десяток фамилий родственников, которые якобы жили в Большом и Малом Рожане. Обман тут же обнаружился. «Зачем врешь?» — «Бьете потому что». Бизерман в истерике выхватил наган, приставил мне к уху: на, стреляйся... В голову, говорю, не буду. Поставил к ноге, нажал на курок, но не выстрелил. Наган не был заряжен. Тогда следователь поставил меня перед открытым окном и начал стрелять сзади в воздух над ухом.

Потом Бизерман вдруг стал жалостливым, предложил поговорить по-хорошему, рассказать, с каким заданием поляки послали на советскую территорию. А я все свое: жить переехал. Тут он опять не выдержал и начал зверски избивать ремнем.

Второй следователь русский был. Уговаривал не возвращаться в Польшу, пойти учиться на электрика или шофера. Бесплатно. На шофера я согласился. Мне принесли бланки, в которых я расписался в том, что отказываюсь возвращаться обратно. Я-то не знал их хитростей. Никто ведь не сказал, что родители через польских пограничников потребовали вернуть меня домой. В ответ им вручили мою расписку. Я ее потом нашел после сибирской ссылки. После этого меня посадили в железнодорожный вагон и под охраной доставили в Минск.

Город мне показался большим и красивым. Так я оказался в столичной тюрьме, где сменил свою домашнюю одежду на арестантскую. В камере было человек восемь. Смотрю — знакомый сидит, Лукьян Латушка. Он моего отца хорошо знал. Он тоже решил оставить

свою деревню Гаврильчицы и махнул через границу, чтобы поселиться в Минске. Вот и поселился...

Мне думалось, что тут будут обходиться с человеком лучше, чем в Тимковичах. Там меня потрясла трагедия девушки и парня. На польской стороне кто-то из их родителей не разрешил им пожениться. Думали, что в Советском Союзе устроят свое счастье. В тюрьме их посадили по разным камерам и долго допрашивали. В конце концов, после безутешных рыданий девушка сошла с ума. Что дальше с ними сделали, я так и не узнал. Не знаю, как сложилась судьба 14-летнего парнишки, сидевшего со мной за то, что оказался со стадом коров на польской стороне. Ему приписали намерение убить Сталина по приказу дефензивы.

И все-таки это были еще «цветочки». В Минске были «профессионалы» похлеще, избивали людей до потери сознания, допрашивали только по ночам. Здесь на первом же допросе следователь попотчевал меня резиновой плеткой. Ох и плетка! Пристает к плечам мягко, плотно, причиняя страшную боль. Фамилию этого негодяя я уже не помню, кажется, на «С» начиналась.

Я никогда не забуду, как избили Степана Баня. Вся спина в кровоподтеках, плечи словно ножом изрезаны. Он метался по камере от жуткой боли, кричал благим матом. Степана водили по камерам, показывали для устрашения других. Мы потом усвоили, что особенно сильно истязали тех, на которых стряпали «вышку». При этом ничем не брезговали. Степана и его брата Ивана посадили, например, по разным камерам и вели протоколы допросов так, что один брат якобы наговаривал на другого. Страшнее таких приемов следствия, наверное, нельзя придумать. Когда Степана уводили навсегда, он кричал: «Прощайте, товарищи, меня увозят в Куропаты!...»

Меня тоже следователь страдал Куропатами. Я спросил у него, что это такое. «Узнаешь, — только и сказал он, — подписывай обвинительное заключение».

Кстати, обо всем этом я писал прокурору республики в 1989 году, когда требовал своей реабилитации. Слово «Куропаты» среди узников минской тюрьмы звучало страшнее, чем «смерть».

Судила меня «тройка» Особого военного округа (судью не помню). Дали десять лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах. После оглашения приговора завели в какую-то большую камеру, где были свалены горы разных вещей. Сказали: «Выбирайте себе вещи, да потеплее, повезут вас в Красноярский край на самый север». Среди прочих вещей я выбрал себе отличный польский свитер, который потом в пути следования уголовники отняли у меня, приставив к горлу нож. Теперь я знаю, что предложенную нам одежду и обувь носили несчастные люди, расстрелянные энкэвдэшниками в Куропатах. Их заставляли раздеваться перед последней дорогой. И это, оказывается, было просто у бериевских подручных.

В группе нас, белорусов-перебежчиков, было человек двадцать. В их числе и Иван Бань, которого на Енисее из-за сущего пустяка убил комендант лагеря. Интересно, что попал сюда и Тихон Климец, выдавший полякам подпольщиков. Кто его заставил перейти границу, трудно сказать. Ему тоже дали «десятку». Он сумел потом вернуться из ссылки и поселиться в Гомеле.

Жаль, что эту тайну так и не успели раскрыть — унес он ее с собой в могилу.

В Сибири я оказался в Норильлаге № 2, где были в основном политические заключенные. Помню, как мы, первые несколько десятков человек, под конвоем пробирались к месту грандиозной северной стройки — Норильского никелевого комбината. Я горжусь, что забивал первые колышки и зажигал первые костры на месте строительства. Потом сюда пригнали сотни тысяч человек, таких же подневольных, как и я. Кто считал, сколько их погребено в норильских болотах (хоронили голыми с бирками на ноге), начиная с се-

редины июля 1939 года? Лишь единицы выжили из тех, кто пришел сюда первым. До сих пор удивляюсь, каким же чудом мне удалось остаться в живых в тех нечеловеческих условиях. Норильск — это город-памятник тем, кто построил его ценою собственной жизни, умер в неизвестности от холода, голода, физического истощения и болезней.

Все-таки много удивительных и одаренных людей я там встретил. Три года жил в одном бараке и дружил с композитором Никитой Богословским. Тогда он еще не был знаменитостью. В нашем Гулаге отбывали ссылку артист Георгий Жженев, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мильчаков, поэт А. Попов, калмыцкий поэт Давид Кугультинов — список этот очень большой. Подробнее о них можно узнать на выставке «Восстанавливая истину», открывшейся в музее освоения и развития Норильского промышленного района. В августе — сентябре я приезжал в этот заполярный город, был в музее, выступал в коллективе никелевого завода, которому отдал 15 лет жизни. Там сейчас много молодежи, ей-то и рассказывал, как строился этот город-сказка в советском Заполярье.

Очень близок я был с писателем Васей Мамченко. Мы работали с ним на электростанции. Я помогал ему резать бумажные мешки и шивать блокноты по типу журнала «Огонек». Они были толстые и взъерошенные. Писал он химическим карандашом и передавал кому-то рукописи через вольнонаемных. Он говорил, что надо очень много написать о сталинских репрессиях, чтобы народ узнал всю правду. После реабилитации мы расстались с Мамченко. Говорят, он уехал на Украину. Кстати, не только он писал в зоне романы. Начальство вроде не запрещало это занятие, даже создавало кое-какие условия, но все должно было проходить цензуру. Так что правдивые строчки писались втайне.

Но были в Норильлаге и другие встречи, о которых приятно вспоминать. В 1940 году неожиданно

столкнулся я с новым норильским узником, знакомым мне следователем Бизерманом. Оказывается, ему тоже дали десять лет за какие-то прегрешения. Я сразу узнал его. «Ну привет, землячок», – говорю, – «Ты откуда?» – спрашивает, – «А я из Тимковичей», – говорю. И по зубам ему хрясь!.. Потом он пропал, как в воду канул. Перевели куда-то в другую зону, а может еще что случилось, ведь ребята за ним уже охотились, приговорили к смерти.

Поскольку осудили меня по «политической» статье за «шпионаж» в пользу Польши, то и в Норильлаге во время войны начальство относилось с подозрением. Начальник лагеря № 2 Панцерный (его фамилия значится в музейном архиве) несколько раз вызывал меня к себе и устраивал допросы. Расспрашивал, как я жил в Польше, какие там порядки, нравятся ли они мне. Я всегда говорил только правду, известную мне. Ни на что не жаловался. Даже похваливал лагерные порядки, тщательно скрывая иронию: меня здесь мол, кормят, обувают, одевают и даже охраняют. И молоко за вредность давали, либо сгущенку. На что же жаловаться, гражданин начальник? Пощупали-пощупали меня и, наконец, оставили в покое. Оказывается, на меня кто-то наговаривал, подводил под расстрел. Слава Богу, пронесло.

Прежде чем попасть на строительство никелевого завода, полгода я отбухал на угольной шахте. Сам вызвался, поскольку пайки там были получше. Был коногоном – вывозил вагонетки на поверхность, работал крепильщиком, грузчиком. Потом переброшили на стройку, было это в районе небольшой железнодорожной станции Нулевой пикет. Здесь с нуля начинался Норильск.

Помню, зимой начинали. Работа была каторжная: вручную долбили мерзлый грунт. Нагревали на костре ломики, вгоняли их кувалдами в землю. В образовавшиеся отверстия запихивали аммонал, взрывали грунт, выбрасывали, и снова цикл повторялся. Кормили совсем хреново. Однажды узники

пожаловались начальнику строительства Авраамиию Завенягину на невыносимые условия: 12-часовые смены отработывали в любую стужу, в сорокаградусные морозы. После этого стали возить горячую еду в больших фляжках из под молока, а в один морозный день дали по 50 граммов спирта.

Наши бараки трудно было назвать человеческим жилищем, тем более северным. Представьте себе стены и крышу в одну доску, покрытые брезентом. Печки мастерили из пустых бочек. Спали в ватниках, не снимая шапок.

Никогда не забуду, как в марте сорокового наш барачный поселок по самые крыши замела страшная пурга. Много дней валил густой снег, и, чтобы добраться к столовой, мы прорывали в снежной толще самые настоящие туннели. Жили, как в подземных штольнях. Едва пурга улеглась, нас бросили на расчистку железнодорожной станции и путей. Это было похоже на субботник – Нулевой тупик откапывали все: и «зэки», и вольнонаемные, и даже лагерное

начальство. 15 дней на местной электростанции не смолкал гудок, думали, что его услышит затерявшаяся в тундре бригада с охраной. Но им никто не смог помочь, люди замерзли в снегах.

Четыре года на стройке — как один день, наполненный монотонным, изнуряющим трудом. Ночевка в бараках, подъем, работа, опять ночевка. Так в широтах вечной мерзлоты возникли сталинские индустриальные гиганты.

Когда запустили плавильный цех, меня перевели на электростанцию. Возил уголь, шлак, кочегарил, смотрел за паровыми котлами. Работа меня не тяготила, потому и конфликтов ни с кем из начальства не возникало. Начальник электростанции А. Александрович не раз пытался помочь мне. Как безотказного, дисциплинированного работника включал в списки на сокращение срока отсидки. Но где-то «наверху» мою фамилию упорно вычеркивали, как только открывали дело «со шпионажем».

Пересидел я на положении «зэка» месяц и получил освобождение 28 февраля 1949 года. В лагере мне посоветовали написать заявление в Министерство внутренних дел с просьбой на свободное поселение. Изложил в письме все: за что судили, как судили и как отбывал наказание. И получил ответ: пожизненная ссылка в Красноярский край. С тем же поражением в правах. Это был бериевский прием рекрутирования кадров в сибирские регионы. Коль уж попал туда — не выкрутишься. Таких, как я, там обретались сотни тысяч. Это был совершенно бесправный народ. С каждым ссыльным начальство могло поступить, как ему вздумается: упрятать обратно в тюрьму, лишить средств к существованию или пристрелить при удобном случае.

Дважды в месяц я ходил в спецкомендатуру отмечаться. Однажды участковый милиционер оштрафовал меня на 50 рублей за то, что я не был прописан в общежитии. Где было взять такие деньги? Пожаловался своему начальнику, а тот говорит, мол, пошли ты его на... и ничего не плати. В ссылке прописка не нужна.

Участковый Рубцов, помнится, вызвал меня в домоуправление, положил на стол пистолет: «Будешь, сука, платить?» Я обозлился – будь что будет – и попросил его не «тыкать». Он взъярился: «Ты, фашистская морда, мне указывать?! Да ты же смертник, я тебя, скотина, обратно во второй Норильлаг загоню и через пару лет ты подохнешь...» Ну коли так, думаю, то и я в долгу не останусь. «Не пугай, – говорю, – пуганая ворона куста боится».

В общем, пожаловался он начальнику милиции. Тот вызвал меня: «Почему штраф не платишь?» Что мне говорить? Денег нет, ссыльному же не выдают. Почему не подчиняюсь власти? Не права же, получается, власть... Начальник почесал затылок и говорит: «Все-таки власть уважать надо, Иван Игнатьевич. Давай договоримся, найди и заплати не 50, а 25 рублей. На этом и разойдемся». Упрямитесь тут уже не было никакого смысла, правды все равно было не сыскать. Лишь бы участковый не приставал.

Бывшего политзаключенного и после отсидки любой мог унижить, оскорбить и даже измордовать. За время работы на никелевом заводе, а затем на большом металлургическом я приобрел хорошую репутацию, меня избирали в разные общественные организации. Был профоргом, инспектором охраны труда и техники безопасности, страхделегатом, рабочим контролером, инспектором по санитарии на предприятии и в поселке. Понятно, что такая общественная активность не всегда была по нутру руководителям.

В 1951 году пошел я как-то к своему знакомо-

*Иван Игнатьевич Сечко,
1991 год*

му, он работал начальником хозяйственно-административной части, посидеть, поговорить за бутылкой. Пришел, у него сидел главный инженер обогатительной фабрики, выходец из поволжских немцев. Я думал, что пришел к коммунистам, а оказалось, что к настоящим фашистам. Стоило мне без всякого зла и осуждения сказать о Советской власти, как оба вскочили и начали меня жестоко избивать. Они меня бьют, немецкая овчарка бегаёт вокруг, лает, а хозяйка испуганная сидит, прижимает к себе ребенка. Так разъярились, что, чувствую, убьют до смерти. Стал умолять хозяйку, чтобы пощадила. Благо, она заступилась, и мои несостоявшиеся дружки прекратили расправу. Хозяин вытолкнул меня и сказал: «Иди и никому не говори, что ты у меня был и что тебя били. Не то — крышка тебе».

А однажды меня уволили. Не за то, что плохо трудился, а за критику начальства. Помнится, в 1956 году на партконференции выступил наш директор А. Аристов и сказал, что вокруг цехов грязь, антисанитария, что надо вывести рабочих на субботник, что сам Ленин это дело приветствовал и в субботниках участвовал. Тогда я вышел на трибуну и дополнил: лопаты, носилки, кайлы у нас есть в достатке — хватит и начальству. Пусть большие и малые руководители, ИТР тоже выйдут на субботник, их немало — человек 300 наберется. Вот это будет по-ленински. В зале зааплодировали, а мне выступление аукнулось увольнением. Народный суд все же восстановил меня на работе, не дал восторжествовать несправедливости. Это уже были, можно сказать, другие времена, хотя издевательства продолжались еще долго. Во времена Брежнева о своем ГУЛАГовском прошлом лучше было вообще помалкивать.

Тридцать три года отработал я в заполярном Норильске. Ушел на пенсию с подорванным здоровьем, почитай, все оно было истрачено на то, чтобы выжить. Любой ценой.

В Сибири я женился, детей вырастил, выучил. Три дочери у меня – Татьяна, Нина и Софья. Живут и работают в Норильске, Киеве, Гомеле. Жена моя, Евдокия Георгиевна, тоже отбывала срок. Там мы и познакомились. Вообще история ее отсидки выглядит сейчас трагикомичной. Она была проводником- контролером на железной дороге Барнаул – Новосибирск. Однажды солдаты-вохровцы сорвали в вагоне пломбу и утащили несколько мешков сухих яблок. По законам того времени ее и осудили. Евдокия строила медный завод, была бригадиром.

«Я бесконечно несчастлив оттого, что узнал за последние годы. Мне стыдно за мое Отечество... И бесконечно счастлив, что дожил до Нового времени, о котором не чаял в самых радужных мечтаниях», – это сказал Дмитрий Иванович Михайлов, бывший узник Бухенвальда, Карлага и Норильлага на открытии выставки, посвященной истории Норильска. Под этими словами подписался бы и я...

НОРИЛЬСК первых десятилетий

Анатолий Львов:

«Ночь над страной»

В этом веке стреляют столько и так часто, что, может быть, неуместно говорить о самых громких выстрелах или взрывах. И все же они были и есть. Несмотря на постоянный «революционный лай», их слышит вся планета. Речь идет о политических убийствах, совершаемых с неодинаковыми интервалами, которые фаталистам подсказывают: увы, пришла пора для очередного...

Взвешивая последствия самых шумных убийств XX века, приходишь к выводу, что выстрел временно не работающего 30-летнего Леонида Николаева в коридоре Смольного 1 декабря 1934 года равнозначен сараевскому взрыву 28 июня 1914-го. Тот был сигналом к началу первой общемировой бойни, этот стал точкой отсчета кампании массового геноцида властей против своего же народа.

Почему я считаю первый день зимы 1934 года начальным в этой чудовищной истории расправ? А как же Соловки 1920-х, а концентрация за «колючкой» офицеров армии и священнослужителей, а процесс «промпартии» и «шахтинское дело», а организованный голод и высылка украинских крестьян в Сибирь, а узбекских — на Украину — и т.д. и т.п.

Все верно. Но, согласитесь, годы второй пятилетки и «съезда победителей» — это не время декрета «Социалистическое отечество в опасности». Одно дело, когда — «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления», есть реальная угроза существованию новой власти (уже некоторые называют ее «бандитской»), но

Привычный северный пейзаж

она поддержана – не всюду, правда, большинством). Другое дело, когда на дворе 17-й год Октября.

– Часть тех функций, которые выполняла раньше вся партия или весь класс, теперь переходит к власти, т.е. к некоторому только количеству людей... Партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя...

Это, уже в 1928 году, писал замечательный человек Христиан Раковский о нравственном банкротстве аппаратчиков во главе со Сталиным. И дальше:

– Я считаю, что существующая советская и партийная бюрократия будет в дальнейшем продолжать с таким же успехом культивировать вокруг себя все то же.

Провидец? Мудрому болгарину, одно время – предсовнаркома Украины, ученику Плеханова, было уже 55. Мартемьян Рютин, секретарь Краснопресненского райкома, был моложе, но думал так же, только еще острее, еще «опаснее».

– Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами.

В 1932-м Мартемьян Никитич впервые употребил слово «сталинщина». Сталин потребовал расстрелять

автора манифеста. ОГПУ требованию вождя не подчинилось, подписав себе, таким образом, приговор.

О, Сталин был прекрасно осведомлен о настроениях в партии. Он мог не знать, что Иван Николаевич Смирнов в частных беседах называет его фашистом (бывший председатель Сибревкома, потом руководитель нашей военной промышленности – и т.д.). Мог не знать, что С.В. Мрачковский тому же Смирнову доверительно высказывал идею «ликвидировать» его, вождя. Но что больше трехсот делегатов партсъезда проголосовало против него, он же не мог не знать (удалось, правда, результаты подсчета скрыть). А за Кирова – практически единогласно.

Сталин должен был уйти. По крайней мере, отказаться от роли № 1 в стране. Но он уже столько натворил, что скрыть это вряд ли удалось бы. Зашататься – в окружении подонков – было опасно для жизни. Значит... Значит, надо опередить всех, начиная с...

10 июля 1934 года ОГПУ было реорганизовано в НКВД. Вместо Судебной коллегии введено Особое совещание (потом оно сократится до «двойки»: Берия и Вышинский). Теперь предстояло любыми методами покончить с теоретической возможностью террора против власти.

Участвовал ли Сталин в разработке сценария убийства Кирова? Не думаю. Скорее всего, мы и не узнаем этого никогда. Но раскручено дело было так, чтобы получить максимум выгод, – расправиться с тысячами и запугать миллионы. Статья 58, пункт 8 через 17 (террор) стала тем же, чем в средневековье было обвинение в контакте с дьяволом. Защищенным от нее не был никто.

Адский замысел начал воплощаться через считанные часы после выстрела в голову Кирова. (Какое страшное наказание за самоустранение от еще возможной роли лидера оппозиции, за безоглядную преданность, за нежелание брать на себя высочайшую ответственность... Или понимал, что его ждет при любом развитии событий?)

– Следственным властям вести дела о подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком...

– Судебным органам не задерживать исполнения приговоров о высшей мере...

– Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение... немедленно.

– Следствие... заканчивать в срок не более 10 дней.

Думаете, подписал это Сталин? Подписал, конечно, но не в газетах. В газетах – постановление ЦИК Союза ССР. Председатель – М. Калинин. Секретарь – А. Енукидзе. Потребовал бы вождь заканчивать следствие за 10 часов – и это бы подписали. (До чего хочется думать, что разделение властей, полная независимость судебной – навсегда, что повторение пройденного невозможно.)

На утро 2 декабря 1934 года был назначен пленум обкома и горкома с докладом Кирова по реализации решений пленума ЦК, который закончился 28 ноября. Пленум ОК состоялся только 15 декабря. Доклад сделал новый первый секретарь – Жданов. А на закрытом пленуме, вел второй секретарь Чулов, объявили: убийство организовала молодежная часть бывшей зиновьевской оппозиции (Колотынов, Румянцев, Шацкий и другие). А идейные вдохновители – Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и еще много...

Телохранителя Борисова убили еще 1 декабря. Четырнадцать человек – «подпольную группу», включая Николаева, успели расстрелять еще до Нового года. Зиновьева уговаривали взять на себя убийство (сменщика по Питеру), два года. Уговорили, пригрозив прикончить наследников; с 10 апреля 1935 года действовал «всенародный сталинский» закон об уголовной ответственности, вплоть до расстрела, всех граждан СССР с 12-летнего возраста.

А одним из первых пострадал в декабрьской ситуации 60 лет назад начальник Ленинградского управления НКВД. То, что Сталин его просто-напросто

ударил по лицу, Ф.Д.Медведь еще бы вынес — утерся и принял как награду. Но его сняли, а позже и сослали на северо-восток. Для нас этот факт интересен тем, что Филипп Демьянович рассматривался как главная кандидатура на должность начальника Норильскстроя (заметьте, за полгода до решающего заседания политбюро в марте 1935 года).

По некоторым данным, по кировскому делу (их называли в лагерях «кирятами») было выслано только из Ленинграда приблизительно сто тысяч, естественно, ни в чем не повинных людей. По более точным данным, впрочем, тоже требующим проверки, две с половиной тысячи питерцев прошли через Норильлаг. Среди них в Питере комсомольские работники города и области.

Игнат Пронин, 1904, секретарь организации фабрики «Скороход», яростный боец с зиновьевцами (1926), выпускник академии высшей торговли, член бюро ЦК комсомола, работник комиссии совконтроля. Арест в 1937 г., в Норильлаге до 1945 г. Потом руководитель группы сводного планирования в плановом отделе комбината и начальник планового отдела коксохима. Умер в Норильске в 1953-м.

Михаил Хосин, 1907. Заворг Мурманского губкома, секретарь укома в Тихвине, секретарь комитета Ижорского завода, зав. сельхозотделом обкома, секретарь райкома партии, инструктор обкома, завотделом Карело-Финского обкома. Арест в 1937 г. Диспетчер гужевого транспорта до 1946 г.

Александр Тамми, 1906. Секретарь Слуцкого волостного комитета, Череповецкого горкома, завотделом обкома, член бюро. С 1939-го — погрузчик угля, руды и породы (шахта, рудник 2/4), зам. главбуха торговдела, главбух коксохима и никелевого завода — до 1957 года.

Александр Панов, 1899. Организатор комсомола в Луге. Член исполкома Красного спортинтерна от СССР. Член Ленсовета. Выпускник военно-транспортной академии. Чемпион и рекордсмен страны

по мотоспорту. В 1935 г. выслан в Омскую область. С 1939 года – в Норильлаге. После освобождения – технорук автобазы, начальник автоинспекции, секретарь горсовета «Динамо» ...Из справки (совершенно секретно): «За причастность к убийству Кирова был сослан, но своей контрреволюционной, троцкистской деятельности не прекратил. Находясь в заключении, продолжал вести антисоветскую агитацию среди заключенных. До ссылки и ареста много раз бывал за границей и после освобождения из лагеря продолжает восхвалять капиталистические порядки. Подлежит увольнению из системы комбината. 11 августа 1950 г.».

Павел Усанов, 1903. Секретарь райкома, губкома, райкомов партии (Кыштым, Челябинск), завсектором ЦК ВКП(б), директор Климовского машиностроительного завода, с 1939 г. в заключении: начальник судоподъемной экспедиции (Дудинка), отдела флота комбината, цеха металлоконструкций, механического завода (1957 г.).

В конце названным повезло – занимались нужным делом, некоторые привезли в Норильск семьи... По стране еще до 1937 года, считается, погибло не менее десяти миллионов.

Забегая вперед, опережая события, хотя именно в эти декабрьские дни будущей Норильлаг, а значит, и комбинат, был обеспечен (на долгие годы) рабочей силой и кадрами специалистов. Но пока, в декабре 1934-го, в последний раз перед Новым годом в Норильске тихо. Никого, кроме нескольких сторожей в геологическом поселке на Нулевом пикете. В Москве идет защита запасов руды. На Норилку, на ее долину, на горы опустилась последняя перед началом стройки полярная ночь.

*«Красноярский рабочий»,
27 декабря 1994 года*

Анатолий Львов:

«Александр Тамми из обкома комсомола»

Десятого апреля 1988 года «Ленинградская правда» под рубрикой «История без ретуши» напечатала беседу с Александром Карловичем Тамми. Мы к ней еще будем обращаться, но для начала – один вопрос корреспондента и ответ на него:

– Сейчас часто пишут о недозволенных методах допроса, которым подвергались арестованные. Вам тоже пришлось это пережить?

– Еще в камере не побывал, а меня уже повели на допрос. Впрочем, допросом это не назовешь. Меня с порога начали избивать. Долго били, наконец, один бросил: «Ах ты, сволочь, контра! Ты члена Политбюро учить будешь, что ему делать!»

Выходит, отозвался мне мой визит к Жданову. Повели в камеру. На всю жизнь запомнился ее номер – 17. Вошел, а мне со всех сторон: «Сашка, Сашка! И ты здесь». Более горькой минуты в жизни, наверное, не было. И в то же время услышал эти голоса и как-то легче стало: значит рядом товарищи по партии, по комсомолу. Старостой в нашей камере был большевик Дашкевич, член партии с 1910 года, один из руководителей военной организации большевиков.

(В беседе со мной Тамми назвал Петра Васильевича Дашкевича «командующим правого крыла при штурме Зимнего». Если это и не точно так, то близко к истине. Сын рабочего, окончивший университет, сотрудник «Звезды» и «Правды», связанный*

* Сегодня известно, что штурм Зимнего дворца как такового не было. – *Ред.*

с большевистской фракцией 4-й Госдумы – переписываю из БСЭ – подпоручик Дашкевич вел революционную работу среди солдат. В июльские дни 1917-го был арестован Временным правительством, ему грозила смертная казнь... Член ВЦИК, председатель Петергофского горсовета, член РВС 9-й армии, ректор Института народного хозяйства им. Плеханова... В январе 1938 года ему еще не исполнилось пятидесяти. Погиб не позже чем в 1942-м.)

Дашкевич сразу же ввел в курс дела: «Забудь имена всех тех, кто остался на свободе, – родных, близких, товарищей по работе. Надо эту чертову мельницу остановить». Предупреждал он меня вот почему. Во время допросов не все выдерживали. К тому же, следователи нередко камуфлировали свои вопросы. Они не требовали называть сообщников, а уговаривали перечислить тех, с кем вместе работал, чтобы они, дескать, ходатайствовали за тебя, подтвердили твою невиновность. Но через некоторое время все эти люди оказывались рядом, в камере... А били жестоко... На многие часы, на сутки ставили в стойку... Бывало, что тебе почти в безжизненном состоянии вложат в пальцы ручку и водят по бумаге. Ведь текст допроса – вопросы и ответы – заранее заготовливается, и ты должен был лишь его подписать. Возвращаться в камеру, а там – теснота, затхлость. Одежда истлевала прямо на теле.

Перед судом меня посадили в камеру смертников. Много лет спустя, во время реабилитации, мне рассказывали, что я действительно должен был быть расстрелян, так как моя фамилия значилась в списке № 1 – списке обреченных на смерть, который подписали Сталин и Молотов. Что меня спасло – не знаю. Возможно, то, что на суде так и не признал своей вины.

Увы. Судя по всему, непризнание вины мало кого спасло. На палачей это не производило впечатле-*

* И все же прочтите, кто не читал, воспоминания врача Я. Рапорта в «Дружбе народов», № 4, и дипломата Е. Гнедина в «Новом мире», № 7 за 1988 год.

ния, а если не наоборот – распаяло: «Ах ты, сволочь, контра!» (К тому же не расстрелять жертву из списка № 1 было чревато «служебным несоответствием»). Вполне можно было поменяться местами с «контрой»: ежовский документ освятила секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома СССР: За. Сталин. За. Молотов. Единогласно!)

Нет, больше верится в другое чудо: в личном деле А.К. Тамми подшита справка о том, что он расстрелян. А бумажке – как не поверить! И поверили. Или сделали вид, что поверили. Чего не бывает! Ужасно. Но куда ужаснее получить в 1988 году, через 50 лет после описываемых событий, читательский отклик:

– Вы врете. Вас не могли бить...

К откликам вернемся в самом конце. А пока воспользуемся заточением героя в камеру смертников, что делает автору формальное право прибегнуть к избитому приему: «Перед мысленным взором обреченного прошла вся его жизнь»... Он родился 28 декабря 1906 года, «умер» 28 декабря 1937 года (нашли же день, когда арестовать). Ничто не предвещало старости. Смертник-воспоминатель был молод. Но ему уже было что вспомнить.

– Может быть, первое, что вошло в меня навсегда, осталось живым ощущением света, тени, шорохов, перехлеста ветвей, луча сквозь них, заставляющего сомкнуть веки, – это лес. Отец был лесником. Правда, в год моего рождения он работал стрелочником на Балтийской ветке одноименной, ныне Октябрьской, железной дороги, но и здесь, на станции Владимирской – это и есть место моего рождения, не вдали от Эстонии, но и не на эстонской земле, – леса хватало. Не только дров для печки, но и лесного шума, красоты, детской сказки... А потянулся отец поближе к российской столице в поисках работы. Так я, сын Карла Тамми, оказался по языку и культуре русским. Была бы у нас земля, хоть клочок, который бы кормил семью, так нет ведь. Вот и ушли из Эстонии в надежде, что повезет...

Детство прошло в поселке с лесным именем Сусанино (Царскосельский уезд Петроградской губернии). Девяти лет начал учиться в церковно-приходской школе (отец снова работал в лесничестве), а революция застала меня в коммерческом училище на Разъезжей улице дом 5, в Петрограде, в самом демократическом из коммерческих. Не случайно мы вскоре стали называться не иначе как Первой советской единотрудовой школой! Это, значит, годы 1916–1921-й. Жаль, с третьего семестра пришлось уйти в школу рабочих подростков...

Но вернусь на Разъезжую, ибо там я сделал первый шаг в новую жизнь. 19 июля 1920 года нам посчастливилось встречать возле Смольного делегатов Второго конгресса Коминтерна. С ними был Ильич. Когда Ленин и делегаты сошли со ступенек, мы бросили им полевые цветы (накануне специально ходили за город, на ночь ставили в воду). Энтузиазм наш не передать. В тот день мы решили создать свой коллектив Российского коммунистического союза молодежи. Было это не так просто. Как и в партию вступить. Принимали прежде других не учащуюся, а рабочую молодежь. Да «из рабочих», а не «из крестьян». Вот и получилось, что я себя чувствовал комсомольцем уже в двадцатом году, а билет мне выписан только в 1922-м. В партию подал заявление в ленинский призыв, а приняли меня из кандидатов двумя годами позже, в 1926-м.

На бирже труда зарегистрировалось несколько тысяч подростков. Шансов на работу мало. Пришлось вернуться в Сусанино, устроиться сторожем дровяного склада (пастушествовал там я с детства). Здесь-то вместе с Иваном Кэбиным и Георгием Нелли удалось организовать ячейку – Сусанинский коллектив РКСМ! То была самая активная сила в установлении революционного порядка среди населения. Парторганизация была далеко – в Слуцке (так в честь Веры Слуцкой переименовали Павловск). И комсомолу пришлось взять на себя роль руководителя полити-

ческой жизни поселка. На что мы, 16-летние, сразу обратили внимание: жившие рядом с нами люди переводили на самогон хлеб, сахар, картофель... А Петроград голодал! Понимая всю остроту революционного момента, мы, комсомольцы, ополчились против самогонщиков. Ночными обходами выявляли их, изымали самогонные аппараты с зельем, сносили в поселковый совет, уничтожали. Капли в рот не брали. Нас пытались припугнуть, стреляли из-за угла. Потом почувствовали: кто-то предупреждает о наших визитах (оказалось, что... сам председатель Совета). Что делать? Поехал в волостной партком, так, мол, и так, в Совет проникли люди с сомнительной политрепутацией, члены церковной «двадцатки». «С плеча не рубить, – объяснил программу действий бывший матрос Балтфлота Василий Кузьминский, – попытаться провести сельский сход...»

Поначалу не удалось: не шло население нам на встречу. Отправились по избам. Агитировали фактами. Женщины соглашались. Мужчины на трезвую голову глаза отводили... Наконец, дали бой самогонщикам и их покровителю на сходе, в присутствии предволисполкома...

Наша взяла! В Совет пришли новые люди. С комсомольцами уже нельзя было не считаться. Наш коллектив насчитывал 40 человек, и каких! Клуб в брошенном доме открыли, драмкружок спектакли ставил, танцы не отменяли, несмотря на отрицательное к ним отношение укома. А параллельно – доклады на политтемы (своих и волостных докладчиков), кружок по изучению «Капитала», коллективные сценарии для агитгруппы «синеглузников».

Мы, политические бойцы, выявляли уклонявшихся от уплаты налогов, давали отпор распространителям враждебных слухов (к примеру, о НЭПе как о реставрации капитализма), митинговали, выпускали стенгазеты. За теми, кто призывал к «чистому культурничеству», не пошли. Собрания наши привлекали несоюзную молодежь, а то и пожилых. По бумажке

не выступали, испортить отношений не боялись – без критики и самокритики жизнь многое теряет...

В детскосельском уюте нас поддерживали. Время трудное, капитализм не потерял надежд вернуть свое, буржуазная идеология ожила, неустойчивая часть молодежи уходила из РКСМ, численность организаций сокращалась...

Остались закаленные. Четыре раза нам поджигали одну и ту же школу крестьянской молодежи, но мы не уступили кулацким элементам. А разве просто дался устав сельхозкоммуны «Ленинский путь» в Клопицах? Ввалилась пьяная толпа – злые, с кольями, – пришлось вынуть наган, стрелять (в воздух)... Разбежались, но пообещали угробить и всех коммунаров, и меня.

Это мне уже двадцать, секретарь, если по-нынешнему, райкома комсомола. Позади работа делопроизводителя, счетовода, Слуцк... С него началось десятилетие «кадровой» комсомольской работы с внезапными «бросками» в прорыв, перемещениями, краткосрочной учебой, страстными дискуссиями, конкретными поручениями, кампаниями самого разного свойства, неожиданным командированием на партработу – секретарем горкома в Череповец... Столь же безоговорочный перевод назад, в Ленинградский обком комсомола, с которым уже было столько связано, хотя и казалось, туда дорога заказана: старик, 29 лет...

Разве пересказать десятилетие со всеми его бедами и победами? Но как не вспомнить наше кровное дело – первую бригаду из лучших молодых рабочих и работниц! Еще не было слова «ударничество». Это 1928-й год. А в 1933-м ленинградцы отправляли своих представителей в колхозные комсомольские организации.

Там избирали секретарями питерских, грамотных... Уже легче было помочь смычке города и села... Как мне об этом не вспомнить – заведующему сельскохозотделом, отделом по работе с крестьянской

молодежью, делегату Десятого съезда ВЛКСМ (1936 год).

Да... Но что-то сломалось в нашей жизни гораздо раньше. Когда – ответить легче: в декабре 1934-го, с уходом Мироныча... А вот что – сразу и не ответишь. Но это же факт, что по «делу Николаева об убийстве Кирова» расстреляли Котолынова, Швацкого, Румянцева, Толмазова, Левина... Откуда сразу столько врагов? Что им сделал Киров? Или к нему лично они ничего не имели, но... Потом забрали Михаила Авербуха. Для меня это был гром среди ясного неба: Миша?! Он тоже?!

Этого не может быть. Это ошибка. Я могу ругаться за него, как за самого себя. Дело даже не в том, что он секретарь обкома, с которым я виделся и встречался ежедневно. И не в том, что член президиума Осовиахима СССР, – мало ли куда, на какую должность может пробраться враг! Товарищ Сталин учит нас, что классовая борьба обостряется, что враги народа могут втереться в доверие, что надо быть бдительным и помогать органам... Но здесь мы имеем дело с ошибкой. Пусть Эйдеман, Якир, Тухачевский – я их лично не знаю. Но Мишу... И я попросил Жданова принять меня. Опасение, что это ничего не даст, было. Но что последует, я, конечно, представить не мог. А главное: я посчитал своим долгом заступиться за товарища.

В тот год было как никогда трудно работать. В обкоме появились списки, в которых перечислялись якобы скрытые «враги народа». Все эти люди продолжали работать в комсомоле, и на руководящих постах, и до них доходили эти сведения, страх поселялся в душах, а вокруг образовывался вакуум. Их обходили стороной, хотя никаких обвинений еще не предъявлялось. На одной из комсомольских конференций было предъявлено требование к органам госбезопасности: «Почему враги народа спокойно разгуливают на свободе и даже остаются на комсомольской работе?». Я в списках, естественно, не фигурировал, и мне бояться

было нечего. Я-то не враг... Жданов меня принял. (Мы, кстати, были знакомы, хоть он и не курировал сельское хозяйство.) Он слушал меня, откинувшись, на спинку кресла.

– Андрей Александрович! Угаров (Александр Иванович, секретарь горкома партии, в 1938 году стал первым секретарем Московского ОК и ГК КПСС, погиб в феврале 1939-го, т.е., видимо, почти сразу был арестован. – А.Л.) нам, членам бюро обкома комсомола, зачитал показания Авербуха. Его, мол, завербовал Эйдеман (Роберт Петрович, комкор, герой Гражданской войны, писатель и поэт, член ВЦИК и ЦИК СССР, член военного совета при Наркомате обороны, председатель ЦС Осоавиахима СССР. – А.Л.). Он, дескать, недоволен был своим положением и хотел реставрировать капитализм... Я в это не верю. Он через год стал бы секретарем ЦК комсомола по военной работе! У меня к Вам просьба, чтобы Вы заинтересовались.

– Я должен не верить? – прервал меня Жданов.

– Проверить, Андрей Александрович! Отец Миши, он из-под Витебска, был сапожником в черте оседлости. Что, он туда решил вернуться? Глупость какая-то...

– Ах, ты учить меня будешь? Настоящий коммунист за врагов заступаться не будет. Вон отсюда! – И хлоп кулаком по столу.

Через два дня Сергей Уткин, первый секретарь нашего обкома – я знал его еще секретарем организации Ижорского завода, он «крестный» моей дочери, это он назвал ее Интерной, в честь Интернационала – позвал меня в свой кабинет, аккуратно прикрыл дверь и произнес:

– Саша! Я тебя знаю... Но я должен подчиниться. Мне сказано: «Гони эту сволочь немедленно»...

Выгнали. Обидно. А может, что ни делается – то и к лучшему? Что-то очень уж в обкоме обстановка беспокойная. Но делать-то что-то надо... Иду к Леше Кузнецову. Шесть лет назад, когда я заведовал массово-производительным отделом обкома комсомола, он

был во главе такого же в горьком комсомола. Теперь он зав. ОРПО, отделом руководящих партийных органов, – немалая должность в Смольном.

Состояние духа, в котором я застал Кузнецова, здоровым не назовешь. Он явно растерян, оглядывается:

– Саша, мы пропали! (Вполголоса.) Надо быть лично... лично преданным ему... Сталину.

– Ну а как же!

Посмотрел долгим взглядом прямо в глаза:

– Ты ничего не понимаешь...

Ухожу с опасного курса:

– Я не за этим. Не на что жить. Вроде как безработный...

– Это не страшно. Пойдешь директором фабрики спортивных товаров. Я скажу Ершову, он даст направление.

Иду в горьком, где в то время существовал отдел кадров, к Ершову.

– Леша прислал. Путевка, говорит, за тобой.

– Он мне не звонил.

– Ну позвони ему по «вертушке».

– У нас теперь это не принято...

Возвращаюсь в приемную Кузнецова: Алексей Александрович у Андрея Александровича Жданова. Приходите завтра. Ничего не попишешь... Внизу, на вахте, у меня отобрали партийный билет и удостоверение (в кожаном переплете) обкома комсомола.

Возмутился, а мне:

– Иди-иди, а то хуже будет.

Назавтра, расстроенный в дым, звоню Кузнецову – молчание. Его секретарю...

– Он у товарища Жданова.

– У меня партбилет отобрали. Что делать?

– Позвоните часа через два.

Чувствую: глухо. Звоню Зине, жене Кузнецова. Она:

– Нет-нет, к нам нельзя! Алексей всего боится, совершенно потерял волю...

Значит, стреляться. (Старый наган мне давно заменили на отечественный пистолет, вроде браунинга.) Жена повисла: «Не дам!» А ведь она права. Толку в этом шаге немного. Объявят, что как Гамарник*, боясь разоблачения... Пошел и сдал оружие от греха подальше. И – к Саше Шерстневу, в Петроградский райком (бывший мой заместитель в обкоме комсомла).

– Саня, мне уже не до выбора. Пристрой куда-нибудь. Дети есть хотят...

Так я стал подручным токаря на заводе Макса Гельца. На дворе было жаркое лето 1937 года, на календаре – август, на душе муторно и все же спокойнее, чем днем раньше: 6-летняя Инночка и 4-летний Эрнст могли гордиться своим отцом, который перестал быть дармоедом, встал к станку.

Работать, правда, мне не давали. Член бюро обкома комсомола! Что-то, наверно, знает! Вот к нему и ходят всю смену люди, не исключая секретарей заводских комитетов – партийного, комсомольского, профсоюзного... И, скромно познав премудрости токарного ремесла, я взмолился, чтобы меня перевели в ночную смену... Вскоре меня вызвал ночной директор: у него «ночные гости».

– Вы Тамми?.. Чем вы можете доказать?

– Бирками при инструментах.

– Я должен вас арестовать. Вот ордер: «Согласовано. Жданов. Кузнецов. По телефону – с Косаревым». В тот день мне исполнился 31 год. Дома шел обыск, но меня он уже не касался. Меня «поздравил» следователь Казаринов. Лично. Он вел допрос «с пристрастием». Его интересовало, буду ли я еще ставить вопросы члену Политбюро. Таково мое краткое жизнеописание...

Александр Тамми, сын безземельного крестьянина, бывший комсомольский работник, непримиримый

* Ян Борисович Гамарник, армейский комиссар I-го ранга, член партии с 1916 года, делегат восьми партийных съездов, член ЦК партии, зам. наркома обороны, зампред. РВС СССР. 31 мая 1937 г., за два дня до своего 43-летия, избавил себя от ареста, процедуры суда и группового расстрела 11 июня того же года. – А.Л.

борец с зиновьевской оппозицией, токарь с завода им. Макса Гельца, обвиненный в принадлежности к контрреволюционной группе правых в Ленинградском обкоме Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, по всему было видно, заканчивал свое пребывание на грешной земле. Все равно уже не назвать жизнью все, что происходило с ним после ночного ареста на заводе.

Побережем психику читателей, опуская бытовые подробности. Жизнь Тамми не оборвалась ни в камере смертников, ни на допросах, когда о расстреле приходилось только мечтать.

Спасибо Тамми за то, что выжил. За то, что прошел внутреннюю и Кресты, Владимирскую тюрьму и Орловский централ, Красноярск и Норильск. Он не сохранил зубы и здоровье, но сберег честь и в значительной мере – память.

Вот имена его палачей, наших палачей: Казаринов, Драницын, Готлиб, Карпов, Федотов. Первый и третий пользовались услугами нижних чинов. Второй любил бить по лицу сам, четвертый бил табуреткой и душил ремнем, пятый хлестал жгутом с крючками.

Кто-то скажет: «Что от них зависело?». Да, винтики. Да, страшной машины. Да, подневольные. И все же – разные.

Из интервью А.К. Тамми «Совесть моя чиста» (Георгий Урушадзе. Газета «Смена» от 29 июня 1988 года):

...Многие, возможно, остались бы на свободе, не будь тех, о которых и говорить-то не хотелось, – бывших первых секретарях обкома Гусеве и Любине. Эти доносили... Гусев при Берии стал следователем по особо важным делам и секретарем парторганизации МВД. О Любине ничего не знаю.

Среди следователей двое оказались людьми порядочными. К сожалению, память не сохранила фамилий тех добрых людей. У них на допросах я отдыхал. В разговорах с ними понял, что мне не выйти – «для того и посадили». Для того же арестовали и многих других – Соболева, Иванова, Владимирова, Вайшлю

(он был убит во время следствия), Уткина, Савельева, Пикину, Тумченка...*

Здесь названо несколько первых секретарей Ленинградского обкома, менявших друг друга. А неназванные следователи... Одного, скорее всего, убили. Такой вряд ли уцелел. «Я откажусь от твоего дела. Хочу быть честным, – доверительно говорил он Тамми, едва пришедшему в себя после побоев. – Этих пяти папок ты не бойся. Здесь ничего не подписано. Вайшла ничего особенного не сказал»... Второй, кто не назван... Тот сначала бил. Пока подследственный не остановил его вопросом: «Ты что? Забыл меня?»

– Т-т.. Товарищ Тамми? Тот самый? Вас не узнать! А я думаю, откуда фамилия знакомая!.. Садитесь у дверей. Если кто идет – вы мне стучите, я кричать на вас буду...»

Этот парень когда-то попал в Петергофскую школу милиции благодаря мне и Мартьянову, второму секретарю обкома, мы при отборе предпочли его другим. Пригодились комсомольские связи! – гражданин следователь получил возможность в рабочее время читать роман Н.Вирты «Одиночество», а «враг народа» сидел на стуле, подремывая и не испытывая поминутно на себе кулачное право.

Предоставим слово документам. Дадим герою отдохнуть. Ведь он переживает все заново, не может усидеть в кресле, волнуется, а здоровье – так себе, а по паспорту – девятый десяток. Я, когда записывал рассказы Тамми у него дома, на Приморском проспекте, даже рад был, что нас каждые десять–двадцать минут прерывали (его сейчас раздирают на части ученые, журналисты, комсомольцы, музейщики) звонки по телефону или в дверь. Вроде бы мне и надо было, чтобы он сосредоточился на воспоминаниях, но... не слишком. Перегрузки!

* Еще раньше, вслед за Авербухом, Мартьянов, Швецов, Аман, Забелло, Врублевский, Криволапов, Пискарев... Кроме некоторых из перечисленных, в норильский лагерь попали Каган, Усанов, Панов, Хосин, Пронин, Драбкина, Вантруба, Мишин, со многими я был близко знаком...

Как начнет показывать в лицах избияния, разделения – «шмоны» (догола с доскональной проверкой любых мест), муки жажды после ржавой селедки, куриную слепоту после темноты камер и трюмов (зрение возвращалось благодаря кормлению рыбьим жиром; это уже на барже по пути в Дудинку)...

Справка

Выдана гражданину Тамми А.К. в том, что он содержался в местах заключения МВД с 28 декабря 1937 г. по 28 декабря 1946 г. В НГМК МЦМ СССР (?? – вопросы мои. – А.Л.) работал с 20 июля 1939 г. по 28 декабря 1946 г.

На обороте: Выполняемая работа по специальности. (?)

1. Подземная шахта «Шмитиха». (?) .2. Забойный рабочий. По 23.09.»/г.

2. Подземный рудник 2/4. Погрузчик руды и породы. По 28.10.46 г.

Нач. отдела Черменев.

Когда я засомневался, можно ли было выдержать семь с лишним лет такой работы «по специальности», Александр Карлович поддержал меня: «Как правило, конечно, нет. Справку надо понимать вот как : за кем был закреплен. На самом деле месяцами занимался снегоборьбой, потом, к примеру, доставкой флюсов из Каларгона, или бросали на строительство жилья. Наконец, мне лично повезло со знанием основ бухгалтерии, и я подолгу находился в тепле торгового отдела, куда попал не без содействия Марии Косаревой, увидевшей меня в состоянии, близком к летальному исходу. Короче сказать, я уже был законченным доходягой – по точной лагерной терминологии. Из доходяг два выхода: на легкий труд и на тот свет.

Я задержался на этом...

В самом деле, судя по акту освидетельствования, проведенного много позже, – «зрачки круглые, равномерные, реагируют на свет и реагируют на свет и конвергенцию», разве что «жалуется на постоянную

головную боль, боли сжимающего характера в области сердца, которые носят приступообразный характер», да «левый желудочек гипертрофирован».

Здесь мне приходит на ум объединить показания медиков и кадровиков, акт и сроки из характеристики на уже освобожденного Тамми: «Замкнут, держался обособленно. Морально устойчив».

Именно устойчив. Не только морально. Уж как ни швыряло суденышко-судьбу, какие ветры ни били в лицо, и не только ветры, и не только в лицо... Сокамерники удивлялись: «Встает! А был-то куль с костями».

Вот когда рубаха-парень Саша Тамми замкнулся. Ему советовали «подпиши!», а он разбитыми губами – «нет!».

«Подпишешь!» – «Расстреляйте!» – «Подпиши – расстреляем!»

Его уговаривали, а он «держался обособленно»...

И устоял. Что помогло? Убежденность в своей правоте.

Возможно, природные упорство и упрямство. Не исключено, что высокий болевой порог... Но это не ясно. Была еще цель.

Партийное поручение.

– Ты молод. Обязан выжить. И рассказать всю правду о Сталине.

– А если он ни о чем не догадывается? – наивно спрашивал Тамми, как и другие из молодых. – Я напишу Сталину!

– Ну подумайте, – объяснял П.В. Дашкевич, – разве такой оркестр может играть без дирижера!

...Тамми вышел из лагеря в день своего 40-летия.

До 20 съезда партии еще оставалось без малого десять лет. Но сомнения давно растаяли; Сталин не мог не знать о происходящем. И если не вмешивался в ход событий, значит, не хотел, его устраивал этот ход...

Написал ли Тамми Сталину?

Список писем ...Прокурору г. Ленинграда: 1938, январь, февраль, март, май, июнь, после суда – 14 ноября (из Крестов).

30 декабря – А.А. Жданову (из Владимира). Из Норильска: 1 августа 1939 г. – Председателю Вер-

ховного Суда. 25 сентября – в Прокуратуру СССР. 15 февраля 1940 г. – Главному военному прокурору, 5 июня 1940 г. – в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б). 1 августа 1941 г. – Председателю Верховного Суда, 5 августа 1941 г. – И.В. Сталину, 13 августа 1941 г. – в Прокуратуру СССР, 12 декабря 1941 г. – И.В. Сталину, 1 марта 1942 г. – И.В. Сталину, 2 мая 1942 г. – в Прокуратуру СССР, 10 августа 1942 г. – И.В. Сталину, 1 марта 1943 г. – М.И. Калинин, 1 апреля 1944 г. – Л.П. Берия, 25 мая – М.И. Калинин, 7 августа 1944 г. – А.А. Жданову.

Еще четыре письма в различные инстанции отправила жена. Примерное содержание: сфабрикованное против меня бывшими сотрудниками Ленуправления НКВД... обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации правых при Ленобкоме ВЛКСМ... не имеет под собой... Я не только не принадлежал к ней, но ничего не знал и не знаю о таковой. Пройдя школу под руководством Кирова и Жданова (а как иначе? – А.Л.), я не мог изменить свои взгляды и встать на путь измены делу партии... Меня хорошо знают Кэбин И.Г., работающий в ЦК КП(б) Эстонии (впоследствии – 1-й секретарь ЦК КПЭ, а в 1927–1931 гг. Председатель Сусанинского сельсовета! – А.Л.), Неллис Г.А., зампред правительства ЭССР, Шерстнев А.М., замдиректора Биологического института АН СССР... Прошу истребовать мое «дело» у прокурора майора Салтыкова. Прошу сличить показания... Выяснится, что Криволапов, Вайшля, Мартьянов, Врублевский, Савельев и некоторые другие бывшие работники Ленобкома на следствии оклеветали и оговорили меня, причем не по своей вине – и т.д.

Ответы приходили. И ему, и жене, Ольге Павловне Ивановой.

«...Тамми осужден правильно и предъявленные ему обвинения доказаны материалами дела. Председатель Верховного Суда СССР Голяков».

«...Проверкой установлено, что Тамми осужден правильно и оснований к пересмотру его дела не найдено. Жалобы Ваши оставлены без удовлетворения.

Военный прокурор Главной военной прокуратуры военный юрист Новиков».

Никакого произвола. Никакого бесправия. Все по форме. Пусть попробует кто-нибудь нарушить у нас закон...

«Гр-ке Ивановой. На Ваше заявление сообщаем, что из тюрьмы УГБ, ул. Воинова, 25, переведено в нашу тюрьму руб. 183-53. Всего поступило денег на имя з/к Тамми А. К. руб. 408-53. Из этих денег он израсходовал руб. 35-25. Остаток руб. 373-28 переведены к месту его нахождения во Владимирской тюрьме от 29.11.38г.

Нач. финансовой части тюрьмы № 1 Глухов. Бухгалтер (такой-то)».

Никаких злоупотреблений. Все до копейки. Хоть поверьте, хоть проверьте. Нам чужого не надо.

И действительно могли потерять голову за счетную ошибку ...

Но из квартиры правдами и неправдами семью все же выселили. Поселился работник НКВД, имевший отношение к «делу». Во всяком случае, знавший ситуацию: Тамми не выйдет.

И все же на время в квартире (новой, потеснее) поселилась и радость. Бухгалтерская справка свидетельствовала: жив!

Сталин, правда, не отвечал. Но ему и не до Тамми, надо сказать, было – ни в октябре 1941, ни в августе 42-го. Видимо, поручал проверенным людям.

Кстати, кто советовал Александру Карловичу писать и писать, не уставая, добиваться пересмотра «дела»?

Завенягин. Авраамий Павлович. Не только Тамми, многим говорил приблизительно так: «Верю, что ошибка, что вы не виноваты. Постараюсь по возможности облегчить вашу жизнь. Всего, конечно, сделать не смогу... Пишите! Не унывайте! Вдруг пересмотрят! Под лежащий камень вода не течет».

Завенягин сам представлял Систему, и не мог ее критиковать.

Был достаточно жестким руководителем. Прибегал, случалось, и к крайним мерам. Но старался

помогать и помогал. И «сволочь, контра» из его уст не слышали.

Кто же был прав? Дашкевич или Завенягин?

Оба. Надеяться на «отца» было глупо и бессмысленно. И все же писать следовало: Тамми дважды скащивали срок. Два раза по шесть месяцев. Да, нещедрой рукой. Но все же он вышел в сорок, а не в сорок один. Год – это немало. Особенно десятый по счету.

СССР

МВД

28 декабря

1946 г.

Форма «А»

Видом на жительство
не служит.

При утере
не возобновляется.

Справка № 2429.

Выдана гр-ну Тамми А.К., 1906г., осужденному Военной Коллегией Верховного Суда СССР 23 сентября 1938 г. По ст.ст.17, 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на 5 года, (имеющему в прошлом судимость) ранее НЕ СУДИМ, в том, что он (она) отбывал наказание в местах заключения МВД по 28 декабря 1946г. И отбытии меры наказания с учетом сниженного срока Особым Совещанием МВД СССР от 8.09.45г. и 10.06.46г. на I год. Освобожден и следует к избранному месту жительства п. Норильск Красноярского края до ст. _____ железной дороги.

Нач. лагеря (ИТК) подполковник Воронин.

Нач. ОУРЗ (УРЧ) капитан Двин.

Гораздо позже от руки внизу будет добавлено: «Реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР 16.04.55». К этому времени перечень писем в инстанции продлится после большого перерыва (какой смысл?) трижды за год (1954-й): 9 июля – в Прокуратуру СССР, 10 июля – Н.С. Хрущеву, 10 декабря – в ЦК КПСС. А через четыре месяца придет

долгожданное из Москвы, от генерал-лейтенанта юстиции А.Чепцова, представителя Военной коллегии Верховного Суда:

– Дело по обвинению...пересмотрено...приговор от 23.09.38...по вновь открывшимся обстоятельствам ОТМЕНЕН, и дело за отсутствием состава преступления ПРЕКРАЩЕНО.

Прыгали от радости буквы перед близорукими глазами, железный Тамми всплакнул, все его поздравляли. В кв. 12 по улице Орджоникидзе, дом 2, был праздник.

Но этому предшествовали долгие семь лет после освобождения из лагеря, приезд семьи в 1947-м, еще пятилетие на птичьих правах, страхи 1950-го, когда метлой выметали «врагов» из Норильска на спецпоселение, смерть Сталина, расстрел Берии...

Нас с вами особенно интересует норильский период этой жизни. Но попробуй-ка на одной газетной странице рассказать про 18 лет и зим, унижение и каторжный труд, предательство и брезгливое недоверие... А ведь было не только это, но и жизнерадостный смех не поддавшихся обстоятельствам, теоретические споры о прошлом и будущем, требовательные проявления дружбы и заботы о ближнем, удовлетворение от плодов работы...

Несколько эпизодов из уст Александра Карловича.

Однажды, когда его прочили в секретари обкома, главным соперником оказался Алексей Савельев, очень эрудированный и толковый комсомольский работник. Который и стал секретарем – сначала вторым, а при той чехарде и очень быстро – первым...

Даже Александр Дюма не решился бы «приковыпать» Тамми и Савельева к одной каторжной тачке в горе Шмидта, но это произошло в жизни.

...Маленького, рано польсевшего Хосина, не слишком грамотного, неважного здоровьишком, но, видимо, с детства владевшего топором, предшественника Тамми на посту завсельхозотделом, «гоняли» по тундре, где он помогал геологам. Потом возвращали в барак – загоревшего, но еще более похудевшего. На

комсомольском собрании решили: «Михаила надо подкормить. Ответственный – Поляков...» Аполлон Поляков из Ленинградской комиссии совконтроля не напрасно был выдвинут на ответственную лагерную работу – лавочником. Какой-нибудь уголовник на таком посту мог и не помочь ...

...Каждую ночь из барака «выхватывали» людей, которых больше не видели. Становилось все меньше свидетелей неправедных судов. Их увозили обычно в район Валька, вместе с уголовниками. Эти под утро возвращались, усталые: их заставляли рыть, а потом закапывать могилы. Отказавшихся могли положить рядом.

...На нижних нарах, через узкий проход, лежали болгарин Благой Попов из исполкома Коминтерна и Александр Мильчаков, начальник Главзолота, бывший генсек ЦК ВЛКСМ. Тамми и редактор ленинградской газеты «Смена» Содиков, располагаясь под ними, слышали все их споры-разговоры. К некоторому сожалению Тамми (и радости за друзьями) довольно скоро двоих отправили «на материк», Благоя – в инвалидной команде... Дело Содикова пересмотрели («попал в пересмотр»). Погиб на Ленинградском фронте.

Он помнит сотни людей. И уже не добавляет к имени – «покойный ныне» или «царство ему»... Он, Тамми, будто посреди выкошенного поля. Кто-то ушел и не вернулся еще из камеры № 17 (помнит каждого, кто, как Рихард Маяк, делал ему примочки после пыток). Кто-то навсегда, как Игнат Пронин, член бюро ЦК комсомола, образованнейший экономист, остался в Норильске. Не говоря уже о тех, благодаря которым выжил. Среди таких, кроме Косаревай-Нанейшвили, называет первыми Александра Дурмашкина, Арона Вайнера, Алексея Гейнца.

Один сосед по нарам, из Ленинградского облпрофсовета, и при Кирове там работал, психолог, видит тебя насквозь, от него не скроешь, если тяжело на сердце. Найдет нужные слова... Когда особенно тошно и утешения не помогают, требуется острое словцо, юмор. Тут на авансцену выходит со своими одесскими анекдотами и Шолом-Алейхемом директор кожзавода с Васильевского острова.

А если тебе совсем худо, по утрам рвота, что-то с ушами, равновесие потерял не только душевное, а в самом прямом смысле, темно в глазах, того и гляди сверзишься со второго этажа головой вниз... Тут, если повезет, на твоём жизненном пути возникает другой никогда не унывающий остряк, верящий в лучшее будущее. Это Алексей Георгиевич Гейни, замечательный врач, один из первых в стране краснознаменцев (награжденных орденом). От него зависят — именно так — и вольнонаемные, среди них, кстати, женщины, они не оставляют доктора без внимания, делятся полезными вещами, а доктор распределяет дефициты по своему усмотрению, и за неделю-другую мертвого ставит на ноги. (Сам, бедняга, умер от рака, но пожил и в светлое время.)

Себя Тамми не хвалит. Разве что: «Я в молодости боевой был. За всех резолюции писал. И в любом варианте мог приспособить. Поэтому меня уважали». Шутит? А ведь получает вот такие письма: «Ну как же можно Вас забыть, Александр Карлович, если Вы мне столько хорошего сделали! Не будь Вас, может быть, меня и не было бы в живых!.. Совершенно мне незнакомый человек отнесся ко мне по-братски».

Не столь уж давнее письмо. Что ж, значит хорошо сохранился Александр Карлович. Старый металлург-норильчанин А.И. Аристов (собственно, с того же 1939 года, но его меньше испытывала судьба) познакомился с Тамми, когда тот стал главным бухгалтером коксохима (последние шесть лет в Норильске, до декабря 1957 года, Тамми руководил бухгалтерией никелевого). Так вот, Александр Иванович об Александре Карловиче:

— Это был замечательный друг, который никогда не подведет и не оставит в беде товарища.

Есть и другие документы, удостоверяющие личность обрусевшего эстонца из Ленобкома комсомола, большевика до мозга костей:

— Находясь вне партии, все это время как в работе, так и в личной жизни вел себя по-партийному.

Кратко и убедительно. Так охарактеризовали Тамми (понадобилось для реабилитации) — и, за-

метим, себя – начальник управления А.И. Аристов, главный бухгалтер никелевого завода Ф.И. Трушин (коммунисты с 1944-го), главные инженеры никелевого – В.С. Загарский (член партии с 1946-го), коксохима – П.Е. Глазунов (большевик с 1919-го).

Какие ветры прибили Тамми к металлургическому берегу? Обида и подневольность.

Он работал, и хорошо работал, в торговом отделе. Нельзя сказать, что сразу после освобождения справедливость перестала его обходить стороной: жену, к примеру, безо всяких к тому оснований лишили северных надбавок (восстановили только после реабилитации мужа). Но к нему по работе никаких претензий не было.

И вдруг он слышит шепот: «Александр Карлович, что-то у вас в бумагах каждую ночь роются».

Разложил бумажки, заметив, где какая и как лежит... Точно! – ночной обыск. Отправился жаловаться Мансурову, главбуху комбината, тот – к Звереву, Зверев вызывал начальника соответствующего отдела...

– А откуда он знает, что его «пасут»? Это мы проверим! Наше дело – предотвращать экономические диверсии наших врагов.

Это информация Мансурова. О главном бухгалтере комбината не один «крестник» отзывается как о человеке редкой порядочности и суровости.

А Тамми перешел туда, где его труднее всего было бы огульно обвинить: кокс хуже идет «налево», чем сгуценка или свитера.

Своих учителей по коммерческому училищу Александр Карлович добрым словом поминал не раз: с первого класса изучал алгебру, а главное – научили беречь копейку и докапываться до сути предмета. Пригодилось.

Провожали его из Норильска с сожалением: такого финансиста – да к тому же замсекретаря заводской парторганизации – никельщикам еще поискать. Но, нанося гравировку на прощальный подарок («1937–1957»), хорошо понимали, сколько скрывается за этим тире.

За кулисами этой газетной полосы останутся многие норильчане черных лет – от семьи зампреда Совнаркома Н.К. Антипова до сестры Г.Г. Ягоды. Как «чесеиры» – «Члены семей изменников Родины», так и прокуроры – стрелявшие и стрелявшиеся...

Но считаю обязательным поделиться еще одним эпизодом из жизни Тамми и одним откликом на его публикации.

Александр Карлович в Таллине, в гостях у первого секретаря ЦК Компартии Эстонии. Стоит на центральной трибуне во время военного парада и замечает неподалеку от себя...

Они узнали друг друга (враг народа!) мгновенно, и тот исчез.

– Кто у вас здесь Карпов? – спросил Тамми у Кэбина.

– Министр госбезопасности.

– Гнать его надо!

– Что случилось? – уже догадываясь, задал вопрос Кэбин, в подробностях посвященный в одиссею Тамми.

Позже состоялся такой разговор:

– Карпов, ты знаешь Тамми?

– Знаю.

– Мучил его?

– Было. «Салазки» ему делал.

– Как это?

– Ремнем зажать голову и ...

– Почему?

– Директива! Если враг не сдается, его уничтожают...

– Но ты же знал, что Тамми не враг...

– Знал.

– Хоть бы сейчас повинился. А ты убежал...

– Чтобы он не распалился. Грозил ведь меня задушить... А тут парад...

– Нам с тобой не работать...

(Карпов из Эстонии уехал, но получает генеральскую пенсию.)

Теперь пересказываю письмо – виноват, не записал имя автора. «Я, – пишет персональный пен-

сионер, – питерский Гаврош, газетчик «Вечерней красной газеты» (имеется в виду уличный продавец тиража, а не журналист – А.Л.). Комсомолец с 1920-го. Пять лет провел на Воркуте, добывая уголь. Освободился за несколько дней до войны, ее участник, но долго не имел права жить в Ленинграде...

Репрессирована вся семья: три брата, мать и брат – посмертно. Младший брат сидел в одной камере с Тамми Сашей, которого вбрасывали в камеры бездыханного...»

Можно здесь остановить пересказ.

Нет, нельзя. Вот что следует:

«На Воркуте шел спектакль по Пушкину – «Сон Татьяны». Исполнительница главной роли была в ночной рубашке и босая. Вдруг на нее напялили бушлат, валенки – увели. К начальнику «оперативки». Для удовлетворения страсти... Занавес опустился, но зрители остались, терпеливо ждали... Когда Она, возвращаясь, шла по проходу, закрывая руками лицо, зал встал, понимая, какое унижение ей пришлось вынести, как пограно человеческое достоинство пушкинской Татьяны...»

Концовка. «Нину Андреевну бы на место этой женщины – что бы она говорила о культуре? Да, те годы убивали в народе чувство доброты, воспитывали равнодушных. Культ распоясался до того, что подвиги обращал в преступления... В 1961 году меня и еще двоих, недовольных возвеличиванием Н.С. Хрущева, пригласили в Смольнинский райком партии. Третий секретарь Новиков Иван Андреевич орал, как на мальчишек, на наше трио (у всех партстаж с 1929 года) и хлопал по столу портфелем... «Мы людей учим на примере Никиты Сергеевича!» – «А я с 1920 года – на примере Владимира Ильича»... Климат в стране меняется. Всей душой коммуниста верю в нашу победу».

Так же верит и А.К. Тамми. Он без усталости анализирует исторические ситуации, ищет истоки ошибок, преступлений, моральной деградации светлых и праведных, искренних и бескорыстных. Особая боль Александра Карловича – комсомол. Он ведь и сегодня

работает в обкоме: председатель комитета ветеранов. Эту ношу он принял из рук товарища по Норильску, Александра Никитича Панова (уже третий по счету председатель комитета – норильчанин). Любопытно, Александр – «мужественный помощник», «защитник людей» – это что, самое комсомольское имя? Мильчаков, Косарев, Железный, Тамми, Панов, Шерстнев, Дурмашкин... Совпадение, конечно.

Послушаем Тамми. Право, полезно.

– Когда говорят об оптимизме 30-х годов, говорят правду. Мы были убеждены в правоте нашего дела и в том, что сомнем любого врага. Не хочу выставлять себя провидцем, нет, конечно, но потом не раз вспоминал: на Ижорском заводе как-то встретил группу осужденных «членов промпартии». Один из инженеров при мне стал отчитывать рабочих и мастера: «Черт бы вас побрал за такую работу!» Видно было невооруженным глазом, что человек искренне возмущен. Объяснить себе я не мог, но вопрос задал: «Чего это враг так старается?». Позже, во Владимирской тюрьме, сидели – беседовали негромко («Пять суток карцера!» – если громко) один китаец – «японский шпион», я – «контрреволюционер» и один рамзинец. Вот тогда я поверил товарищу по несчастью: «Вы что, считаете нас врагами? Не было никакой промпартии! Ее «создал» Рамзин, заставили его «создать» да еще орден посулили!»...

Сталину нужна была «подкладка». И ведь специальный пленум провели – «Уроки промпартии!» Выдумка от начала до конца, все шахтинское дело...

– Комсомол начала 30-х годов был опасен для Сталина. Тогда это была самая неформальная организация. Без бюрократии, без чиновничества она выпадала из Системы, как сейчас говорят. И ее постарались переориентировать, лишить всякой самостоятельности. Для этого в первую очередь нужно было запугать среднее звено и заменить высшее.

Когда Кирову звонили и говорили: «Что-то мы сомневаемся, не можем прийти к решению», Мироныч звал к себе, и мы гуртом, полным составом бюро обкома комсомола, шли к нему. Готовя конферен-

цию, утверждали только тезисы доклада. А Жданов в подобном случае потребовал полного текста и собственноручно правил доклад, назвав тезисы «фильминой грамотой». (Тогда конференцию даже перенесли – все засели за доклад, который бы устроил Андрея Александровича.) Вот когда началось «бумаготворчество»... Вот когда любой вопросик стал решаться лишь после согласования.

После десятого съезда, на котором секретарь ЦК ВКП(б) Андреев предложил пересмотреть назначение комсомола, мы с Мартьяновым выразили недоумение (да мы ли одни!). А Жданов и ждановцы нам отвечали: «Вы что, хотите вторую партию создать?!»

Это был грозный окрик. Нагнеталась атмосфера страха, запугивания. В ней же корни не удалены. Ждановская бюрократия, ее духовные продолжатели не потеряли под собой пока кресел. Время комсомольских вожжаков уходит на составление унылых отчетов. Комсомол подотчетен не партии, а аппарату. Это и есть ждановщина, сталинщина. Их приводной ремень – страх. Мы отравились репрессиями, новое же поколение получило от нас в наследство порченную кровь. Страх в качестве движущей силы отжил свое. Пришло другое время, когда негодяй-следователь не сможет стать министром, доносчик – занять место своей жертвы... но встанем ли мы стеной, чтобы подлец или даже просто не очень порядочный человек не пролез в начальники? А ведь от этого столько зависит!

– Норильский лагерь меня спас, спрятался от смерти. Но кроме пули из стволов спецзавода, кроме расстрела, есть вещи пострашнее: смерть от потери веры, как от потери крови. Я ее избежал, ибо свято верил в партию, в комсомол. В Сталина ни один честный человек не может верить, в царей верят только монархисты, коммунизм тут ни при чем.

– Современная молодежь грамотнее и образованнее, чем были мы в 20-е, в 30-е. А вот политические убежденности, стремления быть политбойцами у многих сегодня не хватает. Понимаю, что организа-

ция досуга – дело важное. Но только этим гражданина не воспитаешь. И я полностью поддерживаю М.С. Горбачева, который на последнем съезде комсомола подчеркнул: ВЛКСМ – политическая организация.

Хотелось бы отметить, что политический боец не должен бояться разнообразия точек зрения или слепо следовать директивам. Не по пути комсомолу лишь с теми, кто против социализма, против Советской власти. С остальными надо работать, спорить, убеждать их. Ближе к жизни! Смелее в действиях!

...До чего же он молод, Александр Карлович. Я ему, можно сказать, сын, а иногда ловишь себя на том, что еще чуть-чуть и назвал бы его Сашей. Самым что ни на есть комсомольским именем.

А вы бы полетели в свои 82 по первому приглашению норильских комсомольцев?

А вы бы ответили сталинисту на обвинение в анархизме спокойно и уверенно: «Я тебя задушу и умру с сознанием выполненного долга».

Норильск ему очень понравился. Ходил по центру и по никелевому, летал на горкомовском «уазике» с Ваней-шофером и Васей-секретарем от Надежды до Талнаха, испытывая гордость и счастье. Охрип, делясь воспоминаниями и призывами к умной, толковой, чистой жизни. Тихонько жаловался на физические недуги и признавался: «Жить хочется. Леша Савельев месяц назад ушел... Как не вовремя!»

**Из архива
Анатолия Львова**

*Ленинский проспект г. Норильска.
Ленин и теперь живет всех живых...*

Анатолий Львов:

«Лето тридцать девятого»

Оно могло запомниться каждому по-своему, но было нечто общее, что долго вспоминалось безошибочно, – такой зарубкой в памяти остался именно этот полярный день – с 19 мая до 25 июля, а потом именно этот август.

Ни до этого дня, ни после него не было столько самоубийств. «До» – понятно. «После» – тоже понятно: постепенно всем становился ясен масштаб трагедии, а коли открывалось, что не просто тебе не повезло, что ты ввергнут в бездну страданий вместе с миллионами таких же, как ты, – ты щепка огромного, сведенного до корней (а то и с корнями) леса, – надо находить силы, надо выжить, а не искать лазейки в мир иной, поддавшись слабости, может быть, минутной.

18 мая 1939 года. Запомнить эту дату. Тот месяц был рекордно холодным (следующий такой зарегистрирован ровно двадцать лет спустя), но в день восемнадцатый объявили такое, что... Стали налаживать петли на свои шеи. Кто – сразу, не задумываясь. Кто – несколькими днями и неделями позже. В укромных уголках мастерских. В туалетах. В бараках, пользуясь правом дневальных на одиночество... Это было как холодный душ на морозе. Как ожог. Как нож в сердце.

– **Слушайте все. Сего числа все зачеты отменены...**

Это не только осознать – хоть как-то понять было невозможно. На зачетах (сокращении сроков в ответ на старание в работе, выполнение и перевыполнение производственных норм и заданий) строилась вся система «перевоспитания трудом». Как же можно рубить сук под собой? Как же можно столь очевидно

демонстрировать вероломство? Ради чего? Разве не понятен жестокий вред, прямой убыток от этого приказа из ГУЛАГа?..

Только представьте себе: человек, заслуженно или нет, находится за колючей проволокой. Судьба ему уготовила жестокий урок – или несправедливое наказание. Впрочем, могло быть и хуже: бессмысленная, никому не нужная работа, год за годом... Здесь, пусть климат тяжел, быт безрадостен, но судя по всему, делаешь дело: задымят заводские трубы, поднимется, говорят, город... И все же каждый считает дни – сколько осталось времени до свободы...

Некоторым досиживать какие-то десять, восемь, шесть месяцев, а кому-то и вовсе дни. И тут объявляют:

– Нет больше зачетов. И, считай, не было.

В основном это ударило даже не по политическим: с их сроками, назначенными год-два назад и в лучшем случае рассчитывать на быстрое освобождение не приходилось (Впрочем, еще не всем «добавили», и в лагере находились «политики», получившие три, пять лет по судам 1935-го, 1936-го; приказ их тоже коснулся.) Больше других пострадали воры, растратчики, аферисты... Тоже, между прочим, люди, не исключено, что в мыслях порвавшие со своим промыслом (в растратчиках же можно было оказаться и вовсе без злого умысла).

У некоторых пострадавших от приказа пропало по году отсидки. Год, когда считаешь дни! Но еще тяжелее был удар по доверию, плевков в душу: как теперь им верить? Им ничего не стоит и в день обещанного выхода из лагеря объявить, что решением... бог знает кого... срок увеличивается до...

Так и происходило, но это – позже, ссылаясь на военное время и безо всяких ссылок. Сроки вырастали и вдвое, и совсем не вырастали, а человека продолжали держать взаперти. В тридцать девятом кое-кто уже договаривался о таком повороте событий. С ними спорили...

А пока тот, скажем, кому причиталось 18 дней в квартал, недосчитывался двух с половиной месяцев за год. А ведь были и представленные Завенягиным на скошение трети срока... Легко представить, как чувствовал себя начальник стройки, который лично обещал... И надо было смотреть людям в глаза и находить слова...

Ну что же, пора взглянуть на поселок как бы с высоты птичьего полета. Как бы – потому что геликоптеров еще не было, слова «вертолет» – тем более. В поселке – раз, два, десять, двадцать... тридцать каменных домов. Двадцать два деревянных. Два гипсовых. Улиц – раз, два, три... шесть. Горная и Заводская замощены. Водопровод строится, ВЭС-2 достраивается. Магазины: хлебный, продуктовый и два – смешанного типа. Две столовые, пекарня (семь тонн выпечки в сутки). Сапожная и портновская на 30 рабочих мест... Школа – одна. От поселка до ММЗ – пятьсот метров. От поселка до Соцгорода (его только начали, на 43 тысячи жителей) – два километра. Население поселка: служащих – 1147, рабочих – 837, вохровцев – 420.

...Это что же получается, служащих больше, чем рабочих? И каждый норильчанин съедает по три кило хлеба и булок за день?

Да нет, конечно. Это – официальная статистика. Кроме населения, есть еще рабочая сила, тысяч восемь. А надо иметь больше. Потребность – еще десять тысяч. Землекопов и каменщиков – пять, остальные – бетонщики, плотники, штукатуры, маляры, стекольщики, слесари-монтажники, такелажники, печники, сварщики, машинисты, бурильщики, крепильщики, запальщики... Здесь ясно, и Дудинка, и Валек, и железная дорога, и даже Лама. Начальник отдела организации труда Толмачев все точно рассчитал: на второе полугодие-39 и первое полугодие-40, т.е. до следующей навигации понадобится 809 специалистов, из них 320 вольнонаемных. К примеру, инженеров – 98 «этих» и 108 «тех». Скоро пойдут этапы. Хорошо, что Соловки ликвидируются, там есть кадры...

...Приходится нарушать инструкции. Среди вольнонаемных и «бытовиков» людей, способных выполнять руководящую работу, обслуживать агрегаты ВЭС-2, не хватает. Да просто нет! А станцию пускать надо. Вот и начальник Шахстроя пишет: «Бригадир конвойной бригады, заключенного Пода Леонида Артемьевича, ст. КРД, срок 10 лет, прошу разрешить использовать десятником на земляных работах, а вместо заключенного Пода прошу назначить бригадиром конвойной бригады заключенного Генебошвили Иосифа Алексеевича, ст. КРД, срок 10 лет...»

Леонид Артемьевич, интересно, Вы знаете об этом рапорте? Генебо... Это не большевик ли с дореволюционным стажем?

(Вопросы, рассчитанные на отправку этого номера газеты в Кисловодск.)

За лето-39 сохранились буквально все приказы Завенягина. 1 июня организовал конструкторское бюро, ввел в действие положение о перевозках (пассажиров, багажа и грузов по узкоколейке); объединил в ДОЦ все столярные мастерские, лесозавод, сушилку и биржу; отпустил А.Е. Воронцова на отдых и назначил Ю.А. Ерусалимского начальником сразу двух капзводов (2-й перед пуском); утвердил распорядок для курсантов-обогащителей (до 16-00 – на монтаже, вечером – теория).

Все приказы не перепишешь, тем более что нас больше интересует середина июня. 14-е: в связи с правительственным заданием о расширении добычи и поставке качественного товарного угля Главсевморпути, Ленинграду и прочим потребителям создать Углесбыт с инспекцией по качеству; 15-е: организовать экскаваторный цех при управлении строительства и горный отдел при управлении комбината.

В тот же день был сдан в эксплуатацию первый конвертер Малого металлургического завода. Полученный медно-никелевый фанштейн знаменовал окончание первого этапа строительства комбината: есть конечная продукция! Рафинированные переделы еще не предусматривались. Но Завенягин не был бы

Завенягиным, если бы удовлетворился этим деревянным зданием с примитивной механизацией, цехом с единственными агрегатами, рассчитанными на переработку нормально-вкрапленных руд, этой застывшей в чашах массой, пусть богатой, но предназначенной для вывозки на Кольский или в Красноярск, где ее довели бы до состояния товарных металлов...

Авраамий Павлович уже знал, что здешние запасы жильных руд очень значительны и должны быть учтены в проекте. В голове складывался план превращения ММЗ из опытной в производственную единицу со вторым ватержетом, более мощным конвертером, с обжиговым цехом, аглоустановкой для пыли и рудной мелочи, наконец, с электролитным цехом.

Так и было. Не пройдет и трех лет, Завенягин не поверит своим глазам, получив в Москве телеграмму о том, что норильчане получили чистый катодный никель. Но 50-летие этого события – в 1992-м. А нынешний День металлурга одновременно можно считать праздником 50-летия получения в Норильске первого файнштейна. Больше того, в эти самые дни 1939 года первая партия Норильского файнштейна была доставлена в Мончегорск на «Североникель». Специалисты поразились: пришедший северными морями из устья Енисея полупродукт оказался вдвое богаче местного.

Если быть на страже истины, то фанфарам самое время минутку помолчать. Через год, в мае, Завенягин обратил внимание комбинатского актива:

– На ММЗ при извлечении из штейна мы теряли 33 процента никеля (1:3). Мончегорский комбинат имеет такие же потери, они являются недопустимыми для таких комбинатов, как «Североникель», который перерабатывает руду со значительным содержанием никеля. Для нас такие потери являются просто преступными, т. к. наша руда еще богаче никелем.

(Ох и нехорошее слово «преступными», даже для сорокового года.)

Несколько слов о тех, кто выпустил первый файнштейн, – главном металлурге комбината Федоре Аркадьевиче Харине, прошедшем уральскую школу

(Уфалейского завода), и его учениках. Это они получили первые полторы тонны файнштейна в деревянном сарае на опытной установке за год до того, в 1938-м. Они же – И.А. Чижик, С.И. Сердаков, А.К. Лавриков с товарищами, горновыми и конвертерщиками, столь же мало умеющими и знающими поначалу, – четыре месяца назад пускали завод. Сергей Исаакович Сердаков рассказывал: сначала надо было привыкнуть к обстановке – не бояться жара, не смущаться соседства горячего металла. Посмотрит на тебя мастер, как притыкаешь шнур, не закрываешь ли от страха глаза – и сразу скажет, получится ли из тебя горновой...

Будущий Герой Социалистического Труда, как известно, никогда не мечтал о месте у печки: направлялся на северо-восток поискать золотишко, да опоздал на Диксон к завершению навигации. Ему подсказали про стройку неподалеку от Дудинки – мол, есть где перезимовать... Так и получилось, что на всю жизнь стал Сердаков норильчанином.

Чижик, Иван Алимбиевич, ровно за год – с июня по июнь – прошел путь (как говорится) от чернорабочего до мастера; а если считать с декабря 1938-го до декабря 1939-го, то – от ученика плавильщика в экспериментальном цехе до лучшего мастера-плавильщика цеха ММЗ...

Для Михаила Михайловича Каракузина лето 1939 года и вовсе было первым норильским летом. Весной он еще работал в Игарке, на распиловке леса. Пошел в кино, а там перед сеансом выступал норильский начальник (скорее всего Завенягин остановился в Игарке, возвращаясь из московской командировки, числа 15-го апреля). Авраамий Павлович приглашал работать в Норильске, рисовал перспективы... Каракузин с товарищем вызвались ехать. Впрочем, оказию не ждали, рассчитывались подчистую и 9 мая отправились пешком на Север, вдоль Енисея. За 11 дней добрались, а 22-го Каракузин вышел на смену, возить в тележке шлак и приглядываться. Ему было 26 лет, грамоте не обучен...

Так появился в Норильске основатель одной из славных норильских рабочих семей, известной теперь уже в четвертом поколении. А учили первого Каракузина не слишком его превосходившие в «письменности» Федор Федюха, Сергей Сердаков, Григорий Ковшиков и молодые инженеры Александр Аристов, Григорий Ильичев...

Вместе с Хариным, Рожковым, Луневым, Соминым и еще несколькими инженерами начинал норильскую металлургию Михаил Васильевич Ромашов, первый начальник ММЗ. В июне, кстати, нормы, рассчитанные на проектную мощность, еще не применялись, шел официальный период освоения. Скорее всего и в июле не все ладилось, или шла раскочка, или трудно было увидеть ММЗ промышленным предприятием с утвержденным планом. Во всяком случае, штейн взвешивали не всегда, и Ромашов получил выговорочек. А десятью днями позже «доигрался» Харин. Это уже середина августа, скоро конец квартала, а главный металлург игнорирует не просто распоряжение начальника, как Ромашов, а «правительством установленный для Норильского комбината определенный план по выплавке цветных и благородных металлов».

В жестких выражениях, выдерганных из приказа («позволяет себе составлять свой, втрое сокращенный план», «считать поведение антигосударственным»), заканчивает объявлением ...опять же выговора. То ли на самом деле еще не устанавливали плана, то ли дело было отдано на откуп Завенягину, но за мягкостью наказания что-то, конечно, скрывается. Авраамий Павлович прекрасно понимал: от него требуется быть жестким. «Это дало возможность явно вредительским элементам из числа прорабов и десятников проводить свою вражескую работу... Контролеры ОТК... покрывали преступную деятельность», – тоже завенягинская реакция, правда, несущие балки складов действительно обвалились, при загрузке произошли аварии.

Только в самом конце лета на ММЗ появились официально руководители смен: Георгий Ильичев, Ольга Лукашевич и Сергей Лунев. А если подсчитать, какая часть продукции, отправленной в Дудинку, успела до ледостава уйти пароходом «Сибиряков» на Кольский, выясняется: лишь пятая часть штейна (чуть больше) и только 60 процентов файнштейна (95 тонн). Вот почему я думаю, что А.П. все же блефовал насчет «государственного плана». Зато в истинные его намерения, безусловно, входило быстрое строительство еще трех цехов ММЗ с параллельным расширением временной электростанции, сдачей десяти новых складов – и еще многого.

Когда придет время подводить итоги года, Завенягин напишет среди положительных результатов – «пущен ММЗ и выдан первый металл» и только в конце десятка основных причин невыполнения плана 1939 года – «кустарщина на ММЗ».

Редкий случай разрешенной съемки.

Рудник 3/6. На сортировочной ленте работают женщины, скорее всего все заключенные. Снимок явно организованный: на заднем плане многовато зрителей для рабочего дня. Сами сортировщицы застыли в позе «замри». 1949 г.

Снимок был опубликован в «Заполярной правде» в декабре. Об этом свидетельствует разметка на обороте снимка ответственного секретаря газеты.

Из фотоархива НГМК

Середина лета. Только что стало известно, что в Дудинку из Мурманска придет пароход «Рошаль». Будут продаваться билеты на обратный рейс... Участники художественной самодеятельности Норильлага освобождаются от вечерней работы... На Ламе начинают строить дом отдыха и пионерский лагерь. В детском саду и яслях 50 ребят. Есть еще сорок мест, которые пока некем занять... Экипажу самолета Х-223, приданного комбинату, выдано пять кожаных костюмов и 10 пар сапог – поровну кожаных и резиновых... Начальник буручастка Григорий Иванович Сапрыкин с 15 июля – в отпуске... Главные новости – организуется Политотдел комбината, первые три работника зачислены в штат. Готовится новый номер газеты «Норильскстроевец»...

Мы сообщили сводку местных известий за 15 июля 1939 года.

Московское радио передало, что японцы не успокаиваются, хотя атаки наших позиций (к востоку от реки Халхин-Гол) успеха не имели... За день, по сообщению ТАСС, японская авиация потеряла 32 самолета. Из воздушных боев не вернулись четыре наших летчика, их разыскивают.

В тот же день одинаково далеко от Москвы и монгольских степей на дядинский берег выгрузился соловецкий этап. По радио о нем не объявили, но участников разыскивали с тем же успехом. Назавтра подвалил речной пароход с контингентом из красноярской пересыльной тюрьмы.

Из воспоминаний П.О. САГОЯНА, члена КПСС с 1921 года, г. Ессентуки:

– В силу целого ряда обстоятельств и причин, о которых сейчас нет смысла распространяться*, я в числе многих других оказался в Заполярье, в Норильске... Состав бригады был очень пестрым, но крепкое ядро сплачивало коллектив из тридцати человек и вело за собой... Юрьев Василий Егорович, здоровяк-шахтер из Черногорска, Шмидт Егор – грузчик из Армавира. Коренные сибиряки Мазалов Иван и Макар Зеленин –

* Написано в 1978 г.

плотники, топорами владели виртуозно. Гинзбург Леонид Яковлевич – московский юрист. Доценко Георгий Сергеевич*, тоже из Москвы. Двое последних – интеллигенты, но на любой работе, требующей физических навыков, не отставали от тех, для кого она была привычной. Во главе бригады встал человек технически грамотный, деловой, с уравновешенным характером – Грамп Александр Николаевич.

Думаю, есть смысл особо подчеркнуть тот высокий дух товарищества, сплоченности, целеустремленности, который характеризовал бригаду. Любую порученную работу мы выполняли со всей ответственностью и добросовестностью, понимая, что труд наш нужен и важен.

Конец июля. Плато Надежда. Здесь большие запасы первосортного угля и нерудных ископаемых. Мы строили ветку железной дороги от основной магистральной Норильск – Дудинка. Корчевали у подошвы горы кустарник, срезали мох, готовили ложе будущего полотна... В лощине на глазах таял ледничок. Из этого ручья мы пили, использовали воду для бытовых нужд. В сотне метров стояли бараки, в которых мы жили. Раз в неделю по Угольному ручью спускались к бане возле железнодорожной станции. Однажды к нам на гору добрался Завенягин – интересовался ходом работ, бытом, расспрашивал, откуда мы, кто по профессии. Знакомство оставило приятное впечатление, и каждая новая встреча подтверждала, что нам повезло...

Так и есть – не только с Завенягиным, но и с Грамптом, бывшим руководителем краснопресненских комсомольцев, блестящим инженером, интереснейшим человеком. Повезло и с первым заданием – на свежем воздухе и среди несказанной красоты.

– Вокруг цвели колокольчики, на десятки километров открывалась панорама летней тундры, а внизу, за Аварийным поселком, видны были здания ММЗ (строительная площадка БМЗ еще пустовала).

* Бывший чекист.

Другой полюс настроения представлен в письме в «Известия» ветерана партии и труда Г. И. БАБИЧЕВА, почетного железнодорожника СССР, г. Киев:

– Из клейкого политизолятора измученных режимом нас привезли в Красноярск... Погрузили на деревянные баржи, оборудованные восьмیارусными нарами и на буксире у «Марии Ульяновой», вслед за ледоходом... Кормили «затирухой» – сырая вода из Енисея, соль и мука... Каждый получал свой черпак – кто в ботинок, кто в фуражку, кто в рукав или полу пиджака. Алюминиевые ложки отобрали, а деревянных не выдали. Поэтому есть приходилось по-собачьи...

Ни кипятка, ни хлеба. В барже было 600 экв. Люди умирали без воздуха, воды, пищи, от антисанитарии. Трупы на палубу выдавали, когда терпеть расположение становилось неспособно: лишние три черпака!

Баржа потеряла за долгий рейс не меньше четверти личного состава. В Дудинке мало кто сошел по трапам – в основном выносили и укладывали на землю, добавляли дистрофикам воспаление легких. Оставшихся в живых на открытых платформах отправили в Норильск. В дорогу раздали по два куска соленой трески и по две пайки хлеба. И на этом этапе не обошлось без потерь, чему способствовал «освежающий» ветерок... Хочу, чтобы обо всех этих этапах «большого пути» знало новое поколение советских людей.

Норильск запомнился Нулевым пикетом, рудником имени Морозова, шахтами Шмидтихи, зоной палаток шестого и второго лаготделений, бревенчатым домиком геолога Урванцева, да ротной двухэтажкой НКВД... По воле судьбы я попал в 6-е отделение, строил из досок бараки на зиму.

Как понимаете, у меня был большой выбор свидетельств о самых жарких днях того лета. Останавливаюсь на истории одной семьи, Легковых, для которых 16 июля – ежегодный праздник. Со слезами.

Георгий Иванович Легков родился в канун двадцатого века, в 1900-м, поэтому легко сосчитать, сколь-

ко ему было на каждом рубеже жизни: 1915 – окончил уездное двухклассное училище; 1918 – доброволец Красной Армии; 1919 – партиец; 1921 – инструктор при штабе армии, участник борьбы с бандитизмом; 1922 – политработник; 1926 – женился на Шуре Лебедевой из большой рабочей семьи; 1930 – направлен на коллективизацию; 1933 – замполит в МТС; 1935 – второй секретарь райкома партии в Шуре, 1936 – первый секретарь, 1937 – замзавсельхозотделом Ивановского обкома, апрель 1938 – печник (наследовал отцовскую профессию), июнь – подследственный; 1939, март – осужденный, июль – норильчанин.

Все. 11 мая 1957 года – реабилитирован. 16 июля 1957 года – реабилитирован в партийном отношении.

Он мог бы еще жить, пулеметчик Первой Конной, отец двух дочерей – Тамиллы и Камиллы, заслуженный дед...

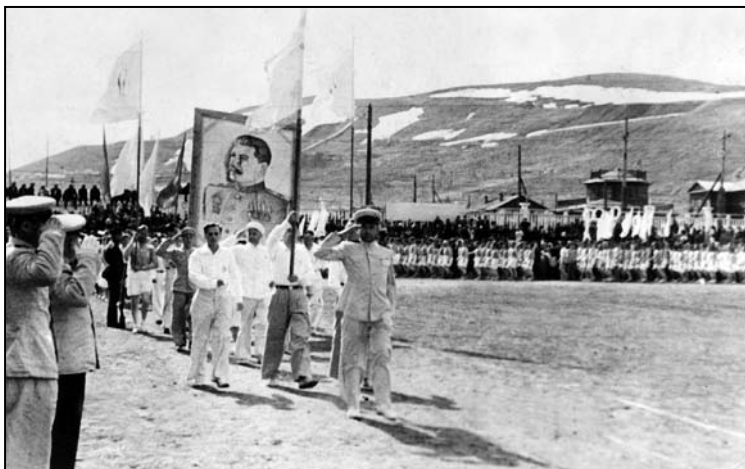
ТАМИЛЛА ГЕОРГИЕВНА:

Он всю свою жизнь отдавал работе, делу партии. Ни разу не пользовался отпуском, редко позволял себе выходной день. Посевная, уборочная – редко видели его дома. Любимые его книги – Ленин, Сталин, Маркс. Много занимался самообразованием. Целью его жизни было построение коммунизма. В моей памяти он остался настоящим ленинцем... Помню смущение следователя и понятых, когда они пришли с ордером на обыск и увидели, что им предстоит конфисковывать... Ничего не описали, нечего, оказалось.

Из воспоминаний Александры Александровны ЛЕГКОВОЙ (1905 – 1962): «Пришли ночью... Когда его увели, от горя ничего не видела. Ночь простояла у окна. Хотела покончить с собой, но соседи у нас дежурили, жены таких же... Время лечит, но когда нам в спину кричали «враги народа!», когда нечего было есть... Когда одну из двух комнат пришлось отдать домоуправлению – нечем было платить... Потом устроилась счетоводом на 17 рублей в месяц (в нынешнем исчислении), помогала старшая сестра. А некоторые родственники, даже близкие, боялись поддерживать отношения... Из дальних только А. М. Мосягин, генерал, остался нам предан, не верил в виновность мужа. А начальник мой... доводил меня до нервных припадков».

ТАМИЛЛА ГЕОРГИЕВНА:

– Ужас тех дней остался в моей душе на всю жизнь. От меня отвернулись все подруги, кроме девочек, пострадавших, как мы. Бывшие подруги старались всячески унижить, подчеркивали, что оказывают милость, разговаривая со мной. Я стала молчаливой... И взрослой в свои 11 лет. Мама, самая грамотная в подъезде, писала и за себя, и за других женщин, по их просьбе в Верховный суд, в Военную коллегия, Вышинскому, Буденному, Сталину... Безрезультатно. Она работала не покладая рук, закончила заочно школу товароведов, стала специалистом по черным металлам. Поставила детей на ноги, дала нам образование, до конца дней своих была предана памяти отца. Умерла от инфаркта... О смерти отца я узнала в шестом классе. Плакала долго и горько.

Спортивный праздник в Норильске похож на военный парад. Его открывают военные – отдают честь людям в форме. Невозможно в те годы представить никакое торжество без портрета Сталина, руководства норильских лагерей, а значит, без НКВД. Судя по тому, что праздник проходит в «старом городе», на территории Горстроя еще нет стадиона...

КАМИЛЛА ГЕОРГИЕВНА:

– Ивановский загс выдал нам свидетельство от 7.02.1941 года о смерти отца 26.09.1939 года по причине усадка сердечной деятельности. Настоящая же причина была иной. На моей памяти встреча мамы с человеком, который находился в одном лагере с отцом и вернулся из Норильска в 1949 году. Он узнал маму на улице, окликнул по имени-отчеству. Она удивилась: «Откуда?». «Оттуда», – быстро ответил он. Спросил, где мы живем. Мама сказала: «Там же». Он пришел вечером, лагерный фельдшер, который отбыл в Норильске полный срок, 10 лет. Разговор его с мамой я слышала весь. Про невыносимые условия. Как отец, и раньше страдавший болезнью желудка и сердца, лишенный нормального питания, очень слабый, заболел дизентерией. Однажды по дороге на работу ему стало плохо. Он присел, подошел конвоир и заколол его штыком... Такая страшная смерть. Можно ли такое забыть и простить?

Последняя записка Георгия Ивановича (13 мая 1939 года, ивановская тюрьма): «Шура! Родная! Крепко тебя целую. Целую моих дорогих дочек Тамиллу и Каму. Я жив и здоров. Шура, большое тебе спасибо за последнюю передачу. Она пришла очень кстати. Прости меня за все тревожления... Обо мне не беспокойся. Если будет возможность... пришли только сухарей и сахару, пришли простые сапоги. Только внутри их гвозди, отнеси в мастерскую. Береги детей и сделай все, чтобы они были счастливыми. Еще раз всех крепко целую. Георгий Легков».

Два документа из собранных двадцать лет назад Т.Я. Гармашом. Сводка коммунального отдела комбината и передовая «Правды». Есть над чем поразмышлять, т.к. связи весьма любопытные.

...Благодаря разрешению свободного въезда вольнонаемных граждан в Норильск и свободного приема на работу, также благодаря вербовке рабочей силы в Москве, Красноярске, Игарке... сильно увеличился приток... В 1939 году ожидалось прибытие вольнонаемных 650–800 человек, а фактически уже прибыло и прописаны с 6 июня по 16 августа 2185 человек. И, кроме того, прибыли, но не прописаны за неимением жилплощади еще около 1200 че-

людей вместе с детьми... К 20 августа весь жилфонд для вольнонаемных составит 106007 квадратных метров... т.е. на одного жителя 1,9 кв. метра, а фактически еще меньше, т.к. работники, живущие в Норильске с 1936 и 1937 годов, имеют на одного человека от 3 до 5 кв. метров.

Из Дудинки продолжают ежедневно поступать семейные рабочие. До конца навигации ориентировочно прибудет еще вольнонаемных 700–800 человек и трудпереселенцев 2000 – 2500 человек с семьями... В настоящее время семейные работники комбината размещены по две-три семьи в одной комнате. Где же будут жить приехавшие и приезжающие?

«ПРАВДА», 29 ИЮЛЯ 1939 г.

– Положение о выборах в местные Советы депутатов трудящихся составлено на основе великих принципов Сталинской Конституции, предоставившей и закрепившей за советским человеком самые демократичные права в мире... У нас, в стране победившего социализма, выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими... Выборы местных органов Советской власти, впервые проводимые на основе Сталинской Конституции, сделают социалистическое государство рабочих и крестьян... еще грознее для всех врагов...

До сих пор мы задаемся вопросами: понимал ли А. П. Завенягин, что происходит в стране, и если – да, то до какой степени? Не по привычке ли мы хвалим начальника комбината, цепляясь за тонкую нить, грозящую обрывом? Может быть, мы, закрывая глаза, проходя мимо «неудобных» фактов, поневоле сдуваем пылинки с образа, который сложился за десятилетия, боясь, что объективность ему может навредить?

Приходилось выслушивать и такое: «говорят, он был жестоким»; «говорят, он пальцем не пошевелил, когда...». Что можно сказать со всей определенностью? На два порядка больше свидетельств в его, Завенягина, пользу. Говорят... Пусть говорят. Ясно, что не ангел, а человек, и ничто человеческое – и доброе, и дурное – не было ему чуждо. И смертные

А.П. Завенягин на митинге, посвященном пуску первой очереди ТЭЦ в Норильске

приговоры подписывал – по долгу службы и только отпетым бандитам.

Мое дело – факты, которые трудно истолковывать двояко, факты, которые говорят сами за себя. (Кстати, только грустную улыбку может вызвать сетование с телеэкрана одного уважаемого, много перенесшего человека насчет того, что о Завенягине пишут так, будто пили с ним чай... Полное непонимание технологии поиска и анализа.)

Так вот. Из множества фактов того же лета 1939-го выбираю два. 27 июня Завенягин, возмущенный донельзя, пишет приказ вполне в духе времени: «Строительство ряжевых причалов в Дудинке было произведено с преступной халатностью. Освоение не подготовлено, дно не спланировано, фашины не уложены, каменную наброску не сделали... Ряжи... перед спуском на воду головотяпски отрывались от льда взрывами аммонала, что граничит с прямым вредительством...»

Стоп. Это пишет человек, хорошо знающий, что есть слово изреченное. И что такое приказ начальника в Норильске. А в данном случае – и «как наше слово отзовется». Это пишет и редактор, между прочим, с двадцатилетним стажем – со времен гражданской...

Он вычеркивает последние три слова и заканчивает фразу совсем в другом ключе: «что привело к поломке рязжей». Халатность – да, причем преступная, но вредительство (кто там будет разбираться, граничит или границу перешло!) – это уже другая статья.

И потому Лубкову Григорию Григорьевичу, и.о. главного инженера комбината, не предупредившему «эти безобразия», не принявшему «надлежащие меры» (формулировки из приказа № 297), – указать на проявленную халатность. Начальника стройучастка... снять с должности. Прораба... Ну, прораба по рязжевому причалу отдать под суд.

Легко представить, как мог выглядеть этот приказ, если бы автором был другой начальник, с иным жизненным опытом, менее уравновешенный и более заботящийся о собственной судьбе...

Факт второй, финальный в этом очерке. На исходе лета следственный изолятор готов принять проходящих по делу № 273 Александра Целикмана, Ивана Прохорова и Луку Панасюка. Первые двое – смолянин и москвич – ровесники Завенягина, 1901 года, третьему – сорок два года.

Один имел «пять лет», досрочно освобожден и работал начальником ВЭС-1. «Допустил обезличку по локомотивам» (машинисты не были закреплены), не занимался подбором кадров (!)... Вот и вышел из строя шуховский котел. Убыток – семь с половиной тысяч.

Другой уже дважды судим. В 1936-м по ст. КРА (контрреволюционная агитация). Освобожден. Видимо, неплохо работал, отвечая за механическую часть, инженер с дипломом... Но допустил же перестановки машинистов с локомотива на локомотив! Проверкой технических заданий кочегаров не занимался? Учеником кочегара ЖЭКа Танкова принял? Тот и выпустил воду из котла.

Ну и малограмотный уроженец Гродненской области (ст. 58-10, четыре года, пошел третий), водопроводчик, зная, что клапан питательного насоса неисправен, ничего не сделал...

Вот и получается: преступно-халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, новая судимость, новые сроки...

Но что выводит перо окружного прокурора тов. Потопаева (он же и. о. прокурора Норильлага)? «Уголовное дело...прекратить, подписки о невыезде отменить. Копию постановления направить начальнику комбината для привлечения к административной ответственности».

Спас, спас всех троих Завенягин: дал справку, что действительный ущерб составляет всего 2888 рублей, а такая сумма... предусмотрена на ремонт данного котла.

Постановление о прекращении Дела подписано 1939 года сентября второго дня, т. е. уже по осени, а мы-то собирались ограничиться рамками календарного лета. Неточно, факт. Вот если бы Потопаев поставил точку в Деле № 273 тридцать первого августа, было бы, безусловно, лучше.

*«Заполярная правда»,
14 июля 1989 года*

Анатолий Львов:

«О норильчанине Жаке Росси и настольной книге, которую он написал для нас»

Пять лет назад в Лондоне вышла книга Жака Росси «THE GULAG HANDBOOK». Название можно перевести так: книга, которая должна быть под рукой, если вы интересуетесь Гулагом. Перевели короче – «Справочник по Гулагу». В принципе, конечно, верно... Однако до чего же далеко это от истины! Перед нами на самом-то деле, во-первых, энциклопедия, а во-вторых, как ни старался автор, не смог он не проявиться, хоть и сумел обойтись без личных местоимений. Конечно, мы имеем дело с ученым – историком и языковедом, но истинного ученого (не просто компилятора) объединяет с писателем не так уж мало: личный опыт, личностный взгляд на факты и явления, собственные выводы. Поэтому можно сказать с полным основанием: Росси не только ученый, но и писатель.

Какое отношение книга имеет к нам? Самое прямое. «Исторический словарь советских пенитенциарных учреждений» (подзаголовок лондонского издания) написал норильчанин. Точнее – заключенный Норильлага. Его труд пришел к нам с пятилетним опозданием, но все же пришел – благодаря московскому издательству «Просвет», выпускающему книжную серию «Преступление и наказание в мировой практике». Кстати, открыла серию книга другого норильчанина, более нам известного, – Сергея Александровича Снегова («Язык, который ненавидит»). Впереди – «История розги», «История телесных наказаний»,

«Средневековые процессы о колдовстве», «Сахалин», «Охранники, агенты, палачи» – и т.д., и т.д. – про архивы и легенды Бастилии, Тауэр, людоедство...

Вот какой ряд начинается с узников Гулага, увы, с норильского острова этого «архипелага»... Интересно, а могли бы вы назвать другие острова? Сегодняшняя публикация поможет вам. Нет, это далеко не полный список, даже у Росси я выбрал не все (есть еще Вишерлаг, Дмитлаг и другие).

Не подумайте, что два тома Росси содержат только одноплановые сведения. Повторяю, публикация в «ЗП» – плод строгого отбора статей на одну из возможных тем, которых, безусловно, сотни. Назову некоторые примеры, на одну букву: **Столыпин, Сталин, спецстрой, спецлаг, Соловки, смертность, смертная камера, сидеть, сахар...** Понятно, да?

Но каждая статья может содержать сотни сведений, подразделов, ориентиров и т.д. Скажем, у глагола **сидеть** есть сотоварищи **загорать, залетать, значиваться, припухать, тянуть, чалиться** и прочие. Можно срок **отбарабанить, отбухать, отзвонить...**

*Норильлаг. 2-е лаготделение,
середина 1940-х годов*

Сесть можно за: американцев, англичан, болтовню, злых людей, кашель, колхозную корову, кружку воды, немцев, неотказ от мужей, непочтение родителей, неправильное ударение, оккупацию, золото, политику, слово, сон, угол, ни за что...

Конечно, все это требует расшифровки: за сон в неположенное время – в карцер; угол то же, что чемодан (за кражу)... Ни за... Тут я заменил три буквы, чтобы читатели не сказали, что газета уже дошла... Но дело в том, что в двухтомнике добрая треть статей... как это выразить... не отличается пуританской чистотой. Неясно? Инфернальная (адская) лексика – пойдет? Ну тогда просто – с матерщиной. Нравится это или не нравится кому-то, – разве в этом дело? Ученый не мог, записывая, заменять половину слов, если лагерная речь... есть лагерная речь, лагерно-воровской жаргон.

Оставлю в стороне вопрос, насколько человек из другой среды подчиняется новой для него языковой сфере. По-моему, об этом вообще еще не написано, разве что у Снегова в очерках философии блатного языка. Об этом – в другой раз. Сегодня осталось представить Жака Росси.

Я столько слышал о нем от бывших лагерников (причем факты этой биографии из разных уст, как правило, исключали друг друга), что стал сомневаться в существовании такого человека: уж очень похоже на собирательный образ. Одна черта, однако, присутствовала в каждом рассказе: рисковость. Скажем, нести в пургу (на спор) жену начальника без малейшей надежды – в случае обнаружения – доказать полное отсутствие симпатии с какой-либо стороны... Или: пойти работать в фотографию, будучи обвиненным в шпионаже (попробуй потом объяснить происхождение или пропажу какого-нибудь негатива).

И сейчас не уверен, что Жак Росси не псевдоним, один из многих. Но если довериться Алену Безансону, автору предисловия к двухтомнику, то Жак есть Жак, родился во Франции после смерти своего отца, с

отчимом попадает в Польшу; кроме славянских, изучает все основные европейские языки, а также хинди и китайский (что совпадает с норильской легендой). Коминтерн якобы использует полиглота в различных миссиях, а затем посылает в Испанию – и Жак разделяет судьбу других наших разведчиков.

Нет оснований не доверять А. Безансону, хотя, похоже, им изложена версия Ж. Росси. По другой, исключаящей эту, – надеюсь, читатель не посчитает, что бросаю тень, – Жака чуть ли не с детства готовили «на шпиона» для работы в России (СССР). Что ему (опять же якобы) великолепно удалось, и он уже преподавал в одной из военных академий в Москве. А, мол, в Норильске совершенствовал свой китайский (было с кем общаться) в надежде на будущую деятельность там, где его не знали...

Все это на уровне слухов и анекдотов, но исторический факт в том, что именно такая атмосфера окружала Жака в Норильске. Временами «сидел», иногда был расконвоированным. Вроде бы получил уже здесь дополнительный срок... Кажется, даже встреча с этим человеком ничего бы не прояснила. И даже знакомство с его «делом» – туда могли внести любые нелепости, «выбитые» показания... Росси был знаком с А. Гарри, А. Вайшенкером, М. Куриевым, мало кто не слышал о нем, но уверенности, что мы когда-нибудь узнаем истину, не выскажу.

За что ручаюсь. Местами «Справочник» конгениален «Архипелагу». Ясно, что идея создать научный труд о Гулаге помогла автору выжить (опять напрашивается сравнение с А.И. Солженицыным). Росси – очень крупная фигура среди современных политологов, историков, очень яркая личность, всех граней которой мы не знаем. Хочется «Справочник» цитировать и цитировать – документы (типа «Суточный рацион советских заключенных»), анекдоты («Знаешь анекдот?» – спрашивает остряк. Спрошенный перебивает: «А знаешь, кем построен Беломорканал?»). – «Нет». – «Анекдотчиками!»). А чего стоит

план и поперечный разрез барака, модель «черного ворона», эскиз Лефортовской тюрьмы... Да я могу открыть любой из томов на любой странице и найти классику... Пожалуйста:

БАЦИЛЛА – 1. Жиры, сахар, колбаса и т.п. высококалорийная еда. Также во мн. ч. Прим.: Предание гласит, что еще в 30-х гг. зэкам, жалующимся на отсутствие жиров в питании, начальство разъяснило, что «в жирах вредные бактерии». – 2. Передача, кешер.

Давайте еще раз дадим слово автору «Справочника»:

– Не считаю, чтобы тот или иной вид тоталитаризма или военной диктатуры был предпочтительнее других... Если в «Справочнике» я стараюсь, на примере Гулага, показать реальное лицо тоталитаризма, то лишь потому, что именно с ним мне было дано познакомиться и – к величайшему моему удивлению – остаться живым... Материал собирался автором с 1937 г. до 1958 г. (Лубянка, Бутырки, несколько десятков пересыльных тюрем, норильские лагеря, Александровский и Владимирский централы) и с 1958 г. до 1961 г. в ссылке в Средней Азии. Проведены тысячи интервью со встреченными там людьми...

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. С издательством стоит поспорить насчет **исчерпывающей** полноты словаря России: наверно, такую задачу ни один автор и не мог перед собой ставить. Только очень большой коллектив...

При перелистывании я не обнаружил Краслага и енисейской ссылки, к примеру, а также совершенно необязательные неточности. Среди них есть мелкие (Киров убит не в рабочем кабинете), а встречаются и такие, что и неточностью не назовешь: «Всех генералов, находившихся на оз. Лама в числе ок. 400 человек, расстреляли». И число не то, и судьба не общая. Вообще, статья «**Балтийские офицеры**» и еще некоторые доказывают, что настоящей редакции труд не прошел. Не сверены даже названия министерств

и комбинатов (и Норильского). Шмидтиха удостоена отдельной статьи, но приписана Отто Юльевичу.

Хотелось бы без комментария оставить сотни тысяч «закопанных под горой Шмидта», но, увы, пока этого никто не знает, никто их не учел. (Тем более недопустимо заведомое очковтирательство в «Полярных горизонтах», мол, через Норильск прошли 1017000 заключенных. Это число уже кочует по изданиям. Меня в нем возмущает не столько даже миллион, не выдерживающий серьезного разговора, сколько «17 тысяч», привлеченных с бесстыдной целью: «доказать», что подсчет произведен, и точно!)

Жак Росси тут ни при чем. Строчка «Текст проверен Натальей Горбаневской» мало о чем говорит. Один человек физически не в состоянии быть специалистом по всей территории СССР и во всех областях жизни страны.

А под другими заключениями издательства «Промсвет» подписываюсь, не усомнившись ни на йоту: «Все, о чем писали А. Солженицын, В. Шаламов и другие, сконцентрировано, спрессовано в «Справочнике». Метод Ж. Росси беспристрастно знакомит нас с жаргоном блатных и надзирателей, политзаключенных и официальных лиц, правительственных документов. Читая «Справочник», мы с ужасом постигаем, что лагерный жаргон... прочно въелся в стихию родного языка и мышления...».

Не верите? Активировать, бабки, баланда, барыга, амба, арканить, атанда, атас, батя, битый, блатной, бабочка, ботало, брать на..., букет (статей, болезней), бухарить, бытовик, век свободы не видать, велик (велосипед), вертухай, винт, вкалывать, волокём, вояка, всю дорогу, вусмерть, вышка...

Многое, как понимаете, пропускаю.

*«Заполярная правда»,
15 августа 1992 года*

Анатолий Львов:

«ГУЛАГ: от А до Я»

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ – бывший винокуренный завод, около 70 км северо-восточнее Иркутска, близ озера Байкал. Построен в XVIII веке. Старая царская тюрьма, привал по пути на Сахалин... В связи с гидротехническим проектом тюрьма была эвакуирована в конце 50-х годов и район затоплен. Централ находился в селе Александровка, где еще до затопления пели, что «В Александровском центре повесился арестант»... До 1917 г. там сидел Дзержинский.

АЛЖИР – Актюбинский лагерь жен изменников родины. Один из крупнейших (ср. ОЛЖИР*). Открыт в годы сталинских чисток в степях северо-западного Казахстана (1939 г.).

БАМЛag – исправительно-трудовые лагеря по строительству Байкало-Амурской магистрали НКВД СССР. Вместе с «реорганизацией» ГУЛага, был в 1953 г. «реорганизован» и Б. В конце 50-х годов в Б. было около 350–400 тыс. заключенных.

ББК, Беломорканал, или Беломорско-Балтийский канал. Инициатор строительства – Сталин. Работы длились с 1931 до 1933 года. Работало около 280 тыс. заключенных мужчин и женщин, рабочих, техников, инженеров. Многих привезли из Соловков. Считают, что на Б. погибло около 100 тысяч заключенных. Проект составлен заключенными-учениками и специалистами. Почти все осуждены за саботаж...

* В этой же книге Жака Росси: особый лагерь жён изменников родины. Первые О. появились в 1937–1938 гг., а к лету 1940 г. они стали массовым явлением. Ср. недонос, неотказ, масс. аресты 20; буквы 8, 9, 23, 30–33; АЛЖИР. – *Ред.*

Работами руководят заключенные специалисты. Штаб строительства – Медвежьегорск над озером Онега. ББК – одна из множества «строек социализма», воздвигаемых подневольной рабсилой. Но единственная, где это широко рекламируется. Советская пропаганда захлебывается от восторга над «первым в мире опытом перековки трудом самых матерых уголовников-рецидивистов и политических врагов»... Отобранных эков наградили «Орденом ББК»... Организатором и работ, и «перековки человеческих душ» является ОГПУ, которое приглашает виднейших деятелей культуры (во главе с М. Горьким) посмотреть строительство и перековку. Все были восхищены. Создается множество художественных произведений, воспевающих мудрость и гуманность ОГПУ. Пьеса Погодина «Аристократы» в течение многих лет не сходит с репертуара... Канал длиной в 230 километров торжественно сдается в эксплуатацию в установленный Сталиным 20-месячный срок. Это оказалось возможным лишь потому, что ОГПУ велело рыть значительно мельче, чем предусмотрено в проекте, вследствие чего канал оказался почти бесполезным; кроме того, ОГПУ объявило задним числом, что работы начались не в 1931 году, как было действительно, а в 1932-м, т.е. «зарядило туфту» и оттуда поговорка: «если б не туфта и не аммонал, не был бы построен Беломорканал»... За построение канала почти все начальство ОГПУ получило ордена, а каждому шестому заключенному был сокращен срок по специально объявленной амнистии. Лагерь не был ликвидирован, а переведен на лесоповал в том же районе, вплоть до эвакуации перед наступающими гитлеровскими войсками в 1941 году... После разрекламированного ББК главным прорабом строительства социализма остается в течение более 20 лет ОГПУ/НКВД/МВД, а туфта становится всесоюзным институтом.

ВЕРХНЕУРАЛЬСКИЙ ЦЕНТРАЛ – старая царская тюрьма в одноименной местности в верхнем течении реки Урал, около 60 км к северу от Магнито-

горска, часть Верхнеяицкой крепости XVIII века. В феврале 1930 года политзаключенные, добивавшиеся соответствующих прав, были избиты дубинками и облиты из брандспойтов. В 1935 году сидели Зиновьев, Каменев и др. В начале 60-х годов сюда якобы был переведен Р. Валленберг (см. Владимир).

ВЛАДИМИР – областной город, примерно в 250 км к северо-востоку от Москвы. Старая царская тюрьма, значительно увеличенная советской властью в 1937 и в 1948 годах. Большие окна в старом царском корпусе заделаны наполовину; на окна всех корпусов надеты **намордники** (непрозрачный щит, установленный за окном камеры таким образом, что заключенные могут видеть лишь полоску неба. Намордник установлен наклонно: верхний его край отстоит от стены около 40 см, а нижний 15). Церковь переделана в тюремное помещение. С 60-х годов – тюрьма на **строгом режиме**. До середины 50-х годов во В. сидели немецкие и японские военнопленные генералы и пр., а также другие иностранцы. В то время режим был очень мягкий, и после освобождения в 1955–1956 годах они увезли на родину не особенно тягостные воспоминания. До 1955 года сидел Янош Кадар, которого советское Политбюро отправило в Будапешт в 1956 году в качестве генсекретаря венгерской компартии. С конца 50-х годов В. – одна из самых страшных советских тюрем для **«особо опасных рецидивистов»** и политических, как, например, В. Буковский и др. В 50-х годах сидел шведский дипломат Рауль Валленберг, арестованный советскими оккупационными властями в Будапеште в январе 1945 года.

ГОРЛАГ – первые лаготделения Г. были организованы на территории Норильского ИТЛ. Примечание: некоторые заключенные считали, что это название обозначает «Гос. Особо Режимный Лагерь». Другие же – «Горно-Рудный Лагерь».

ДАЛЬСТРОЙ, или Д. ОГПУ-НКВД-МВД СССР – крупное предприятие по освоению и эксплуатации

руками эков крайнего северо-востока Сибири, прежде всего по добыче золота (бассейн реки Колымы). Д. основан ОГПУ в 1932–1933 годах на берегу Охотского моря, в верховьях Колымы. С 1934 года, когда функции ОГПУ были переданы НКВД, Д. был подчинен наркомату-министерству внаудел СССР. В 1956 году был изъят из ведения МВД... Главная хозяйственная задача Д. – добыча золота, самые крупные резервы которого в СССР находятся на Колыме. Местные леса, уголь и др. эксплуатируются лишь для собственных нужд Д. Все работы производятся эками. В том числе строительство поселков и городов для вольнонаемных (см. **Магадан**), строительство сотен и тысяч км шоссейных дорог, бараков для заключенных и пр. К началу 40-х годов Д. простирается от Охотского моря на юге до Восточно-Сибирского моря на севере на около 1300 км и на более 1700 км с востока на запад, охватывая западную часть Камчатки и восточную Якутию. Д. не подчиняется местной административной власти... Теплоходы собственного флота Д. совершают по 12–15 рейсов в навигацию, привозя в трюмах по 6–9 тыс. заключенных в условиях, очень схожих с описанными в ст. «**Этап**», с той, однако, разницей, что во время пути люки закрыты, чтобы иностранные суда или самолеты не смогли разглядеть, чем гружены трюмы... С конца 30-х и до начала 50-х годов ежегодно привозили по 400–500 тысяч заключенных, но из-за высокой смертности пенитенциарное население Д. никогда не превышало 2–3 миллионов...

ЗЕМЛЯ (Большая Земля, или материк) – в заполярных районах Сибири так называют более южную полосу страны, с которой Заполярье связано лишь речной навигацией или воздушным путем.

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь или исправительно-трудовые лагеря. Отдельный комплекс лагерей: Норильский ИТЛ, УСВИТЛаг и т.д.

КАРЛАГ – крупный лагерь в Казахстане, организованный в 1932–1933 годах. Сельское хозяйство;

добыча угля и цветных металлов. Административный центр близ г. Караганды. (См. **Джезказган, Кенгир, Экибастуз.**)

КАТЫНЬ – местность около 15 км западнее Смоленска в Западной России. Летом 1943 года, во время немецкой оккупации, местное население показало немцам место в катынском лесу, где советской властью было произведено массовое убийство интернированных поляков. Было откопано 4143 трупа в польской военной форме (в народе их называли «польские офицеры»). У каждого руки связаны сзади проволокой и дырка от пули в затылке... Приглашенная немцами Международная комиссия экспертов (в том числе 1 из Болгарии, 1 из Чехословакии) установила, что смерть наступила в апреле-мае 1940 года, т.е. в период, когда территория была в советских руках. На это же указывает возраст поросли, выросшей на месте, где были закопаны трупы. Даты писем, найденных у убитых, обрывались апрелем 1940 года... После разгрома Германии и занятия Красной Армией Болгарии и Чехословакии советские власти разыскали болгарского и чехословацкого членов Комиссии, и те заявили, что их экспертиза была сделана под угрозой и что польские военные были убиты в 1942 году, т.е. во время немецкой оккупации. Другими членами Комиссии, находящимися на территории, не занятой советской армией, такого заявления сделано не было... Убитые поляки являются частью 14500 офицеров, унтер-офицеров, полицейских и др., интернированных советской властью после оккупации ею восточной Польши в 1939 году. Об остальных нет сведений. (См. **Козельск, Осташков, Старобельск. Ср. Винница; массовые расстрелы...**)

Примечание: профессор Свяневич, в самую последнюю минуту уцелевший от катынской бойни, подробно излагает события вплоть до момента отправки офицеров в катынский лес, откуда ни один уже не вернулся*.

* Опубликовано в Париже в 1976 году. Наши официальные органы протянули с признанием истины еще 15 лет. – *А.Л.*

КОЛЫМА – река в северо-восточной Сибири. 2600 км от истоков севернее Охотска, до устья в Восточно-Сиб. море. Колымские лагеря (1932–1956 года) приобрели самую мрачную славу (см. **Дальстрой**, **УСВИТЛag**). Колымский климат очень суровый: морозы бывают в 60°С и покрепче. Норма выработки на заключенного-горняка – 1,5 тонны в сутки (на каторге царских времен, в Нерчинске, – 50 кг/сутки)... Из всех лагерей сталинского периода **К.** отличалась не только жестокостью режима, но и самой высокой смертностью. **К.** описана рядом бывших эков. Среди них: Варлам Шаламов, Евгения Гинзбург, Элинон Липпер, Владимир Петров, Анатолий Краковецкий и др. Воспета **К.** множеством лагерных песен, как никакие другие лагеря: **Я живу близ Охотского моря... К.К. чудная планета... Будь проклята ты, К. («Ванинопорт»).**

ЛЕФОРТОВО, или Лефортовская следственная тюрьма ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ СССР в Бауманском районе Москвы. Бывший дворец Ф. Лефорта. Построен в конце XVII века. Позже военная и каторжная тюрьма.

Три корпуса тюрьмы расположены буквой «К»; вход в камеры – с галереи или мостиков; все три этажа – сквозные. В 20-х годах после самоубийства нескольких подследственных междуэтажные проемы были затянуты металлической сеткой. В месте, где сходятся корпуса, образующие «К», надзиратель с флажком сигнализирует, свободен ли путь (см. щелканье). В главном здании 260 одиночек. В середине 30-х годов в каждой из них поставили по две двухъярусные койки, занимающие почти 0,75 площади камеры. Еще в царское время стали расширять тюрьму. Работы закончены при советской власти, и корпуса, образующие «К», теперь укрыты в квадрате более высоких зданий, в которых расположены кабинеты следователей и дополнительные камеры... Во время сталинских чисток Л. т. славилась совершенно особыми пытками. Некоторые подследственные, когда им говорили об отправке в Л., соглашались подписать что угодно. Так же известны лефортовские карцеры. В конце 20-х годов по соседству с Л. т. был открыт ЦАГИ, и с тех пор вой аэродинамической установки ЦАГИ оглушает подследственных. В годы сталинских чисток коридоры и камеры Л. т. были выкрашены в черный цвет. Л. – **расстрельная** тюрьма. Перед высылкой из Советского Союза в 1974 г. Солженицын провел несколько дней в Л. т.

ЛУБЯНКА, или **Большая Л.**, иногда **Большой Дом**. Семизэтажное здание в Москве, принадлежавшее дореволюционному страховому обществу «Россия». Главный фасад выходит на Лубянскую площадь, а боковой – на Б. Лубянскую ул. В 1926 году обе были переименованы в «Дзержинского». Вслед за советским правительством, переехавшим в Москву из Петрограда, переезжает и ВЧК. 10–12 января 1918 года она располагается в особняке по Поварской, а 30 марта того же года занимает здание страхового общества «Якорь». Лишь в начале декабря 1920 года ВЧК переезжает в здание бывшего страхового общества «Россия» на Б. Лубянке, № 2. С тех пор это здание и

остаётся неизменной резиденцией советской госбезопасности, многократно менявшей свое название.

МАГАДАН – портовый город на Охотском море в бухте Нагаева, построенный заключенными **колымских** лагерей, административный центр этих же лагерей. Строительство начато в 1933 году в устье ручейка того же названия... По указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 декабря 1953 года была образована Магаданская область РСФСР с центром в г. М. О строительстве М. неизвестный урка сложил песню (начало 30-х годов):

Я живу близ Охотского моря,
Где кончается Дальний
Восток.
Живу я без бед и без горя,
Новый строю стране
городок...

МАТРОССКАЯ ТИШИНА – тюрьма Управления НКВД-МВД по Московской области. Бывшая городская тюрьма, на ул. Матросская Тишина в Москве. До начала 40-х годов здесь находилось Центральное информационное бюро, выдающее справки о местонахождении арестованных, находящихся в любой из московских тюрем. Справки выдавались лишь супругам или ближайшим родственникам. Если информационное бюро М. Т. не давало справки, то приходилось ходить от тюрьмы к тюрьме и везде просить принять денежный перевод на имя разыскиваемого, пока не найдут ту, где перевод примут, – знак, что разыскиваемый там числится. С конца 50-х годов при М. Т. имеется психотюрьма.

НОРИЛЬЛАГ, Норилькомбинат, или Норильский ИТЛ. Норильский полиметаллургический комбинат НКВД – МВД СССР; то же Норильстрой. За Полярным кругом, на правом берегу Енисея – добыча никеля, меди, кобальта, угля; полиметаллургия. Административный центр – Норильск, построенный заключенными, начиная с 1936 года. К концу 50-х годов около 100 тыс. заключенных. ИТЛ с 1936 года. В 1943 году

организовано несколько лаготделений каторги, а в 1948 году – **спецлага**. Забастовки в 1953 году.

ОЛЖИР – особый лагерь жен изменников родины. Первые О. появились в 1937–1938 годах, а к лету 1940 года они стали массовым явлением. Ср. **недонос**; **неотказ**; **масс. аресты**; **АЛЖИР**.

ПЕРМСКИЕ ЛАГЕРЯ, **Пермский комплекс колоний** – в западной части Среднего Урала, крупное сосредоточение лагерей для политических и рецидивистов. Существовали с 1932 года; с 1934 года – в системе Гулага. С конца 60-х годов – новый расцвет.

СЕКИР-ГОРА, **Секирская гора**, или **Секирка** – на Соловецком острове, высота (около 85 м) и монастырский скит, к которому ведет 300 ступеней. С 1928 по 1939 годы – центральный штрафной изолятор Соловецкого лагеря, совершенно изолированный: на работу оттуда не водили, весь обслуживающий персонал (из уголовных) не выпускался из С. «Прославилась» С. кровавыми зверскими расправами. Кроме проштрафившихся, сидели там те, относительно кого в постановлении Коллегии ОГПУ было оговорено «со строгой изоляцией». В 50-х годах в Восточной Сибири автору довелось услышать песню о том, что... «На восьмой версте Секир-гора, а под горой мертвые тела. Ветер там один гуляет. Мать родная не узнает, где сынок схороненный лежит».

ТАГАНКА, или **Таганская тюрьма** московского областного управления НКВД – МВД – старая московская тюрьма в Пролетарском районе Москвы. 4-этажное здание с галереями внутри, с натянутой металлической сеткой для предупреждения попыток самоубийства. «Сижу я в Таганке. Как в консервной банке. За дверью гуляет вертухай...» (из песни 30-х гг.; на мелодию «Мурки»).

ТАШКЕНТ – узбекская столица славится не только теплым климатом, но и более вольготной жизнью. «Ташкент!» – одобрительное восклицание при виде хорошо натопленной печки. «Дневальный! Сделай Ташкент!» – натопи хорошенько!

УХТПЕЧЛАГ, или **УПЛ** – Ухт-Печорские лагерь, концентрационный лагерь, образованный ОГПУ в 1923 г. в бассейне рек Ухты и Печоры. После «ликвидации» ОГПУ перешел в ведение Гулага НКВД СССР. Лесоповал, лесосплав; добыча угля и нефти. В 1937 г. из У. были выделены 4 самостоятельных лагеря: Воркута, Печора, Ухта и Железнодорожный (по строительству линий Чибью–Котлас и Чибью–Воркута). Все они были реорганизованы в 1953 г.

ЧТЗ – Челябинский тракторный завод. Четезе – грубые суррогатные ботинки на подошвах из старых покрышек. То же – трактора.

ЯРОСЛАВСКИЙ ЦЕНТРАЛ – старая царская тюрьма близ Ярославля, около 260 км северо-восточнее Москвы. С 60-х годов – тюрьма на общем режиме. Около 2 тысяч заключенных.

ЭЛЬГЕН – на Колыме, с.-х. зона, женский лагерь, детгородок.

ЯЯ – один из первых крупнейших женских лагерей, в основном для уголовных (ср. ОЛЖИР), близ трансибирской железной дороги, на одноименной речке, около 180 км к востоку от Новосибирска. Открыт в начале 30-х годов. Пошивка лагерного обмундирования, а с 1941 года – военного. С 50-х годов также мужской лагерь (лесозаготовки). Примечание: в женском лагере бывали случаи группового изнасилования лагерницами заключенных мужчин, направляемых туда по служебным делам (подвозка воды и т.п.).

*Отрывки из книги Жака Росси
«Справочник по ГУЛАГУ», часть 1 и 2
в серии «Преступление и наказание
в мировой практике»,
Москва, «Просвет», 1991,
опубликованы в «Заполярной правде»
15 августа 1992 года*

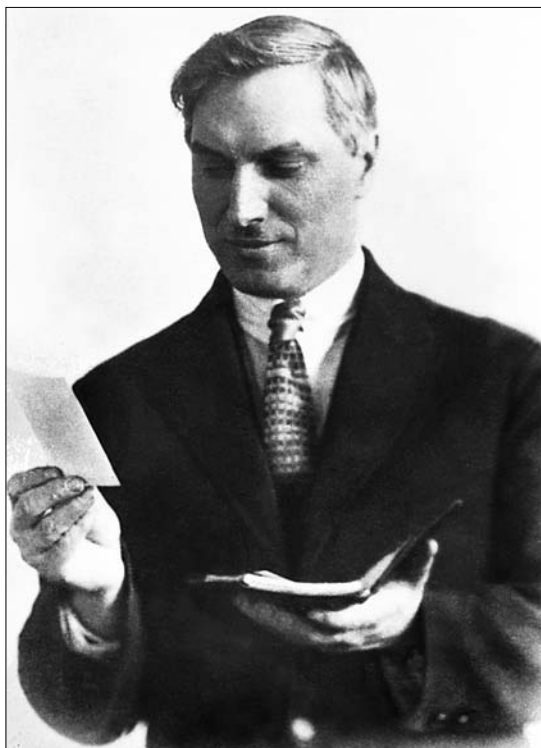

Сергей Щеглов-Норильский:

«В воспоминаниях ветеранов Норильска, подтвержденных крупными учеными, Н.Ф. Федоровский предстаёт удивительным, поистине редкостным творческим человеком с трагической судьбой».

(Продолжение. Начало в томе 12, с. 380–427)

Николай Михайлович Федоровский:

*«Использовать меня с моей специальностью,
с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями
в условиях заключения – это все равно,
что микроскопом забивать гвозди».*

(из письма Сталину)

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Сергей Первый Норильский – так когда-то давно окрестил Сергея Львовича Щеглова Анатолий Львов, норильский журналист, историк, писатель.

«Если бы меня спросили, кто олицетворяет «Заполярку», назвал бы Щегловых. Во-первых, потому, что они начали с истоков норильской прессы – многотиражек... К тому же Сергей Львович – один из первых рабкоров газеты, один из первых театральных критиков поселка Норильск и первый руководитель литобъединения при «Заполярной правде», зародившегося в 60-е годы. Он первым заметил на норильской сцене в 1947 году не слишком еще заметного Смоктуновского – и похвалил. Однако главный его титул (беру на себя смелость в формулировке) – Сергей Первый Норильский».

Вообще-то он Муромский, если иметь в виду землю, где он родился... Родовое имя – проще простого, одна из многих русских «птичьих» фамилий: Щеглов. Ее я и прочел когда-то на обложке книги «Город Норильск. Краеведческий очерк».

Так писал в 2003 году о Сергее Львовиче Щеглове Анатолий Львович Львов. Суровый путь прошел Щеглов в Норильлаге, об этом можно прочитать в книгах Сергея Львовича...

«Здесь пришел в мир, – продолжил Анатолий Львович, литератор С. Норильский именно в газете «Заполярная правда»... Я уж не говорю о том, что Нина Ивановна Балужева, мать его детей, руководила промышленным отделом, главным отделом газеты, а Володя, Владимир Сергеевич Щеглов, в какой-то степени продолжил газетное дело родителей, выступая в «ЗП» в качестве заведующего горздравотделом. Так что по всем статьям «Заполярка» семейная газета Щегловых».

Более двух последних десятилетий Сергей Львович посвятил Обществу «Мемориал» в Туле. Он был одним из его создателей, до сих пор ведет здесь прием посетителей,

помогает семьям, где есть репрессированные: оформить нужные документы, написать соответствующие письма... Его заслуга – мемориал жертвам политических репрессий в Туле. Он – автор многих книг, по-моему, их больше 20-ти... Во многих томах издания «О времени, о Норильске, о себе...» есть публикации о норильчанах, с которыми он поделил горькую судьбу в Норильлаге.

Сегодня он продолжает рассказ об удивительном ученом и человеке Николае Михайловиче Федоровском, начатый в 12-м томе. Здесь же, в 13-м томе, мы публикуем и переписку его с норильчанами, кто хорошо знал Федоровского, этого удивительного человека, которого в сталинские времена сгубил норильский лагерь.

Норильская тема стала главной в его долгой писательской жизни. Не зря говорят: дух сильнее тела. Пример тому – трудная биография Сергея Львовича Щеглова, который отметил в 2015 году свое 94-летие. Он по-прежнему трудится на общественных началах в «Мемориале Тулы» и за письменным столом стучит на старенькой пишущей машинке... Он еще не все сказал людям, своим читателям, что хотел, что пережил, что помнит...

*Галина Касабова,
редактор издания*

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ: ПИСЬМА, ЗАЯВЛЕНИЯ, ЖАЛОБЫ...

Из воспоминаний дочери Федоровского и его друзей

В воспоминаниях ветеранов Норильска, подтвержденных крупными учеными, Николай Михайлович Федоровский предстает удивительным, поистине редкостным творческим человеком с трагической судьбой. Один из его друзей по институту минерального сырья Юрий Леонидович Черношвилов писал:

«Вклад, внесенный им в советскую геологическую науку, и большие заслуги его в создании горной промышленности Советского Союза никогда не будут забыты. Созданный им институт ВИМС, которому он отдал столько ума, сил и любви, останется навсегда лучшим памятником ему, как ученому и выдающемуся организатору. Совершенно исключительно личное его обаяние, которое так привлекало к нему сердца всех, кто сталкивался с ним по работе и в частной жизни».

Н.М. Федоровский составил классический учебник минералогии, получивший широкое признание в учебных заведениях Советского Союза и в зарубежных странах. Он – автор книг «Апатиты», «Борьба за недра», «Значение минерального сырья в химической промышленности», «Краткий оп-

ределитель минералов», «Минералы в промышленности и сельском хозяйстве». В 1966 году я нашел в Горьковской областной библиотеке семнадцать книг Н.М. Федоровского по горному делу. В Москве в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина список работ Н.М. Федоровского превышает сотню.

Шесть лет, с 1930 по 1936-й, Федоровский был одним из редакторов первого издания Советской технической энциклопедии. С начального до последнего тома встречаем его статьи. Их тридцать две. Он редактировал подраздел минералогии. Перу Николая Михайловича принадлежат более 150 научных и научно-популярных работ.

Все, что совершено в советской и мировой минералогии, а отчасти и в горной промышленности, до середины 30-х годов XX века, связано с деятельностью Николая Федоровского. Его статьи печатались в научных и прочих журналах, сборниках и газетах наряду с работами виднейших ученых страны: В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, И.П. Павлова и др. Он – создатель научной школы советских минералогов. Интересно проследить его взаимоотношения с А.Е. Ферсманом. Вот что по этому поводу написала дочь Николая Михайловича Елена Федоровская:

«У них были вначале довольно сложные отношения. Ферсман возглавлял ленинградскую группу ученых, а Николай Михайлович – московскую, и между ними дружбы не было. Николай Михайлович был ученый-марксист, и московская группа считалась новаторской, а ленинградцы считались консерваторами. Потом уже позже, Ферсман и Николай Михайлович объединили свои научные силы и подружились (...) Если бы не было такого несчастья в 1937 году, то Николай Михайлович вышел бы победителем из соревнования по всем научным статьям с Ферсманом».

Письмо дочери, конечно, окрашено ее личными пристрастиями... Елена Николаевна не имела отношения к науке. Александр Евгеньевич Ферсман

Ленинскую премию «заработал» в 1929 году, четырехтомник «геохимии» создал в 1933–39 годах, Сталинскую премию получил в 1942-м. Но Елена Николаевна права в том, что действительно не случилось необоснованного ареста и осуждения Федоровского, он получил бы звание академика и не уступил бы в научных достижениях Ферсману.

Николай Михайлович отдавал перо и литературе художественной. Натура политического деятеля, романтика и бойца обогатила его поэтическое восприятие мира. Об этом свидетельствуют его стихи. При жизни Федоровского они не публиковались, писал он их не для печати и не мечтал о лаврах стихотворца. Просто с юности и до старости изливал душу в стихах. Некоторые из них он собрал в рукописные книжечки, тщательно переписал. Впервые опубликовал небольшие выдержки из них журналист К.В. Урлин в 1957 году в «Горьковской правде» (часть «Минералогических эскизов»). В августе 1966 г. сделала несколько публикаций норильская городская газета «Заполярная правда».

«Мы всегда восхищались уменьем отца пользоваться временем, – вспоминала Елена Николаевна Федоровская. – Он успевал, кроме основной работы в своем любимом детище – институте минерального сырья, – выступать с докладами и лекциями, принимать экзамены у студентов, редактировать специальный журнал и первое издание Большой Советской энциклопедии, вести общественно-политическую работу, рано утром сыграть в теннис (летом), побегать на коньках (зимой), посмотреть новый спектакль или фильм, побывать на концерте, принять у себя друзей и знакомых. И пусть это не вызовет скептическую улыбку или недоуменное пожатие плечами у иных людей: он, крупный ученый, член партии с 1904 года, хорошо танцевал и любил танцевать (...)

Я помню своего отца всегда молодым: и внешне, и внутренне. Седая голова (он рано поседел), умные, веселые, днем серые, а вечером карие глаза, чуть

ироническая улыбка... Подтянутый, выбритый, он всегда выглядел моложавым.

В минералогию отец был беззаветно влюблен, как во что-то живое и прекрасное. Его «Курс минералогии» был первым советским учебником, по которому занимались в вузах. Стараясь отвлечь отца от неприятностей и неудач (а их у него было предостаточно, как у великого энергичного человека, старающегося доказать людям равнодушным, но «власть имущим», полезность и необходимость дела для интересов страны), мы, когда видели, что он чем-то расстроен, любили задавать ему вопросы о каком-нибудь минерале; и отец тут же попадался на нашу хитрость, начинал увлеченно объяснять и рассказывать.

Рассказчиком он был хорошим. Умел сразу заинтересовать слушателей. Речь у него была живая, с шутками, интересными примерами, стихами (...)

Отец всю жизнь писал стихи. А так как он был влюблен в минералогию, то не мог не писать о ней. Стихи были разные: удачные и не очень удачные, но все они были проникнуты большой эмоциональностью, душевной страстностью. Живой формой стиха он старался увлечь молодежь минералогией (...) Интересны и его научно-популярные статьи, книги о камнях. Помню, вернувшись из длительной поездки по Южной Африке, где он участвовал в международном геологическом конгрессе, отец много рассказывал об алмазных коях, о добыче алмазов и золота.

Молодежь тянулась к нему, и не только потому, что он интересно рассказывал или умел взбудоражить смелыми идеями, а потому, что он любил молодость, верил ей, видел в ней будущее и, главное, — понимал ее. Они любили друг друга — молодежь и отец. Любили еще и потому, что отец был романтиком. Все друзья моей молодости охотно и много о нем вспоминают.

Мне приходилось встречать бывших учеников отца в разных ситуациях. И всегда бывало так: уз-

нав, что я дочь профессора Федоровского, начинались сначала расспросы о нем, потом воспоминания, проникнутые большой теплотой, часто восхищением (...)

Я, конечно, понимаю, что воспоминания дочери об отце субъективны. Но для меня отец остается всегда молодым, красивым, энергичным, честным, влюбленным в жизнь и преданным своей Отчизне ученым-большевиком».

Многочисленные беседы на протяжении почти тридцати лет и интенсивная переписка с Еленой Николаевной обогатили меня ценнейшими подробностями биографии Федоровского.

Многие стихи обязаны своим рождением работе Николая Михайловича в Норильском горно-металлургическом техникуме. Он открыл свои занятия в поселке Норильск 5 октября 1944 года, в двухэтажном блочном здании – доме № 10 по улице Октябрьской. Это было первое техническое учебное заведение на необъятном севере Красноярского края, в сотне километров от административного центра Долгано-Ненецкого национального округа – села Дудинки. На первый и второй курсы было принято 185 юношей и девушек. В основном, это были дети работников норильского комбината, молодежь из поселков и городов Красноярского края. Но были и местные, таймырские жители. С 1945 года директором техникума был Г.Г. Акулов, в 1946–47 годах – А.Ф. Аникин, а с 1947 – Владимир Алексеевич Елисеев. Для преподавания привлекли лучших специалистов: геологов Николая Николаевича Урванцева, Ивана Алексеевича Коровякова (умер в Москве в 1966 году), доктора физико-математических наук Фридрих Генриховича Шмидта, доктора технических наук Анисимова, теплотехника Александра Сергеевича Невского, физика Сергея Александровича Штейна, химика Р.А. Виробяна, механика Семена Ильича Куркова, инженера Александра Александровича Букина и других. Преимущественно это

были осужденные по 58-й статье. О них писали местные газеты: «За металл» в 1946 году и «Заполярная правда» (1987, 31 января).

До Норильлага Н.М. Федоровский работал в Воркуте, но и там он, заключенный лагеря, думал о том, как и чем он может помочь своей родине. Об этом ученый писал и своей жене. Любовь Николаевна сообщила мне: «В одном письме он просил прислать рюкзак и мешочки для коллекций минералов. Даже в тех условиях он думал о минералогии!.. Потом переписка оборвалась. Мои письма оставались без ответа. Я долго его разыскивала, прежде чем узнала, что Николай Михайлович работает в Красноярском крае. Точного адреса мне не сообщили, но разрешили писать на почтовый ящик» (КЩ-1279). Все годы Федоровский писал жалобы, требуя отмены несправедливого приговора». Дочь Николая Михайловича Елена Федоровская уточнила: «Николай Михайлович прибыл в Норильск в 1945 году. В Москве он находился один год – 1942».

А вот отрывки из документов самого Николая Михайловича. Из «Жалобы», написанной в январе – июне 1946 г. и адресованной Верховному Суду СССР: «26.11.39 г. я был осужден Военной коллегией Верховсуда СССР по ст. 58 на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Я отбыл большую половину срока, и Верховный Суд может убедиться, что я являюсь случайной жертвой обстоятельств. За долгие годы заключения я не только не имел взысканий, но честно и добросовестно работал и получал благодарность за свою работу в лагере. А в последние 3 года (1942–1945) я активно работал на оборону нашей Родины в Особом Конструкторском бюро 11-го спецотдела НКВД СССР в г. Москве, где имел хорошие отзывы о работе и получил крупную денежную награду в феврале 1945 г. Н.М. Федоровский».

...Этот документ я получил от сына Николая Михайловича Юрия Николаевича Федоровского в Москве. (Привожу его целиком.)

Заместителю Наркома Внутренних дел СССР
Завенягину Абраму Павловичу
от з/к Федоровского Николая Михайловича,
д. профессора и члена-корреспондента
Академии Наук СССР.

Заявление.

12.10.45 г. я был передан в ТУЛАТ из 4-го спецотряда НКВД СССР, где я проработал с 1942 по 1945 г., т.е. три года. С этого момента до настоящего времени, т.е. почти три месяца, я нахожусь в этапных поездах в тяжелейших условиях — наравне с каторжниками, бандитами, рецидивистами. Т.к. Норильлаг, куда я направлен, меня не принимал, то я проехал Красноярск — Иркутск и обратно до Новосибирска, валяясь на голых нарах, на голодном пайке. Между тем, мне уже 60 лет, и я, истощив последние силы, в отчаянии обращаюсь к Вам с просьбой:

1) — прекратить мои мучения, заменив этапирование спецконвоем;

2) — не посылать меня в северные лагеря, т.к. при моем здоровье это равносильно смертному приговору. Так, за три года пребывания в Воркуте, где я был сактирован, как инвалид, только возвращение в Москву возвратило мне здоровье.

3) — прошу вернуть меня в четвертый спецотдел, где у меня оказались прерванными две работы: первая — искусственное получение алмазов, чем я интересовался с 1929 года, но только в последнее время, после открытия строения (атомного) кристаллов алмаза, мне пришла идея о методике его искусственного получения. Подробная записка осталась в четвертом спецотделе, и работа была принята на совещании у полковника Осипова. Но я не успел доложить о ней руководству, желая сначала кое-что проверить опытами. Но как раз, когда были должны начаться опыты, я был передан в ТУЛАТ. Вторая работа, не доложенная мною руководству, это «Основы минералогии», перера-

ботанные мною в свободное время на основе новейших данных о строении вещества. Вчерне она закончена, но осталась брошенной лежать в шкафах четвертого спецотдела мертвым капиталом в сыром виде. Между тем, можно сказать без преувеличения, в законченном виде она составит эпоху в русской науке.

Убедительно прошу Вас вернуть меня на работу в четвертый спецотдел для успешного завершения вышеуказанных работ.

Н. М. Федоровский.

Кто принимал решения по этому письму, неизвестно, но Николая Михайловича в четвертый спецотдел ГУЛАГа не вернули, а направили в Норильск. Еще несколько просьб к властям отправил Федоровский уже из Норильска: Сталину, Молотову, друзьям-академикам. Просил реабилитировать, доказывал свою полную невиновность. Убедительно рассказывал, какими чудовищными методами проводилось следствие. «За время следствия я не мог буквально раскрыть рта в свою правоту». Сообщая, как его, члена-корреспондента Академии наук, заставляют валить деревья в тайге и долбить кайлом мерзлую землю, Федоровский в письме Сталину заявил: «Использовать меня с моей специальностью, с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями в условиях заключения – это все равно что микроскопом забивать гвозди».

ТЕХНИКУМ ДАРОВАЛ ЕМУ СВОБОДУ...

Работа в техникуме была для Николая Михайловича в условиях заключения благом. Снова перед ним в аудитории юноши и девушки, он снова в пленительном мире минералов. Техникум даровал ему свободу от осточертевшего конвоира... В новом двухэтажном кирпичном здании Федоровскому и Шмидту выделили две смежные комнатки. Наконец-то они расстались с грязными барачными нарами вагонной системы и могли теперь спать на

койке, покрытой чистой простыней, морозным утром не дрожать на разводе в ожидании вывода за зону. Техникум находился в центре поселка, но по улицам Норильска преподавателям-заключенным прогуливаться не разрешалось. Не все расконвоированные соблюдали этот запрет, да и караул был не очень придирчив. Федоровский, Шмидт и их коллеги, если и отважились иногда пройтись по Октябрьской, то разве что в ДИТР, в техническую библиотеку комбината, или в геологический, либо в проектный отдел – навестить товарища, на Заводской улице.

Директор техникума А.Ф.Аникин добился у начальника комбината А.А. Панюкова, чтобы заключенным профессорам сшили костюмы. И вскоре Федоровский, Урванцев, Шмидт, Виробян, Штейн, Невский и другие получили черные суконные кители с накладными карманами на груди и боками снизу. Лагерные рубахи и штаны с удовольствием сдали в каптерку. Рубахи были цвета хаки, а воротники и полосы под пуговицы – из черного ситца. Если рубахи из черного ситца, то воротники зеленые либо желтые. В каптерках это объясняли нехваткой разноцветов комплектного материала в пошивочных мастерских.

У Николая Михайловича особенно примечательными были «бурки», в лагере их называли «ЧТЗ». Сшитые из списанных ватных телогреек, они имели подошву из грубо вырезанной транспортной ленты. Они плохо спасали от мороза. Более уродливой «обуви» нельзя было и придумать.

В техникуме Федоровский получил доступ к литературе по геологии и минералогии, к книгам и журналам, газетам. Он стал опять бодр и деятелен, снова появилась у него надежда, что удастся восстановить доброе имя и вернуться к прерванной работе. Несколько вечеров Николай Михайлович рылся в подшивках газет и журналов в библиотеке ДИТРа, усиленно восстанавливал в памяти прошлые годы, их события и свою работу, трагический ход следствия и суда. Потом написал письмо Сталину.

Председателю Совета Министров СССР
Сталину Иосифу Виссарионовичу.
От Федоровского Николая Михайловича,
доктора геолого-минералогических наук,
профессора и члена-корреспондента
Академии наук СССР.

В последние годы мною дан целый ряд научно-промышленных предложений, имеющих большое экономическое и оборонное значение. К сожалению, по не вполне понятным причинам эти предложения постигла довольно странная судьба. Так, например, еще 10 лет назад мною было внесено предложение об организации производства «минеральной шерсти» синтезом минерала волластонита. Идея по тому времени совершенно новая, представляющая гораздо больший интерес, чем, скажем, столь рекламируемое нашими журналами достижение последних лет — «стеклянные ткани».

Предложение не было реализовано и пропало, а в 1943 г. мы читаем в американских журналах о постройке в США ряда крупных заводов по производству «минеральной шерсти» из волластонита.

Аналогично получилось с моим предложением (1936–1937 г.г.) по получению алюминия из обычных простых глин путем сплавления их с известняком. С 1937 г. работа приостановлена и заброшена, а в 1945 г. я читаю в американском журнале, что добыча известняка в США увеличилась на много миллионов тонн вследствие применения его новым способом получения алюминия из глины.

Крайне обидно видеть, как плоды моей научной работы и изобретательской мысли достаются другим странам и выношенные, выпестованные годами творческие идеи и сама работа идут на свалку.

Должен Вам сообщить, что я был в 1923–1937 гг. – 14 лет – директором Института минерального сырья («ВИМС»), созданного по моей инициативе для борьбы за независимость нашей Родины от капиталистических стран в области минерального сырья. Оценка проделанной ВИМСом под моим руководством работы дана в приказе НКТП от 15.11.1935 г., в котором сказано: «В течение 10 лет ВИМС проделал огромную работу по освобождению СССР от иностранной зависимости». См. журнал «Минеральное сырье», № 3, 1935 г. Действительно, работами коллектива ВИМСа, поставленными по моей инициативе и с непосредственным участием, удалось дать нашей стране сотни миллионов экономии в валюте (см. статью «Фронт работы Института прикладной минералогии»).

Так, например, наша Родина не имела ванадия, этого важного оборонного металла для автотанковой и пушечной промышленности. Мне с моими сотрудниками не только удалось в течение двух лет открыть мощные залежи ванадиевых руд (титаномагнетиты) на Урале, но и проработать в ВИМСе всю технологию вплоть до примустановок. Теперь наша Родина имеет свой ванадий.

Зная, что прозрачный флюорит дает возможность конструировать приборы для снимков в темноте и тумане, я ряд лет упорно проводил

поиск этого минерала, которого мало во всем мире. Наконец, удалось (34–36 гг.) найти в горах Таджикистана невиданную в мире пещеру с флюоритом, откуда 2.5 тонны этого чудесного камня было привезено для оптических заводов страны. Причем цена его по весу превышает цену золота. Теперь прозрачного флюорита у нас больше, чем в любом капиталистическом государстве.

В 1933 г. В.В. Куйбышев предлагает мне лично найти мышьяковые руды, необходимые для оборонных целей. Я принимаю вызов и этим же летом вместе с проф. А.А. Творчеридзе ставлю поиски в Грузии. В результате этого найдено крупное месторождение мышьяка, и страна получила мышьяковое сырье. И так далее...

Все эти случаи и примеры позволяют мне заявить, что я вправе рассчитывать на большее внимание к моим заявлениям, предложениям и работам. Однако даже готовая работа «Минералогические провинции СССР», очень важная для горно-разведочного и геологического дела, была заморожена в наборе и не увидела света. Пропал и подготовленный справочник по определению 1500 минералов (два года работы).

Но если пренебрежение к этим творческим работам можно объяснить моим арестом 25.10.1937 г., то трудно объяснить пренебрежение к предложению осенью 1945 г. о поисках урановых руд в хорошо мне известных областях Средней Азии.

К тому же мой арест и осуждение произошли по клевете и оговору врагов народа, о чем я подробно писал в жалобах на имя Предверхсуда Голикова. Но, очевидно, вопрос пересмотра дела очень сложен и делается крайне неохотно. Что же мне делать, если энтузиазм к научно-промышленным работам у меня не угас, и голова моя полна новыми интересными проблемами, которые я не в силах продвинуть в жизнь в условиях заключения. Правда, я честно и добросовестно работаю в лагере и в лаборатории 4-го спецотдела МВД, имею благодарности и крупную денежную награду за ра-

боту в 4-ом спецотделе МВД в феврале 1945 г. Но использование меня с моей специальностью, с тридцатилетним стажем, широкими новыми идеями в условиях заключения — это все равно, что микроскопом забивать гвозди.

В частности, я хотел бы включиться в проблему урана. Я хорошо знаю Среднюю Азию и урановые руды. У меня есть ряд соображений, каким образом поставить работы по открытию крупных запасов урановых руд. Есть и еще ряд наполовину законченных разработок, интересных тем, но я не буду загромождать свое заявление. Я оторван от любимой работы и бессилён реализовать свои творческие идеи. Помогите мне!

Н.М. Федоровский.

Приведенный документ (его машинописную копию) передала мне М.А. Крюкова. Написано заявление, полагаю, в 1946 году. Об этом свидетельствует хотя бы подчеркнутый интерес к проблеме урана, которая трагически обострилась к осени 1945 г.

Обращает на себя внимание то достоинство, с которым обращается Федоровский к высшему лицу государства, нет и следов обычного раболепства, с которым часто писали Сталину. Николай Михайлович, надо думать, понимал, как мало надежды, что письмо достигнет адресата, и что письмо на имя Сталина выпустят из Норильска. Допустим, Н.М. Федоровский нашел какую-то возможность переправить его в Москву с оказией, минуя официальные каналы. Но и из Москвы не просто было доставить письмо Генералиссимусу.

Не тешил себя иллюзиями Николай Михайлович и насчет того, что Сталин отзовется на его крик души, ежели, паче чаяния, письмо окажется у него в руках, и он соизволит его прочесть. Едва ли оставалась у Федоровского вера в то, что «отец народов» не знает, что за люди гниют в лагерях, сколько похоронено там идей и талантов, жизненно важных Родине. И тем не менее Николай Михайлович, как

и многие в его положении, кто еще сохранил силу духа, пытался сделать все возможное, чтобы выкарабкаться из бездны, в которой он барахтался вот уже восемь лет.

Вот еще одно письмо Николая Михайловича.

Председателю Совета Министров СССР
Генералиссимусу

Сталину Иосифу Виссарионовичу
от Федоровского Николая Михайловича,
доктора геолого-минералогических наук,
профессора и члена-корреспондента
Академии наук СССР, 1886 г. рожд.

Приношу жалобу на действия Предверхсуда Голикова и Верхпрокурора СССР Горшенина, необоснованно отказавших исправить ошибку Военной Коллегии, осудившей меня 26.04.39 г. без экспертизы и справок с места работы, по лживым показаниям разоблаченных впоследствии врагов народа.

Я указываю в жалобах документы и лиц, неопровержимо могущих установить мою непричастность к возведенным на меня преступлениям. Военная Коллегия Верхсуда не принимает к рассмотрению мои жалобы без представления документов и отзывов. Но получить документы и отзывы лицу, осужденному, да еще находящемуся за тысячи километров от Москвы, абсолютно невозможно. Это значит до самой смерти не иметь возможности опровергнуть ложь и клевету.

Я прошу Вас дать указания Предверхсуда затребовать мое дело и проверить, ознакомившись с документами и запросив указанных лиц.

Федоровский Николай Михайлович
Норильск, 2-е лаготделение.

25.04.47 г.

Этот документ с собственноручной подписью Николая Михайловича. Это первый экземпляр машинописи. Неизвестно, был ли он отправлен адреса-

ту. Возможно, был отпечатан и отправлен еще один экземпляр. Мне этот документ в числе других передала М.А. Крюкова, у которой он хранился до середины 60-х годов. Эта женщина многим рисковала, пытаясь помочь Федоровскому.

О какой «ошибке военной коллегии» могла идти речь! О какой экспертизе, о каких документах и отзывах! Ложь и клевета правили бал, и Федоровский, всемирно признанный ученый, не мог не понимать этого. Но, как человек действия, он боролся за свою честь неустанно...

Приведу еще один документ из архива сына Николая Михайловича, Юрия Николаевича Федоровского. Это машинописная копия, заверенная 6 апреля 1948 г. секретарем. Подпись, разумеется, неразборчива, а на треугольной печати значится: «Норильский горно-металлургический комбинат НКВД СССР».

31 января 1948 г.

*Академия наук СССР.
Академик Б.А. Обручев*

Рекомендация

Минералог Николай Михайлович Федоровский я хорошо знаю с осени 1913 г., когда мы часто встречались на заседаниях Геологического кружка (позже — Отделения) Московского общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии в университете и Политехническом музее, принимая участие в докладах и прениях по вопросам минералогии и геологии в течение 1913—1917 гг.

Весной 1918 г. Н.М. Федоровский пригласил меня на заседание Комиссии нового Советского правительства по вопросу об изучении горного промысла на Алтае, а летом, стоя во главе Горного отдела Совета Народного хозяйства, принял меня на службу и дал командировку в Донбасс для постановки разведок цементных мергелей, глин и трепела в имени Благодарное, близ ст. Авросиевка.

По возвращении в Москву весной 1921 г. я вступил в состав Ученого Совета Института Прикладной Минералогии и Металлургии, директором которого был Н. М. Федоровский, и часто встречался с ним на заседаниях совета, на которых делались доклады о всех работах по изучению и разведкам месторождений полезных ископаемых, которые выполняли сотрудники Института. Н. М. Федоровский был очень инициативным и знающим руководителем этих работ, принесших большую пользу советской горной промышленности по выяснению качеств и запасов разных месторождений. После перерыва 1929–35 гг., когда я был в Ленинграде избранным в состав Академии наук СССР, вернувшись в Москву, я иногда встречал Н. М. Федоровского, бывшего во главе того же института, переименованного в Институт Минерального Сырья и принявшего участие в организации экспедиции для изучения провинции Синь-Дзянь Китая, о которой я делал доклад на одном из заседаний в 1935 г. в Ученом совете Института в его новом помещении в Тяжковском пер., 7, выстроенном его дирекцией.

Упомяну о нескольких учебниках по разным отделам минералогии, составленных Н. М. Федоровским и имевших большое распространение в высших школах СССР.

Не сомневаюсь, что Н. М. Федоровский после своего освобождения может быть еще очень полезным деятелем по развитию науки и горной промышленности в нашем Союзе, а также по воспитанию новых кадров минералогов и геологов.

Академик, лауреат Сталинской премии
и Герой Социалистического труда
В. А. Обручев.

Письмо академика оказалось гласом вопиющего в пустыне...

В 1950 году (а может быть, в конце сорок девятого) Николая Михайловича, как особо «тяжкого контрреволюционера», бросили в только что образо-

ванный в Норильске Горлаг. Об этом вспоминал работавший с ним в техникуме П.М.Афанасьев.

«Часть Горлага располагалась возле рудника открытых работ «Медвежий ручей». Мне, проводившему в то время взрывание зарядов окисилквита в скважинах на уступах этого грандиозного рудника, приходилось почти ежедневно видеть колонны горлаговцев в карьерах и окрестностях. Жуткая была картина! Оцепленные конвоирами с винтовками и автоматами наготове, под вой пурги и лай овчарок в снежной круговерти едва передвигали ноги мужчины в бушлатах с белыми номерами и бурках-чтз, обвязанные поверх шапок грязными шарфами, полотенцами, каким-то тряпьем, как французы в России 1812 года. Ходили слухи, что это в основном власовцы, бендеровцы, полицаи и прочие изменники Родины в минувшей войне, избежавшие расстрела, но сроками по четверть века. К ним приравняли и с пятнадцатилетними сроками «троцкистов». Какой-нибудь неверный шаг, и конвоиры приказывают всей колонне садиться на снег, а то и лечь. Злобные выкрики вертухаев, щелканье винтовочных затворов...»

А теперь представьте в этой колонне пожилого, не очень здорового ученого мирового уровня, талантливого поэта, который для студентов в стихах рисовал образы и особенности минералов... Сколько созидательных замыслов было в его голове, которые умерли вместе с ним... Заключенный Федоровский по пути на работу упал, сломал ногу, его отвезли в лагерную больницу... Ему становилось все хуже... И только тогда власть смилостивилась: она позволила дочери увезти отца в Москву.

Владимир Иванович Волков, на воспоминания которого я ссылаюсь, рассказал об описанном мной эпизоде, выступая на конференции, посвященной юбилею Николая Михайловича. Он был вольнонаемным, окончил Норильский горно-металлургический техникум, потом работал начальником цеха на кобальтовом заводе.

Н.М. Федоровский поддерживал переписку с Маргаритой Александровной Крюковой после того, как жена, Любовь Николаевна, вышла замуж за крупного инженера, строителя Плюща. А Маргарита была страстно влюблена в профессора и самоотверженно выполняла его поручения. Я познакомился с ней в Москве и получил от нее рукописи Николая Михайловича, которые она бережно хранила.

В 1958 году газета «Правда» поместила траурное извещение о смерти Николая Михайловича Федоровского. Своему любящему сыну родина оказалась дурной мачехой.

Переписка с Ольгой Максимовной Лобачевой и Еленой Николаевной Федоровской

(из архива Сергея Львовича Щеглова)

Уважаемый Сергей Львович!

Вот просимые Вами листки из моих воспоминаний о Федоровском.

В последние годы войны я попала на Крайний Север. Нас, восемь инженеров разных профессий, политических заключенных, по спецнаряду Тулага направили в Норильск. Мы были доставлены туда из Красноярска на трофейном немецком самолете «Дуглас». Нам сказали, что ведет самолет герой воздуха Степан Верещуков.

На вечной мерзлоте Таймыра поднимался самый северный форпост советской индустрии — комплекс металлургических и горнорудных предприятий — силами в основном заключенных, меньшую часть составляли вольные люди. Со всех концов страны сюда привозили жертв сталинского произвола. Здесь оказалось много верных бойцов ленинской партии, оклеветанных политическими авантюристами.

Урюмые горы, тундра с непролазными топями, остроконечными лиственницами, карликовыми кривыми березками и кустарниками. Стояло полярное лето, лучшая пора в этом крае.

Нас разместили в одном из лаготделений. Некоторые заключенные специалисты имели пропуска, что избавляло их от хождения в общем потоке на работу и с работы. Самые ценные из них были избавлены и от общих бараков, до отказа набитых узниками.

Был избавлен от лагерных тягот и профессор минералог Николай Михайлович Федоровский. Он жил в комнатухе в здании горно-металлургического техникума вместе с профессором математики Фридрихом Генриховичем Шмидтом. Федоровскому было поручено чтение лекций по минералогии. А мне предложили читать курс кристаллографии на третьем курсе.

Федоровский выглядел старцем. Лицо много страдавшего человека, седая голова. Ходил медленно, слегка сутулясь, опираясь на палочку. Но был очень деятелен. Организовал при техникуме небольшой минерально-петрографический кабинет и минералогическую лабораторию, где проводил практические занятия учащихся. Снабдил наглядными пособиями свои лекции. Его педагогический дар казался мне феноменальным. Он был непревзойденным рассказчиком и организатором, всегда окружен молодежью. Я никогда не видела на его лице ни тени неудовольствия или раздражения. Легко и приятно было с ним работать. Это был человек высокой культуры, огромных знаний.

В 1949 году начался второй шквал сталинского разгрома. Многие из бывших политзаключенных вновь были посажены в тюрьму, иных направили в ссылки. Федоровского убрали из техникума и заключили в так называемый Торный лагерь с усиленным режимом, близким к тюремному. Его узники трудились исключительно на общих работах: котлованы, рудники, кайло и тачка. Все было под номерами. Колючая проволока под током высокого напряжения отгораживала горлаговцев от остального мира. Доходили слухи, что по состоянию здоровья Федоровского за зону не выводили, использовали в медпункте. Мне удалось выхлопотать разрешение, чтобы его на несколько дней под спецконвоем доставили в техникум — под предлогом, что необходима срочная

консультация минералога. Передо мной оказался одряхлевший старик. Бумлат, телогрейка, рубашка и брюки рваные, на ногах такие же бурки-чиз. За эти несколько дней мы дали ему возможность вновь почувствовать себя человеком.

В 1952 году зимой Федоровский был освобожден. Без посторонней помощи он передвигаться не мог. Мне приходилось держать его под руку и помогать оформлять документы в отделе кадров. Через некоторое время он несколько окреп и даже получил назначение в качестве вольнонаемного заведовать газовой лабораторией, подобрал нужных сотрудников. Но вскоре его разбил паралич. Ни говорить, ни писать он не мог, уложили в больницу. Я опекала его как могла, пока за ним не прилетела дочь из Москвы.

Все эти воспоминания входят осколком в мою грудь. Это жизнь не только Федоровского, Вашего отца, и им подобных, это жизнь миллионов советских людей. Это всенародная трагедия. Федоровский был член большевистской партии с ее основания. Я — дочь коммуниста-подпольщика, комсомолка двадцатых годов. Мне было тридцать три года, когда меня по надуманному обвинению заключили в одиночку НКВД.

Я благодарю судьбу за то, что дожилась до XX и XXII съездов партии. Мне приятно, что на Мавзолее вновь начертано только: ЛЕНИН. Радостно сейчас на душе у многих советских людей. Но от воспоминаний прошлого сердце вздрагивает.

Считаю за дорогой дар судьбы мне — встречи в условиях заключения с такими людьми, как Н.М. Федоровский, как Ваш отец. Мне приходилось быть в камере с родной сестрой Якова Свердлова Софьей Михайловной, спать на нарах с сестрами Плухачевского, женой Якира, работать с Николаем Николаевичем Урванцевым, профессорами Хохловым, Михаревым, с доктором минералого-петрографических наук В.П. Домивенским, крупным кристаллографом М.Н. Тодлевским и почти год сидеть в тюрьме с писательницей Галиной Серебряковой.

Сейчас я пенсионер, ушла на пенсию с должности старшего инженера обогатительной фабрики Норильского комбината, проработав там двенадцать лет.

*Ольга Максимовна Лобачева,
г. Семипалатинск, 1963 г.,
ул. Коммунистическая, 4.*

Из воспоминаний Елены Николаевны Федоровской.

На аэродроме наш самолет приземлился уже вечером, и в город я добралась в первом часу ночи. Около вокзала села в автобус в сторону Торстроя. Там на Севастопольской улице жила Ольга Максимовна Лобачева, с которой мы переписывались и у которой я должна была остановиться. Ольга Максимовна и ее муж очень тепло меня встретили, хотя до того, как впустить в квартиру, долго спрашивали через закрытую дверь, кто я. А так как я добиралась к ним больше часа и превратилась в сосульку, то никак не могла произнести внятно свою фамилию. Наконец, дверь открылась и меня провели в комнату, которая больше походила на сад: растения были всюду — на столах, полу, висели по стенам. В условиях Заполярья это казалось чудом. За окнами была и гремела пурга.

Когда я немного оттаяла, хозяева стали спрашивать меня о Москве, рассматривали справку о реабилитации отца, звонили по телефону своим знакомым, читали вслух эту справку. Все были взволнованы. Я была первым посланцем восстанавливающейся правды. И у меня создалось впечатление, будто я привезла светлую надежду и веру во что-то большее, хорошее.

Рано утром Ольга Максимовна поехала в больницу подготовить отца к нашей встрече. Их еще раньше, из Москвы, поздравили с его реабилитацией и предупредили, что кто-нибудь из родных приедет за ним.

Предосторожность Лобачевых, которые не сразу открыли дверь дочери Федоровского, легко понять. В это время грабители залезли через форточку

в комнату бухгалтерии, сторожа связали, ключей у него не обнаружили, и бандиты постучались в комнату на свет из окна... Назвались сотрудниками 3-го отдела. Инженер В.С. Домарев, недавно вызванный в Норильск А.П. Завенягиным, открыл дверь. В него несколько раз вонзили нож... Ольга Максимовна выскочила на шум, кричала на всю улицу, вызвала врачей, в операционной сидела до конца. Операция прошла удачно, да на финише митральный порок сердца подвел: Владимир Сергеевич Домарев скончался. Неудивительно, что после такой громкой истории Ольга Максимовна Лобачева так долго не открывала дверь своей гостье.

Елена Николаевна увидела своего отца после шестнадцати с половиной лет несвободы беспомощным, полупарализованным... Она привезла его в свою маленькую квартирку на Автозаводской улице. Ему вернули все права и звания. В тот самый институт, который он основал 31 год назад и который возглавлял 14 лет, зачислили заведующим сектором прикладной минералогии металлургии...

В августе 1957 года, находясь в отпуске, я с женой и детьми проплыл от Москвы до Мурома по Волге и Оке на пароходе. В Горьком на пристани купил областную газету – «Горьковскую правду», знакомую мне с детства; до войны

печатались в ней и мои заметки. Раскрыл и – о, радостная неожиданность! – на меня с газетного листа глянули знакомые веселые глаза, разлет бровей... Федоровский! Конечно, я знал его не таким, тут он был молод. Но глаза... глаза были те же! Портрет сопровождала большая статья «Революционер-ученый» за подписью К. Урлина. Николай Михайлович начал новую жизнь в городе, в котором полвека назад он устанавливал Советскую власть, о нем помнили, его знали... С этой встречи и начались мои исследования жизни и творчества Н.М. Федоровского.

К сожалению, долгие лагерные мытарства серьезно подорвали здоровье ученого... Николай Михайлович Федоровский скончался в Москве 27 августа 1956 года. Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья (ВИМС), основанный им, и сегодня носит имя своего создателя и первого директора. Минерал, открытый в 1977 году, носит имя Федоровского, улица в Талнахе на Таймыре названа в его честь. Носит его имя и набережная в Нижнем Новгороде. Он – создатель метода комплексного изучения полезных ископаемых и разработчик сырьевых баз для отраслей горной промышленности и классификаций полезных ископаемых по энергетическому признаку. Он заложил основы советского законодательства о недрах и является автором многих учебников по минералогии и полезным ископаемым. Николай Михайлович похоронен на Новом Донском кладбище в Москве. Все таланты Николая Михайловича Федоровского уместаются в одно слово – гений, и продолжают служить на благо его Родине.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аграновский Анатолий	38
Аграновский Валерий	165
Акимов Слава	333
Александрова Тамара	84, 190, 232, 279
Александрович А.	461
Алексеев С.И.	165
Алексеевский В.М.	403
Анисимов Л.И.	95
Антипов Н.К.	492
Аптекман К.	225
Аристов А.	463, 505
Аристов И.А.	490–491

Б

Баев А.А.	19
Баландин А.А.	403–411
Балуева Н.И.	76
Баркунов А.	227
Бартош А.М.	330
Бачулене-Лемешева Л.	219–220
Беленя Людмила	269

Битадзе М.А.	251
Богословский Никита	458
Бондарев А.И.	74
Бондаровский И.Э.	11
Борун Майя	333
Бударгин Олег	270
Бузунова Л.В.	335
Буре	19
Бурменская Елена	269
Бурменский Ю.	228
Бурухины	269

В

Важнов М.Я.	225
Вайнер Арон	489
Вайшенкер А.Г.	175, 502, 520
Вантруба	482
Вебер Г.В.	227
Верник Е.	331
Вершинины	251
Власов Владимир	13
Вождаева Инна	333
Волковы	251
Волосский Александр	269
Волох Д.А.	329

Вориводин А.	241
Воронова (Бударгина) Н.	270
Воронцов А.Е.	153, 262, 502
Всесвятский В.Н.	175

Г

Галушкина М.Е.	330
Гармаш Т.Я.	96, 228, 252, 512
Гарри А.Н.	422, 428, 520
Генебошвили И.А.	502
Гейнц Алексей	489–490
Гельц Макс	481
Гершунов Г.	333
Геталло Ю.	241
Гинзбург Л.Я.	508
Глазунов П.Е.	491
Глушаковы	420
Говоровы	251
Гогуа Г.	227
Гольдбрейх В.	337
Гончарова Татьяна	268
Горины	251
Готлиб	481
Готова В.Г.	330
Грамп А.Н.	508

Грамп Д.	333
Грек О.	166
Григорук А.	194
Гурченко	252
Гущинский Виктор	268

Д

Даниленко Ирина	174, 181
Данилов Л.И.	95
Дарьяльский В.А.	
Демидова А.	180
Джинар Карал-Оглы	333
Дмитриев Артур	268
Долгих В.И.	
Долгих Е.	271
Домников И.	42
Дроздов В.В.	189
Дроздова Н.М.	19, 218–219
Дрюцкий Володя	333
Дудник Е.	230

Е

Евзерова Инесса	333
Елисаветский	227

Елисеев В.А.	329
Ермилов Б.Ф.	169
Ерусалимский Ю.А.	175, 502

Ж

Жженов Г.	458
Жуковы	251

З

Завенягин А.П.	46, 177, 179, 400, 422, 443, 447–448, 460–506, 513
Завенягина Е.	177
Загарский В.С.	491
Зайчик Л.	270
Замятина Мила	333
Захаров Юрий	333
Зверев В.С.	56, 179, 491
Зеленин Макар	507
Зингер Н.Н.	443
Зуев	247

И

Иванова Нина	230
Ильин	401

Ильичев Леонид	268, 505–506
Ильницкие	251
Илюшина А.Д.	335

К

Казаринов	481
Каландарова А.А.	62, 163
Калюсский С.	333
Каманина Люба	335
Каракузин М.М.	504–505
Карпов Н.	228, 481
Карпова Н.	271
Карташов П.В.	449
Касап Ольга	270
Качурина И.М.	9, 421
Кашин А.	331
Киасашвили Иван	267
Кибалины	252, 271
Киреенко Ф.Т.	402, 407
Климов Е.А.	396–398
Климова К.И.	398
Климчук Людмила	268
Коган Лёня	335, 340
Колегов О.	271
Колесников Б.И.	219

Косарев А.	494
Косарева М.	483, 489
Кравец В.Е.	60, 104, 106
Кравцов В.	10
Кривобородов	227
Крупница В.Ф.	256
Ксинтарис В.Н.	227
Кугультинов Давид	458
Кудряшов В.	164
Кузнецов В.А.	71, 290–291
Кузнецов Ю.	10
Куриев М.	175, 520

Л

Лавриков А.К.	504
Лапин Ю.Д.	449
Лапинский Павел	333
Лебединский В.И.	19, 74
Легат Кирилл	268
Легков Г.И.	509
Легковы	512
Ледин Ю.Я.	225–226
Лесик В.	168–169, 173
Лимонов Григорий	10
Лисюк Борис	333

Лопатин И.А.	15
Лубков Г.Г.	513
Лукашевич О.Н.	400, 506
Лунев	505–506
Луцет В.	38, 172
Львова Г.	193–194, 230, 417

М

Мазалов Иван	507
Мамченко В.	458
Мансурова Леля	335
Мартынова В.Д.	77
Матвеев В.З.	257, 259–260, 262, 443
Матвеева Е.К.	262
Медведовские	335
Мелешкин А.	268
Мельников Н.	227
Мильчаков А.	458, 489, 494
Михайлов Д.И.	464
Москалев В.	104
Мураховская Валя	231

Н

Набиулин Алексей	267
Наговицына Надежда	165–166
Назаров И.П.	190
Непокойчицкий В.С.	153
Нетсев В.	164
Никитин	228
Никифорова М.	68
Новгородовы	251

П

Панасюк Л.	515
Панцерный	459
Перлов К.	228
Перфилов И.М.	19
Петренко	251
Печерская Л.Г.	184

Р

Ремейко Олег	334, 336
Ремишевский	228
Родионов Виктор	333, 420–421
Рожков П.И.	505

Розентул Г.И.	251
Ройтер Владимир	336
Русинов И.Н.	449
Русинова Т.	336
Рыбаковы	251
Рябчиков В.	271
Рябчиков Е.	74–75, 94

С

Савельев А.	496
Савичева Л.С.	329
Савчук И.А.	173
Сагоян П.О.	507
Самсонов Е.П.	329
Сапрыкин Г.И.	251, 507
Сапрыкина Галя	335
Сергеев С.	41, 170
Сердаков С.И.	504–505
Сечко И.	444–464
Ситникова Т.Г.	400–412
Смагин Сергей	267
Смолова Р.	241
Снегов С.	422–428, 517, 519
Содиков	489

Соловьев Александр	267
Сомин	505
Сороков Леонид	267
Сотников Александр	14, 17–18
Стадник О.	271
Старцева Юлия	267
Стеблянко Ю.	336
Стрельникова (Говорова) М.	270
Сухабаевский Юрий	270
Суханова Е.	270
Сухомлинов Б.Д.	329–335

Т

Тамми А.	469, 481
Тараканов А.	271
Тарасова-Винюкова	421
Тимофеев-Рисовский	177
Турунтаевы	252, 271
Трушин Ф.И.	491
Трушин Ю.	271

У

Урванцев Н.Н.	14–15, 36, 55, 95, 108, 247
Усанов П.	470, 482

Ф

Файзуллин И.	228
Федирко П.С.	16
Федотова А.А.	335
Федюха Ф.Р.	505
Французов Е.	12

Х

Ханжин В.Н.	79
Харин Ф.А.	503, 505
Харченко Г.И.	175
Херсонские	251
Хлопин	177
Хосин М.	469, 482

Ц

Царева Н.И.	328
Целикман А.	515

Ч

Чебуркин П.В.	429–434
Чернышев К.Н.	251

Чижик И.А.	504
------------	-----

Чижиков К.	241
------------	-----

Ш

Шамис И.А.	74
------------	----

Шевелев А.И.	74
--------------	----

Шерстнев	494
----------	-----

Шмидт Егор	507
------------	-----

Шмидт Ф.Б.	14
------------	----

Шустицкие	251
-----------	-----

Щ

Щеглов С.Л.	76, 78
-------------	--------

Ю

Юрченко Наталья	268
-----------------	-----

Юрьев В.Е.	507
------------	-----

Я

Ярошеня П.Р.	452
--------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Анатолия Львова 3

И это всё о нём — коллеги, друзья...:

Владислав Толстов: «Неизвестный Львов» 23

Тамара Александрова: «Гений места» 31

Татьяна Рычкова: «Львов — это авторитет» 51

Сергей Щеглов, Иосиф Шамис:

«Яркий летописец Норильска» 71

Станислав Сергеев: «Меня вызвал Таймыр» 80

«Заполярная правда», 27 января 1987 г.:

«По-здрав-ля-ем!» 90

Валерий Ронин: «Связной нашей памяти» 91

Тамара Орлова: «Слово о коллеге» 98

Валерий Кравец: «Местный писатель» 101

Владислав Толстов: «Умер Анатолий Львов» 110

Письма Трофима Яковлевича Гармаша

Анатолию Львовичу Львову:

Письмо первое 116

Письмо второе 126

Письмо третье 132

Письмо четвертое 144

Письмо пятое 145

Письмо шестое 146

Письмо седьмое 149

Письмо восьмое 155

Письмо девятое 159

Рассказывает Анатолий Львов:

Невероятные истории о Талнахе, Хрущеве

и роли КГБ в судьбе «Огней Талнаха» 163

Мысли вслух: «Я — Ваш болевщик» 175

Разговор у разрушенного барака 182

Анатолий Львов и норильское телевидение:

Анатолий Львов и норильское телевидение 187

Он в телестудии живет, программу детскую ведет 197

<i>Людмила Бачулене:</i>	
«Нганасаны... Олени... Северина...»	220
Анатолий Львов — в Нижний Новгород:	
Борису Платоновичу Козлову	224
<i>Галина Осинская (Георге):</i>	
«Солнечная сторона улицы»	229
И здесь Анатолий Львов	237
<i>Виктор Маскин:</i> «Уроки краеведения»	238

Интересные события **глазами Анатолия Львова:**

«Двадцать один год до XXI века»	245
«Девять дней одного лета»	253
«Листая старый паспорт, выданный в Кронштадте»	257
«Норильское взгорье. Воспоминания о будущем»	266
«Авиародственники»	272
«В Москве, на улице нашей»	274

«Снежгород-3»:

«Снежгород-1»	281
Норильск и норильчане	284
Путешествие в завтра	292
«Снежгород-2»	296
Малая Норильская энциклопедия	299
<i>Наталья Царева:</i> «Так начиналась школа»	328
<i>Олег Ремейко:</i> «Мы продолжаем дружить и встречаться» ...	333
<i>Маргарита Боярская:</i> «Невыдуманные рассказы»	355
НКВД	356
Невиновен	358
Эленида (Лида)	362
Становление	365
Пожар в Дудинке	367
Память о доме	372
Кукла	374
Кукольная мозаика	382
Огдо	387

Ложка дегтя	391
Евгений Хитрый (Евгений Арсентьевич Климов)	394

Из почты Анатолия Львова:

А.Л. Львову — из Вырицы Ленинградской области	400
А.Л. Львову — об академике Баландине.....	403
Из редакционной почты А. Львова	
Сам себя распял	413
Из Винницы, 9 марта 1973 г.	414
Письмо А. Вайшенкера, Киев	418
Строки из писем	420
«Прошло полсотни лет».....	422
Анатолию Львову — Павел Чебуркин из Тульской области	429
Неизвестный плен	430

Уроки истории:

Норильская история в документах: тридцатые годы	437
<i>Иван Сечко:</i> «Узник Норильлага»	444
<i>Анатолий Львов:</i> «Ночь над страной»	465
<i>Анатолий Львов:</i> «Александр Тамми из обкома комсомола»	471

Из архива Анатолия Львова:

<i>Анатолий Львов:</i> «Лето тридцать девятого»	499
<i>Анатолий Львов:</i> «О норильчанине Жаке Росси и настольной книге, которую он написал для нас»	517
<i>Анатолий Львов:</i> «ГУЛАГ: от А до Я».....	523
<i>Сергей Щеглов-Норильский (продолжение):</i>	
«В воспоминаниях ветеранов Норильска, подтвержденных крупными учеными, Н.Ф. Федоровский предстает удивительным, поистине редкостным творческим человеком с трагической судьбой»	533
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	560

Литературно-художественное издание

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Книга 13

**Редактор-составитель
Г.И. Касабова**

**Корректор
И.В. Сазонова**

**Компьютерная верстка
П.Н. Морозов**

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «ПОЛИМЕДИА»

143000, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.

Адрес электронной почты:
polymedia@list.ru

Подписано в печать 24.11.2015. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура SchoolBookC. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 18 печ. л.

Заказ № .

Тираж 600 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных файлов
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14